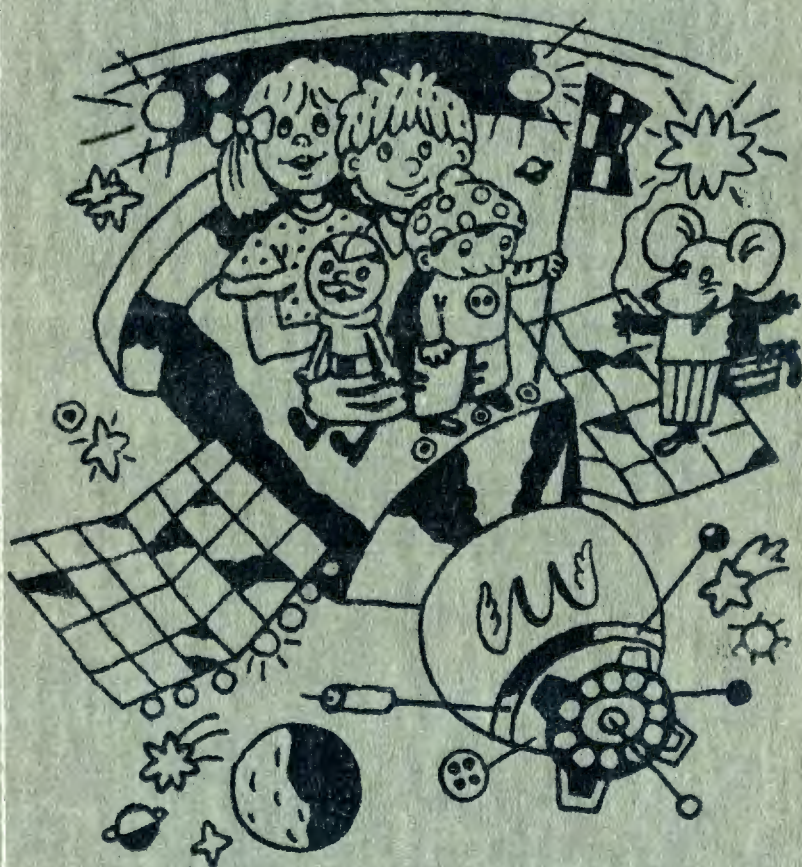

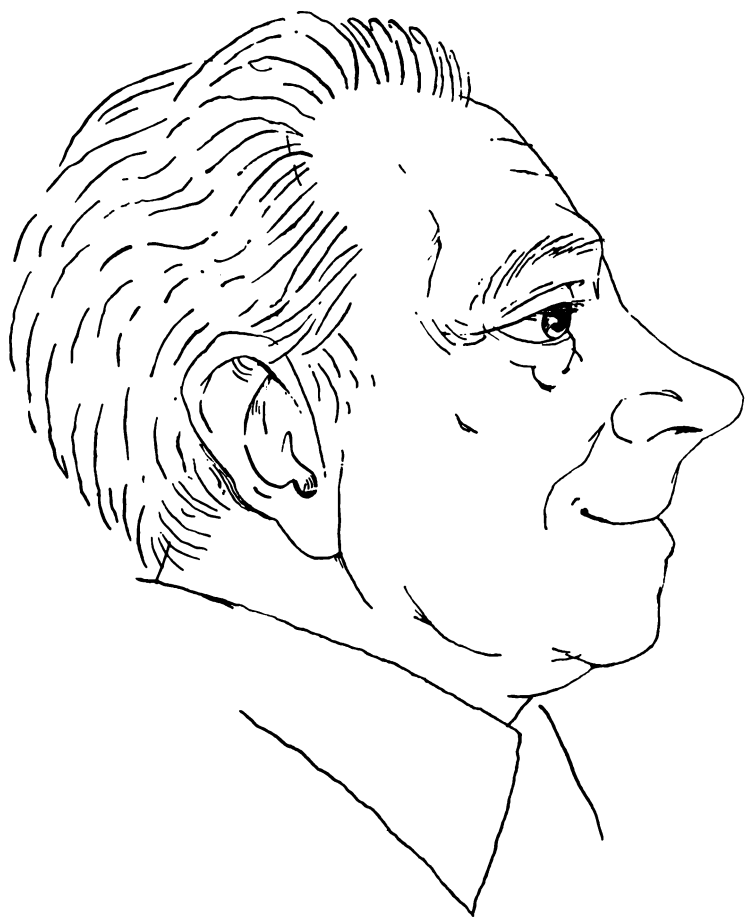
84Р6
4-114

ЕФИМ ЧЕПОВЕЦКИЙ

Непоседы

ЕФИМ ЧЕПОВЕЦКИЙ

Непоседы

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Стихи, сказки,
пьесы

Для младшего
школьного возраста

Предисловие
ВАДИМА ЛЕВИНА

Художник
ОЛЬГА РУБИНА

КИЕВ «ВЭСЭЛКА» 1989

ББК 84Р7
Ч44

В книгу
известного советского писателя
вошли избранные стихотворения,
полюбившиеся юному читателю сказки,
а также пьесы,
адресованные театрам для детей.

Ч $\frac{4803010205-043}{M206(04)-89}$ 64.89

ISBN 5-301-00433-6

© Издательство «Вэсэлка»,
1989, художественное
оформление

Я ЗАВИДУЮ ТЕБЕ, УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ,

если ты недавно научился читать и впервые взял в руки книгу, на обложке которой написано «Ефим Чеповецкий». Завидую, потому что знаю: теперь ты одно за другим начнёшь совершать важные и приятные открытия. Первое из них ты уже сделал: ты открыл эту книгу. Поздравляю тебя, первооткрыватель! А через несколько страниц ты обнаружишь, что где-то поблизости (может быть, прямо на твоей улице) живут забавные и необычные игрушечные человечки. И ты узнаешь, как из пружинного мальчика Непоседы, вполне «самостоятельного» (потому что умел сам стоять), из «самосидельного» деревянного упрямца Нетака, из «самолежательного» сони и лежебоки пластилинового Мякиша в дальнем походе «выросли» очень разумные и умелые человечки.

Ты познакомишься с шахматным солдатом Пешкиным, «наголо бритым, в атаках битым, победами знаменитым»; с весёлым и умным мышонком Мыцыком; увлечёшься всеми необыкновенными событиями и сам не заметишь, как научишься понимать сказочный язык животных, птиц, бабочек и даже пауков.

А ещё ты откроешь, что в сказках и стихах этого писателя попадают слова, которых ты раньше в жизни не слышал, но сразу узнал их, как будто они твои старые знакомые. Ведь ты прежде не встречал слов «и з ю м и т е л ь - н е е» и «м ы л е е», правда? Но тебе, я уверен, сразу стало ясно, что на свете нет ничего

«изумительнее изюма, мылее мыла, прочтительнее книжек и писательнее тетрадок...».

А когда дочитаешь книгу до конца, то сделаешь ещё одно важное и приятное открытие — поймёшь, что открыл для себя умного, доброго и весёлого друга, сказочника, поэта и драматурга Ефима Петровича Чеповецкого, с которым пойдёшь рядом от игры к сказкам и стихам, от них — к повестям и пьесам, к большому искусству и большой жизни.

Я РАД ЗА ТЕБЯ, УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ, если ты давно умеешь читать и уже встречался со сказками, стихами и пьесами, которые собрались теперь под одной обложкой. Не сомневаюсь, тебя обрадует новая встреча с полюбившимися произведениями. Ведь перечитывая их, ты неожиданно для себя заметишь, что стал старше. В знакомых сказках и стихах ты откроешь то, что они прежде от тебя «прятали», и догадаешься, что их автор не только весёлый, но и лукавый человек. Он вроде бы на потеху тебе и себе сочиняет небылицы про игрушки и зверей, а на самом деле рассказывает правду о людях.

В озорных чихах и лъвятах, в комичных ленивцах и непоседах ты узнаешь себя и своих товарищей, но вовсе не обидишься, ибо лучше разглядишь и смешные черты, и качества, достойные уважения.

Писатель будто бы беззаботно шутит, а на самом деле серьёзно размышляет с тобой о важных вещах. В сказочной повести «Крылатая звезда» ты вместе с её героями Павликом, Тимкой и девочкой Зорей на ракете их мечты осуществишь космическое фантастическое путешествие на сказочную звезду, станешь участником и свидетелем необычных приключений, и при этом,

убеждён, улыбка не покинет тебя до самой последней страницы.

Ты встретишь здесь знакомые стихи:

Дружно тянут по аллее
Цирковой фургончик
Папа пони,
Мама пони
И сыночек пончик...

Раньше, когда ты был читателем совсем юным, ты только улыбался шутке, неожиданному слову «пончик». А теперь, надеюсь, понимаешь, что писатель передал тебе тёплый взгляд, каким он смотрит на мир, на маленьких тружеников, на дружбу и доброту. И тебе откроется, что эти стихи учат ещё и юмору, приучают ценить и любить родное слово и, наверное, несут в себе ещё много тайн, которые тебе предстоит открывать и открывать:

Разноцветный пластилин
Над тобой не властелин:
Он и пластилинится,
Он и пластиленится,
Сядет — не подвинется,
Ляжет — не отклеится...

Я РАДУЮСЬ ВМЕСТЕ С ВАМИ, УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ, если вы — мама, папа, бабушка или, как я, дедушка. Потому что с помощью этой книжки мы сможем убедиться в том, что не совсем забыли своё детство и способны понять своих детей и внуков. Эти сказки, стихи и пьесы вызовут из глубины нашей памяти первые жизненные впечатления, вернут нас к истокам наших сегодняшних привязанностей и взглядов. Поэт и сказочник поможет нам увидеть самих себя глазами ребёнка, может быть, над чем-то в себе посмеяться, что-то в себе изме-

нить в отношении к младшим, вместе с ними пофантазировать, помечтать, порой погрустить, но и порадоваться жизни.

Эта книга написана для самых разных состояний души ребёнка и взрослого, чтобы помогать этим душам сближаться и обогащаться друг от друга. Но она — далеко не полное собрание сочинений многогранного художника — прозаика, поэта, драматурга, педагога, литературного и театрального критика. В этот сборник не вошли многие известные стихи, песни из пьес и мультфильмов (скажем, о знаменитом капитане Врунгеле), повести, пьесы оригинальные и переложённые им в пьесы знаменитые сказки Доктора Сьюза и Дональда Биссета. Не вошли сюда и те произведения, которые автор этой книги пока не написал, но непременно напишет, так как переполнен новыми замыслами и стремлением их воплотить.

Пожелаем же мудрому фантазёру, изобретательному сказочнику, весёлому педагогу и доброму человеку Ефиму Петровичу Чеповецкому побольше здоровья, сил и хорошего настроения — на радость нам, его читателям всех возрастов.

Вадим ЛЕВИН

Непоседы

НЕПОСЕДА, МЯКИШ И НЕТАК

Сказка-повесть
в двух частях

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
*без которой эта история
не имела бы начала*

Знаешь ли ты, для чего в школах на дверях каждого класса висят таблички: «1-й «А», «3-й «Б» или, скажем, «10-й «В»? Я думаю, это для того, чтобы ученики первых классов не ходили в десятый, а десятого — в первый. Впрочем, кто со мной не согласен — пусть поднимет руку и скажет, что думает он.

Так вот, в одной школе была комната, на дверях которой не было написано ни «1-й класс», ни «3-й», ни «Учительская», а висела табличка, на которой разноцветные буквы как бы сами говорили:

МАСТЕРСКАЯ «УМЕЛЫЕ РУКИ»

Как раз тут вы могли бы встретить ребят и первого и десятого классов, потому что, если верить слухам, которые на переменках ходили и бегали по школе, комната эта считалась самой интересной. Там на столах и полочках стояли самодельные машины, грозно рычали тряпичные львы и прямо в рот просились глиняные фрукты. А на самой верхней полке, в трюме парусного фрегата, жили три мальчика. Они были совсем как живые, и единственное, что отличало их от настоящих, — это то, что они были ненастоящие.

Правда, сами они считали себя живыми и настоящими, но об этом никто не знал.

Все три мальчика были игрушечные. Один был сделан из тонких пружинок. Руки из пружинок, ноги из пружинок и даже ёжик на голове — из пружинистых волосков. Конечно, этот мальчик никогда не мог находиться в покое. Подумайте сами, ведь он был сплошной пружиной! Бывало, начнёт прыгать через прыгалку, а остановиться не может — пружинки не дают. Ну, а усидеть на месте и подавно не проси.

Пришлось его так и назвать: *НЕПОСЕДОЙ*.

И была у него своя собственная песенка, которую он пел даже тогда, когда его не просили. Вот она:

Сама, сама под ножки
Бежит, бежит дорожка.
Бегу, лечу — везде хочу поспеть!
Я рад побыть на месте,
Но как могу я, если
Не в силах я на месте усидеть?
И ножки из пружинок,
И ручки из пружинок —
На солнышке сверкают, как огни...
Сама, сама под ножки
Бежит, бежит дорожка...
Попробуй Непоседу догони!

Второй мальчик был совсем другой. Он был сделан из пластилина. Круглый, толстый и очень нежный. В морозный день каменел так, что рук не разнять. А в жару становился мягким и липким — ног от пола не отодрать. Да и связываться с ним не смей — увязнешь. И до того ленив, что слова не вытянешь.

Но уж если скажет, то обязательно умное, потому что времени на размышления у него было

более чем достаточно. Бывало, придумает что-нибудь интересное, захочет об этом сказать:

— Эй, ребя, а что я зна...

— Что, что? — спросят его.

— Э-э-э... а-а-а... по-осле скажу,— и зевнёт напоследок. Сплошной мякиш какой-то.

Так и прозвали его: *МЯКИШЕМ*.

И у него была своя песенка — песенка-зе-валка. Но пел он её редко, в перерывах между сном, когда переворачивался с боку на бок. Послушайте, какая она:

Заболят бока — на спину
Повернусь я не спеша,
Ведь спина из пластилина,
Как подушка, хороша.
Помечтать люблю я очень,
В промежутках — позевать,
Лишь одним я озабочен:
Был бы день короче ночи,
Чтобы мог подольше я дрема-а-ать.

А третий мальчик был не похож ни на первого, ни на второго. И всё потому, что был сделан из очень твёрдого сучковатого дерева, которое не всякая пила возьмёт. Весь какой-то неотёсанный, угловатый, брови всегда нахмурены, и всё делал не так, всё — наоборот. Скажут ему: «Сядь!» — он встанет. Скажут: «Иди!» — он стоит. Если хорошо — говорит «плохо», если плохо — говорит «хорошо», и всегда любил приговаривать «не так» да «не так».

Так и прозвали его: *НЕТАКОМ*. Лучше не придумаешь, сколько ни думай.

Конечно, и у него была своя песенка — песенка-наоборотка, и пел он её своим деревянным, трескучим голосом всегда невпопад, чаще всего, когда другие спали. Послушайте и её:

До чего смешной народ —
Всё везде наоборот:
За столом сидят, едят,
Почему-то ночью спят,
По траве и мостовой
Ходят кверху головой.
Кто ж к порядку призовёт?
Всё везде наоборот.
Только раки ходят верно —
Ходят задом наперёд.
Вот!

Хотя мальчики не умели ни читать, ни писать, всё же неучами их назвать нельзя было: ведь они имели дело только с образованными людьми — учениками третьего класса!

Правда, считать игрушечные мальчики умели только от двух до пяти, потому что меньше двойки и больше пятёрки в этой школе никому не ставили. Зато они отлично знали, как устроена рогатка, отчего в дневниках вместо двоек бывают дырки и почему в арифметические задачки, туда, где стоит решение, попадают самые разлапистые и хвостатые кляксы. Всё это они знали потому, что у ребят от них никаких секретов не было. Уж кто-кто, а игрушечные мальчики умели держать язык за зубами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приключения начинаются

Как-то утром, когда жаркое июньское солнце заглянуло в комнату и разбудило игрушечных мальчиков, они не узнали школы. Произошло что-то непонятное: из коридоров не доносились

крики, в классах не хлопали крышки парт, ни одна дверь не прищемляла девчоночьих кос и ни одна чернильница... Впрочем, это уже неважно. Важно то, что всю школу заполнила тишина, необычная и непонятная.

— Что, что? Что случилось? — в испуге запрыгал Непоседа. — Может, братцы, я оглох? Или мне в уши попала вата?.. Нетак, а ну загляни-ка!.. Да не в нос, а в ухо, сюда...

— Там дырка, — пробурчал Нетак, ковырнув пальцем в ухе приятеля. — А должна быть вата!

— Ты меня слышишь? — закричал Непоседа.

— Нет.

— Почему?

— Не хочу.

— А ну скажи «А»!

— «Б», — сказал Нетак и высунул язык.

— Но я же всё слышу, — обрадовался Непоседа и бросился целовать деревянного друга. — Это, наверное, ребята перестали в коридорах бузить.

— Нет, не перестали! — рассердился Нетак, потому что сам был отчаянным шалуном.

Мякиш тоже хотел что-то сказать, но передумал, а поскольку рот уже был открыт — зевнул. Не пропадать же работе!

Всё стало ясно, как только открылась дверь и в комнате показались щётка и тряпка, а следом за ними вошла уборщица тётя Глаша. Они всегда ходили вместе, потому что без тёти Глаши ни щётка, ни тряпка ничего не хотели делать.

Старая уборщица была женщиной строгой, дисциплину и порядок уважала больше всего. Никто из учеников не помнит, чтобы тётя Глаша скакала по партам или стреляла из рогатки, никто не видел у неё на лбу или под носом чернил. Сама же она сторожу дяде Егору говорила: «Будь я здесь директором школы, все эти мур-

зилки-мазилки ходили бы у меня как шёлковые, как по тетрадожке в косую линеечку!..» Да что говорить, тётя Глаша отлично видела всё.

Так вот. Поставила она в угол свою старую, облысевшую щётку, распахнула окна, двери и сказала:

— Ну, слава богу, уехали!

— Кто уехал? — спросили мальчики.

Тётя Глаша посмотрела на полочку, где жили малыши.

— Ах, это вы! — вздохнула она. — Уехали, уехали ребята в лагерь. А вас, бедняжек, оставили. О-хо-хо! — и, взяв в руки Непоседу, щёткой прочистила его пружинки.

Нетак она протирать не стала — взяла его в руки и тут же бросила, потому что в палец засела заноза.

— Ну и шершавый! — покачав головой, сказала она и принялась выбивать пыль из парусов старого фрегата.

— А как же мы? Как же мы? — кричал Непоседа. — Это нечестно: уехать в лагерь и не взять нас с собой! Они не имели права! Ведь мы совсем незаконченные!..

Тётя Глаша не видела, законченные они человечки или незаконченные. Но это была чистая правда.

Посудите сами. У Непоседы не хватало одного винтика, который должен был скреплять между собой пружинки рук и ног. Поэтому на его железном животе, как раз там, где у школьников бывают пряжки от поясов, виднелась дырка с резьбой. Конечно, без такого важного винтика всякий Непоседа за лето может совсем разболтаться.

А деревянный Нетак?

Этот был весь из одних сучков и задоринок — просто неотёсанный мальчишка. К нему

нужно было как следует приложить руки и отшлифовать. Ну, а Мякиша и вовсе оставили недолепленным. Одного уха не хватало, правая нога короче левой.

— Что же тут поделаешь! — приговаривала старая уборщица, переставляя мальчиков с места на место, чтобы тряпкой получше продраить палубу фрегата. — Каковы мастера, такова и работа!

Мякиша тётя Глаша разглядывала дольше других, потому что на его животе были нацарапаны какие-то слова. Уборщица повертела пластилинового толстяка перед глазами, а затем прочитала вслух:

РАБОТА ПЕТИ МАМИНА-ПАПИНА РУКАМИ НЕ ТРО...

Больше на животе ничего не поместилось, поэтому «...гать» залезло на спину.

Тётя Глаша поставила Мякиша на место и сама у себя спросила:

— Это кто же такой Мамин-Папин?.. Не тот ли самый Петя, которого в лагерь не отпустили? Ну и странная же у него фамилия: Мамин-Папин! Стало быть, по папочке он Мамин, а по мамочке — Папин! — объяснила сама себе тётя Глаша и, вздохнув, добавила: — Несчастный ребёнок!

«Несчастный ребёнок»? С этим Непоседа, Мякиш и Нетақ не хотели согласиться.

Какой же он несчастный, если его каждый день в школу привозили на папиной машине! Завтраки ему с собой давали такие большие, что они занимали весь портфель и тетради приходилось привязывать сверху. Съесть такие завтраки было нелегко, но, по мнению Мякиша, это не такая уж беда. Он-то всегда с завистью

поглядывал на Петины бутерброды и куриные ножки, которые торчали из портфеля...

Так они думали о Пете, пока с шумом не упала на пол тёти Глашина щётка. Тут они вспомнили, что сами покинуты, забыты в пустынной, пыльной и душной комнате. Оставлены незаконченными человечками. Надо было прежде позаботиться о себе.

— Что же нам теперь делать? — спросил Мякиш.

— Бежать! — звякнул Непоседа.

— А ку-уда?

— В пионерский лагерь, к ребятам!

— Куда? — переспросил Нетак и, поднявшись на носки своих башмаков, посмотрел на улицу.

Непоседа и Мякиш сделали то же самое. Теперь все трое молчали и думали: «Бежать? Самим?.. Но как же так?»

Ведь всю свою жизнь они прожили в этой комнате, и что делалось там — во дворе, на улице, в большом шумном городе, — они не знали.

Тётя Глаша всё ещё продолжала уборку: она подметала пол, вытирала подоконники и заодно тщательно перемывала косточки школьным шалунам. Она любила поворчать, но всё же была женщиной сердечной и незлой. Игрушечные мальчики знали это и считали, что её доброе сердце сделано не иначе как из пластилина. Однако при ней бежать не решались. Они подождали, пока тётя Глаша закончила работу, взяла щётку и тряпку, вышла из комнаты, закрыла дверь на ключ, дважды повернув его в замке, и лишь потом...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*из которой вы узнаете,
что было потом, и о том, как началось
путешествие наших героев*

— В поход! Вперёд! — нетерпеливо заорал Непоседа и побежал. — За мной, друзья!

— А может, не стоит... — протянул Мякиш. — Ведь в дороге поспа-а-ать не-е-е... — И он зевнул так, что подбородок приклеился к шее.

— Тебе бы только дрыхнуть! — возмутился Нетак и помог Мякишу закрыть рот.

Тут все трое перегнулись через борт фрегата и посмотрели вниз. Да, легко сказать «вперёд», а как сойти с верхней полки? Как выйти из комнаты, двери которой дважды заперты на ключ?

Этого никто из них не знал.

Но нет таких положений, из которых нельзя найти выхода. Непоседа почесал свои волосы-пружинки, звонко хлопнул себя по лбу, хитро подмигнул и показал на старого паука, который снимал угол с ними по соседству. Жирный паук спал в гамаке из собственной паутины и переваривал завтрак.

— Есть выход! — сказал Непоседа. — Надо разбудить его! Ну-ка, братцы, крикнем что есть силы! Раз, два, три!

И все трое закричали и затопали по палубе своего фрегата. Паук заворчал, зашевелился и сказал своим липким, тягучим голосом:

— Эй, там! Чего расшумелись? Вы мне всех мух распугаете!

— Простите! — вежливо расшаркался Непоседа. — Мы не знали, что вы отдыхаете.

— «Не знали»! — сердито пробурчал паук и хотел перевернуться на другой бок.

Но Непоседа снова вежливо сказал:

— Разрешите, уважаемый сосед, задать вам всего один-единственный вопрос!

— Какой ещё вопрос?

— Верно ли говорят, что ваша паутина самая прочная в мире?

— Ещё бы! — пробасил паук. — Её даже тётки Глашина щётка не берёт!

— Ключуло! — шепнул друзьям Непоседа и тут же крикнул: — Ой, что-то не верится!

— Да как ты смеешь говорить такие слова?

Голос и вид у паука стали такими грозными, что игрушечные мальчики не на шутку перепугались.

— Н-не в-верится, — дрожа всеми пружинками, храбро сказал Непоседа. — Не-е имели счастья убедиться в этом.

— Хотите убедиться?

— М-мы бы с удовольствием. Е-если вам нетрудно, то протяните свою паутину от нашей полки до окна, а м-мы по ней пройдем. Если не порвётся — значит, самая прочная. И мы всем, всем на свете об этом расскажем!

Паук, довольный словами Непоседы, почесал сразу тремя лапами затылок и ловко вывалился из гамака... По старой паутинке он взобрался на полочку и тотчас же начал тянуть новую паутинку к раскрытому окну. Добравшись до него, он протрубил:

— Ну, валяйте! — и, присев на подоконник, гордо скрестил на груди семь лап (восьмую он потерял в схватке с воробьём, который по ошибке как-то залетел в их комнату). — И не таких великанов выдерживала моя паутина!

Мальчикам только это и нужно было.

Вооружившись лепестками от самодельной розы, которая валялась тут же на полке, и балан-

сируя ими, как цирковые канатоходцы веерами, они пошли по паутине.

Впрочем, не у всех это выходило гладко. Непоседа и Нетак могли хоть танцевать на этом канате — у них подошвы были твёрдые, а вот увесистому Мякишу паутина врезалась в пластилиновые тапочки и не отпускала их. Застрял Мякиш на середине пути. Хорошо, что паутина могла растягиваться. Непоседа и Нетак добрались до окна и стали тащить её к себе и тянули до тех пор, пока Мякиш не оказался на подоконнике.

— Ну как? — спросил паук.

— Отличная паутина! — развёл руками Непоседа. — На пятёрку!

— Гы! — довольно усмехнулся паук. — Теперь платите по мухе за переправу.

— Даже по две, — согласился Непоседа. — Только прежде мы спустимся вниз.

Не успел паук спросить: «Куда?» — как все трое полетели вниз, прямо во двор, и шлёпнулись на землю. Хорошо, что упали на мягкую песочную горку.

— Эй, эй! — крикнул паук. — А кто платить будет?

— Деньги получишь в четверг на большой перемене! — крикнул Нетак.

— С тебя ещё причитается! — добавил Непоседа. — Ведь мы всем расскажем, что прочней твоей паутины и глупей тебя во всем мире не найти... Ура! Путешествие продолжается! — И он потянул друзей вперёд.

Но тронуться с места им не удалось: Мякиш держал их, как якорь.

— Ты что? — спросил Нетак.

— Я-то ничего, но вот... — и Мякиш указал на свои ноги.

Правая нога от падения сплющилась и стала ещё короче, чем была.

— Полторы ноги,— почесав затылок, сказал Непоседа.— С такими разными ногами далеко не уйдёшь.

— Далеко не уйду! — всхлипнул Мякиш.

— Без мастера не обойтись,— скрикнул Нетак.

— Не обойтись! — плакал Мякиш.

— Стой! — подпрыгнул Непоседа.— А ведь твой мастер — Петя! Он же в городе, никуда не поехал!

— К Пе-ете! — радостно запищал Мякиш. Он хоть и был изуродован по Петиной милости, но всё же был предан ему всем своим пластилиновым сердцем.— К Пете!

И даже Нетак, который всем и всегда возражал, крикнул:

— К Пете!

И путешественники побежали к воротам.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

*из которой вы узнаете, какие препятствия
встали на пути к Пете*

— Стой! — крикнул вдруг Нетак.— Нужно ходить не так — нужно ходить строем!

Это предложение всем понравилось. Непоседа скомандовал:

— Становись! — И тут же добавил: — Чур, я первый! Я — командир!

— Нет, не так,— сказал Нетак.— Я — первый!

Только Мякишу было всё равно, где стоять. Но как же всё-таки построиться?

Непоседа знал, что Нетака не перетáкать. Он почесал за ухом и сказал:

— Ладно, становись первым, а я пойду последним.

И они построились. Первым стал Нетак, в затылок ему — Мякиш, а последним — Непоседа.

— Пошли! — раздалась команда. — Вперёд!

Нетак, конечно, пошёл назад, Непоседа — вперёд, и ни тпру ни ну, ни назад ни вперёд!

— Ах! — вскрикнул Непоседа.

— Ох! — вздохнул Нетак.

— Эх! — пропищал Мякиш.

Произошло то, что происходит всегда, когда в строю находятся непоседы, мякиши и нетаки. Металлический и деревянный столкнулись с пластилиновым другом и так прилипли к нему, что не смогли сдвинуться с места. Добрых полчаса отклеивались они от Мякиша: одну руку оторвут — другая пристанет, одну ногу отклеят — другая увязнет. И пока все трое отклеивались друг от друга, Мякишу так намяли бока, что он даже на себя стал не похож — какая-то бесформенная картошка.

— Иди, Мякиш, последним, а я буду вторым, — сказал Непоседа, вправляя на своё место вывихнутую в свалке руку-пружинку.

— Нет, я буду вторым! — заупрямился Нетак.

Непоседе этого только и надо было. Он стал первым и начал командовать:

—левой, правой! Раз, два! Раз, два!..

И путешественники наконец двинулись в путь. Правда, Нетак всё время нарушал команду: он ходил не левой-правой, а правой-левой и при этом приговаривал: «Два, раз! Два, раз!»

Пока солнце пекло, Мякиш всё время отставал. Тапочки его то и дело прилипали к земле, отрывались, и ему приходилось возвращаться и подбирать их. Хорошо, что солнце спряталось за тучку, подул прохладный ветерок, и Мякиш

перестал таять и прилипать ко всему, что встречалось в пути.

Непоседа и Нетак тоже чувствовали себя инвалидами. У Непоседы ослабли винтики, ему приходилось всё время придерживать свои вихляющие ноги, а Нетаку — остерегаться, чтобы не зацепиться за кого-нибудь своими сучками и заусеницами.

Трудно жить на земле незаконченным игрушкам! Им поскорее хотелось встретиться со своими мастерами. Умелые руки сделают всё необходимое, отремонтируют их, и они станут выносливыми, красивыми, прыгучими и сильными.

От этих мыслей на душе у человечков стало радостно и весело. Маршируя, они прошли школьный двор и очутились на большой шумной улице. Для них это был новый, неизвестный ещё мир.

По широкой мостовой катили разноцветные автобусы, сломя голову мчались легковые автомобили и мотороллеры, грозно мигали светофоры, а по тротуарам ходили толпы людей и бегали вихрастые сорванцы с футбольными мячами под мышками.

Непоседа, Мякиш и Нетак бодро шагали вперёд, а идти помогала весёлая песенка, которая сама пришла им на ум:

Идёт дорога длинная,
Не кончится никак,
Шагает пластилиновый,
Наш Мякиш пластилиновый,
А впереди Нетак.

Но всё же получается
Немножечко не так,
Поскольку, выясняется,
Не первым, выясняется,—
Вторым идёт Нетак.

А первый, выясняется,
Умчался далеко,
Поскольку догоняется,
Поскольку догоняется
Он очень нелегко.
За ним устанешь следовать,
Пружинка — чемпион,
Ведь это Непоседа ведь,
Ведь это Непоседа ведь,
Ужасный ветрогон.

Высокие дома смотрели на людей широкими
глазищами витрин, а когда солнце выглядывало
из-за белых облаков, витрины сверкали так, как
будто за каждой из них зажигалось своё собствен-
ное солнце.

А ведь каждая витрина была кладовой чудес,
гляди не наглядишься: барабаны, гармошки, часы,
удочки, дудки, рогалики с маком... всего не пере-
честь. Было тут от чего глазам разбежаться. Да-
же Мякиш забыл о своей короткой ноге, из-за кото-
рой сильно хронал. Не вспоминал он и о Пете.

Непоседа не пропускал ни одной витрины,
если видел в ней велосипеды, самокаты и роли-
ковые коньки. Мякиш прилипал к стёклам, за
которыми стояли мягкие кресла и диваны, а Не-
так сопел и возмущался, почему не продают
горячее мороженое, солёные конфеты, мягкие
сухари и сани на колёсах.

То и дело приходилось им останавливаться.
А впереди, на углу большой площади, сияла и зва-
ла к себе вывеска магазина детских игрушек.
К ней и направились Непоседа, Мякиш и Нетак.

Но здесь нам придётся на время оставить на-
ших путешественников и поближе познакомиться
с Петей, который по папочке Мамин, а по мамоч-
ке Папин, с тем самым Петей, который неиз-
вестно почему не поехал в пионерский лагерь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Петя, мама, папа и капризит

Оказывается, Петя был тяжело болен. Он упорно отказывался от сорок пятой ложки супа, от четвёртой котлеты, от третьей куриной ножки. А от манной каши, которую ему трижды в день подавала сама мама, он даже отбивался ногами.

Ни один доктор не мог определить Петиной болезни, а мама уверяла, что у Петеньки новая, ещё никому не известная болезнь, причём в самой тяжёлой форме. Только одна домработница Дуся давно определила его болезнь. Она сказала, что у Пети обыкновенный капризит, да ещё с вѣбрыками.

У Пети был жѣсткий постельный режим, который состоял из четырёх пуховых подушек и двух одеял верблюжьей шерсти. Лечили его тридцатью сортами сдобных булочек и всевозможными сладкими кашами. От этого щѣки больного розовым тестом растекались по наволочке и сам он напоминал пятую подушку.

Конечно, простым способом так раскормить человека нельзя было. Тут применялись особые новейшие средства.

Дело в том, что Петин папа был известным в городе изобретателем. Поэтому дома по распоряжению мамы он совершенно бесплатно конструировал прекрасные автоматы, которые сами кормили Петю. Самокормящие автоматы!

У постели больного как раз стояла одна такая машина. Это была новейшая папина конструкция. На её белой крышке большими буквами было написано «ПУП». При расшифровке это слово обозначало: «Полуавтомат Усиленного Питания».

Машина считалась полуавтоматом, потому что подавала пищу в неразжёванном виде. Множество всяких рубильников, переключателей и колёсиков говорило о её сложности. По измерительным приборам, которые шевелили стрелками, всегда можно было узнать количество каши, её температуру, сладость. Была и такая стрелка, которая заранее показывала, что дадут на третье блюдо. Кроме того, во время кормления машина на кастрюлях и бутылках исполняла «Чижик-пыжик».

Но самым главным орудием в этом механизме были три длинных никелированных рычага, похожих на руки. На конце одного рычага была закреплена столовая ложка, на конце другого — вилка, на конце третьего — литровая чашка. Автомат приводился в движение пылесосом и стиральной машиной. Пете не нужно было даже поднимать головы и открывать рта — всё делалось само. Бедный Петя!

Вам, наверное, хотелось бы знать, почему так печально сложилась Петина судьба? Отчего и когда он заболел этой ужасной болезнью?

Расскажем по порядку. Возьмём простую азбуку и по пунктам А, Б, В... изложим Петину биографию.

А) Первые шаги

Честно говоря, до трёх лет Петя ходить не мог. Ему не разрешали. Ножки могут погнуться, и ребёнок на всю жизнь останется кривоногим. Но зато уже с четырёх лет он был отличным наездником. Каждый день перед завтраком, обедом и ужином он совершал верховую прогулку. Как только на стол ставили дымящуюся тарелку каши, папа или дедушка надевали красную

уздечку с колокольчиками и становились на четвереньки. Петя смело садился верхом.

— Но-о! — кричал он и молотил пятками своего скакуна. — Но-о, миленькие!

Мама тоже подбадривала коней:

— Ещё кружок! Ещё! Смотрите, ребёнок цветёт от счастья!..

Петино «Дай!» и «Хочу!» стало в доме законом. Петя ездил верхом на ком хотел и когда хотел.

Б) К о р м л е н и е

— Главное в жизни — питание, — говорила мама. — От рыбы — ум, от каши — сила, от масла — ловкость! Еда — лучшее средство от болезней!

Поэтому мама завела специальную библиотеку по вопросам кормления ребёнка. На полках стояли толстые книги с вкусными названиями:

СТО КАШ ДЛЯ ПЕТЬ И МАШ.
КОМПОТЫ ДЛЯ СУББОТЫ.
СЕМЬ БЕД — ОДИН ОБЕД и
ДОРОГА ЛОЖКА К ОБЕДУ.

В квартире жили киска, по прозвищу Сосиска, и пёс породы эрдель, по имени Сардель. Имена эти они получили потому, что кошкин хвост напоминал Пете сосиску, а куций и толстый хвост собаки — сардельку.

В) П е т и н а а з б у к а

Пришло время обучать Петю азбуке. К этому торжественному дню мама готовилась очень старательно. Разрезная азбука и азбука в кубиках

были спрятаны в шкаф. Какие могут быть игры во время еды?

Три ночи просидела семья за сочинением специальной «питательной» азбуки.

В воскресенье за завтраком приступили к первому уроку.

Пете показывали букву «А» и хором говорили: «Ам!»

Петя открывал рот, чтобы тоже сказать «Ам», а ему в рот всовывали ложку с кашей. Подносили ко рту булку и хором кричали: «Бэ-э-э!» Давали на закуску грушу и гоготали, словно гуси: «Ге-ге-ге!»

Поэтому, когда Петя впервые поехал в школу и учительница в классе спросила: «Дети, кто из вас уже выучил азбуку?» — Петя Мамин-Папин встал и пропел:

Ам,
Булка,
Вилка,
Груша,
Дыня
Ел,
Жаркое кушал,
Землянику
И
Картошку,
Лук,
Морковочки
Немножко,
Огурцы и
Помидоры,
Рыбу,
Сало,
Теста горы...—

и так до самой последней буквы «Я».

Г) У с а т ы е   с л о в а

Петино здоровье оберегалось всеми средствами медицины. Каждое утро ему ставили сразу два градусника (под правую и под левую руку) и разглядывали язык через увеличительное стекло.

Когда же припадки капризита были очень сильными, Петя требовал немедленно доставить ему домой живого слона.

Мама тотчас же посылала папу в зоопарк за слоном, но папа всегда возвращался с пустыми руками.

Врачи и профессора стали в доме Маминых-Папиных ежедневными гостями. Они заставляли Петю высовывать язык, говорить «э-э-э», дышать, не дышать, а потом разводили руками, тёрли лбы и произносили непонятные слова, которые кончались на «ини» и «ус».

Врачи приходили так часто, что, как только в коридоре раздавался звонок, у Пети язык сам высовывался наружу и изо рта вырывалось громкое «э-э-э».

Конечно, мама, чтобы не ударить лицом в грязь перед врачами, сама начала изучать язык, на котором пишутся лекарства. Для этого она собрала все рецепты, склеила их в книжечку, и получился учебник.

Потом, зажмутив глаза, она ходила по комнате и бормотала разные слова.

Скоро она свободно стала разговаривать на чисто докторском языке.

Когда врач прописывал Пете капли для аппетита, то мама бойко добавляла:

— И манус кашус по три разини в денини!

Когда для успокоения Петиных нервов доктор выписывал новое лекарство, мама тоже добавляла:

— И спатус в кроватус на подушатус!

Когда же врач говорил, что Петя выглядит очень хорошо, мама вздыхала и говорила:

— Сынус Петюс не естус пирогини-творогини и куринус пупус!..

С помощью докторского языка мама легко связалась со всеми поликлиниками и звонила туда до тех пор, пока домой однажды не прибыла специальная лечебная комиссия для выяснения маминого здоровья.

Петю комиссия выслушивать не захотела и, пожав плечами, уехала. Мама целиком перешла на докторский язык. То и дело слышались её команды: «Полейтус кактус!», «Сваритини компотини!» или что-нибудь в этом роде.

Пете очень нравился мамин докторский язык, особенно слова, которые кончались на «ус». Он называл их усатыми словами.

И вот, несмотря на все меры, Пете легче не становилось. От его капризита страдала вся квартира, вся семья и даже киска Сосиска и эрдель Сардель.

Д) Несколько слов о дедушке

С того дня как Петин дедушка оставил работу и ушёл на пенсию, мама полностью перевела его на Петин режим. Манную кашу они ели вместе: ложку — дедушка, ложку — Петя (иначе Петя и за стол не садился). Спать их укладывали в одно время, играли они вместе и, наказанные, рядом стояли в углу.

А с тех пор как Петя пошёл в школу, на плечи дедушки взвалили все внешкольные обязанности внука, начиная от выполнения домашних заданий и кончая собиранием металлолома.

В собирании металлолома дедушка отставал. Петя взял повышенное обязательство — собрать

две тонны. Тонну железа дедушка уже почти собрал, и на его совести лежала ещё одна тонна с небольшим хвостиком.

Больше всех жалела Петю домработница Дуся. Она не раз говорила, что у ребёнка пироги уже пошли в ноги, а каша лезет из ушей, на что мама отвечала: «Полные дети спокойнее худых — им трудно ходить на голове, поэтому в доме всегда бывает больше порядка».

Тогда Дуся, которая была отличной кухаркой, махала рукой и говорила:

— Каши с вами не сварить!

Да, мама в доме была полновластной хозяйкой. Не зря же она носила фамилию Папина, а папа был Мамин...

Теперь, когда с помощью азбуки мы разобрались в Петиной биографии, продолжим рассказ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Новый способ игры в футбол.

В «Детский мир» за успокаивающим средством

Петю уже неделю не выпускали на улицу и старались держать в постели. Вдобавок ко всему простудился пёс Сардель. Он всё время чихал и хрипло кашлял под Петиной кроватью, а мама кричала, что ребёнку стало хуже, что у мальчика появился собачий кашель.

Петя никак не мог доказать, что никакой простуды у него нет. Как только мама заходила в комнату, подхалим Сардель переставал чихать и начинал весело визжать и лаять.

И вот сегодня Сардель наконец выздоровел. Никто в доме не чихал, и Петю решили вывести на прогулку. Так требовали врачи, а сам Петя

грозил выпрыгнуть в окно, если его только посмеют не выпустить на улицу.

Это был воскресный день, и папа был дома. Он попросил одеть Петеньку потеплей и объявил всем так:

— Пойдём с ребёнком в «Детский мир» и купим ему что-нибудь успокаивающее.

К прогулке всё было готово. Папа и мама позавтракали, дедушка держал наготове Петин лыжный костюм и шерстяной шарф, а бабушка накрутила гоголь-моголь из трёх яиц. Только один Петя не был готов. Он всё ещё сладко спал, всхрапывая и по временам выкрикивая какие-то слова.

Стрелки часов показывали двенадцать, солнце взошло высоко, и по спящему Пете весело прыгали десятки солнечных зайчиков. Но Петю это нисколько не тревожило; сейчас он не проснулся бы, даже если бы по нему прыгали солнечные слоны. Дело в том, что он во сне доигрывал вторую половину футбольной игры. Подушка шевелилась, одеяло съезжало набок.

— Аут!.. Гол!.. Штрафной!..— то и дело выкрикивал он.

Петя, страстный любитель футбола, вынужден был играть в футбол во сне, потому что днём ему никто этого делать не разрешал.

— Пусть ребёнок ещё чуточку поиграет,— шёпотом говорила мама.— Наиграется — и днём не будет просить мяча. При его слабости резких движений делать нельзя...

Кто знает, сколько ещё голов забил бы Петя во сне, если бы не бабушка. Попрошайка Сардель до тех пор вертелся у неё под ногами, пока она не уронила на пол стакан с гоголем-моголем.

Дзе-ень!..— прокатилось по комнате, и Петя, сотрясая кровать, вскочил на ноги.

— Забили, забили! — кричал он.

Мама бросилась успокаивать Петю.

— Не забили, а разбили! Это бабушка уронила стакан, — говорила она, показывая на жёлтую кашу гоголя-моголя и осколки на полу. — А ты выиграл, ты у нас чемпион! Ты настоящий мастер спорта!..

Сытый Сардель брезгливо фыркнул и, тяжело вздыхая, принялся за свою работу — начал вылизывать гоголь-моголевскую кашу. А Петя ревел и топал ногами по подушкам:

— Из-за бабушки всё пропало! Я уже выигрывал!.. Дайте бабушке штрафной... поставьте её в угол!..

— Петенька, Петенька, успокойся, — просил папа, опускаясь на колени перед кроватью. — Сейчас тебя оденут, и мы пойдём в «Детский мир», купим тебе всё, что ты захочешь!

— Ура-а-а! — закричал Петя, размазывая по лицу слёзы. — Мы идём в «Детский мир»! — и начал так скакать по постели, что матрац провалился и прижал хвост бедному Сарделю.

Тотчас же вплотную к постели был пододвинут аппарат «ПУП» и подключён к пылесосу. Завертелись шестерёнки, задвигались рычаги, кастрюли и тарелки лихо вызванивали «Чижики-пыжик».

С помощью самокормящего полуавтомата Петя съел кастрюлю манной каши. Тридцать ложек за здоровье мамочки, двадцать — за здоровье папочки, десять — за здоровье бабушки и одну — за здоровье директора магазина детских игрушек.

Не щадя живота своего, Петя ел всё, потому что иначе могла отмениться прогулка и покупка новых игрушек.

Ровно в час дня Петя в сопровождении родных вышел из дому и направился к площади, на углу которой находился «Детский мир».

А на другой улице, не надеясь на встречу с Петей, к магазину торопились Непоседа, Мякиш и Нетак. Они пели:

Вот история какая,
Мы по улице шагаем!..

Эти две строчки сочинил сам Мякиш. Но дальше ничего придумать не мог, потому что внимание отвлекали всё новые и новые картины. На улицах было много народу, на грузовиках ехали духовые оркестры. Солнце ослепительно сияло, и на душе было радостно и легко. До того легко, что они даже забыли о Пете, которого во что бы то ни стало должны разыскать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Первая и неудачная встреча с Петей.

Рассуждения о ботинках.

Несколько слов о плюшевом осле

Зная Петины повадки, родители вели его как под конвоем. Это был старый, проверенный способ. Слева шла мама, справа — папа, а пути отступления отрезал дедушка. Петя мог шагать только вперёд. И вот на площади, где был магазин детских игрушек, Непоседа, Мякиш и Нетак увидели Петю.

Только они хотели окликнуть своего друга и броситься к нему, как из-за угла, гудя сиренами, выскочило пять самокатчиков. Они стремительно промчались перед самым носом наших друзей и заслонили собой всё.

Когда же самокатчики исчезли за углом, Петя с родителями был уже в магазине.

Мальчики бросились в магазин и, рискуя быть

раздавленными, начали шнырять между ногами покупателей. Но Петя и его родители смешались с толпой, и найти их оказалось невозможным.

Снизу трудно было разглядеть лица покупателей, а узнать по ботинкам, кому они принадлежат, — ещё труднее. Поди разберись, где чьи ноги?! Но те, кто сам ростом с башмак, давно научились различать людей по обуви. Оказывается, это очень просто. Вот ботинки на толстой белой, как сахар, подошве — это ботинки модника. Запылённые, с тонкой подошвой — ботинки почтальона. Тяжёлые кирзовые сапоги — обувь солдата.

Ботинки могут быть не новыми, с латками, но вычищенные сапожной мазью и выложенные суконкой. Значит, хозяин их — человек бережливый и аккуратный. А у неряхи даже новая обувь и та потёртая, запылённая и скособоченная. По ботинкам сразу видно, каков человек. Поэтому мудрый Мякиш часто любил повторять: «Всякий человек начинается с ботинок!»

Непоседе больше всего нравились босоножки, сандалии и тапочки. В них легко бегать, ноги не устают.

Нетаку, наоборот, нравились тяжёлые, гремящие сапоги с железными подковками.

А Мякишу были по душе ботинки на резиновом ходу — мягкие, тихие, пружинистые.

Но самые красноречивые ботинки — это ботинки ребят. В этом смысле толстопятые туфли модника даже в подмётки им не годятся. На ребячий ботинок только взгляни — и сразу ясно, с кем дело имеешь: у футболиста носы разбиты вдребезги, у катальщика по паркету на подошвах дыры, а у тех, кто любит лужи, ботинки разбухшие, как вареники.

Больше всего опасаться приходилось солдатских подкованных сапог и женских туфель с

длинными острыми каблуками: первый раздавит, второй проткнёт, ахнуть не успеешь.

Об этом и думали путешественники, ловко изворачиваясь, чтобы не угодить под чей-нибудь каблук. А покупатели, набившиеся в магазин, как будто нарочно норовили растоптать мальчиков. Мякиш три раза умудрялся прилипнуть к чьим-то сапогам. Спасибо, товарищи отрывали. Непоседе на левую ногу наступил женский каблук. Высвобождая её, он так растянул пружинку, что левая нога стала длиннее правой. Пришлось попрыгать на одной ноге, чтобы пружинка сжалась и стала такой же, как и правая.

— Так мы здесь пропадём! — сказал Непоседа, охая и припадая на левую ногу. — Надо взобраться на прилавок — оттуда мы скорей увидим Петю.

— М-да, — вздохнул Мякиш, отклеиваясь от очередного сапога и держась за сердце.

А Нетак, цепляя всех своими заусеницами, начал упрямо продираться вперёд, пока не ударился лбом о фанерную стойку.

Бум-м!.. — загудела фанера.

Нетак схватился за лоб и быстро-быстро проговорил:

— Тра-та-та, за себя! — Это чтобы не подумали, что ему больно.

Непоседа и Мякиш были уже тут. Рядом с ними у стойки стояла палка старичка-покупателя и набалдашником упиралась прямо в крышку прилавка. Раздумывать было некогда.

— Наверх! — скомандовал Непоседа и, хватаясь пружинками за сучки, полез по палке.

Мякиш моментально прилип к его ноге, а Нетак стал подталкивать толстяка сзади. Скоро они очутились на прилавке.

В первую минуту все трое растерялись от неожиданности. Сотни игрушек смотрели на них

и по-разному выражали радость, вызванную такой приятной встречей.

Куклы-матрёшки махали руками, приглашая мальчиков к себе. Большая говорящая кукла-красавица застенчиво опускала глаза и говорила: «Ма-ма!» Серый слон, похожий на чайник, качал головой и в знак приветствия поднимал хобот. Игрушечная балалайка сама заиграла «Во саду ли, в огороде...». А Буратино так заплясал, что чуть не свалился с полки на лысую голову старшего продавца.

Конечно, видеть и слышать это могли только самодельные игрушечные мальчики, потому что они были близкими родственниками настоящих фабричных игрушек.

Покупатели зашумели и бросились к прилавку. Если бы не ловкость и догадливость малышей, десятки рук разорвали бы их на части.

Непоседа раскачался на своих ножках-пружинках и, как белка, перемахнул на полку. Нетак перелез по электрическому шнуру от настольной лампы, а Мякишу просто повезло. Пока он раздумывал, как ему перебраться на полку, строительный кран, собранный из деталей «Конструктора», ожил, вытянул свою стрелу, подхватил Мякиша крючком за левое ухо и поставил рядом с собой.

Покупатели, взрослые и дети, все как один закричали:

— Продайте нам механических мальчиков!

— Отпустите нам живых мальчиков!

— Заверните мне того толстенького!

— А мне этого, из пружинок!

— Мы первые в очереди!

— Это нечестно, вы прячете под прилавком самые новые игрушки!..

Но продавцы ничего не замечали и растерянно смотрели по сторонам. В эту минуту Непо-

седа, Мякиш и Нетак, оказавшиеся на верхней полке, увидели в толпе Петю с родителями. Все Мамины-Папины стояли в очереди и тоже что-то кричали.

— Петя, Петя, мы здесь! — закричали малыши.

Но разве мог Петя в этом шуме расслышать голоса игрушечных мальчиков!

— Всё пропало! — вздохнул Мякиш. — Сейчас нас поштучно продадут, и мы не достанемся Пете!.. Что делать, что делать?!

— Не терять надежды — вот что, — сказал Непоседа. — Главное в нашем положении — не вешать носы.

Теперь уже и продавцы с удивлением заметили самодельных мальчиков.

— Что это за товар? — удивился старший продавец. — Какой фабрики?.. Спокойно, спокойно, товарищи, надо выяснить, откуда появились эти игрушки.

А его помощник заявил:

— Мы не можем их продавать, на них нет цены. Нужно срочно позвать заведующего! — и побежал к нему в кабинет.

— Ма-ма! — строго и внушительно сказала мальчикам говорящая кукла. — Перестаньте вертеться! Вы обращаете на себя внимание!

Но Непоседа, Мякиш и Нетак не могли успокоиться до тех пор, пока Буратино не догадался и не крикнул:

— Замри!

Эту игру мальчики отлично знали и немедленно подчинились.

Непоседа замер с поднятой вверх ногой и расставленными руками, Мякиш как зевал, так и остался с открытым ртом, а Нетак застыл спиной к покупателям.

Все игрушки рассмеялись. Только дорогой плюшевый осёл скорчил презрительную рожу.

Дело в том, что он считал себя родственником льва, потому что был жёлтого цвета и носил кисточку на кончике хвоста. Он строил гримасы, вертел хвостом и выбрыкивал копытами до тех пор, пока у него не треснуло брюхо и оттуда посыпались деревянные опилки... Этот осёл стоял не просто на полке, как все игрушки, а на специальной подставке в отделе ватных зайцев и очень важничал. Ещё бы! Он стоил 8 рублей 66 копеек. А ватные зайцы — по 3 рубля за штуку.

Игрушки осла не любили за то, что он был страшным зазнавалой.

— Подумаешь, родственник льва! — говорили они. — Самый настоящий осёл, да и только!

Это была чистая правда. И каждому было ясно, что он, хоть и занимал важное положение в отделе, всё же оставался ослом...

Тут появился заведующий магазином. Он посмотрел на игрушечных мальчиков и сказал покупателям:

— В чём дело? Успокойтесь, граждане! Произошла ошибка — на полку попал брак, — и смахнул всех троих вниз, прямо на груды поломанных игрушек.

Очутившись под стойкой, в куче разных вещей, мальчики испуганно притихли. Мякиш так расстроился, что тут же заснул.

Снова взбираться наверх было рискованно. Заведующий оставался за прилавком.

В это время к прилавку пробрался наконец Петя с родителями. Заведующий магазином узнал Петиного папу, с которым был давно знаком.

— А-а-а, моё почтенье, товарищ Мамин! — вежливо сказал он. — Не купите ли своему

сыночку ослика?.. Очень похож на вас, чудесный мальчуган! — Заведующий погладил Петю по голове и продолжал: — Взгляните, какой товар... последний осёл остался — копия настоящего. Он даже стоит почти как живой.

— Что вы, что вы! — пробормотал папа. — Цена, знаете ли, брыкается...

— Купить! — приказал Петя.

— Умница мальчик, великолепно разбирается в товарах! — сказал заведующий. — Конечно, купить! Уверяю вас, он совсем не брыкается, он очень плюшевый и действует на всех успокаивающе.

— Успокаивающе? — переспросила мама. — Немедленно заверните! Это как раз то, что нужно нашему ребёнку.

Папа вытер платком вспотевшую шею и послушно пошёл платить за ослика 8 рублей 66 копеек.

Заведующий вручил Пете запакованного ослика и сказал:

— Будь умницей!

Непоседа, Мякиш и Нетак слышали, как уходили из магазина Мамины-Папины, но ничего не могли поделать — заведующий всё ещё стоял у прилавка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой состоится путешествие
вокруг «Детского мира»
и весьма приятное знакомство
с постовым милиционером*

В магазине стало тихо и пусто. Наступил обеденный перерыв. Непоседа первый выбрался из свалки игрушек.

— Мякиш, проснись!.. Нетак, вставай! Хватит здесь околачиваться, нужно догонять Петю!

Мякиш спал под каким-то ватным медведем и долго не мог прийти в себя.

— Да, ну-ужно идти,— вздохнул он.

— Как бы не так! — сказал Нетак.— А кони на что?

И действительно, в груде бракованных игрушек валялось три коня.

Кони были как кони, настоящие, из картона, пустые внутри. Правда, скакать на них нельзя было, потому что у одного не было ноги, у другого — хвоста, а у третьего — головы. Но это несколько не смутило наших героев.

Кто из мальчиков не мечтает скакать верхом на горячем коне! И трое друзей занялись срочным ремонтом ещё не объезженных, но уже пострадавших скакунов.

Непоседа привязал безногому коню зубную щётку, которая оказалась под рукой, и конь загарцевал на всех четырёх ногах — правда, прихрамывая.

— Конь без хвоста — не конь! — сказал Мякиш и вставил своему коню помазок для бритья, который каким-то непонятным образом оказался среди детских игрушек. Теперь об этом коне можно было смело сказать — хвост трубой! Ну, а Нетаку вовсе не нужен был конь с головой.

— Хорош и так! — сказал Нетак.— Нужно всегда садиться лицом к хвосту.

— По коням! — крикнул Непоседа.

И друзья, кто как мог, вскочили на коней и пришпорили их.

Кони галопом понеслись к выходу из магазина, а на улице перешли в аллюр.

Толстые автобусы почтительно жались к тротуарам, чтобы дать дорогу кавалеристам, милиция немедленно давала зелёный свет, а пеше-

ходы с удивлением смотрели вслед странным наездникам.

— Вперёд, вперёд! — кричали наездники и ещё крепче прищипоривали коней.

Несколько раз сворачивали они в переулки и улицы, обгоняя лихих самокатчиков и даже велосипедистов. Когда же перед ними снова показался магазин игрушек и все три коня на полном скаку ворвались в его двери, Мякиш свалился на пол и, потирая помятый бок, сказал:

— Этого следо-овало ожидать.

— В чём дело? — спросил Непоседа и соскочил с коня.— Почему мы снова в магазине?

Только теперь они поняли, что весь их путь лежал вокруг дома, в котором находился магазин детских игрушек.

— Конь всегда к своему стойлу спешит! — мудро заметил Мякиш.

— А вот и не потому! — сказал Нетак.— Просто мы забыли сказать лошадям Петин адрес.

— Да, Петин адрес! — хлопнул себя по лбу Непоседа.— Мы ведь сами его не знаем.

— Я всё это предвидел,— сказал Мякиш и зевнул.— Зря меня разбудили — мог бы ещё поспать.

— Не беда! — воскликнул Непоседа.— А на что милиция? Там должны знать, где живёт Петя.— И он указал друзьям на перекрёсток, где орудовал жезлом постовой.

— Вперёд! — воскликнул Непоседа, и его пружинки зазвенели по асфальту.

Следом за ним побежал Нетак и Мякиш.

— Товарищ милиционер! — хором обратились к нему мальчики.

— Дядя! — проговорил Мякиш.

— Здравствуйте! — Милиционер приложил руку к козырьку, глазами продолжая следить за транспортом.— Слушаю вас.

Мальчикам так понравилось милицейское приветствие, что они тут же повторили его сами. При этом они, как в зеркало, заглянули в блестящие голенища милицейских сапог.

— Ловко! — сказал Непоседа, любуясь своим отражением.

А Мякиш, отдавая честь, так щёлкнул каблуками, что его пластилиновые тапочки склеились, и он шлёпнулся на землю. Но даже лёжа он продолжал приветствовать постового.

Нетак же отдавал честь двумя руками.

— Не могли бы вы нам сказать, где живёт Петя из третьего «Б»? — спросил Непоседа, вытягиваясь всеми пружинками, чтобы казаться повыше.

— Петя? — удивился милиционер и вскинул жезл. — Стало быть, знаете меня? А ведь и я в третьем классе когда-то учился.

— Так это вы? — не поверили мальчики. — У вас теперь новая должность?

— Эге! Да вы меня с кем-то путаете! Как фамилия вашего Пети?

— Фамилия? — повторил Непоседа. — У него их даже две, только я забыл какие... Ты не помнишь, Нетак?

— Дедушкин-Бабушкин! — выпалил Нетак.

— Не совсем точно, — заметил Мякиш. Он всё ещё не мог отклеить свои тапочки и, сидя, ёрзал на мостовой. — Скорее, Дядин-Тётин...

— А может, Маменькин-Папенькин? — улыбаясь, спросил постовой.

— Правильно! — обрадовался Непоседа. — Так и есть! Маменькин-Папенькин! Значит, вы с ним знакомы, знаете его? Вы всё-всё на свете знаете?

— Справляемся понемногу, должность такая! — не без гордости заявил постовой. — В моём

районе ещё много папенькиных и маменькиных сыночков, и все на учёте.

— А где сейчас Петя? — спросил Непоседа.

— Прошу немножечко обождать, — вежливо произнёс милиционер и достал из сумки толстый милицейский справочник.

У справочника был синий, как милицейская форма, переплёт, а посредине переплёта проходила широкая красная полоса. Вот это уж была волшебная, всевидящая книга! Жизнь района была в ней видна как на ладони. Открой нужную страницу, найди нужную строку — и любая тайна откроется перед тобой.

Справочник начинался большой картой. Если её развернуть, можно увидеть сразу все кинотеатры и магазины, все улицы и закоулки, все дворы и подворотни. Почти половина книги была посвящена школьникам. Этот раздел начинался длинным списком отличников учёбы. Их милиция обязана была всюду приветствовать. Потом на зелёных страницах шёл список юных медалистов, спортсменов и музыкантов. Им тоже милиция обязана была оказывать помощь и знаки внимания. За ними на странице, перечёркнутой красной полосой, шли имена и фамилии дворовых и уличных футболистов. Против каждой фамилии стояло число разбитых окон. Затем — список злостных нарушителей уличного движения и владельцев самокатов. И хотя этот вид транспорта не имел номеров, в книге все самокаты и даже обручи были строго пронумерованы.

Книге было известно, кто подсказывает на уроках и где прячутся дневники с плохими отметками. На самом непочётном месте находился список маменькиных и папенькиных сыночков и дочек.

Книга кончалась таблицей умножения, табли-

цей мер и весов и простыми считалками, вроде «энэ-бэнэрэ...», и другими. Короче, от этой книги не было никаких секретов, книга знала поголовно всё, а стало быть, всё было известно милиции.

Вот это справочник!

Непоседе так понравилась книга, что он не удержался, подпрыгнул и по ремешку от револьвера взобрался наверх, чтобы заглянуть на её листы.

Постовой открыл нужную страницу, не забывая при этом руководить уличным движением, и сказал:

— Петю Мамина-Папина, граждане, вам лучше всего искать в кондитерском магазине № 385 нашего района.— И он жезлом указал на противоположную сторону улицы. Там видна была большая разукрашенная витрина. Закрыв книгу, он сказал: — Осторожнее на переходах!

Этого совета никто из мальчиков уже не слышал. Подняв с земли задремавшего Мякиша, они летели вперёд.

— Пожалуйста! — сказал им вдогонку милиционер.

Но наши герои были так благодарны постовому, что даже забыли сказать спасибо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Уличная катастрофа. Добрый дух и добрая Феня

Мякиш, как всегда, бежал последним и успевал на бегу зевать. Ну, а что случается с зеваками на улице — всем известно. Не успел Мякиш закрыть рта, как на него налетел автолихач на новеньком педальном автомобиле.

Нарушая всякие правила поведения на улице, он ехал не по тротуару, а прямо по мостовой. Счастье Мякиша, что юный шофёр вовремя затормозил. Всё же удар был такой сильный, что бедный Мякиш перевернулся, пролетел по воздуху до тротуара и ударился спиной о фонарный столб.

Кляк! — оглушил Мякиша удар. У-у-у! — загудел столб, и бедняга, превращённый в лепёшку, прилип к столбу.

Он не видел, как исчезли его товарищи, и успел подумать лишь о том, что всё пропало, что никто его теперь не найдёт и не спасёт. Его пластилинное сердце заняло от жалости к самому себе, и к горлу подступил комок. Слёзы ручейками потекли из его глаз и прожгли на щеках две тропинки. Добрая душа, он и не подумал о виновнике своего несчастья, а между тем ничто не ускользнуло от вездесущего милицейского глаза.

Дядя Петя-постовой, как только услышал скрип тормозов, оставил пост и немедленно пошёл к месту происшествия.

— Ваши водительские права! — наклонившись, строго потребовал он у пятилетнего автолихача.

Но тот в ответ заревел, как две автомобильные сирены.

Милиционер раскрыл свой справочник, провёл пальцем по странице и прочёл вслух:

— «Педальный детский автомобиль типа «ЗИЛ» под номером 63, частная машина Вовы Колёскина. Проживает по Пушкинской, 4/7, кв. 8. Владелец посещает районный детсад № 107, среднюю группу». — Прочёл и снова повторил: — Ваши права! Какое имели право ездить по мостовой?

Но у автолихача в карманах не оказалось

не только водительских прав, но даже носового платка, чтобы утереть слёзы и нос.

— Отправляйтесь домой и закройте машину в гараж — под кровать. На вас налагается штраф: вы лишаетесь права кататься целую неделю... Исполняйте! — приказал дядя Петя-постовой и вернулся на своё место, где на асфальте, в кругу, очерченном белой краской, было написано: «ГАИ».

А Мякиш висел на столбе. Потеряв надежду на спасение, он тихо стонал и прислушивался к мерному гудению чугунного столба. Вдруг ему показалось, что внутри столба что-то заговорило. Он приложил к нему ухо и прислушался.

Столб как будто ожил. Он напряжённо работал, пропуская через себя тысячи всевозможных звуков. В нём, совсем как заводные, шумели трамваи и троллейбусы, то и дело раздавались телефонные звонки и перекликались чьи-то голоса. Разговаривали папы с мамами, начальники с подчинёнными, взрослые и дети. Столб говорил то басом, то пищал голосом какой-нибудь Наташи:

— Сегодня в кино не пойду. Я очень занята — у нас кошка родила сразу шесть котят, и все рыжие! — говорила она.

— Пошли на футбол! — приглашал какой-то Вова какого-то Толю.

— Не могу, у меня переэкзаменовка, — слышалось в столбе. Это отвечал Вова с другого конца города. — Мама не пускает, говорит, когда у меня будет переэкзаменовка по футболу, тогда буду ходить. А у меня, понимаешь, по арифметике...

То и дело шелестели телеграммы: ш-ш-ш-шу, ш-ш-шу... Они без конца целовались, поздравляли, требовали то груш, то фанеры... И вдруг

в неразберихе голосов Мякиш ясно расслышал голос Непоседы.

— Нетак, Нетак! — кричал тот в телефонную трубку. — Я всюду обыскал — Мякиша нет.

— И я не нашёл, — ворчал Нетак.

— Встретимся у магазина и будем ждать! — сказал Непоседа. — Он туда обязательно придёт!

Разговор прекратился, и на миг в душе Мякиша зажглась искорка надежды: «Они меня ищут, они меня ждут... верные мои товарищи». Но искорка тут же погасла, когда он снова почувствовал на спине холод чугунного столба. «Нет, самому не оторваться, не дотянуться до земли...»

Казалось, спасти его могло только чудо. И чудо явилось в образе обыкновенного уличного рассеянного воробья. Озорной воробьишка, чирикающая, вертелся вокруг столба до тех пор, пока не ткнулся головой прямо в Мякиша и не сшиб его на землю.

— Чуть-чуть не влип! — прочирикал воробей и полетел в нсбо, как зафутболенный мячик.

Мякиш пытался подняться на ноги, но плоское расплющенное туловище сгибалось, и он всё время опускался на четвереньки.

Ах, как нужен был сейчас пластилиновому малышу Петя! Мякиш простил бы ему и недолепленное ухо, и короткую ногу, только бы тот вернул ему прежнюю форму. «Нет уж, видно, не суждено мне встретиться с друзьями! Сравниют меня с землей тяжёлые каблуки, и не станет больше на свете Мякиша...»

Он вертел головой и с опаской поглядывал на тяжёлые подошвы, пронесившиеся над ним.

Неожиданно в нос Мякишу ударил ароматный и сладкий дух. Повернув нос по ветру, он уловил тонкие запахи ванили, корицы, мёда и сдобного теста. Все эти ароматы неслись оттуда, где

находился кондитерский магазин. У Мякиша сразу бодро застучало сердце и приятно закружилась голова. «Должно быть, это пахнет добрый дух из волшебных сказок. Он мог бы легко меня исцелить — ведь он добрый!..» И, напрягая последние силы, Мякиш ухватился за каблук проходящего мимо сапога. Сапог как раз держал путь в сторону кондитерского магазина.

Чем дальше ехал Мякиш верхом на каблуке, тем сильнее становились запахи доброго духа. А когда весь воздух вокруг показался ему сплошным ванильным кремом, он оттолкнулся что было сил от сапога и свалился на тротуар.

Теперь он полз на четвереньках и остановился только тогда, когда под самым его носом оказалось подвальное окно, покрытое железной решёткой. Отсюда и исходил добрый дух. Мякиш перегнулся и заглянул вниз.

В подвале творились чудеса. Ловкие машины круглыми никелированными кулаками месили белое тесто, а мастера в белых халатах нарезали его и придавали различную форму. Куски теста превращались то в рогалики, то в кренделя, то в змейки. Другие мастера заваривали разноцветные кремы и заливали в фигурные формы жидкий шоколад.

Но ловчее всех работала мастерица, которая из плоских сырых лепёшек теста делала круглые пышки. Это была полная, добродушная женщина с узкими, как щёлочки, глазами, а быстрые руки её напоминали пышные румяные батоны. Она брала с листа блинчик теста и, ловко перебрасывая его с руки на руку, придавала ему форму мячика.

Мякиш загляделся на неё и свалился вниз.

«Нет худа без добра,— подумал он.— Может, она снова сделает из меня прежнего Мякиша?»

Он подполз к листу с лепёшками и тихонько улёгся с краю.

— Вы последний? — робко спросил Мякиш у крайней лепёшки.

Но та в ответ только пренебрежительно булькнула. Видимо, внутри у неё всё ещё играли дрожжи, поэтому она всё время ворчала.

Все пекари, булочники и кондитеры с уважением относились к полной мастерице и ласково называли тётей Феней.

«Это, наверное, добрая фея! — подумал Мякиш. — Конечно, она сделает меня ещё лучше».

Тётя Феня была опытной мастерицей, она работала, даже не глядя на руки. Пальцы её мелькали в воздухе, а сама она мурлыкала сдобную сладкую песенку:

Пирожки мои, пирожные,
Заварные и творожные,
Есть и с маком,
Есть и с таким —
Всевозможные!..

Наконец очередь дошла до Мякиша. Он зажмурил глаза и почувствовал, как нежные руки доброй Фени подхватили его и, легко пошлёпав, придали ему круглую форму. Правда, это было совсем не то, чего он хотел, но руки у тёти Фени были такие мягкие и ласковые, что ему уже больше ни о чём не хотелось думать, а хотелось только спать.

Теперь, когда он стал похожим на все остальные пышки, его бережно положили на длинный противень, смазали яичным раствором, посыпали сахаром и воткнули в живот сладкую изюмину.

«Какое счастье! — подумал Мякиш, облизывая посахаренные губы. — Как я рад, что попал сюда!»

Прошло ещё несколько минут, и его плавно понесли туда, где сияло что-то яркое и большое, точно солнце.

В это время вокруг магазина метались Непоседа и Нетак.

— Мякиш, Мякиш! — кричали они.

Но Мякиша нигде не было. Они снова и снова шарили вокруг магазина, и кто знает, чем бы закончились их поиски, если бы туда же не прилетел воробей. Тот самый воробей, который сшиб Мякиша со столба. Дорогу сюда он знал отлично. По три раза в день прилетал он к этому окну, чтобы попить, полакомиться сладкими крошками. Он видел, как свалился Мякиш в подвальное окно. Теперь, сидя на решётке, воробей клячил сладкие крошки.

— Мальчик-чик! Мальчик-чик! — закричал он пробежавшему мимо Непоседе.

— Э-э, чем ты можешь нам помочь, серый! — махнул рукой Непоседа.

Воробей закивал головой, тыча клювом в решётку: «Фить-фить! Фить-фить!»

Непоседа сразу всё понял и ринулся к подвальному окну.

— Сюда, сюда! — кричал он Нетаку, болтаясь на одной руке, которой ухватился за прут решётки.

— В чём дело? — спросил Нетак.

— За мною! — крикнул Непоседа.

Они кубарем скатились вниз и сразу увидели своего друга. Но их радость сменилась ужасом. У Непоседы на голове поднялись пружинки, а у Нетака — стружки.

Противень с пышками медленно вползал в печь, и Мякиша уже лизали красные языки пламени. Ещё миг — и он растает, как ириска!

Что делать?

Непоседа знал, что такое огонь. Когда-то его

пружинки закаляли в пламени. Без этого они не были бы такими прочными. Но это очень больно!..

А для деревянного Нетака огонь — просто смерть! И всё же он не колеблясь побежал на выручку друга.

Оба они, Нетак и Непоседа, прямо по сырым пирогам бросились к огненной пасти. К счастью, Непоседа опередил деревянного смельчака. Он схватил Мякиша за ногу, вытащил его из печи, а заодно вытолкнул и Нетака. Мякиш шипел и пузырился, как шкварка, а у Нетака обуглилась голова.

— Скорее к вентилятору! — крикнул Непоседа, устремляясь к широкой трубе, которая выходила прямо в подвальное окно.

Это как раз и был тот ход, через который на улицу выходили сладкие запахи ванили, корицы и мёда. И поверьте, если бы над магазином сняли вывеску «Кондитерские изделия», покупателей несколько не убавилось бы, потому что добрый дух прямо за нос тащил ребятишек в свой магазин...

Мякиш лежал под вентилятором. Он дулся и пузырился, готовый каждую секунду расплыться по подоконнику.

— Ну, Мякиш, ну, миленький! — нежно просил Непоседа. — Крепись! Будь твёрдым!

— Но я не могу быть твёрдым, — со слезами отвечал Мякиш. — Вот подует на меня ветерок, и я стану чуточку твёрже.

Он начал подставлять свои бока под сквознячок вентилятора и скоро перестал пузыриться.

Друзья заметили, что он стал похож на пышную булочку, но ничего ему не сказали. Нетак всё время щупал свою обгоревшую голову, а потом гордо выпятил грудь и сказал:

— А мне полагается медаль! Медаль за отвагу!

Непоседа ничего ему не ответил. Он дождал ещё минуту, а потом схватил обоих товарищей за руки и потащил их вверх по лестнице.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Поездка в кремовом автобусе

Только теперь наши путешественники попали в кондитерский магазин. На полках и на прилавках грудями лежали конфеты, фигурный шоколад, торты и печенье. У прилавков толпились покупатели, но больше всего было детей. Они бегали от касс к прилавкам и все что-нибудь жевали. Дети ели конфеты, а конфеты поедали их зубы. Мальчики и девочки из-за этого ужасно шепелявили, свистели и говорили примерно так:

— Товарис продавеш, позалуйста, соколадку!

— Шкажите, школько штоит «Мишка на шеве»?

— Дайте, позалуйста, сесть стук сладких сусариков!..

Непоседа, Мякиш и Нетак шныряли под стойками и во все глаза разыскивали Петю.

Но Пети в кондитерской не было. Мальчики уже хотели покинуть магазин, как вдруг вошла какая-то старушка и, подойдя к продавщице, спросила:

— Торт для моего внука Пети готов?

— Пожалуйста, готов,— ответила продавщица.— Давно готов! Только сегодня среда, а вы забираете уже воскресный торт.

— Что поделаешь, голубушка! — вздохнула старушка.— От капризита другого лечения нет. Петенька без торта шагу ступить не хочет.

Продавщица с трудом вытащила из-под прилавка торт величиной с автобусное колесо и сказала:

— Это ваш — можете проверить.

Бабушка надела очки и вслух прочитала надпись, сделанную шоколадом по белому крему:

ПЕТЕ МАМИНУ-ПАПИНУ.

— Пусть ест и поправляется, — вежливо сказала продавщица и достала большую картонную крышку.

Торт занимал почти весь прилавок, а покупатели-сладкоежки, став на цыпочки, с завистью поглядывали на его кремовые розы.

— Чего ждёте? — зашипел Непоседа, толкнув своих друзей. — Прыгайте в торт!

Непоседа и Нетак мигом вскочили в торт и втащили Мякиша, а продавщица накрыла их крышкой и туго перевязала голубой лентой.

— Ура! Тронулись! — крикнул Непоседа.

«Мягко, сладко, и билета не нужно. Отличный автобус!» — подумал Мякиш.

— Би-би! — просигналил Нетак, и торт, покачиваясь, поплыл над землёй.

Мякиш после всего пережитого набросился на кремовую розу и съел половину.

Обхватив двумя руками коробку, бабушка торопилась домой, а Непоседа, Нетак и Мякиш лежали в мягком креме и прислушивались ко всему, что происходило на улице — по ту сторону коробки.

— Бабушка пошла быстрее! — сладко зевая, сообщил Мякиш.

— Она сейчас переходит улицу, — сообразил Непоседа. — Слышите, проехал автобус!

Нетак тоже хотел что-то сказать, но захлебнулся кремом. А потом постепенно начало заса-

сывать всех. Когда крем дёбрался до ртов, пришлось быстро-быстро его есть, чтобы не утонуть с головою.

Первым коснулся дна коробки Непоседа. Он стал на цыпочках и закричал:

— Эй, братцы, проедайте скорей дорожку и давайте ко мне — здесь дно!

Все трое начали быстро глотать крем, пока не выели целую пещеру, и спокойно улеглись в ней. Тут от сладкого крема у них страшно разболелись зубы.

— М-м-м! — простонал Мякиш.— Бедный Петя!

— Почему? — спросил Нетак.

— Он в день съедает по полтора торта!..

Больше никто из них ничего не сказал, потому что коробку встряхнуло и кремовая роза завалила собой всю пещеру.

Что было дальше, никто из них не помнит. Пришли они в себя только тогда, когда кто-то выудил их из крема и языком тщательно облизал с головы до пят.

Конечно, это был сам Петя.. Он положил трёх малышей рядышком на стол и побежал в кухню:

— Мама, мама! Посмотри, какие в торте маленькие мальчики!

Пете и в голову не пришло, что он облизал своих старых знакомых. А Непоседа, Мякиш и Нетак, придя в себя, спрыгнули со стола и спрятались в кадушке большого фикуса.

— Мальчики! Вот они!

В комнату вбежала вся семья и домработница Дуся.

— Боже мой! — со стоном опустилась на стул Петина мама.— Ребёнок бредит, у сына температура! У него мальчики в глазах!.. На помощь, на помощь! Эта болезнь убьёт моего Петю!

— Неужели в торте мальчики? — озадаченно спросила бабушка. — Меня в кондитерской ни о чём не предупреждали. Не может быть!

— Всё может быть! — решительно заявила Дуся. — В этом доме всё может быть!

После этого бабушка подняла глаза в угол, где висел портрет Петиного дедушки, и незаметно перекрестилась.

— Кто разволновал Петю? — строго спросила у всех мама.

Бабушка сказала, что сама за Петю переписала из учебника по русскому языку упражнение под заглавием «Делай всё сам!» И решила обе заданные ему задачи. Так что Петя на неё не в обиде.

Дедушка сказал, что два раза катал внука верхом и ноги у ребёнка не должны болеть.

Непоседа, Мякиш и Нетак слушали и следили из кадушки за всем, что происходило в комнате.

— Тяжело Пете! — покачал головой Мякиш.

— Ему надо скорее бежать в лагерь, — решил Непоседа.

— В лагерь! — твёрдо сказал Нетак.

Да, положение у Пети было незавидным. Подумайте сами: уроки ему делать не давали — их делала за него бабушка. Пешком ходить не позволяли. А в футбол он мог играть только во сне. Единственное, что ему разрешали делать, — это кататься верхом на дедушке и кушать манную кашу в неограниченном количестве.

— Срочно профессора! — приказала мама. — Срочно карету «скорой помощи»! Пусть папа немедленно едет в поликлинику!

Но папы, как назло, не было дома. Мама сама разрешила ему уйти из дому, чтобы изготовить какой-то винтик для самокормящего аппарата. (Один рычаг плохо работал и всё время подносил ложку не ко рту, а к уху.)

Петю насильно уложили в постель и положили на голову большой тяжёлый кусок льда.

Петя дрался как лев, капризит буквально выбрасывал его из постели. Мама подмигнула бабушке, и та, подсев к Петиной кровати, запела колыбельную песню. Внук вертелся под одеялом, как живая гора, а бабушка сонным голосом тянула:

Баю-баюшки-баю,
Внуку песенку спою.
Приходи к ребёнку в сон,
Шоколадный толстый слон,
Мармеладный бегемот!
Спи хоть сутки напролёт —
Пусть растает капризит,
Вырастает аппетит...

Наконец бабушка уснула. Под постелью, облизнувшись, задремал Сардель, а потом захрапел и сам Петя. Мякиш, конечно, захрапел сразу же, как только бабушка пропела первые два слова: «Баю-баюшки».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Побег

Непоседе и Нетаку пришлось немало потрудиться, пока им удалось вытолкнуть спящего Мякиша из кадушки. Надо было срочно выручать Петю — немедленно бежать с ним в лагерь.

Мальчики взобрались на постель к спящему Пете.

Над Петиной постелью висел портрет папы, как две капли воды похожего на сына.

Петя дышал глубоко, и одеяло ходило то вверх, то вниз.

— Умеет спать! — с завистью заметил Мякиш.

Петя действительно спал на «отлично». Эту работу он знал хорошо и всегда выполнял самостоятельно.

— Вставай, вставай! — звенел пружинками Непоседа.

— Вставай, вставай! — топал по постели Нетак.

Мякиш залез спящему прямо на лицо, начал теревить его за нос и, конечно, залепил обе ноздри.

Петя чихнул и проснулся.

Он заворчал по-медвежьи и приоткрыл один глаз.

— Ах, это вы! — просопел он, пытаясь перевернуться на другой бок.

— Вставай! Вставай! — в отчаянии крикнул Непоседа.— Надо скорее бежать!

— А куда? — спросил спросонья Петя.

— В лагерь!

— В лагерь?! — оживился Петя и даже приподнялся на постели.

— Да, в самый настоящий пионерский лагерь! Там лес, там река...

Большого Непоседа о лагере сообщить не мог, потому что сам никогда там не бывал. А Петя знал, что такое пионерский лагерь. В прошлом году он там пробыл целый день, но остаться ему не удалось. Мама поставила условие: «С Петей в отряде должен находиться дедушка и ухаживать за ним!» Ей даже удалось уговорить директора. Одно свободное место было в десятом отряде, у самых маленьких. Дедушке выдали майку, трусики, белую панамку и сачок для ловли бабочек. Он уж было начал ловить для своего звена всяких насекомых и мотыльков, но вожатая потребовала, чтобы он сбрил свою боро-

ду. Дедушка категорически отказался. Он обиделся, вернул вожатой сачок и ушёл на станцию. Тогда мама забрала Петю и тоже уехала с ним домой.

Теперь, лёжа в постели, зажмурив на миг глаза, он ясно представил себе лагерь: лес, ребята бегают босиком прямо по шишкам, играют в мяч, ловят больших, как модели планёров, бабочек; с утра до вечера сидят по шею в реке, играют в индейцев и танцуют у костра... А потом пекут картошку в костровой золе и едят её, горячую, рассыпчатую...

— Ой, картошка! — сказал Петя и сбросил одеяло.— В лагерь! Еду в пионерский лагерь! — закричал он и, путаясь в широкой рубахе, запрыгал по постели.

Непоседа, Мякиш и Нетак еле успели перепрыгнуть на подоконник. Кровать рухнула, и из-под неё раздался визг. Снова досталось Сарделю.

— Еду в лагерь! Еду в лагерь! — продолжал кричать Петя, уже прыгая по комнате.

Бабушка проснулась и стала звать на помощь. В дверях показались мама и Дуся.

— В чём дело? — заломала руки мама.— Что с тобой, Петенька?!

— Я еду в лагерь! — решительно заявил он.

— Наконец-то! — сказала домработница Дуся.— Пусть дитя едет! Там много воздуха, и всем нам легче будет дышать.

— Что ты говоришь? — испугалась мама.— С кем едет?

— С ними,— сказал Петя,— с мальчиками.

Но мама не видела малышей, потому что глаза её были полны слёз.

— Какие мальчики? — воскликнула она и схватила метлу.— Вон из моего дома! В милицию их! Ловите!.. Подумайте только — в лагерь! — кричала она, орудуя метлой.— Там ин-

фекции: коклюш, свинки, ангины, скарлатины!.. Там некому одевать и кормить!.. Петенька,— бросилась она к сыну,— мы тебе купили самого дорогого осла!

— Не хочу играть с ослом, хочу — с ними!

— С кем? — закричала мама и снова заметалась по комнате.— Где они? Ловите!

Бабушка и Сардель тоже начали ловить невидимых малышей.

Непоседа ловко прыгнул на шкаф, со шкафа — на карнизы, оттуда — на стол, со стола — под буфет. А Нетак и Мякиш сидели на шкафу и терпеливо ждали, пока утихнет буря.

Наконец Непоседа вскочил на спинку кровати и прошептал Пете на ухо:

— Одевайся и беги! Встретимся на улице!

— Идёт! — просиял Петя.— Ищите меня на углу, в садике,— и начал сам одеваться.

Оказывается, он не умел только зашнуровывать ботинки, остальное же, представьте себе, делал легко и быстро.

Комната ходила ходуном, как при землетрясении. На пол летели то ваза, то бутыл с молоком, то тарелки сыпались из буфета, и всё, как нарочно, валилось на толстого, неповоротливого Сарделя.

Не видя нигде никаких мальчишек, мама приказала:

— Скорей в спальню! Они — там! — При этом она махнула щёткой и угодила прямо в стекло балконной двери.

Дзе-е-ень!..— пропело стекло и захлебнулось свежим ветерком.

Мама и бабушка не обратили на это внимания и скрылись в спальне.

— Ну и наломали же дров! — сердито сказала Дуся и принялась наводить порядок.

А Петя, улюлюкая, выбежал в парадное и

скатился по перилам вниз. Обратите внимание — скатился! До сих пор его сводили по лестницам медленно и только за руку.

Комната опустела.

— Путь свободен! Вперёд, на балкон! — воскликнул Нетак, показывая на разбитое стекло.

Однако дыра была высоко — до неё не допрыгнуть.

Вдруг Непоседа увидел патефон. Диск его быстро вращался.

Патефон утром забыл выключить Петя.

Петя тоже иногда занимался изобретательством, как и отец. У него были способности.

Не зря же он был сыном конструктора.

Патефон он приспособил для стрельбы. Хотите знать как? Очень просто. Для этого надо включить патефон и на вращающийся диск положить горошину или спичку. Бросишь на диск такую пулю — и она летит хоть в стенку, хоть в кошку, хоть в окно — куда захочет.

Первым со спинки стула на диск соскочил Непоседа. В тот же миг он вылетел в разбитое окно балконной двери, только звон прокатился по комнате. Нетак почему-то полетел в другую сторону и угодил в папин портрет, который висел над Петиной кроватью.

Тогда он снова взобрался на спинку стула и снова прыгнул.

На этот раз он прыгнул более удачно: угодил в окно, но пробил в нём новую дыру.

Хуже обстояло дело с Мякишем. Он прилип к диску, и от быстрого вращения его пластилиновое тело начало расплзаться, как мягкая глина на круге гончара-горшечника. Он с ужасом вспомнил себя распластанным на столбе и собрал все свои силы. Крякнув, он оторвался от диска и тоже вылетел на балкон.

Следом за ним почему-то вылетел плюшевый осёл. Впрочем, этого следовало ожидать, потому что он никого в доме не успокаивал, а только раздражал. Кому в доме нужен осёл?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Петя сам ходит по улице.

Цирковая тележка.

*«Але-оп — сальто-мортале —
кульбит — гав-гав-гав!..»*

— А как мы попадём на улицу? — озадаченно спросил Непоседа, с опаской поглядывая вниз с четвёртого этажа.

— Э-эх! — пропищал Мякиш. — Я так и знал! Всегда что-нибудь помешает в последнюю минуту...

А Петя в это время шёл по улице без провожающего. Петя не знал, что делать от счастья. То ему хотелось лечь на мостовую и смотреть в небо, то бежать против движения, то ходить колесом или прыгать на одной ноге.

«Смотрите! — хотелось кричать ему. — Я хожу по улице без мамы и папы! Я самостоятельный! Могу делать что хочу, идти куда хочу, ходить как хочу! Вот возьму да пойду на руках по мостовой! Вот возьму и нарушу правила уличного движения!..»

Однако Петя ничего этого не сделал, потому что прохожие смотрели вовсе не на него. Их внимание привлекла маленькая цирковая тележка, запряжённая пони — карликовой лошадкой.

Пони вёл под уздцы лилипут, а на тележке стояли две рекламы, упираясь верхними краями друг в друга так, что получилось что-то вроде шалаша.

Петя тоже увидел рекламы. По его телу пробежала радостная дрожь, щёки зарумянились, а глаза загорелись, как бенгальские огни. Ведь он давно уже хотел стать цирковым клоуном, самым весёлым и смешным человеком, любимцем публики! Это была заветная, почти позабытая мечта.

Да-да, он хотел падать и смешить людей, вызывать бурю аплодисментов.

А какая реклама была на щитах! Она манила и звала, тянула к себе, как магнит. Красивые морские львы напоминали людей, завязанных в чёрные мокрые мешки. Львы ловили открытой пастью рыбу и носом ловко отбивали разноцветные мячи. На толстой осёдланной свинье, похожей на огромный мешок белой муки, верхом сидела мохнатая обезьяна в цилиндре. Одной рукой она держала сигару, а другой ловко чесала спину. Гусь с длинной изогнутой шеей держал в клюве фанерную дощечку с цифрой «5» — настоящей школьной пятёркой. А рядом, оседлав одноколёсный велосипед, малыш в спортивном костюме кричал в рупор:

**ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ!**

СЕГОДНЯ НОВАЯ ПРОГРАММА!

ТРИ ДНЕВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ!

**НА АРЕНЕ МИРОВЫЕ РЕКОРДСМЕНЫ!
ЗНАМЕНИТЫЙ ФОКУСНИК КЛЕОПАРДИ!
БУЛЬДОГИ-ФУТБОЛИСТЫ!**

**СПЕШИТЕ!
СПЕШИТЕ!**

Всё это было нарисовано на рекламных щитах.

У Пети внутри что-то задрожало. Забыв обо всём на свете, он бросился наперерез движению, увёртываясь от машин с ловкостью, которой от него трудно было ожидать.

Только дважды задерживался он на мостовой — он не знал, в какую сторону бежать от автомобилей. Петя влево — машина слева, Петя вправо — машина справа. От них-то он отвязался, а с велосипедистом столкнулся и с огромными дырами на штанах побежал дальше.

Догнав тележку, он забрался под рекламные щиты и оттуда начал размахивать руками, строить гримасы, кричать петушиным голосом и даже лаять:

— Здравствуйте! Меня зовут Бим! Ха-ха-ха!.. Новая программа! Бесплатные билеты! Спешите! Спешите!.. Але-оп — сальто-мортале — кульбит — гав-гав-гав!..

Затем Петя попробовал сделать на тележке стойку, но руки не выдержали его собственного веса, и он, словно куль, шлёпнулся на мостовую. Прохожие смеялись и аплодировали. Они были убеждены, что всё это подстроила цирковая администрация, что это настоящий клоун. А услышав про бесплатные билеты, многие тут же поторопились прямо в цирк. Впереди всех, конечно, бежали ребята.

Петя, ковыляя, догнал тележку, снова залез на неё, и вся эта живая реклама на колёсах поехала дальше.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*и, несмотря на это, счастливая,
потому что все наши
путешественники
попадают в цирк*

Непоседа, Мякиш и Нетак всё ещё находились на балконе четвёртого этажа. В комнату они войти не могли, а как очутиться на улице? Вот вопрос, над которым приходилось ломать голову.

После долгого раздумья Мякиш сказал:

— Лучше всего, пожалуй, съехать вниз,— и указал товарищам на водосточную трубу, которая проходила рядом с балконом.

Непоседа первым прыгнул на трубу. Железо под ним зазвенело, завизжало и задрожало. Со стороны можно было подумать, что кто-то ножом скребёт кастрюлю. А из-под его металлических ног и рук словно от точильного круга брызгами рассыпались искры.

Когда спускался деревянный Нетак, труба глухо тарахтела: «Бум-турурум! Турурум-бум!..»

Последним прыгнул на трубу Мякиш. Солнце нагрело трубу, и весь он прилипал к ней. Поэтому, когда он отклеивал поочерёдно руки и ноги, труба говорила: «Смак-чвак! Чвак-смак!»

Прохожие с испугом оглядывались на трубу, опасливо сторонились и даже переходили на другую сторону.

Наконец наши путешественники съехали на тротуар.

— Садик! Садик! Я вижу садик! — закричал Непоседа.— Скорей туда, там ожидает Петя!..

И все трое побежали на угол, где за металлической изгородью был разбит небольшой сад. Но Пети там не оказалось.

Непоседа обегал все аллеи, все клумбы, искал под каждым листиком и цветком, но так и не нашёл его.

— Всё пропало — Пети нет!

— Я так и думал,— зевнул Мякиш, укладываясь спать под садовую скамейку.

Но тут Непоседа заметил, что на тротуаре появились десятки ребячьих ног. С каждой минутой их становилось всё больше и больше.

Ребята весело переговаривались, и сверху то и дело доносилось:

— Скорей, скорей!

— Вот здорово — бесплатные билеты!

— А вдруг нам не достанутся?

— Ух и программа сегодня!..

На противоположной стороне стояло большое круглое здание, украшенное цветными афишами. Из репродукторов неслась весёлая музыка и громкий голос извещал:

«Внимание! Внимание! Начало через пять минут!..»

— Да это же цирк! Цирк, цирк! — запрыгал Непоседа.

— Ну и что ж с того, что цирк? — совершенно спокойно сказал Мякиш. — Нам сейчас до него нет никакого дела. У нас пропал Петя. Он должен идти в пионерский лагерь, а не в цирк.

Нетак уже давно смотрел на яркие афиши и готов был побежать за городскими ребятами, но ноги его почему-то шли в противоположную сторону. Это был первый случай, когда деревянный упрямец пожалел, что он во всём не так.

Непоседа стоял очень огорчённый словами Мякиша, и вид у него был такой, словно его окатили ушатом холодной воды. И всё же он попробовал снова заикнуться о цирке:

— А... а всё же цирк есть цирк! — сказал он.

— Гм, ты, как никогда, прав,— ехидно пропищал Мякиш.— Цирк — это действительно цирк, и в этом тебе даже Нетак не станет перечить. Но подумайте, зачем Пете бежать в цирк, когда ему нужно бежать в пионерский лагерь? Тем более, что лагерь — это тоже в некотором роде цирк: там немало ребят с утра до вечера ходят на голове и вытворяют такое, что не всякий акробат сделает.

— Конечно,— печально вздохнул Непоседа.— Нужно искать Петю, хотя я бы на его месте пошёл сейчас в цирк.

И тут как раз совершилось неожиданное: слова Непоседы оправдались. На мостовой показалась тележка, на которой торжественно восседал Петя. Тележка направлялась прямо к воротам цирка.

— Ага! Что я говорил?! — радостно подпрыгнул Непоседа.— Вперёд, за Петей!

Тут уж ничего другого не оставалось, как бежать за тележкой. И друзья побежали к цирку. Но — не успели. Тележка въехала в цирковой двор, и ворота закрылись перед самым носом Непоседы, Мякиша и Нетака. Непоседа не смог перенести такого огорчения и щёлкнул Мякиша в лоб, отчего у того осталась заметная вмятина.

— Ну что, ну что нам теперь делать?! — со слезами на глазах прозвенел Непоседа.— Как мы доберёмся до Пети?

— Ничего страшного не случилось,— выпрямляя вмятину на лбу, сказал Мякиш.— Билеты бесплатные, и касса ещё открыта.

Но у кассы творилось что-то невообразимое. Ребята шумели, орали и требовали самого директора.

— Да вы что?! — кричала из окошка кассирша.— Какие такие бесплатные билеты? Кто вам сказал?

— Кто? Ваш главный клоун — вот кто! — кричали ребята. Они наседали, требовали, шумели...

Непоседа, Нетак и Мякиш так и не сумели пробиться к кассе. Но тут раздался первый звонок, и толпа быстро рассеялась.

Мальчики оказались одни перед кассой. Под окошко кассы тотчас же был пододвинут толстый кирпич. Нетак влез на него первым. На плечи ему залез Мякиш, а Мякишу на голову взобрался Непоседа. Пирамида раскачивалась, но Непоседа успел дотянуться до окошка кассы и крикнуть:

— Билет!..

Но только кассирша протянула билет, как пирамида с грохотом рухнула. Пришлось заново строить пирамиду.

— Сколько раз вам повторять — бесплатных билетов нет, платите деньги!

Пирамида рухнула в последний раз. Денег, конечно, ни у кого из них не было, и, если говорить правду, они их ни разу в жизни не видели.

Минуту спустя Непоседа, Мякиш и Нетак стояли у входных дверей, где всё ещё толпились ребята. Одни приставали к взрослым и просили:

— Тётянька, возьмите меня с собой!

— Дяденька, скажите, что мы ваши сыночки!..

Другие кричали и возмущались:

— Почему нет бесплатных билетов?!

— Сам главный клоун объявил, что билеты бесплатные!..

А представление уже начиналось. На улице были слышны музыка, смех и аплодисменты. В дверях появился огромный мужчина в плаще и шляпе. По всему видно было, что это бывший

борец. Он тяжело дышал, а уши его, раздавленные в схватках, двумя блинчиками плотно прилегали к голове.

— Никаких бесплатных билетов нет! — сопел он. — Это какой-то шарлатан обманул вас! — И, обращаясь к контролёрше, приказал: — Чтобы у вас без билета ни один человек не прошёл! Ни один!

Это был сам директор цирка, потому что контролёрша так и сказала:

— Не волнуйтесь, товарищ директор, у меня без билета ни заяц, ни мышь не прошмыгнут!

Контролёрша была строгая и бдительная: на её носу сидело две пары очков, билеты она подносила к самому носу и ещё прощупывала их руками.

Вдруг к дверям подошёл мальчик с папирсой в зубах и тросточкой в руке и спокойно прошёл мимо контролёрши.

— Ваш билет? — строго спросила она и остановила мальчика.

— Вы что, не видите? — сказал мальчик. — Я лилипут, ассистент фокусника Клеопарди!

— Ах, простите, я вас не узнала! — извинилась контролёрша.

Но тут появилось ещё с десятков «лилипутов», и, если бы не директор, контролёрша всех пропустила бы.

— Вон отсюда, бесстыжие! — крикнул директор. — А ещё в школе учиться!..

Это были те самые ребята, которые надеялись на бесплатные билеты.

— Но мы-то настоящие, самые лилипутные лилипуты! — воскликнул Непоседа. — Нас обязаны пропустить!

— Стойте! А вы кто такие? — спросила контролёрша, преградив им путь ногой.

— Мы великаны! — выпалил Нетак.

— Ишь мышинные великаны, марш отсюда! — сказала контролёрша и засмеялась.

Вдруг Непоседа толкнул друзей и, лихо подпрыгнув, очутился в оттопыренном кармане директорского плаща. Тот ничего не заметил, потому что отдавал какие-то распоряжения маленькому толстенькому человеку — как видно, администратору цирка.

— Сюда, сюда! — шипел Непоседа и протягивал вниз свои руки-пружинки.

Нетак мигом ухватился за них, Мякиш — за ноги Нетака, и все трое очутились в директорском кармане. Ещё секунда — и «мышинные великаны» без билетов спокойно въехали в цирковое фойе, куда пошёл директорский плащ.

Контролёрша отлично видела проделку трёх малышей, но никому ни слова не сказала, только проворчала директору вслед:

— Нам не велит пропускать без билета, а сам водит бесплатно кого захочет.

Конечно, что можно директору — нельзя контролёру.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Новые таланты Пети

Петя давно уже был в цирке. Он околачивался в большой комнате, где артисты ожидают своего выхода. Перед ним проходили силачи-рекордсмены, девушки-канатоходцы, конюхи вели под уздцы белых коней с пышными султанами на голове. Служители в синей форме с золотыми галунами проводили дрессированных медведей и свиней.

Петя не знал, с чего ему начать. У него не было клоунского костюма. Будь на нём сейчас

этот костюм, он не задумываясь побежал бы на манеж, а уж там знал бы, что делать. Петя стоял в раздумье и чесал затылок.

Около него остановился дрессированный гусь-математик, тот самый, что был нарисован на рекламе, и, подмигнув, сказал: «Га-гаг-га!» Затем немного подумал и важно подал ему жирную «двойку», нарисованную на фанере: дескать, вот тебе за твою недогадливость.

Но в эту минуту к Пете подошла женщина с ворохом костюмов и сердито сказала:

— Чего вы стоите? Сейчас выход акробатов-прыгунов, одевайтесь! — и, схватив его за руку, потащила в комнату, заваленную пёстрыми костюмами.

Петя хотел сказать, что он никакой не прыгун, а клоун, но промолчал и стал поспешно раздеваться.

Что было делать? Иначе ведь на арену не попадёшь. Костюмерша помогла ему стянуть рубашку и штаны и стала надевать на него спортивную форму.

— Что это с вами случилось! — спросила она, с трудом натягивая на его покатые плечи костюм. — Отчего вы вдруг растолстели?

— Это я так надулся, — сказал Петя. — Тяните скорей! Я сейчас обратно выдыхусь.

Костюмерша так и не смогла застегнуть пуговицы на его спине и, махнув рукой, выпроводила его из комнаты.

У входа на арену Петя заметил группу артистов и пристроился к ним.

А в это время директор цирка прошёл в конюшню, и, хоть она называлась конюшней, там, кроме лошадей, стояли слоны и верблюды, а в звериных клетках сидели свиньи, петухи и кошки. Директор снял плащ, повесил его на гвоздь и удалился.

Раздумывать было некогда.

Прыгайте! — скомандовал Непоседа и соскочил на асфальтовый пол.

За ним вывалились Нетак и Мякиш.

— Зде-есь Пети нет! — сказал Мякиш. — Что ему делать среди свиней и медведей?

— За мной, на арену! — зазвенел Непоседа.

Но где находилась арена, никто из них не знал. Они устремились вперёд и впопыхах наткнулись на клетку с обезьяной. Мартышка подскочила к решётке и что-то затрещала на своём обезьяньем языке.

У мартышки были очень умные глаза, а обезьяний язык оказался не таким уже сложным. Они бы охотно побеседовали с ней, но сейчас было не до этого.

— Простите, вы не скажете, как пройти на арену? — вежливо спросил Непоседа.

Обезьяна немедленно протянула хвост через решётку и, свернув его узелком, показала кукиш.

— Ловко! — изумился Мякиш.

А Нетак рассердился и ударил деревянным кулаком по дверце. Замок звякнул, и дверца распахнулась. Обезьяна как пуля выскочила из клетки и исчезла.

— Сами найдём, подумаешь! — рассердился Непоседа и побежал по длинному коридору.

Чем дальше они бежали, тем громче слышны были смех, музыка и аплодисменты. Так они оказались у выхода на манеж.

Проскочив под бархатными портьерами, человечки очутились в большом цирковом зале у круглого барьера, обтянутого красным плюшем.

Прожекторы освещали арену, оркестр играл весёлый галоп, публика шумно хлопала. Ослеплённые яркими лучами прожекторов, они сперва ничего не могли разглядеть, но, когда глаза

их привыкли к свету, они увидели перед собой Петю. Что с ним происходит, они понять не могли. Одетый в тесную цирковую форму, Петя вырывался из рук каких-то акробатов.

Наконец он вырвался, вскочил на доску трамплина и весело крикнул:

— Але-оп!

На другой, поднятый конец доски с высокой стойки прыгнул здоровенный детина. У-у-ух! — тяжело вздохнула доска, и Петя, раскинув руки и ноги, полетел вверх, как мешок, набитый опилками.

По металлическому телу Непоседы словно пробежал ток. У Нетака на голове стружки стали дыбом. А Мякиш от страха так похолодел, что тело его окаменело, и он долго не мог разнять рук. В цирке закрипели стулья, и под куполом, как ветер, пронеслось шумное «ах».

Петя неуклюже перевернулся в воздухе и полетел головой вниз. Оркестр захлебнулся. Ещё миг — и Петя не собрал бы своих костей. Но у самой земли его подхватили крепкие руки акробатов, и все вместе грохнулись на землю. Публика радостно вздохнула. Акробаты схватили Петю за руки и, бледного, брыкающегося, повели к выходу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Под куполом цирка.

Небывалая футбольная встреча

За кулисами стояла костюмерша и держалась руками за голову, а рослые парни-акробаты кричали, перебивая друг друга:

— Кто подсунул нам этого толстяка?

— Это какой-то самозванец!

— Мы предупреждали, что наш Вова болен, что выступаем без него!

— Вон его из цирка!..

Но не тут-то было. Петя пришёл в себя и начал вырываться. Кто знает, чем бы всё это закончилось, если бы в эту минуту не появилась обезьяна, та самая, которую выпустил из клетки Нетак. Задрав хвост, она мчалась по коридору, а за ней бежал сам директор цирка и на ходу отдавал распоряжения:

— Ко мне, на помощь! Ловите! Держите!..

Артисты, конечно, тут же забыли о Пете и принялись выполнять приказ директора.

Петя же, воспользовавшись суматохой, быстро подбежал к большим ящикам, на которых белыми буквами было написано: «Клеопарди», и влез в один из них.

Как раз в это время знакомый нам лилипут, ассистент знаменитого фокусника Клеопарди, подошёл к ящику, бросил в него петуха и трёх кроликов и захлопнул крышку.

Двое рабочих подцепили ящик крючком к канату, и он медленно поехал через выход вверх. Выше, выше, выше и остановился под куполом цирка.

— Теперь даже я не допрыгну до него, — сказал Непоседа.

— А может, его не выдержит верёвка? — понадеялся Мякиш.

— Оборвётся! — решительно прокрипел Нетак.

Но всё обернулось иначе.

Теперь у выхода на арену толпилась целая свора бульдогов в трусах. У псов были обрублены хвосты и уши.

Униформисты чертили на арене, засыпанной опилками, футбольное поле и расставляли флажки. Клоун в длинном пиджаке и коротких шта-

нах устанавливал ворота. Он всё время падал и хватался за нос, а когда чистил его, из ноздрей целой струёй сыпались опилки.

Непоседа, Мякиш и Нетак пришли в такой восторг, что совсем забыли о Пете. Они прыгали под стульями и хохотали так, что зрители, сидевшие над ними, недоумённо переглядывались. Шутки клоуна будто специально были придуманы для игрушечных мальчиков.

Наконец снова зажглись прожекторы, оркестр заиграл польку-лайку, и клоун провозгласил:

— Лучший аттракцион новой программы — бульдоги-футболисты!.. Прошу!..

Публика заёрзала на стульях, засвистела, зашумела, зааплодировала, и на арену выбежала лающая команда.

Началась разминка. Судья-бульдог в белой рубашке сам нарушал всякие правила игры: он мешал игрокам, бросался на мяч и толкал его своим тупым носом. Зрители превратились в ярых болельщиков; они начали обниматься, целоваться и грызть семечки — совсем как на стадионе.

Клоун засунул два пальца в рот и свистнул. Разминка прекратилась. Потом он достал из-под полы красный футбольный мяч и, зажав его под мышкой, объявил:

— Уважаемые зрители, сегодня на нашем поле находится знаменитая футбольная команда «Ни уха, ни хвоста», победительница игр прошлого сезона, завоевавшая кубок «Любительской колбасы»!

Публика наградила футболистов бурей аплодисментов.

Клоун продолжал:

— Наша команда вызывает любую команду на состязание. Победители в награду получают прекрасный приз! — И он завертел на шнурке

вокруг головы красный мяч, который мог бы стать гордостью любой дворовой команды.

Только он это сказал, как ящик под куполом дёрнулся и закачался, точно маятник. Ни кролики, ни петух не были в этом повинны. Вертелся в ящике Петя. Он слышал, что сказал клоун, а в щёлку, которая была на дне, видел красный футбольный мяч. Пропадала такая возможность! Есть мяч, есть команда, а играть он не может. Пете в эту минуту было безразлично, где играть, за кого играть, лишь бы играть. Вот почему под куполом цирка дёргался и качался ящик с надписью «Клеопарди».

Среди публики нашлись смельчаки, которые пожелали сразиться с бульдогами, но, разглядев соперников поближе, немедленно убегали.

— Что-то не падает наш Петя,— сказал Непоседа, поглядывая из-под стула на болтающийся ящик.

— Это и понятно,— заметил Мякиш.— Чего Пете торопиться вниз, если он нас не видит.

— А у меня идея! — дёрнулся Непоседа и стукнулся головой о сиденье кресла.— Надо сразиться с бульдогами! Чем мы не команда?!

— Команда! — буркнул Нетак.

— Вперёд! На арену! — потянул друзей Непоседа, и все трое выкатились на манеж.

Публика сначала затихла, а потом задвигалась, зашумела. Посыпались вопросы: «Кто?», «Что?», «Откуда?». Некоторые даже подбегали к барьеру, чтобы поближе разглядеть небывалых человечков. Клоун сначала протёр глаза, а потом схватил метлу и направился к трём мальчикам. Но тут появился сам директор цирка. Он задержал клоуна и что-то шепнул ему на ухо. Клоун оглушительно захохотал и хлопнулся на опилки. Затем вскочил, отряхнул свои короткие брюки и снова объявил:

— Уважаемые болельщики! Сейчас произойдёт небывалая в мире встреча между командой «Ни уха, ни хвоста» и командой марсиан-великанов!.. Итак, разыграем ворота и подачу!

Клоун быстро оторвал от своего синего пиджака белую пуговицу и протянул обе руки вперёд со сжатыми кулаками.

Бульдог — капитан команды — решил, что в руке у клоуна сахар, и, подпрыгнув, схватил пастью весь правый кулак. Затем, рыча, выплюнул пуговицу и грубо облаял клоуна.

— Чего тут долго раздумывать? — воскликнул Непоседа. — Вперёд, братцы, сразимся!

— Что ты... — протянул было Мякиш, но деревянный упрямец так ткнул его кулаком в бок, что Мякиш покатился, как шар.

Непоседа схватил друзей за руки и потащил их на футбольное поле. Игрушечная команда заняла западные ворота и расположила силы так: Мякиш стал в воротах, Нетак — на защиту, а Непоседа, конечно, стал нападающим.

Игру можно было начать в любую минуту, судья-бульдог свистел не переставая, потому что сирена была вделана прямо в намордник.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

20 : 3 в нашу пользу.

Триумф фокусника Клеопарди

Население города, в котором жил Петя, состояло из одних болельщиков футбола, чего за другими городами не замечалось.

Ещё не начался матч, а в проходы цирка потоками валили люди. По городу с быстротой молнии пронёсся слух, что в цирке происходит

футбольная встреча с командой марсиан-великанов.

К цирку, визжа тормозами, подкатывали машины, толпы болельщиков запрудили улицы. Директору пришлось вызвать конную милицию, чтобы спасти стены цирка от бешеного напора публики. Он потирал руки и приговаривал:

— Неслыханный успех! Колоссальные сборы! Аншлаг! — и выдавал кассиршам новые билетные книжки.

А жители города всё прибывали. Тысячи не проникших в цирк стояли под репродукторами и слушали репортаж о футболе, который вёл главный клоун.

Матч длился уже десять минут, а счёт всё ещё не был открыт. Подтянув трусы, бульдоги бросались на ворота противника, но Нетак умело держал защиту, а Непоседа ловко уводил мяч и гнал его подальше от своих ворот. Нелёгкая это была работа для игрушечных человечков. Мяч был кожаный, плотный, чуть побольше самих игроков. Чтобы покатить его вперёд, Нетак и Непоседе нужно было разогнаться и весом всего тела бить по мячу. Мякиш, который хоть и зевал без конца, не прозевал ни одного мяча. Он то и дело сплющивался от ударов, принимал разные формы, но быстро приходил в себя.

Борьба с каждой минутой обострялась. Бульдоги вели нечестную игру: они огрызались и хватали зубами противников. Особенно был страшен полосатый бульдог из нападающих. Одного глаза у него не доставало (он был потерян в драке), но другой глаз, существующий, был страшнее двух волчьих. Зелёный и круглый, он метал свирепые молнии. Взгляд его был равносителен укусу.

Этот футболист и привязался к Непоседе. Он всё время наступал ему на пятки и норовил

подставить лапу. Клыки его то и дело касались спины железного игрока.

Непоседа терпел сколько мог, а потом решился на самую крайность.

«Глупый пёс! Наверное, никогда не пробовал железа», — подумал он и круто остановился.

В тот же миг спина его оказалась в собачьей пасти. Раздался звон и хруст. На опилки упали два белых клыка. Цирк огласился диким воем. Обхватив лапами морду, бульдог катался по арене. Судья свистел и лаял. Игра приостановилась. На поле выехала карета «скорой помощи», запряжённая двумя белыми шпицами, и увезла пострадавшего.

Теперь, не выпуская инициативы из своих ног, команда Непоседы успешно нападала на ворота противника.

Под куполом цирка сотрясал свою тюрьму Петя. Ящик угрожающе раскачивался над ареной. В это время в одной из лож появился новый болельщик, какой-то плотный мужчина. Не успев сесть на стул, он начал кричать:

— Так их, родименьких!.. В коробочку их, в коробочку!..

Болельщик так прыгал, что чуть не вывалился из ложи. Спасибо, соседи успели схватить за ноги.

Непоседа, Мякиш и Нетак повернули головы на крик и замерли. Лицо нового болельщика показалось им знакомым.

— Да это же Петин папа! — воскликнул Непоседа и сел от неожиданности на опилки.

Сомнений быть не могло: папа был копией своего портрета, который висел над Петиной кроватью.

Сидя взаперти под куполом, Петя болел, ящик ходил ходуном и каждую минуту мог сорваться.

Петя, конечно, тоже увидел папу и от этого почувствовал во рту вкус манной каши. Однако

о последствиях возможной встречи он не подумал, потому что игра увлекла его целиком.

Минутой растерянности воспользовались бульдоги. Они перехватили мяч, и отнять его теперь, казалось, было невозможно. Но в эту минуту какой-то болельщик, чтобы поднять дух собачьей команды, швырнул на поле сосиску. Бульдоги, забыв про мяч, организованно набросились на неё, и вся команда, с капитаном и судьёй во главе, превратились в рычащий и лающий клубок. Пока клоун разнимал бесхвостых футболистов, Непоседа под ликующие крики болельщиков забил один за другим десять голов. Он забивал мяч в ворота, сам выкатывал его и снова забивал. Наконец от сосиски ничего не осталось, и бульдоги, подкрепившись, с новыми силами начали атаковать игрушечных футболистов.

Положение с каждой минутой становилось всё опаснее. Во-первых, судья был бульдогом и явно подыгрывал своей команде; во-вторых, нашим друзьям всё время били штрафные из-за рук, которыми Непоседа и Нетак задевали мяч. Бульдогам штрафных присудить нельзя было, потому что пойдя разберись, где у собаки руки, а где ноги. У них сплошные лапы. Можно было бы, скажем, засчитать хвост, но и того у них не было: хвосты и уши были у них обрублены ещё в щенячьем возрасте. Отсюда и получила команда своё название «Ни уха, ни хвоста».

Папа в ложе бушевал, как вулкан; мамы рядом не было, и он мог позволить себе что угодно. Возмущённый поведением судьи, он первый закричал:

— Судью с поля!..

В публике его поддержали:

— С поля!..

Ряды собачьей команды дрогнули и пришли в замешательство.

Счёт начал быстро расти в пользу нашей команды. Игра могла закончиться для бульдогов всухую, если бы не Нетак. Всё ему казалось неправильным, потому что ничего не делалось наоборот. Он терпел, пока мог, но на последней минуте игры повернулся лицом к собственным воротам и забил в них подряд три мяча. Мякиш, конечно, прозевал на этот раз все три удара.

Матч закончился со счётом 20:3 в пользу нашей команды. Под бурные аплодисменты зрителей и троекратный туш оркестра клоун вручил победителям новенький красный футбольный мяч.

Ящик под куполом застонал. Непоседа, Мякиш и Нетак ухватили мяч за шнурок и побежали с арены.

— Скорей, скорей! — торопил Непоседа.

— А Пе-етя? — спросил Мякиш.

Конечно, покинуть цирк они не могли: под куполом в ящике висел Петя, а в ложе сидел его папа. Пришлось вернуться в зал и снова залезть под кресло первого ряда.

Теперь на манеже шла подготовка к выступлению фокусника Клеопарди. Униформисты вытаскивали на манеж длинные ящики, клетки, всякие столики, несли пилы, пики и сабли. Потом выкатили большой ковёр, и когда его развернули, то внутри оказался клоун. Он встал, отряхнулся, раскланялся на две стороны и объявил:

— Выступает знаменитый фокусник-иллюзионист Клеопарди!

Сказал и исчез, как сквозь землю провалился. Публика зааплодировала первому чуду фокусника, и на манеж под звуки турецкого марша вышел сам Клеопарди. На нём был широкий пёстрый халат, на голове — голубая чалма с драгоценным камнем, а шёл он, скрестив на гру-

ди руки и опустив глаза. Ни дать ни взять — чародей и волшебник!

За Клеопарди шла его свита. Свита состояла из лилипутов и женщин. Лилипуты несли зажжённые факелы, а женщины просто шли на носочках и улыбались.

Музыка заиграла быстрее, и чародей Клеопарди приступил к работе. Он безжалостно распиливал женщин, упакованных в длинные ящики, и вынимал их оттуда целыми и невредимыми. Глотал куриные яйца, после чего из его рукавов и карманов вылетали утки и голуби. Но ошеломил он публику аттракционом, которого никто не мог ожидать.

Клеопарди засучил по локоть рукав своего халата и начал медленно ходить по манежу, разглядывая воздух. Зрители сидели в недоумении. Наконец клоун, который на цыпочках ходил за фокусником, поднёс палец к губам и сказал:

— Ц-с-с-с! Клеопарди ловит муху!

В это мгновение фокусник взмахнул перед своим носом рукой и поднёс к уху кулак.

— Есть! — закричал клоун.

В оркестре тоненько заиграла скрипка: з-з-з-з!

Клеопарди показал клоуну кулак и спросил:

— Что будем с ней делать?

— Расстрелять! — не колеблясь, приказал клоун.

Тогда фокусник взял в левую руку большой пистолет и, раскрыв кулак, выстрелил.

Свет в цирке погас. А когда прожекторы снова зажглись, зал задрожал от аплодисментов.

Правой рукой, в которой ещё недавно была муха, Клеопарди держал за уздечку громадного африканского слона с большими белыми бивнями.

Фокусник поклонился, а клоун объявил:

— Вот как из мухи делают слона!

Публика дружно захохотала. Лилипут увёл слона за кулисы, а на арену вынесли ящик, точь-в-точь такой, какой висел под куполом цирка, и Клеопарди с помощью ассистентов запаковал в него петуха и трёх кроликов. Затем он снова взял со столика блестящий пистолет и в упор выстрелил в ящик. Лилипуты открыли его, и Клеопарди показал всем, что живность исчезла.

Зрители замерли в ожидании. Что произойдёт дальше?.. Но из всех зрителей только Непоседа, Мякиш и Нетак поняли, что сейчас произойдёт не фокус, а страшная катастрофа. Да, фокусник снова зарядил пистолет и начал целиться в ящик, висящий под куполом. Друзья в страхе прижались друг к другу, из-под стула посмотрели на ложу, где сидел Петин папа, и подпрыгнули от неожиданности. Ужас! В ложу, как шипящая ракета, влетела мама.

Не считаясь с торжественной и таинственной обстановкой, она набросилась на папу и зашипела так, что слова её были слышны всему цирку.

— Бесстыдник! Сын сбежал из дому, а ты развлекаешь себя фокусами... За мной! — приказала она.

И все увидели, как папа, втянув голову в плечи и виновато оглядываясь, поплёлся за ней.

В цирке произошло замешательство, но через миг всё успокоилось, и публика снова с любопытством начала смотреть на Клеопарди.

Когда прогремел выстрел, Непоседа, Мякиш и Нетак радостно обнялись и смело посмотрели вверх. Оттуда на канате плавно спускался ящик.

Когда же Клеопарди раскрыл его, зал содрогнулся от хохота.

В компании петуха и трёх кроликов сидел уже знакомый зрителям Петя и ревел как белуга.

У Клеопарди от удивления брови поднялись так высоко, что чалма слетела с головы. Когда же он заметил, что зрители приняли это за очередное чудо, то начал быстро раскланиваться, приписывая появление Пети своему могуществу.

Но тут, расталкивая ассистентов и разбрасывая ногами ящики, на манеж вбежал красный, разъярённый директор. Он схватил ревущего Петю за руку и потащил его за кулисы.

Публика и это приняла за отлично разыгранную шутку и наградила фокусника шумной овацией и возгласами «браво!»

Клеопарди сиял. Такого огромного успеха у него ещё не было.

Петя снова исчез на глазах у своих друзей.

— Вперёд, за ним! — воскликнул Непоседа. — Больше его терять нельзя!

И недавние футболисты, ухватив мяч за шнуровку, побежали прямо через арену за Петей.

Но тут произошла новая неприятность. Смейсь, клоун подхватил мяч и дал такую «свечу», что все три футболиста полетели вверх, в круглое окно, которое было в куполе цирка.

Таким образом, несмотря на победу, наша команда вылетела в трубу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой вы подробно узнаете обо всем,
что в ней написано, и ещё кое-что о Пете*

Нельзя сказать, чтобы полёт не понравился нашим путешественникам. Они, как на воздушном шаре, поднялись вверх и очутились на крыше цирка. Жаль, полёт был коротким. Но кто знает, последний он на пути наших путешественников или нет? Не будем предугадывать

события, скажем только одно: Петя снова исчез, и искать его нужно было не на крыше, а на земле.

— Я так и знал! — проямлил Мякиш, отклеивая свои тапочки от раскалённой крыши.— Этого можно было ожидать.

Но друзья не расслышали его слов. Над ними раздался могучий рокот, а через минуту подул ураган, да такой сильный, что малыши еле удержались на крыше.

— Смотрите! — закричал Непоседа.— Смотрите, на нас падает самолёт!

— Не самолёт, а вертолёт,— поправил Мякиш.

И верно, это был вертолёт. На его спине вращались большие лопасти, а на хвосте вертелся маленький пропеллер.

— Эх и красота! — радовался Непоседа, любуясь вертолётom.— Весь из винтиков и пружинок!..

А вертолёт плавно опускался вниз, прямо на крышу цирка. Из его дверцы свисала верёвочная лестница.

Непоседа нетерпеливо закричал:

— Эй, эй, прокатимся!

— Стой, стой! — пропищал Мякиш, но было поздно.

Непоседа, держа в одной руке шнурок от мяча, другой ухватился за верёвочную лестницу и повис в воздухе.

Мякиш и Нетак ухватились за мяч, чтобы стащить Непоседу, но лестница плавно поплыла вперёд. Крыша покачнулась и ушла из-под ног. Мякиш облепил мяч своим пластилиновым телом и прочно держался на нём, а Нетак кряхтел и выбивался из сил: новенький мяч был скользким, и руки его напрасно искали, за что бы уцепиться...

Как только крыша исчезла и путешественники очутились над тротуаром, силы Нетака окончательно иссякли. Может быть, беды и не произошло бы, если бы сердобольный Мякиш не крикнул ему:

— Держись, дорогой Нетак, держись!

Упрямец, конечно, поступил по-своему. Только услышал слово «держись», как немедленно разжал руки и стал пикировать. Но что произошло с ним внизу, мы расскажем потом, а сейчас вернёмся наверх и последуем за новыми пилотами — Непоседой и Мякишем.

Вертолёт плавно поднимался вверх. Солнце палило, не жалея лучей, но воздух вокруг становился всё холодней и холодней. Лопасті могучего винта вращались быстрее и быстрее, и вскоре целый ураган обрушился на Непоседу и Мякиша. Мяч мотало во все стороны, и Непоседе приходилось напрягать все силы, чтобы не упустить шнурок. Пружинки его рук и ног вытянулись до отказа и стали, как бечёвочки, но Непоседа не унывал и даже сочинил на лету песенку:

Эй, могучий вертолёт,
Мчись повыше да вперёд!
Не горюй, приятель Мякиш,—
Я пилот, и ты пилот!

Но с Мякишем дело обстояло хуже. Под ветром он совсем окаменел и уже с трудом открывал глаза и рот.

— Пе-етя! — жалобно пищал он.

— Чего, чего ты скулишь? — отозвался Непоседа. — Разве тебе плохо? Летишь, как на спутнике! Прокатимся немного и сверху скорее увидим Петю...

Вертолёт медленно поднимался и поворачивал к окраине города, туда, где виднелись поле и лес.

А внизу глазам утомлённого Мякиша открылась чудесная картина.

Город был словно игрушечный. Даже самый большой дом, казалось, мог вместить только одного пластилинового малыша. Все дома напоминали кубики с зелёными и красными крышами. Улицы и переулки, как тропинки, вдоль и поперёк перерезали игрушечный город. Сады и скверы походили на зелёные перины и подушки... Ах, как тянуло к ним усталого Мякиша!..

Но сейчас не время думать о том, что виделось сонному Мякишу,— нужно было поскорее вернуться к цирку и узнать, что произошло с нашим пикировщиком Нетак.

А случилось вот что. Не достигнув мостовой, он внезапно ударился о копну чьих-то упругих волос и крепко за неё ухватился.

Копна заревела на всю улицу, и толстая рука оторвала от неё Нетака.

Гора с горой не сходится, а человек с человеком сталкиваются. Нетак был не на шутку удивлён: прямо в упор на него смотрели заплаканные Петины глаза, а свободная Петина рука щупала на голове шишку, вздувшуюся от неожиданной встречи.

Спасибо директору цирка, который выставил Петю за ворота как раз тогда, когда Нетак сорвался с места, иначе бы пути их разошлись, и, быть может, навсегда...

Петя, улыбаясь сквозь слёзы, крепко сжимал в руках своего старого друга и спрашивал:

— Ты один? А где остальные?

— Там они. И мяч там...— Нетак указал на вертолёт, парящий уже за чертой города.— Надо бежать за ними!

— Пешком не пойду, давай машину! — заявил вдруг Петя.

— Какую? — не понял Нетак.

Легковую!

Ах, легковую! Крытую или открытую? «Кингули» или «Волгу»?

— Всё равно,— настаивал Петя.

— Ах вот как! — рассердился Нетак.— Тогда пойдёшь пешком.

— Не пойду!

— Пойдёшь!

— Не пойду!

— Пойдёшь!

— Не пойду!..

Нетак был игрушечным упрямцем, а Петя — настоящим, живым. Так разве же мог ненастоящий переупрямить настоящего? И Нетак сдался. Он уступил ещё и потому, что увидел рядом детскую коляску — транспорт, в котором можно ехать не только сидя, но и лёжа.

— Ладно,— сказал он,— поедешь на этом. Колёса есть, подушки есть — чего тебе ещё надо?

Петя, не задумываясь, пошёл к коляске, мокрого хозяина которой унесли в дом перепеленать.

— И поеду! — сказал Петя.— Какая разница, на чём ехать?

Он был человеком негордым и, не задумываясь, ввалился в коляску. Экипаж затрещал и присел на рессорах. Туловище толстого Пети с трудом уместилось в коляске. Ноги, конечно, не поместились и рогаткой торчали вверх, упираясь в небо расшнурованными башмаками.

— Заводи, поехали! — приказал Петя и вставил в рот бутылку с соской, которая лежала на матрасике.

Нетак затрещал, зафыркал, как мотор, упёрся руками в заднюю стенку коляски, и она покатила вниз по тротуару, разгоняя и удивляя прохожих.

Коляска то и дело натыкалась на стены домов и на людей.

— Эй, повнимательней! Эй, поосторожней! — кричал из коляски Петя, предупреждая пешеходов.

Вскоре за ними хвостом бежала детвора.

— Глядите, лилипут Гулливера везёт! Лилипут Гулливера везёт! — кричали они.

А на другой улице ребята, которые узнали Петю, сочинили специальную дразнилку и хором распевали её:

Что за тюк лежит в карете
И бутылочку сосёт?
В той карете едет Петя,
Толстый Петя-бегемот!..

Но Петю нисколько не тревожили дразнилки и возмущённые возгласы прохожих. Ему было удобно, он дремал и, чмокая толстыми губами, потягивал сладкое молочко.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«Спасайте Петю!..»

Не думаете ли вы, случайно, что дома забыли о Пете? Конечно, не забыли.

После побега в квартире Маминых-Папиных было объявлено что-то вроде военного положения. Установлена связь со всеми городскими отделениями милиции, и оттуда во все концы города посланы разведчики. Поминутно звонил телефон — бабушка принимала сообщения о ходе поисков.

В этой работе не принимал участия только дедушка. Он с утра ушёл с псом Сарделем на поиски недостающей тонны металлолома.

Тут надо напомнить, что дедушка в прошлом был неплохим охотником. Он сумел натаскать Сарделя на ржавое железо так, как иных охотничьих псов натаскивают на уток или зайцев.

Теперь, учуяв в каком-нибудь дворе запах металлолома, Сардель делал охотничью стойку и тянул дедушку в подворотню.

Так вот, в разгар событий дедушка позвонил по телефону-автомату домой и радостно сообщил, что в шести кварталах от дома он нашёл...

Бабушка, не дослушав, выронила трубку и, присев на стул, радостно сообщила:

— Он нашёл!..

Трубку схватила мама:

— Кто нашёл? Что нашёл?

— Нашёл колесо,— слышалось в трубке.

— Какое колесо?

— От трактора! — ликовал дедушкин голос.— Три пуда железа! Сорок восемь килограммов.

— Никаких колёс! — кричала в трубку мама и, разъяснив положение, велела дедушке немедленно заняться поисками Пети.

Повесив трубку, мама продолжала давать новые указания:

— Позвоните в бюро потерь и находок и сообщите Петины внешние приметы!.. Мальчик умный, ласковый, похож на меня, лицом немного на папу, больше всего любит меня и всё сладкое... Дуся, готовьте продукты на дорогу!..

В углу на стуле сидел бледный папа. Он совсем был не против того, чтобы Петя поехал в лагерь, но сказать об этом никак не решался.

— Только ты, только ты во всём виноват! — без конца повторяла ему мама.— А теперь, когда неизвестно, что с сыном, ты сидишь сложа руки!

Но папа как раз не сидел сложа руки. Он минутно разводил ими, не зная, что предпринять,

что ответить маме. И хотя он уже отлично знал, куда убежал Петя, повторял один и тот же вопрос:

— А куда, куда мог убежать Петенька?..

— Видать, в лагерь, куда же ещё! — сказала Дуся.

— В лагерь? Вы так думаете? — переспрашивал папа, но ничего не предпринимал.

— Ты должен ехать за ним и перехватить его по дороге!

— Да-да, конечно, — отвечал папа и снова разводил руками.

— Что будет, что будет! — ломала руки мама. — По улицам бегают уличные мальчишки, за городом начинается лес, в нём кишат дикие звери, а возле лагеря глубокая река!.. Ты должен бросить всё и немедленно отправляться!

— Так точно! — по-солдатски ответил папа и надел соломенную шляпу.

— Ну-с! — сказала мама, и только после этого папа встал со стула и медленно направился к двери. — Стой, а поесть чего-нибудь?

— Да, я не прочь перехватить, — смущённо сказал папа, проглотив слюну.

— Не о тебе речь! Возьми продукты для ребёнка, он там, наверное, совсем отошал, умирает с голоду, бедный мой сынок!..

Мама подала папе приготовленный Дусей рюкзак с пирогами. Затем взяла со стола несколько копчёных рыбин и, завернув их в бумагу, сунула в карман папиного плаща:

— Это тебе.

Папа вышел в коридор, легко вздохнул и, когда дверь за ним захлопнулась, побежал вниз, прыгая через одну ступеньку. Когда он уже выбегал на улицу, дверь снова отворилась и по парадному громом прокатился мамин голос:

— Без Петеньки не смей возвращаться!

Но папа уже не слышал наказа. Машина, в которую он вскочил, зафырчала и с ходу набрала большую скорость.

Итак, в эту минуту Непоседа и Мякиш летели на вертолёте, Нетак вёз Петю в коляске, а папа мчался в открытом «газике».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

«Верни соску».

Третий благородный поступок

Коляска с Петей катила всё дальше и дальше. Мимо мелькали дома, новые кварталы, и наконец началась окраина города.

Упрямый Нетак толкал бы коляску и дальше, если бы вдруг сзади не послышался тяжёлый топот и громкое: «Уа-уа-уа!»

Петя открыл глаза. Нетак обернулся.

— Стойте! Верните коляску! Безобразие! — кричал мужчина в роговых очках. Одной рукой он пытался схватить коляску, а другой прижимал к груди орущего младенца.

Наконец папаша задержал экипаж и, тяжело отдуваясь, приказал:

— Вываливайся, лодырь! Говори, зачем утащил коляску?

— Это не я, — спокойно сказал Петя, не выпуская изо рта соски. — Это он!

Но близорукий папаша не видел Нетака и продолжал отчитывать Петю:

— Все вы друг на друга сваливаете, знаю я вас, у меня у самого мальчишка... — При этих словах он покачал в левой руке конверт с младенцем.

Петя нехотя вылез из коляски и, пощупав рубаху на спине, сказал:

— Подумаешь, очень нужна мне ваша мокрая коляска!

— И бутылку с соской верни! — сказала какая-то женщина, вырывая у Пети изо рта соску.

— Нахал! — возмущался папаша.

Кто не был занят этим событием, мог заметить, как на противоположной стороне улицы из подворотни выбежал бодрый старичок, катя перед собой, как мальчишка обруч, тяжёлое заржавленное тракторное колесо. Улица наполнилась железным грохотом и лаем.

Это был Петин дедушка. Он возвращался с удачной охоты. Пёс Сардель прыгал впереди и оглашал воздух победным лаем.

Дедушка свернул было по тротуару налево, в сторону дома, как вдруг Сардель учуял знакомый запах. Он сделал стойку и, заскулив, побежал через дорогу. Дальnozоркие глаза дедушки моментально разглядели в толпе Петю. Дедушка вспомнил внушительное распоряжение мамы: «Разыскать!» — и решительно покатыл колесо через дорогу.

Из толпы, которая окружала Петю, отделились четверо ребят: два мальчика и две девочки. Они стали на бровке тротуара и с распростёртыми объятиями радостно встречали дедушку.

— Позвольте, мне некогда! — сказал дедушка, подымая колесо с мостовой на тротуар.

Но рыжий веснушчатый мальчуган — видимо, предводитель четвёрки — восторженно закричал:

— А мы вас искали!

— Я тоже очень рад, — беспомощно залепетал дедушка, — но, к сожалению, понимаете ли, тороплюсь... у меня... там... Петя... — И, поскольку руки его были заняты, он бородой показал в сторону толпы.

Но четвёрка загородила дорогу и встала перед ним, как железная стена.

— Понимаете, мы с сегодняшнего дня совершаем благородные поступки! — затараторила худая девочка с чернильной полоской под носом.

— И не меньше, чем по три в день! — выпалила другая, у которой почему-то было полторы косы: одна подлиннее, другая покороче.

— Это чудесно,— дрожащим голосом сказал дедушка и попытался пробить стену.

— Два поступка мы уже совершили,— сказал рыжий мальчик,— а сейчас должны совершить третий!

— Пустите, я тороплюсь! — запротестовал дедушка.— Что вы хотите со мной делать?

— Мы хотим вам помочь перейти на ту сторону... Это очень благородно! — закричали все сразу и, ухватив брыкающегося дедушку за руки, потащили через мостовую на другую сторону улицы, туда, откуда он только что прибежал.

Когда дедушка был «благородно» дотянут и дотолкан до другой стороны, Петя уже выбрался из толпы и спешил за Нетаким, который тащил его за шнурок ботинка вперёд.

— Скорей! Скорей! — торопил деревянный упрямец.— Наверное, отсюда недалеко пионерский лагерь.

При слове «лагерь» Петя почувствовал зуд в пятках и побежал что было сил в открытое поле.

Нетак уцепился за Петины брюки и взобрался по ним прямо на плечо.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой наконец-то состоится встреча всех героев

Вертолёт уже полчаса парил в воздухе и, покружив над распаханном полем, начал сбавлять высоту. Теперь его бесплатным пассажирам — Непоседе и Мякишу — отлично было видно всё, что творится внизу.

Острый глаз Непоседы различал даже следы автомашины на дороге.

Мякиш, приклеенный к мячу, безмятежно дремал и очнулся только тогда, когда над ним раздался крик Непоседы:

— Вижу, вижу! Я вижу Петю!

Не успел Мякиш продрать глаза, как почувствовал, что летит стремительно вниз. Но летел не только Мякиш. Летел мяч, а рядом летел Непоседа.

Счастье игрушечных мальчиков, что в момент приземления оба они очутились на мяче сверху. Мяч грохнулся оземь перед самым Петиним носом и снова полетел вверх. Когда он вторично грохнулся на землю, Петя схватил его и радостно закричал:

— Мяч, мяч! Мой мяч!

Но Нетаку было не до мяча: он видел, как разлетелись его друзья и исчезли где-то в кустарнике. Долго рыскал он по полю, пока не наткнулся на стонущего Непоседу. Перед Нетаким в небольшой ямке лежал короткий металлический чурбанчик и беспомощно вертел головой.

— Что это? — воскликнул Нетак. — Где твои руки и ноги?

Непоседа ничего не ответил, только глухо застонал.

Конечно, этого могло бы не случиться, если бы Непоседа подождал, пока вертолёт опустится ниже. Но ему, как всегда, не терпелось. Вперёд, вперёд! Лишь бы скорее... На большой высоте он разжал пальцы, выпустил верёвочную лестницу и... был наказан. Как раз тут и сказалось отсутствие одного винтика — винтика, который должен был внутри скрепить руки и ноги металлического мальчика.

— Я погиб! — тихо сказал Непоседа. — Кто теперь сможет найти мои пружинки, мои руки и ноги?..

У Нетака от жалости закрипело деревянное сердце, он хотел успокоить несчастного друга, но рядом послышался стон. Это появился Мякиш. Узнать его было невозможно: измятый, вываленный в земле, он теперь напоминал три сросшиеся картошки. Он не шёл, а полз, непрерывно охая, а в руках его — о радость! — были недостающие части Непоседы. Все четыре пружинки: две с ладошками и две с башмачками. Верный друг, несмотря на тяжёлые ушибы от падения, собрал руки и ноги распавшегося товарища и притащил сюда.

Притащил и упал.

Нетак на радостях расцеловал Мякиша и побежал за Петей:

— Петя, Петя, скорей сюда!

Но Петя был занят мячом. Он был счастлив.

— Мой мяч! Мой, мой, мой! — повторял он и гладил его лоснящиеся бока.

Несчастный Непоседа сквозь слёзы смотрел на Петю, и доброе сердце игрушечного мальчика радовалось.

— Это твой мяч, Петенька, мы дарим его тебе, — ласково сказал он. — Поиграй, поиграй!

Мякиш и Нетак молча кивнули головами в знак согласия.

Но Петя после всего пережитого не стал играть в футбол. Он почувствовал сильную усталость, плечи его поникли, веки начали слипаться, и, зевая, он опустился на землю. Послышался богатырский храп. Раскинув руки, Петя лежал прямо на сырой матушке-земле под открытым небом и крепко спал.

Да, если бы сейчас мама увидела, как её сын грубо нарушает постельный режим, хотя и был он теперь по-настоящему жёстким, она сразу уложила бы сыночка на десять подушек и под шесть одеял.

Петя спал без снов, грудь его легко вздымалась, и белые щёки постепенно наливались широким помидорным румянцем.

Мякиш тихонько взобрался на мягкий Петин живот и, зевнув, тоже прикорнул.

Нетак с досадой махнул рукой и решил сам взяться за починку Непоседы. На лбу его выступили капельки древесной смолы, язык от усердия высунулся, а сам он приговаривал:

— Так, так!.. Ногу — сюда, руку — туда, эту ногу — туда, эту руку — сюда... Всё!

Непоседа встал и зашатался.

— Ой, что ты наделал? — воскликнул он, размахивая ботинками вокруг головы. — Это же ноги, а где мои руки?

— Там, где ноги, — сказал Нетак. — Так лучше!

— Я не могу ходить на руках, не могу! — закричал Непоседа и со звоном шлёпнулся на землю.

— Ну тогда ходи на ногах, — милостиво разрешил Нетак.

— А как же голова?

— И голову переставлю. Мне это пара пустяков.

— Не хочу, не хочу! Ты меня всего пере-

путал! — зазвенел Непоседа и пошёл колесом — с рук на ноги, а с ног на руки.

Вот что получается, когда за дело берутся такие мастера, как Нетак.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О том, как был отремонтирован Непоседа, и о новых препятствиях на пути

Пружинки Непоседы хоть и были перепутаны, а всё же сидеть на месте не давали. Он стал прежним беспокойным мальчиком, кувыркался и прыгал. Потом вскочил Пете на грудь и закричал:

— Вставайте, вставайте!

Первым проснулся Мякиш. Он открыл глаза и зевнул.

— Всё-ё ясно, узна-аю работу Не-етака! — сказал он и шлёпнул Петю по носу. — Вставай, дело есть!

Петя открыл глаза. У Непоседы был такой смешной вид, что сон как рукой сняло.

— До чего же ты смешной! — засмеялся Петя.

— Ни-ичего смешного нет,— сказал Мякиш.— С человеком беда стряслась.

— Да, что-то надо придумать...

Петя сел и почесал затылок. Лепить ему, как мы знаем, однажды случалось, а вот мастерить что-нибудь из дерева или из металла — ещё никогда. Не спеша он принялся за работу. Разобрал Непоседу на части и разложил их на земле.

— Ноги должны быть внизу,— тихо напомнил Мякиш.

— Нет, наверху! — настаивал Нетак.

— Не мешайте! — отмахнулся Петя. — У самого голова есть! — и принялся за работу. — Так, значит, правая — с правой стороны, левая — с левой... Руки то-оже так... Бум-буру-бум, бум-бурубум! Порядочек!

— И у те-бя неплохие руки, — сказал Мякиш. — Только к тебе самому ещё нужно как следует руки приложить.

— Ещё бы — неплохие! Не зря же мой папа конструктор! — хвалился Петя.

Восстановленный Непоседа подпрыгнул и продекламировал:

— Ну-ка, братцы, в путь пора!
Мастерам — ура, ура!

И компания в полном сборе тронулась в путь. Над тропинкой лихо зазвенела песенка Непоседы:

Эх, ничто меня на свете
Не сумеет устроить,
Если может даже Петя,
Мамин Петя, Папин Петя,
Непоседу починить!

Вскоре вся компания очутилась на берегу реки, по ту сторону которой был лес, а в лесу — пионерский лагерь.

— Я чувствовал, что здесь моста не будет, — проямлил Мякиш, заглядывая с крутого берега в воду.

Но мост, к счастью, не понадобился — у песчаного бережка стояла лодка, а рядом с ней сидел старичок рыболов и удил рыбу.

Прячась за кустами, все четверо подошли поближе к рыбаку. Старичок следил сразу за тремя поплавками и мурлыкал себе под нос песенку:

Только удочку закину —
Клюнет старая корзина,
А другой разок заброшу —
Клюнет бывшая галоша.
Разбежались караси,
Не клюют — и не проси!
Не поймает нипочём,
Не заманишь калачом...

Петя решительно направился к рыболову. Не успел он выйти из-за кустов, как вдруг позади послышался рокот мотора, и у берега, круто притормозив, остановился открытый «газик». Из машины не вышел, а выпрыгнул Петин папа. Он бросил плащ и рюкзак и подбежал к рыбаку.

Этого беглецы никак не могли ожидать. Ни сам Петя, ни игрушечные мальчики даже не подумали о том, что их будут преследовать.

— Это за мной,— тихо сказал Петя и вздохнул.

Но папа, казалось, и не думал о нём. Он ходил вокруг рыбака, потирал руки и завистливо поглядывал на его удочки.

Мы забыли вам сказать, что товарищ Мамин, то есть Петин папа, был не только болельщиком футбола, но ещё и страстным рыболовом. Поэтому-то машина и остановилась у реки. Папа не знал, что по дороге ему встретится река, и не захватил с собой удочек. Но у старика рыболова их было три, и папа надеялся, что одну из них ему удастся выпросить.

Походив ещё минуту вокруг рыбака, папа дрожащим от нетерпения голосом завёл обычный рыбацкий разговор.

— К-клюёт? — заикаясь, спросил он.

— Клевало... в прошлом году,— ответил старик, не отрывая глаз от поплавок.

— На червячка или на горох ловите? — продолжал папа.

— И на то и на другое не берёт,— буркнул рыболов.

— А поплевали?

— С утра только этим и занимаюсь... Вот весь улов.— И, не оборачиваясь, рыболов показал рукой на старую, изодранную галошу и дырявую корзину, валявшуюся рядом.

— А на кулебяку пробовали? — осенило папу, и он вытащил из машины рюкзак с пирогами, приготовленными для Пети.

Петя зашевелился в кустах.

— Уй, мои пироги! — сказал он вслух и почувствовал страшный голод.

А папа уже бегал с рюкзаком вокруг рыбака и, расхваливая пироги, приговаривал:

— Покрошить, покрошить надо! Чудесная приманка, на неё не то что плотичка — золотая рыбка пойдёт!..

— Тс-с-с! — прошипел рыбак и поднялся.— Вы мне всю рыбу распугали!

— Ах, нервы! — сказал папа.— Нервы, знаете ли, разгулялись. Сам профессор Щукин прописал мне рыбную ловлю для успокоения нервов... Профессора Щукина знаете?

— Как не знать! — ответил рыбак.— Мы с ним тут вчера весь день лечились, все нервы истрепали.

— Эх, удочку бы мне! — жалобно протянул папа.— Хотя бы одну...

— Берите любую,— сказал рыбак.— Всё равно ловли никакой. Пойду-ка я пониже — может, там повезёт...

— Повезёт, непременно повезёт! — обрадовался папа и, сбросив пиджак и шляпу прямо на землю, вперил глаза в поплавок.

Старичок рыболов свернул две удочки и, лукаво посмотрев на папу, замурлыкал свою песенку:

Только удочку заброшу —
Клюнет старая калоша,
А другой разок закину —
Клюнет бывшая корзина...

Спел и ушёл вдоль реки, вниз по течению.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

*Косяк золотых лещей.
Папа объявляет бунт...*

— Вот это номер! — сказал Непоседа. — Что теперь будем делать? Если попадёмся ему на глаза — всё провалится.

— Теперь ему не до нас, — сказал Петя. — Он не уйдёт отсюда, пока не выудит хоть одну рыбёшку. Уж я-то его знаю.

— Так ведь здесь ничего не ловится — рыбы нет, — сказал Непоседа.

— А это что? — пропищал вдруг Мякиш.

— Где?

И Мякиш показал на рыбки хвосты, торчавшие из кармана папиного плаща.

Непоседа аж запрыгал от чудесной догадки.

— У меня идея, — сказал он и пополз по-пластунски к машине.

Папа сидел на берегу, жевал Петины пироги и бросал остатки в воду. Этим он только пугал лягушек, которые прыгали с кувшинок и зря качали поплавок.

Солнце желтком разлилось по папиной лысине, согрело её, а рыба всё не клевала. Наконец папа начал сам клевать носом, и над рекой поплыл нежный с пересвистами храп.

Непоседа вернулся, с трудом волоча пакет с копчёными лещами.

— Вон сколько! — вздохнул он, утирая пот. — И все золотые! Такой будет улов!..

Но никто не догадывался, что собирается делать с лещами Непоседа.

— Тебе придётся мне помочь, — сказал он Нетаку, а затем что-то долго шептал ему на ухо.

— Самый правильный способ! — ответил Нетак и, взяв одну рыбину, поспешил к воде.

Деревянный Нетак воды не боялся, утонуть он не мог, а с тяжёлым копчёным лещом ему и нырять было нетрудно.

Буль-буль-буль!.. — запела вода и поглотила ныряльщика.

Ровно через секунду поплавок папиной удочки вздрогнул, заёрзал — и нырнул. Леска натянулась, как струна, удище согнулось и легло плашмя на воду. Папа проснулся, вскочил, влез в ботинках в воду и, схватив двумя руками удище, вытащил его из воды. Бамбук свистнул в воздухе, леса выдернулась, и над рекой заблестел золотой лещ.

— Тю-тю-тю! — запел папа и, не разглядывая добычу, снова наживил крючок куском пирога.

Папа дрожал как в лихорадке. Забросив удочку, он начал нетерпеливо переступать с ноги на ногу, приговаривая:

— Нервы... ах, нервы!..

Буль!.. — сказал поплавок и снова утонул.

Папа вскрикнул и выдернул нового леща.

— Э, да тут их целый косяк!

Он вытащил подряд пять лещей! Потом косяк, видимо, кончился, и клёв прекратился. Только теперь папа рассмотрел свою добычу. Он стал как вкопанный, и глаза его полезли на лоб.

— Что это значит? — Папа побледнел и выронил из рук удочку. — Копчёные лещи в реке? Да это же чудо!.. Все рыбаки просто лопнут от

зависти!.. Нет-нет, это, наверное, нервы!.. Скорей к профессору Лещукину... то есть Щуликину... то есть Щукину...

Папа направился к машине, но вдруг рядом раздался хохот. Это смеялся Петя, выглядывая из кустов.

— Петя, ты? — спросил папа, и подбородок его задрожал. — Что ты здесь делаешь?

— Иду в пионерский лагерь.

— Какой лагерь? — переспросил папа. — Ах, лагерь!.. Сейчас же домой!

— Не пойду! — сказал Петя.

— Не пойдёшь? — И папа вдруг радостно выкатил глаза. — А ты, пожалуй, прав! Скажу больше — молодец! — И тут он принял грозную позу и начал ораторствовать: — Ты должен быть в лагере — так хочу я, твой отец!.. И пусть мама мне не указывает! Моя фамилия Мамин, но я вовсе не мамин, а свой! Я сам свой собственный папа, то есть папа своего сына! Я — старший в доме, я — глава семьи... А если мама по фамилии Папина, то она вовсе ещё и не папа, а моя мама, то есть моя жена!.. Довольно я с ней намамился... то есть намаялся... Теперь всё пойдёт по-другому, да!..

Петя не верил своим ушам — стоял разинув рот и дивился папиной храбрости. «Ну и достанется ему от мамы!» — подумал он.

Но папа, видимо, окончательно взбунтовался против мамы.

Он бегал по берегу, разбрасывая ногами комки глины и спотыкаясь о коряги.

Он так увлёкся своим ораторством, что не заметил, как снова в ботинках вошёл в воду и изрядно подмочил брюки.

— Ты поедешь в лагерь! — громогласно заявил он, выпрыгивая из воды. — И никаких возражений! Я сам отвезу тебя...

И он протянул руку с лещами в сторону машины.

Лещи сверкнули на солнце золотыми боками. Папа посмотрел на них и запнулся.

— Подожди меня здесь, никуда не ходи! — сказал папа. — Я сейчас вернусь, только отвезу рыбу домой, пока она не протухла... Давай, — крикнул он водителю, — разворачивайся! — и, схватив с земли пиджак, на ходу впрыгнул в машину.

«Газик» исчез в клубах дорожной пыли, а на берегу, у самой воды, осталась папина соломенная шляпа.

Да, если бы отцовская голова в эти минуты не была забита лещами, он бы заметил, как изменился его сын. Петя стоял на берегу реки с распахнутым воротом, на ветру лихо развевался его чуб, а в глазах сверкали живые, задорные огоньки.

Полнота его значительно поубавилась, щёки обветрились, и только в уголках губ сидели ещё едва заметные остатки капризита.

Ну что ж, папа ещё не раз полюбуется своим сыном, но сейчас цель похода была близка, все путешественники в сборе, и не было причин, которые снова смогли бы их разлучить.

А лодка стояла у берега, покачиваясь на волнах, и ждала пассажиров.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О том, как могут пригодиться соломенная шляпа и футбольный мяч

— А теперь все в лодку! — скомандовал Петя и, оставив на берегу мяч, тяжело плюхнулся в старую рыбацкую плоскодонку.

Вода под лодкой закипела и подобралась к самым бортам. Петя сел на вёсла, но вдруг вскочил и крикнул:

— Кидай мяч!

Нетак бросил мяч.

Петя неуклюже схватил его, потерял равновесие и шлёпнулся на дно лодки.

Плоскодонка закачалась, зачерпнула воды и отошла от берега.

— Стой, стой, куда ты! — закричал Непоседа. — А мы?

Петя ухватился за вёсла и стал беспомощно болтать ими. Течение подхватило лодку и понесло её к середине реки.

— Загребай правым! — кричали ему с берега.

Но Петя совсем растерялся, и лодка на глазах друзей уплывала всё дальше и дальше...

Мальчики метались на берегу, не зная, что предпринять.

— Я как будто чувствовал, что так будет, — сказал Мякиш, шлёпаясь на песок.

Ещё минуту назад казалось, что путешествию конец, развязка близка, но коварная река подстроила им новую неприятность.

— Разве это моряк! — возмутился Нетак (сам-то он хорошо держался на воде и считал себя прирождённым мореходом). — Не моряк, а шляпа! — повторил он.

— Шля-апа? — переспросил Мякиш. — Шляпа здесь!

И верно, на берегу валялась папина соломенная шляпа.

— Да ведь это настоящий корабль! — обрадовался Нетак и столкнул соломенную шхуну в воду.

Шляпа закачалась на волнах, и всем троим путешественникам стало ясно, что лучшего ко-

рабля для них, сколько ни думай, и не придумать.

— Держи её! — закричал Непоседа и быстро начал ломать ветки для вёсел.

— Те-еперь всё де-ело в шляпе! — многозначительно произнёс Мякиш и полез в неё.

Затем вскочил Непоседа с двумя новыми вёслами. Последним, оттолкнувшись от берега, взобрался Нетак.

Шляпа по самые поля ушла в воду и перестала качаться. Непоседа вёслами ловко проткнул поля и начал грести. Грёб он, прямо скажем, здорово, умело, а его руки-пружинки, как всегда, не знали усталости.

— Полный вперед! — чувствуя себя капитаном, скомандовал Нетак. — Курс норд-ост — на лодку!

А с Петей дело обстояло намного хуже. Течение несло и вертело лодку, как щепку. Вдобавок ко всему в днище оказались щели, и вода уже целиком заливала Петины ботинки.

Только опытному и сильному гребцу удалось бы спастись в таком отчаянном положении. И Пете снова пришлось взяться за вёсла.

Беда — лучший учитель. На нежной коже Петиных ладоней через минуту появились водяные пузыри, но зато вёсла постепенно начали его слушаться. Напрягая последние силы, он вывел лодку из середины течения и начал приближаться к берегу. А вода в лодке всё прибывала и прибывала, она уже доставала до сиденья и по колени заливала Петины ноги... Он обернулся, чтобы посмотреть, далеко ли берег, и круто затопил весло. Лодка накренилась, и в неё хлынула вода.

«Всё! — с ужасом решил Петя. — Я погиб!»

— Мама! — закричал он и встал во весь рост.

Лодка медленно шла ко дну. Петя, конечно,

держаться на воде не умел. До сих пор он плавал только в ванне, да и то для безопасности мама надевала на него резиновый спасательный круг. Но здесь ни мамы, ни круга не было.

Петино сердце защемило от горькой тоски. Ему стало жаль себя, маму, папу, бабушку, дедушку, Дусю и Сарделя... Как они будут умирать, если он погибнет!.. Спасения ожидать неоткуда — река и берег были пустыни.

Петя медленно погружался в воду. И вдруг рука его коснулась чего-то тугого, круглого. Это был футбольный мяч. «Я спасён!» — подумал Петя и крепко обхватил мяч руками. До берега оставалось метра четыре. Петя решительно лёг на воду и, колотя ногами, поплыл к берегу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Моряк Нетак. Дорога в лагерь

Мы могли бы сейчас поплыть, а потом пойти прямо за Петей и узнать, благополучно ли он достиг цели. Но это было бы нечестно с нашей стороны, не по-товарищески. Ведь на середине реки мы оставили трёх путешественников, которым тоже во что бы то ни стало необходимо было попасть в пионерский лагерь.

«Ну и что же! — скажете вы. — У трёх моряков отличный корабль, о них нечего беспокоиться».

И я так думал, пока не убедился в обратном. Наконец, что это была бы за история, если бы в ней не было новых и новых приключений!

Всё дело в том, что шляпа всегда остаётся шляпой. И если вы вспомните, что она сплетена всего-навсего из соломы, то поймёте, какая опасность угрожала нашим путешественникам.

Только трюм корабля заполнился командой, в числе которой были металлический и пластилиновый матросы, судно по самые поля погрузилось в воду.

В сотни дыр соломенного днища начала просачиваться коварная вода.

Ещё не достигли они середины реки, как развалившийся на дне шляпы Мякиш завопил:

— Тону!

Нетак посмотрел вниз.

— Аврал! — закричал он. — В трюме вода! Всем прыгать в воду!

Хорошо ему, деревянному, прыгать в воду, а каково железному Непоседе и пластилиновому Мякишу? Прыгни они в воду — тут бы им и конец, и поминай как звали.

И вдруг произошло чудо. Впрочем, вы уже привыкли к чудесам, и поэтому оно покажется вам, наверно, очень обыкновенным. Мякиш начал расползаться, как блин, по соломенному дну, преграждая путь воде.

Вот вам и Мякиш! Все считали его увальнем и лентяем, не надеялись на него ни в чём, а на проверку оказалось, что жила в нём добрая и смелая душа, готовая ради друзей на любые жертвы...

Течь прекратилась. Непоседа снова взялся за вёсла, но вода хлынула через боковые щели и на этот раз поверх Мякиша.

— Буль-буль-буль! — сказал он и скрылся под водой.

— Тонем! Тонем! — завопил Непоседа.

— Как бы не так! — буркнул Нетак. — Эх, была не была!.. — С этими словами он прыгнул в воду. Прыгнул и исчез.

Через секунду в днище что-то ударило, и шляпа приподнялась, а ещё через миг она медленно поплыла к берегу.

Нужно ли доказывать, что поступок Нетак был смелым? Поднырнув под шляпу, он приподнял её своей спиной и под водой начал грести к берегу.

Корабль плыл всё быстрее и быстрее. Наконец судно остановилось — шляпа села на мель.

— Мы спасены! Земля! — закричал Непоседа и выпрыгнул на берег.

Отдуваясь, выбрался из-под шляпы Нетак. Вода стекала с него ручьями, а деревянное тело его стало тёмным. Последним из шляпы вывалился Мякиш. Самому стянуть свои расплзшиеся бока ему не удалось.

— Ну-ка, братцы, прижмите-ка мне бока! — попросил он товарищей.

Непоседа и Нетак взяли разгон и с двух сторон налетели на Мякиша. Фляк! — сказали его бока, и блин превратился в прямоугольник. Хоть и не совсем, но всё-таки он снова стал похож на себя и мог двигаться дальше.

Теперь осталось только одно — разыскать Петю. И все трое побежали вдоль берега.

Вскоре они стояли у самой воды и, печальные, смотрели на размокшие, расшнурованные Петины ботинки.

— Он утонул! Он погиб! — плакал Непоседа. — От него остались одни ботинки!..

Но Мякиш, который никогда и ничему не верил, показал вдруг на следы, ведущие к лесу. Сомнений быть не могло: такие глубокие следы могли оставлять только ноги, на которых держится увесистое тело.

На всякий случай они притащили один Петин ботинок и с научной точностью сравнили его со следом. Размеры совпали.

Ух, с какой радостью бежали они в лес, вперёд, по следам своего друга Пети!

Посмотрели бы вы теперь на наших путе-

шественников! Нет, вы, наверно, не сразу узнали бы их. Это были уже не прежние самодельные игрушечные мальчики.

Деревянный упрямец Нетак, побывав под водой, промок до самой сердцевины и стал значительно мягче. И хоть характер его по-прежнему оставался твёрдым, зря он теперь упрямится не стал бы.

Пластилиновый Мякиш тоже побывал в переделке. И огнём его жгло, и ветрами обдувало, так что теперь ему не страшны были ни жара, ни холод. Да и лени в нём значительно поубавилось.

Другим стал и Непоседа. Ему не только приходилось бегать — за вёслами его рукам досталось немало работы. От этого пружинки вытянулись, и стал он выше, крепче и как-то спокойнее.

Да, время и трудная дорога сильно изменили игрушечных мальчиков.

Впрочем, так в жизни бывает и с настоящими, живыми мальчиками.

Непоседа, Мякиш и Нетак бежали вперёд, а вслед за ними над тропинкой летела новая песенка:

Мы дорог прошли немало,
С нами всякое бывало,
Чудесами полон свет,
Хочешь — верь, а хочешь — нет!..

«Хочешь — верь, а хочешь — нет!» — звенело над берегом, а где-то в глубине леса, как большая медная птица, заливался пионерский горн.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,

без которой первая часть истории не имела бы конца

Теперь нашим путешественникам легче было сговориться.

Никто зря не упрямился, не бежал вперёд как угорелый и не отставал. Поэтому шли они напрямик к цели, не отвлекаясь по пустякам.

— Смотрите, что это такое? — остановился вдруг Непоседа. — Неужели я вижу самолёт наших ребят?

И действительно, посреди опушки на траве стояла настоящая модель пассажирского самолёта с бензиновым моторчиком.

Мальчики подбежали к самолёту, одиноко стоявшему на опушке.

— Всё ясно, — заглядывая в мотор, сказал Непоседа. — Бензин кончился — самолёт приземлился. Дело поправимое. В наш век техника и не из таких положений вывозит.

Да что много говорить! Мальчики не зря жили в комнате детского творчества, не зря водились с отличными мастерами. Каждый из них в любую минуту мог стать и лётчиком, и вертолётчиком, а если надо, справился бы и с реактивным самолётом.

— Раз бензина нет, — сказал Непоседа, — собирайте грибы дождевики. Смотрите, сколько их здесь!

Мальчики принялись собирать старые, жёлтые, круглые, как мячики, грибы, от которых никому никакого проку нет. Но если их раздавить, то они стреляют и из них вылетает струя бурой пыли.

— Лучше реактивных двигателей не придумаешь! — сказал Нетак.

Вооружившись грибами, Непоседа и Нетак сели на крылья, а Мякиш на хвост. И только раздавили они по первому грибу, как самолёт взвился ввысь.

Пах-пах-пах! — хлопали грибы, выбрасывая длинные струи пыли.

Самолёт стремительно мчался над лесом.

Конечно, это не был шум настоящего реактивного самолёта, и нашим лётчикам приходилось шипеть и свистеть самим.

Подходила очередь последнего гриба. Не успели они его раздавить, как вдруг внизу на поляне показались белые палатки и мачта с красным флагом. Самолёт начал плавно опускаться вниз, прямо на дружинную линейку.

Навстречу бежали ребята и громко кричали:

— Глядите, самолёт!

— Сам прилетел?!

Когда же они рассмотрели пилотов, поднялся невероятный шум.

— Непоседа?!

— Ой, смотрите, Мякиш!

— И Нетак здесь!

— А мы про них и забыли!

— Ура-а-а-а!

Радость встречи была так велика, так хотелось всем приласкать и потрогать игрушечных малышей, что началась обычная история. Ребята вырывали мальчиков друг у друга из рук. При этом они изрядно помяли Мякиша, а Непоседе и Нетаку выкрутили руки и набили немало шишек. Но кого могли волновать синяки и шишки, если торжествовала давняя, крепкая ребячья дружба!

Наконец самодельные мальчики попали в руки своих мастеров, в знаменитые умелые руки! Сразу нашёлся винтик, которого так не хватало Непоседе, инструменты, чтобы отшлифовать Нетак

ка, и пластилин, из которого Мякишу будут сделаны новое ухо и кусок правой ноги.

Встреча превратилась в настоящий праздник. Ребята затеяли кукольный спектакль и хотели в весёлой пьеске пробрать упрямцев, ленивцев, непосед, а заодно маменькиных и папенькиных сыночков, которых в любой школе и в любом лагере нетрудно отыскать.

Кому же поручить такие ответственные роли, если не нашим героям! Им тут же вручили тетрадки с ролями. Там были и весёлые частушки, и остроумные сценки...

Но глаза у игрушечных мальчиков были полны тревоги: в толпе ребят они не видели Пети.

— Он давно уже здесь,— сказали ребята и расступились.

Друзья увидели Петю. Он бегал босиком по траве и гонял красный футбольный мяч. Карманы его были доверху набиты печёной картошкой, и за щекой тоже была картошка. Глаза его сверкали, а по щекам разливался яркий румянец. Он ещё не был определён в отряд, и старшая пионервожатая как раз сейчас занималась этим вопросом.

Говорят, на следующий день в лагерь приезжали Петины мама и папа, но домой увезти его не смогли. Петя обхватил руками дуб и не давался родителям.

— Мой сын должен немедленно ехать домой! — настаивала мама.

— Домой,— говорил папа.

— Ваш Петя должен быть здесь! — убеждала вожатая.

— Здесь,— говорил папа.

Тут мама вспомнила свой докторский язык и с его помощью начала доказывать, что Пете необходим домашний режим.

— Мой ребёнок болен, у него ангины! — убеждала мама.

— Ангины,— подтверждал папа.

— А у нас он — здоровини! — улыбаясь, говорила врач.

— Здоровини,— соглашался папа.

Родителям ничего не помогло. На защиту Пети стал весь пионерский лагерь. Мама и папа уехали ни с чем и увезли обратно большой шоколадный торт, от которого Петя впервые отказался. И правильно сделал. Потому что простая картошка и хорошие товарищи — лучшее лекарство от капризита.

Вот и всё. На этом заканчивается первая часть истории. Поэтому напишем здесь не «конец», а, как сказала бы Петина мама на чисто докторском языке,

КОНЕЦУС.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАХМАТНОГО СОЛДАТА ПЕШКИНА

Сказка

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О тех, кто жил на письменном столе

Коли Пыжикова

На столе школьника Коли Пыжикова, как и на всяком письменном столе, стояли разные вещи. Когда людей в комнате не было, они оживали, беседовали между собой и решали всякие важные вопросы.

Конечно, не каждый мог это видеть. Для того чтобы подглядеть, как оживают вещи, нужно знать, откуда и как на это дело смотреть.

На столе было множество разных предметов, но только некоторые из них заслуживали особого внимания.

Например, глобус. Этот житель стола считал себя великим всезнайкой и знаменитым путешественником. Не было на земном шаре ни одного материка, ни одной страны и даже маленького острова, где бы он не побывал, потому что все они были нарисованы прямо на нём.

Старинный чернильный прибор очень гордился своим благородным происхождением. Однако вёл он себя весьма странно. Стоило опустить ручку в одну из чернильниц, как та немедленно начинала плевать кляксами и при этом никогда не просила прощения. Зелёное сукно, которым был обит стол, напоминало фотографию оборотной стороны Луны со всякими неизведанными морями, вулканами, горами и пустынями, и чернильницы считали это своей личной заслугой. Короче, каждый гордился чем мог.

Но наибольшим уважением здесь пользовались шахматы. Дело в том, что Коля Пыжиков собирался стать шахматным чемпионом. Он очень завидовал Ботвиннику, Смыслову, Карпову, Каспарову — самым знаменитым шахматистам, но сыграть с ними партию-другую ему так и не пришлось: как-то не выпадало свободного времени.

Зато со своим соседом, Петей Петушковым, он сражался ежедневно. При этом оба игрока делали такие замысловатые ходы, что даже шахматные короли теряли головы.

У шахмат Коли Пыжикова была нелёгкая жизнь, полная неожиданностей.

О ней следует рассказать отдельно.

Шахматное царство-государство

В большой полированной коробке с крышками в белую и чёрную клетку жили две вражеские армии. Во главе их стояли короли и королевы. Солдаты и офицеры были вооружены до зубов, туры — неприступны, как крепости, а кони — поровисты и выносливы.

Хотя в наше время принято называть королев ферзями, а офицеров слонами, Коля предпочёл оставить за ними старинные звания. Шахматы были его собственностью, и он имел право поступать с ними так, как ему вздумается.

И странное дело. Стоило только игрокам уйти из комнаты, как в воинственном шахматном государстве наступал мир: ни о какой войне не было и речи. Короли с королевами ходили друг к другу в гости, устраивали весёлые праздники и карнавалы, катались верхом на боевых конях. Белые офицеры танцевали по очереди с чёрной королевой, а чёрные — с белой. Никто никого не сбивал и не объявлял мата.

Солдаты тоже жили мирно. Они играли в домино, в кошки-мышки, а если и устраивали борьбу и клали друг друга на лопатки, то после этого пожимали руки и оставались друзьями.

В шахматном государстве были свои строгие правила и свой особый язык. Если какой-нибудь офицер хотел пригласить королеву на танец, он должен был подойти к той клетке, на которой она стояла, и вежливо сказать: «Разрешите, ваше величество, пригласить вас на тур вальса». На шахматном языке это звучало так:

— Гранд плиссе, рахада вальсэ!

Соглашаясь, королева кивала головой и строго говорила:

— Гардэ ля соль, тура дэ мозоль! — что значило: «Только предупреждаю, не будьте слонем и не наступайте мне на ноги!»

Когда же начинался общий танец, все брались за руки, кружились и пели:

Е-два, Е-четыре,
Станем дружно,
Круг пошире!
Эф-шесть, Цэ-семь —
Будет весело нам всем!

Самым большим уважением в коробке пользовались короли. И это неудивительно. В шахматных государствах короли играют большую роль. Не то, как известно, живой король: будь на его голове хоть три золотые короны, в наши дни — он не фигура. Кроме того, шахматные короли устойчивей всяких других королей, потому что у них в пятках находится тяжёлый свинец.

Вот такой была жизнь в шахматном царстве-государстве, когда в комнате не было людей. Но стоило игрокам расставить на позиции шахматные армии, как тут же начинался жестокий бой, где поведение фигур зависело от того, кто ими управляет.

К примеру, чёрный король, которого звали Смоль. Он едва-едва ходил и, даже убегая, мог сделать только один шаг назад или в стороны. Поэтому ему всегда приходилось прятаться за спины своих солдат или за юбку королевы. Зато королева могла забегать далеко вперёд, решать важные военные вопросы и вертела королём как хотела. Собственно говоря, она и была самой главной фигурой при короле.

Кони были как кони. Во время сражений они шарахались в стороны: скакнут на две клетки и обязательно бросятся вправо или влево. Ну что

с них возьмёшь? Ведь при нынешней военной технике коням только и остаётся, что шарахаться в стороны.

Офицеры в шахматной армии были очень легкомысленны, они никогда не ходили по прямой — шатались по косым линиям и увивались вокруг королевы. А солдаты были, как все солдаты: для них приказ есть приказ, и отступить они не могли.

Многие фигуры стремились к высшему званию. По шахматным законам доблестный солдат, достигший противоположного края доски, мог даже получить титул королевы.

Не зря у шахмат существовала поговорка: «Плох тот солдат, который не мечтает стать королевой».

Белая армия была отделана под орех, и этот цвет считался защитным цветом. А с королём дело обстояло так. В одном из сражений он потерял свою корону. Король без короны — не король, и Коля назвал его генералом. Конечно, он остался самым главным, но теперь к нему все обращались просто по званию — генерал. И, хотя был он грузный с виду, военная кость держала его прямо. Спал он, если надо, в окопах, ел из походного котелка, а солдат называл «сынками». В общем, был «гроза врагу, отец солдатам». Говорил прямо, словно рубил с плеча. И если случалось ему в обществе держать речь, то сразу было видно: генерал!

Именно в его армии и нёс службу наголо бритый, в атаках битый, победами знаменитый шахматный солдат, по фамилии Пешкин, деревянной гвардии рядовой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Как чиж спасал храброго солдата

Пешкин, на первый взгляд, ничем не отличался от остальных солдат. Ведь в армии все воины на одно лицо, особенно когда стоят в строю.

Но тот, кто был знаком с ним поближе, мог бы многое о нём рассказать. Солдат Пешкин был отлично выточен из крепкого дуба. Если бы он был настоящим человеком, о нём говорили бы: «Ладно скроен, крепко сшит». Всегда подтянутый, стройный, он весело поблёскивал среди остальных солдат. Не случайно Коля ставил его всегда впереди генерала. Пешкин был надёжен в бою, и, если случалось, что противник его сбивал, Коля тут же снова ставил его на доску вместо уцелевшего воина, приговаривая:

— Моего Пешкина ни штык, ни пуля не берут!

Он так полюбил деревянного солдата, что на его круглой лысой голове карандашом пририсовал глаза, нос и отличные усы. Правый глаз у солдата был широко раскрыт, а левый всегда лукаво прищурен. Казалось, Пешкин вот-вот скажет какую-нибудь весёлую солдатскую прибаутку. Совершать добрые дела он считал своим долгом и самоотверженно шёл на любое задание. Когда Коля делал уроки и под окном кудахтали куры, Пешкин не задумываясь летел через окно в атаку и разгонял шумных сплетниц. Когда захромал обеденный стол, солдат смело подставил под короткую ножку свою круглую голову и простоял там, пока не пришёл столяр.

Да, у твёрдого солдата было мягкое сердце. Он никогда не забывал оказанных ему услуг и всегда платил добром за добро.

Однажды в погожий день Коля Пыжиков и Петя Петушков решили сыграть партию шахмат в саду, на воздухе. Доска была положена на траву, и на ней, согласно шахматному уставу, расставлены обе армии. Под яркими лучами солнца воины смело шли в атаку. На доске то и дело раздавалось бодрое поцокивание солдатских сапог и конских копыт, а игроки потирали руки и приговаривали:

— Так-с, теперь мы, значит, вашего слона — пехотой!

— Да-с, а мы, значит, вашу пехоту кавалерией!..

В самый разгар боя солдат Пешкин совершенно честным путём преградил дорогу Петиной чёрной королеве. Ни вперёд ей шагнуть, ни назад. Выхода нет. Но, поскольку Петя не очень-то уважал правила игры и обладал к тому же необычайной ловкостью рук, он незаметно утащил Пешкина с доски и бросил его в траву.

— Где мой Пешкин? — сердито спросил Коля Пыжиков.

— А я почём знаю! — сказал Петя Петушков. — Он твой, ты его и ищи.

Коля начал искать солдата. Зная повадки своего противника, он далеко от доски не уходил и всё время поглядывал на неё.

— Давай помогай!

— Не хочу!

— Знаю я, чья это работа!

— А ты докажи!

— Докажу!

— Докажи!

— Докажу!..

Игроки сошлись чуб в чуб, и шахматное сражение стало переходить в настоящее.

А между тем Пешкин попал в пренеприятнейшее положение. Сад после недавней поливки

был весь в лужах. Солдат с лёта угодил в одну из них и оказался по грудь в воде. Вокруг лужи росла густая трава, и солдат не видел, что творится впереди него, позади и по сторонам. Но Пешкин духом не пал.

— Ни мат, ни шах, а вода в ушах. Ну и положеньице,— бодро произнёс он, глядя на своё отражение в воде и расправляя чудесные усики.— Вот это значит — сел в лужу! Теперь без посторонней помощи отсюда не выбраться...

Две лягушки проскакали мимо, но не решились беспокоить военного человека. Кто знает, может, он в засаде сидит?

Печально закончилась бы его история, если бы в это дело не вмешался чиж, обыкновенный чиж, житель птичьего государства. Взъерошенный, он летал по саду и орал во всё горло:

— Чив-чив- чивереки! Чив-чив-чиверуки! Чудо, чудо! Моя чижиха снесла три яичка! У меня будут три сына или три дочки! Чив-чив-чивереки! Чив-чив-чиверуки!..

И всё живое радовалось этому событию. Солнце взлетело высоко в небо и сияло там, как жар-птица.

— Стрик-стрик! — пели стрекозы перед носом чижа.

Жирные червяки выползли из нор и давай растягиваться, как гармошки, туда-сюда, туда-сюда — камаринскую наигрывать, а муравьи в пляс пустились.

Видел это и Пешкин из своей лужи, и хоть погибал он среди белого дня, а тоже думал: «Эх, радуется пичуга, радуется! А я уж, видно, отмаршировал своё по шахматной доске».

Только он так подумал, как услышал голос чижа:

— Эй, солдат, солдат, ты как сюда попал?

— Буль-буль-бубуруль! — ответил Пешкин.

Вода дошла уже до самого носа, и из слов получились одни пузыри.

— Эй-эй,— закричал чиж.— Да ты никак то-нешь?!

— Буль,— кивнул головой Пешкин, и пузыри снова заплесали по луже.

— Солдат тонет! Солдат тонет! — закружил чиж над лужей.— Эй, кто там живые, сюда, на помощь!

И только когда он трижды прокричал «на помощь!», трава зашевелилась и недалеко от лужи показалось пушистое существо на четырёх лапах. Это был кот Василий, который жил у Пыжиковых на кухне. Он первым услышал крики чижа и примчался к месту происшествия.

Не думаете ли вы, что кот Василий собирался спасти Пешкина? Нет. Его интересовало совсем другое. Поэтому, подкравшись к луже, он спрятался в густой траве, чтобы чиж его не заметил.

— Эй, кто это там? Скорей сюда! — закричал чиж, когда услышал, как за его хвостом зашевелилась трава, но на помощь никто не спешил.

Чиж прыгнул в лужу и протянул солдату крыло. Но в тот же миг кот всей своей тушей навалился на чижа. Вода в луже закачалась и подбросила Пешкина вверх.

— Разбойник! Разбойник! — закричал Пешкин.— На помощь!

Но было поздно. Кот с чижом в зубах уже сидел на крыше. Как раз в эту минуту Коля Пыжиков заметил своего любимца и вытащил его из лужи.

— Пешкин, Пешкин нашёлся! Ура!

Солдат продолжал кричать, но Коля его не слышал. Голос солдата от долгого пребывания в воде сел и был не громче комариного писка.

Впервые в жизни заплакал солдат от обиды. Слезы катились по его лицу, но Коля не мог их видеть — Пешкин был мокрым от макушки до пят.

Коля торопился к шахматной доске и даже не заметил, как, медленно кружась в воздухе, падали с крыши чижинные перья.

Петя Петушков исчез, оставив свою армию на произвол судьбы. Коля сделал ход конём, потом ещё один — другим конём, объявил мат и смахнул чёрные фигуры с доски. Это была грандиозная победа, но и она не принесла Пешкину радости. В эти минуты храбрый солдат не рад был даже своему спасению. Перед его глазами всё ещё кружились чижинные пёрышки.

Много времени прошло с тех пор; много было сделано на шахматных полях рокировок, шахов, матов и даже один пат. Коля Пыжиков выиграл у Пети Петушкова матчи на первенство комнаты, дома и двора. Пыжиков присвоил себе звание гроссмейстера двора, а Петушков наконец-то научился правильно ходить конём. В саду, в новых гнёздах, уже запищали желторотые птенцы. И только тогда удалось Пешкину отомстить коту Василию за гибель своего спасителя. Храброму солдату суждено было прославиться далеко за пределами шахматного царства-государства.

Но это уже особая история, о которой следует рассказать подробно.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Каким наукам обучают в птичьих школах

Из распахнутых дверей и окон школы вырвался на простор громкий, весёлый звонок. Он бежал без оглядки, как озорной босоногий мальчишка,

чтобы целое лето не возвращаться в школьные стены. Это был последний звонок в учебном году для ребят и первый звонок для учеников птичьей школы, которая помещалась на крыше десятилетки. Так уж повелось, что, когда кончались занятия у ребят, учебный год для птенцов только начинался.

Птичьи школы называются лётными, и главный предмет для оперившихся малышей — это умение летать. По этой науке даже отличнику-десятикласснику из обычной десятилетки можно было смело поставить двойку, потому что если он и совершал полёты, то только носом вниз, с перил или забора, а самому захудалому птенцу-первокласснику ничего не стоило подняться выше дерева.

Птичья школа как раз находилась на крыше десятилетки, и это было просто здорово! Летом птенцы свободно могли залетать в пустые классы, клевать мел, заглядывать в чернильницы, прыгать по партам. Но всё же птичьи учителя предпочитали проводить занятия на свежем воздухе, на крыше, что обычным ученикам строго запрещалось. А скажите, кто из мальчишек не мечтал в летний день забраться на крышу своего дома, чтобы из-под ладони озирая окрестности, гонять голубей да, наконец, просто погреться на солнце, почувствовать высоту?! Да-да, почувствовать высоту. Ведь каждый человек немножечко птица. Будь у какого-нибудь мальчишки хоть самые маленькие крылышки, его ни за что не удалось бы удержать на земле — летал бы с утра до ночи. Но — нельзя! О крыше не могло быть и речи.

Это было другое государство.

Отсюда начинались владения птиц.

Каждый год в начале лета птицы становятся хозяевами на земле — столько их разводится в лесах, садах, огородах, на каждой крыше и мосто-

вой. Посмотрите, как важно по центральным улицам расхаживают голуби! Так важно, что даже трёхтонные и пятитонные грузовики сбавляют ход и почтительно объезжают их. Ну чем не хозяева?

В такое время птичьи хоры гремят на все голоса. Тут тебе и тенора, и басы; и в одиночку поют, и дуэтами, и квартетами — прямо звон в ушах стоит. Людям просто повезло, что птицы поют, а не говорят, иначе от их болтовни боле-ла бы голова.

Такой шум и веселье как раз и объясняются тем, что у птиц начинается учебный год.

— Чив-чив-чивиринь! — несётся со всех сторон.

На птичьем языке это значит: дети, в школу собирайтесь!

И птенцы торопятся в школу. Они уже давно сбросили жёлтый пух, который заменял им детсадовские песочники, и надели новую школьную форму, сшитую из пёрышек. У всех птенцов, даже у мальчишек, на груди светлые фартучки: у одних — белые, у других — серые, у третьих — жёлтые.

Вот они группками торопятся в свои классы, смеются, чирикают, шалят и вытягивают вверх свои шеи, чтобы казаться постарше. Ну, совсем как первоклассники. Одни скачут на двух лапках, другие попеременно — то на правой, то на левой. Это, наверное, девочки. Они на ходу играют в прыгалки, только нам эти прыгалки не видны, уж очень они тоненькие, не толще волоска.

Но вот начинаются уроки. В птичьих школах проходят всего три предмета, три науки. Два предмета весёлых: пение и полёты. А третий — серьёзный: трудовое воспитание, или как добыть пропитание. Ловить мошек, искать червячков и

гусениц — на птичьем языке называется «заморить червячка».

Арифметику проходят только кукушки. Они учатся считать от одного до тысячи трёхсот сорока трёх, а потом — наоборот.

Эти добрые птицы думают, что чем дольше они считают, тем дольше живут люди на земле.

Талантливые певцы — соловьи, скворцы, иволги и пеночки — поступают в школы для одарённых детей. Там их обучают пению и нотам старые профессора-соловьи и готовят из них лесных артистов.

Все птенцы — прилежные ученики. Ещё не было случая, чтобы кто-нибудь из них оставался на второй год. А научился птенец летать и добывать себе пищу — долой с родительского иждивения!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Почему чижики назвали Пыжиком, а Колю Пыжикова — Чижиком

Говорят, беда за бедой идёт, да ещё бедёнка за ручку ведёт или: пришла беда — открывай ворота. У птичьих гнёзд, как известно, ворот не бывает, но и их беда не минует. Погиб чиж, спасая солдата Пешкина, и осталась чижиха, по имени Чика, одна с тремя яичками в гнезде.

Не успела она оплакать верного друга, как прилетела новая беда.

Подрались между собой озорные воробьи и выбросили случайно из её гнезда два яичка. Поплакала чижиха, поплакала и с тройным усердием начала высиживать оставшееся яичко. И вот от большого тепла, которым она окружила своё единственное яичко, вскоре вылупился чижо-

нок — сын. Это был крупный, отличный птенец, как две капли воды похожий на всех желторотых чижей. Мать была счастлива.

Птицы расчирикали эту весть по всему саду, и жители его поздравляли чижику.

— Вы только взгляните на него! — говорила чижики соседке-синице. — Вылитый портрет покойного отца! Такой же рослый и умный! Он уже сам просит пить!

— Пи-ить, пи-ить! — запищал голый птенец, похожий на отца.

— Очень удачный ребёнок! — сказала синица.

— Что вы, он просто замечательный! Разве вы когда-нибудь видели такого птенца! Посмотрите, какой он желторотый! У него на хвосте уже есть одно пёрышко! Да он красавец!..

«Ну, положим, мой сын в сто раз желторотее и красивее», — подумала синица, но вслух говорить этого не стала, чтобы не обидеть чижику...

Чижик рос как на дрожжах. Скоро на нём появились пёрышки. Они были блестящие, упругие и непослушные, как сам птенец. Тяжело приходилось чижики с сыном.

— Не ешь холодного червяка! У тебя может заболеть горло!.. Не смей выходить из гнезда, а то прилетит баба-сова и спрячет тебя в тёмное дупло!

Но чижики ничего не боялся. Он рос неслухом. А наказать его, клюнуть разок-другой чижики не решалась. Как же — единственный сын.

— Вы уже дали имя своему сыну? — спросила однажды синица.

— Нет ещё. Вы знаете, я хочу его назвать Чичириком. Так звали его дедушку. У чижики такие же пёрышки, только ещё в тысячу раз лучше!

— Ничего нет противнее птичьих имён! — заметил дождевой червяк. — Уж если этот чирик действительно такой крупный и сильный, то его следует назвать Ужом!

— Чепуха! — сказал старый пенёк. — Лучшего имени, чем Трухля, во всём свете не найдёшь!

Но тут синица перебила их и сказала:

— А я вам хотела предложить другое имя.

— Какое? — заинтересовалась чириха.

— Смотрите, какой ваш сын напыженный! Не находите ли вы, что он очень напоминает Колю Пыжикова? Такой же непоседа, и пёрышки торчат, как вихры у мальчишки. Так не назвать ли вам его Пыжиком?

— Пыж-жик! Пыж-жик! — загудел рядом шмель, и тотчас же со всех сторон слышались птичьи голоса:

— Чирик-Пыжик!

Птицы так громко и радостно выкрикивали новое имя, что Коля Пыжиков, бросив начатую с Петей Петушковым партию шахмат, выбежал во двор и стал искать, кто его зовёт.

Это было не случайно, он не ослышался. Дело в том, что по странному совпадению ребята в школе называли Колю Пыжикова — Чириком, только кричали ему не Чирик-Пыжик, а наоборот — Пыжик-Чирик. Коля стоял посреди двора и прислушивался. Волосы у него на голове торчали во все стороны, на носу была чернильная клякса, рубаха выбилась из штанов. Он долго оглядывался, но во дворе, кроме птиц, стрекоз и кузнечиков, никого не было. И он пошёл обратно.

— Ну что, разве я не права? — спросила синица, заметив, что чириха любовалась Колей.

— Конечно, я согласна! — зашебетала чириха. — Мне нравится Коля. Он действительно очень похож на моего чирика. Пусть же моего сына тоже зовут Пыжиком!

О том, как Пыжик учился летать

Скоро чижик пошёл в лётную школу, в первый класс. Забот у чижихи прибавилось вдвое. Попробуй усадить такого птенца за уроки! Беда, да и только!.. Ему бы кувыркатся да шалить, а учителя своего требуют.

Мать всё хозяйство забросила, за собой не следит — вместе с сыном уроки учит. Старательно учит, будто ей самой их задали. Теперь она и правила, и стихи на память знает, а вот хозяйством заниматься разучилась. То, глядишь, червячок недосолен, то вместо зёрен простых камешков с птичьего базара принесёт, то у торговли-воробьихи сдачу получить забудет.

А гнездо-то, а гнездо! Сплошной беспорядок. Пух из постели повыбился, стены прохудились.

А сама-то, а сама! Страх один. Пёрышки не разглажены, лишние не повыщипаны. В таком виде она и учит с Пыжиком уроки.

— Что тебе на сегодня задали?

— Упражнения на полёты. Нужно три раза облететь вокруг дерева.

— Ну, так лети.

— А я не хочу.

— Почему?

— Мне сперва нужно найти вот такую резинку.— И Пыжик развёл крылья, показывая, какой длины должна быть резинка.

— Ах ты, дрянной мальчишка! — догадалась чижиха.— Ты хочешь сделать себе рогатку!

— У всех есть, а что я, хуже?

— Тебя за это схватит баба-сова!

— А я ей выстрелю в глаз!

— Что мне с тобой делать?! — заламывала крылья чижиха.— Ну, ты хоть червячка съешь.

И его разжевала, тебе только проглотить осталось.

— А ты сделай за меня упражнения, тогда проглочу.

— Хорошо, хорошо, я сделаю. А ты ешь и смотри!

И чижиха принялась летать вокруг дерева. Летает и считает:

— Раз... Два... Три.

— Правильно! — сказал Пыжик. — На пятёрку!

— Гм,— ухмыльнулась соседка-синица. — Что это вы, уважаемая Чика, такими пустяками занимаетесь?

— Это вовсе не пустяки! — ответила чижиха. — Это мы с сыном делаем домашние задания.

А на следующий день Пыжик приносил из школы двойку.

— Безобразие! — жаловалась синице чижиха. — Вы свидетельница, вы сами видели, как мы с Пыжиком делали домашнее задание! И вот вам, пожалуйста,— двойка! Какие несправедливые учителя!.. Ах бедный Пыжик, все тебя, маленького, обижают!

— Обижают... — захныкал сынок, который уже стал ростом со взрослого чижа.

— Ну ладно, не плачь. Поди ко мне, крошка, я тебя поцелую! — И она хотела обнять сына.

Но Пыжик терпеть не мог нежностей. Он передёрнул крыльями, да так неловко, что столкнул мать с ветки. Все вокруг рассмеялись.

А одуванчики так тряслись, что все поголовно растеряли свой пух и остались нагишом.

Чижиха провалилась в густые заросли Крапивы и Лопуха. Она больно обожглась и хотела поскорее выбраться, но услышала интересный разговор, который происходил между Крапивой и Лопухом, и задержалась.

Дело в том, что Крапива и Лопух были всеми признанные учёные педагоги.

Они давно занимались наукой о том, как следует воспитывать детей, но советовали это делать по-разному и без конца спорили.

— Нужно жечь, нужно сечь! Нужно жечь, нужно сечь! — упрямо твердила Крапива и показывала, как это следует делать.

Ладони её были усеяны густым жальщим волосом и сплошь покрыты грубыми мозолями.

А Лопух безразлично махал своими лопухими листьями и лениво повторял:

— Э-э, и так сойдёт, э-э, и так вырастет! Сколько у меня знакомых лопухов, и все так выросли. Некоторые даже ещё бóльшими лопухами, чем я.

Пока продолжался этот учёный спор, Пыжик сидел на высокой ветке и вертел головой. Вдруг перед его носом пролетела стрекоза. Он хотел схватить попрыгунью, да сорвался с ветки. Сорвался, замахал крыльями и полетел. Да, да, полетел! Неровно, припадая то на одно, то на другое крыло, но полетел.

— Ай! Ай! — закричала чижиха. — Что ты делаешь! Ты же летишь! Ты разобьёшься!

Но голос её потонул в шуме.

— Ещё рраз! Ещё рраз! — затрещали в траве кузнечики.

— Чётче! Чётче! Чётче! — зачирикали воробы.

Пыжик снова взлетал, шлёпался на землю, но упрямо рвался в воздух.

Все тут же бросились поздравлять чижиху.

— Ч-чудесно! Ч-чудесно! — защебетала соседка-синица. — Оччень, оччень способный!

— Еш-шобы, еш-шобы, — одобрительно про-

жужжал шмель.— Первые в ж-ж-жизни шшаги, шшаги!

— Поздрр-ав-лаю! Поздрр-ав-лаю! — залаял дворовый пёс Лука, который из будки всё это видел.— Помню, когда впервые пошёл Коля Пыжиков, сколько радости в доме было. Уж я-то знаю, как нелегко на двух задних ходить! Сам пробовал, сам... Да, много мне тогда вкусных вещей со стола перепало! — И он звучно облизнулся.

Чижиха успокоилась и, важно нахохлившись, обвела всех гордым взглядом: дескать, иначе и быть не могло, ведь это её сын!

Она тут же решила послать всем телеграммы и полетела к кусту малины, где был главный паучий телеграф. Отсюда во все концы тянулась густая паутина. По ней передавались всякие новости.

Чижиха быстро настрочила телеграмму:

БОЛЬШОЕ СОБЫТИЕ ТЧК МЫ УЖЕ ЛЕТАЕМ ТЧК
ЧИЖИК — КРАСОТА ПЕРЕРОС ПАПУ РАДА СКАЗАТЬ
НАРОДУ В ГОРОДЕ И ЛЕСУ

В А Ш А Ч И К А

Но старый паучий телеграф перевирал все слова, и те, кто получили телеграмму, читали:

БОЛЬШОЕ БИТИЕ ТЧК МЫ УЖЕ ТАЕМ НИЖЕ У
КОТА ПЕРЕКОС ЛАПЫ НАДО СМАЗАТЬ ВОДУ В
ОГОРОДЕ КОЛБАСУ

К А Ш А Ч И К А

Всякий понимал это по-своему, и все радовались.

Прочитав слова «надо смазать», двери радостно заскрипели. Они решили, что все дверные завесы наконец-то будут смазаны.

Фикус, обнаружив в телеграмме слово «воду», захлопал своими широкими листьями. Он изнывал от жажды и думал, что его немедленно польют.

Мыши в подполье подняли радостную возню.

— Опасность миновала! — кричали они. — У кота перекос лапы!

А другие кричали:

— В огороде выросла колбаса!

Один солдат Пешкин правильно расшифровал телеграмму. Он был опытным связистом и разгадывал телеграммы даже посложней, чем эта.

«Точно, у чижики большая радость! — подумал Пешкин и тут же начал себя ругать: — Эх, и чёрствая я душа! Как же это до сих пор не навестил семью своего спасителя?! Нет мне за это прощения!.. Сейчас же пойду к генералу, попрошу увольнительную и лично принесу чижихе свои поздравления».

Он направился в штаб главного шахматного командования. Пешкин был любимым солдатом генерала, и тот его принял сразу.

— А-а, здравствуй, Пешкин. Как живёшь? — сказал генерал, отрываясь от важных бумаг.

— Разрешите доложить, важное сообщение! — сказал солдат, приложив руку к пилотке и громко щёлкнув о доску свинцовой пяткой.

— Докладывай.

— Свершилось, значит, товарищ генерал. Полетел Пыжик! Пичуга мала, а звезду догнала... Стало быть, птенец — отличник лётной подготовки! Вот как, товарищ генерал.

— Постой, дорогой, постой, — начал припоминать генерал. — Не тот ли это птенец, отец которого...

— Он самый и есть. Так точно, — печально покачал головой Пешкин. — Меня спас, сам погиб...

— Вспоминаю, вспоминаю, как же! Так чего же ты от меня хочешь?

— Да вот, навестить бы мне чижиху... Стало быть, увольнительную бы мне... вот что...

И тут Пешкин совершил ошибку. Генерал был стариком добрым, но увольнительные любил раздавать сам, а когда просили — отказывал.

Он считал, что это необходимо для большой строгости, для авторитета.

— Увольнительной, дорогой, сегодня дать не могу. Сам понимаешь — положение шаховое. С минуты на минуту могут прийти Коля и Петя — и начнётся война! Ясно?

— Так точно. Ясно! — отчеканил Пешкин. Что мог он ещё сказать?

Но генерал и не думал совсем огорчать Пешкина. Он лукаво подмигнул ему, похлопал по плечу и произнёс:

— А не лучше ли отшлёпать чижихе поздравительную телеграмму за моей, генеральской, подписью! А? Каково?!

— Премного вами благодарны! — радостно рывкнул Пешкин.

И генерал послал чижихе телеграмму:

САД ЯБЛОНЯ НОМЕР ШЕСТЬ ГНЕЗДО ЧЕТЫРЕ ТЧК
АТАКУЕМ ПОЗДРАВЛЯЕМ ОТВОЮЕМ ПОЛЕТАЕМ ПУ-
ЛЯ ДУРА ШТЫК МОЛОДЕЦ ТЧК ГЕНЕРАЛ Ф-5.

«Ф-5» означало клетку на шахматной доске, где находился в это время генеральный штаб.

Телеграмма была немедленно доставлена чижихе и зачитана вслух. Чижиха ещё больше надулась и заважничала.

Вдруг в небе что-то загудело, засвистело, и синеву прочертили длинные белые полосы. Потом эти полосы стали переплетаться в восьмёрки, круги и другие замысловатые фигуры.

А впереди этих полос, как серебряные самопишущие перья, неслись и сверкали острокрылые птицы.

Все в саду притихли и с удивлением уставились в небо.

— Чему вы удивляетесь? — сказала чижиха. — Разве не знаете — этот воздушный парад назначен сегодня в честь моего Пыжика!

Никто не стал возражать, а Пыжик запищал:

— Мама, мама, я тоже так хочу!

— Что ты, милый, так высоко? — ужаснулась чижиха. — Там холодно, ты простудишься! Это только люди могут так высоко и быстро летать, а ведь ты — птица... И вообще, на сегодня хватит. Ты устал. Пойдём лучше домой.

Соседка-синица пошла провожать чижиху.

Она ласково положила ей крыло на плечо и сказала:

— Ну, милая, скажу вам, как мамаша мамаше: теперь у вас самое трудное... — и, помолчав секунду, добавила: — Впереди!

— Да, — согласилась чижиха. — Конечно, когда ребёнок начинает летать, покоя матери не знать, того и гляди, птенец залетит не туда, куда надо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пыжик знакомится с сыном одного важного индюка

Чижиха совсем потеряла покой. Ночью через каждый час просыпалась и лап-лап крылом — на месте ли сын. А Пыжик то и дело рвался из гнезда. «Летать! Только бы снова летать! Всё равно куда!» — других желаний у него не было.

И мать, не откладывая, начинала поучать сына:

— Сиди спокойно и слушай, что говорит мама. Наше птичье государство самое большое на свете: всё небо наше, все леса и сады. Но запомни главное — в людские гнёзда нам, птицам, залетать нельзя.

Она указала крылом на двухэтажное здание, которое стояло в глубине сада, и окна его были широко раскрыты. Это был дом, в котором жил Коля Пыжиков, жили шахматы. Чижиха вдруг содрогнулась, крепко зажмурила глаза и чуть не свалилась с ветки. Из окна выскочил кот Василий и шмыгнул в траву. Уж она-то хорошо его знала. Это от его лап погиб отец Пыжика.

Кот вечно бегал по крышам и искал, с кем бы поцапаться. Одна щека у него была разодрана, на спине вырван клочок шерсти, а на хвосте виднелись боевые шрамы. Василий любил сквернословить, носил ухо набекрень, плевал сквозь зубы и, говорят, даже курил. И, хотя собственными глазами никто этого не видел, все верили. От такого пройдохи можно было ожидать чего угодно. Но самое страшное было то, что этот верзила любил обижать младших, показывать на них свою силу и храбрость. Ему бы за решёткой сидеть, да жаль — на котов законов не придумали...

Чижиха даже побоялась произнести его имя и только громко повторила:

— Туда нельзя!

Сказав эти слова, птичья мама совершила ошибку, какую делают все мамы на свете. Стоит любой из них сказать своему сыну: «Туда нельзя!», как он полетит именно туда, а не в другое место.

Чижиха очень волновалась. «Главное,— думала она,— чтобы моему Пыжику достались хо-

рошие друзья, чтобы дурных примеров ему не подавали».

А чижики вообще ни о чём не думали. Прыгая с ветки на ветку, с каждым днём залетали они всё дальше от родного гнезда. Не хотел он дружить ни с чижатами, ни с сыновьями птицы синицы.

И вот сидел как-то чижики на ветке и скучал, соображал, чем бы таким заняться. Вдруг слышит, снизу какая-то странная песня доносится. Не то птичья, не то не птичья — слов не понять:

Бир-бир-бар,
Бир-бар-будл,
Бадл-дудл-Берлыдан!..

Посмотрел он, а по земле странная птица расхаживает. Крыльями не машет, шея голая, с клюва красный лоскуток свисает. Идёт и под свою песню приплясывает:

Бир-бир-бар,
Бир-бар-будл.

Так и дёргается весь, будто его лихорадка трясёт. Не видал ещё Пыжики такого существа. А был это индюшонок, сын своего папы-индюка, по фамилии Берлыдуля-Берлыдан. Сам он, конечно, тоже носил эту фамилию и очень гордился ею.

Папа-индюк был важной птицей: возле самого дома вертелся, из хозяйских рук пищу принимал. И ведал он во дворе всеми птичьими песнями и полётами; хоть сам ни летать, ни петь не мог. Вот и ходил он по двору сердитый, важный, словно надутая до предела камера: толкни — лопнет. А какие бы сложные вопросы ни решал, всегда одно говорил: «Берлы, берлы», — и точка.

Индюшонок с виду был весь в отца, только совсем уж никаким делом не занимался.

Шатался целыми днями по двору, приплясывал и на всех свысока поглядывал.

«Вот это красавец,— думал Пыжик.— А пляшет-то как ловко!» И он тоже попробовал поплясать на ветке. Но ничего не вышло.

«Эх, подружиться бы с ним, тогда и скучать не пришлось бы»,— подумал он и прочирикал: — Эй-эй, приятель! Лети ко мне в гости!

Индюшонок остановился, посмотрел наверх, смерил чижику взглядом и отвечает:

— Бир-бир! Этого ещё не хватало! Стану я к тебе на ветки летать. Может, ещё мошек с тобой ловить?! Мы, индюки, не такие птицы, мы не летаем, не поём, только пищу клюём!

«Ишь ты какой! — подумал Пыжик.— Как интересно!» Спорхнул вниз, на землю. Поравнялся с индюшонком, пошёл рядом. Ходит, пыжится, шею вытягивает, чтоб хоть сколько-нибудь на него похожим быть.

— Давно бы так,— сказал юный Берлыдан.— Если хочешь важной птицей стать, имей со мной дело!

— А какой ты породы? — спросил Пыжик.

— Индюшачьей! Я — индюк!

— Чендюк?

— Фу-ты, ну-ты, не чендюк, а ин-дюк!

— Я и говорю — чен-дюк.

— Чепуха! — сказал индюшонок.— Ты даже говорить-то правильно не умеешь. Только чик-чик да чирик...

— А-а я умею летать,— робко похвалился Пыжик.

— Э-э, летать не модно! Надо танцевать!

— А как?

— Вот так. Смотри и учись! — И индюшонок начал припевать:

Бир-бир-бар,
Бир-бар-будл,
Бадл-дудл-Берлыдан.
Раз,
Джаз —
Утки-дудки,
Бадл-дудл-барабан!

Эх, и трясло же индюшонка! Чуть надвое не переломило.

Ноги он выше головы задирает, головой мотал, как пустым шариком. Пыжик не удержался и тоже пустился в пляс, а поскольку новой песенки не знал, запел свою старую:

Чижик-Пыжик, где ты был...

Скоро вокруг обоих танцоров пыль столбом поднялась, и плясали они до тех пор, пока Пыжик не свалился на землю.

— Ну как? — с трудом переводя дыхание, спросил индюшонок.

— Здо́рово! — сказал Пыжик. — Я ещё ни разу так не плясал!

— Это что! Это — пустяки! — вошёл в азарт Берлыдуля. — Я и не такое знаю, я совсем по-заграничному могу!

— Давай! Давай! — в азарте заорал Пыжик.

Индюшонка ещё сильнее затрясло, а из его клюва, как горох, посыпались иностранные слова:

Эйнс, цвей —
Три редиски,
Вери-Мери,
Дэр, ди, дас.
Бром, ром,
Виски-миски,
Крабы-жабы,
Кислый квас!..

Не выдержал Пыжик такого темпа и язык высунул, а Берлыдуля всё плясал, пока не грохнулся как подкошенный и закатил глаза.

— Умирает! Спасите! — запищал Пыжик и, набрав из лужицы воды, брызнул на индюшонка.

Берлыдуля и не думал умирать. Он отряхнулся, вскочил на ноги и сказал:

— Я, кажется, поставил рекорд по заграничным танцам!

— Конечно, конечно! — согласился Пыжик. Ему стало очень весело. — А что мы ещё будем делать?

— Что ещё? — переспросил индюшонок, но предложить ничего не успел.

Он вдруг радостно подпрыгнул, что-то берлыкнул и ухватил с земли пёстрый лоскуток.

— Берлы-берлы! Смотри, какая красивая тряпочка! Это очень модная тряпочка! Мы, индюки, любим пёстрые вещи! — Он тут же приладил её к хвосту и спросил: — Правда, она мне к лицу?

Хвост был далеко от индюшачьей головы, и Пыжик ничего по этому поводу не мог сказать.

Однако, чтобы не терять дружбы с индюшонком, пообещал:

— Когда у меня будет цветной лоскуток, я тебе его обязательно подарю.

— Если очень захочешь, сможешь мне сегодня подарить.

— Но у меня же нет.

— А я тебе покажу, где взять.

— Покажи!

И индюшонок потащил Пыжика к дому. Он показал на раскрытое окно и сказал:

— Там, в человеческом гнезде, много цветных тряпочек, даже заграничные есть! Достанешь — будешь мне первым другом!

— А разве туда можно? Мама сказала «нельзя!».

— «Мама, мама»! — передразнил его индюшонок. — Значит, ты — маменькин сыночек. Значит, ты — трус! Нет, я вижу, из тебя индюка не выйдет!

Пыжику не захотелось прослыть трусом, и, кроме того, его очень разбирало любопытство: какое оно, это человечесье гнездо?

Он почувствовал, как внутри у него сработала маленькая пружинка, та самая пружинка, что у всякого мальчишки сидит внутри и толкает куда не положено.

Он взмахнул крыльями и в тот же миг очутился на подоконнике.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как выглядит человечесье гнездо и что в нём произошло с Пыжиком

Пыжик сидел на подоконнике и вертел головой, словно это была не голова, а пропеллер. Он с любопытством разглядывал человечесье гнездо, ибо так же, как ребята любят смотреть из окон на улицу, птенцы любят заглядывать через окна в квартиры. Для Пыжика это было вроде посещения музея. Всё, что он видел в квартире, он видел впервые. К стенам были прибиты картины, на которых нарисованные птицы висели вниз головой и не шевелились. С потолка опускалось какое-то дерево, а на его ветках росли круглые стеклянные шары. Пыжик, конечно, не знал, что это люстра... Он спокойно уселся на одну из веток странного дерева, посмотрел сверху на стол. Там стояли стаканы, блюда, хлебни-

ца, солонка, а посреди стола на тарелке лежала дюжина яиц.

«Здесь скоро вылупятся чижики!» — подумал Пыжик и слетел вниз. Над столом носились вкусные запахи, и Пыжик почувствовал, что хочет есть. «С чего бы начать?» — подумал он и подскочил к фарфоровой мисочке, в которой заманчиво поблёскивали белые кристаллики. Пыжик клюнул раз, другой. Но что это?! Язык начало жечь, дыхание спёрло, и солёная горечь потекла прямо в горло. Хорошо, что поблизости оказалась лужица сладкого чая.

Но жажда открытий была сильнее страха, и уже через секунду Пыжик клевал крупички пшённой каши вперемишку с белыми крошками.

Вдруг он услышал, как по комнате разливается приятная негромкая музыка.

— Мурр-урр, мур-урр, мурр-р-р...

«Кто же это поёт?» Чижик осмотрел всю комнату, но нарисованные птицы продолжали висеть вниз головой и молчали.

Тогда он перескочил на диван и услышал пение совсем близко. Рулады плыли и перекачивались, обволакивая его сладкой дрёмой. Пыжику захотелось спать, и он чуть было не скатился на пол. Вдруг на диване он заметил что-то пушистое, круглое, живое. Белый мех с чёрными пятнами вздымался и оседал в такт песне.

Чижик у стало любопытно.

— Что это, что это? — зачирикал он и подскочил ближе.

Пение прекратилось.

Теперь ему очень захотелось зарыться клювом в тёплый, пушистый мех. Он сделал шаг вперёд, ещё шаг... Но тут же получил сильную затрепину, которая, к счастью, пришлась по клюву.

Пыжик испуганно запищал и отскочил назад. В следующее мгновение его ослепили два круг-

лых зелёных огня, и, как только он взмахнул крыльями, чтобы взлететь, тяжёлая когтистая лапа ударила по крылу. Пыжик жалобно запищал и скатился на пол. Летать он больше не мог — крыло было перебито. Он с криком заметался по комнате.

Воробьи на подоконнике подняли страшный шум.

— Эй, эй, наших бьют! Наших бьют! — кричали они, но ни один из них не пришёл Пыжику на помощь.

В эту минуту в окно влетела отчаянная чижиха. Она сразу поняла, что произошло, и не задумываясь ринулась на помощь сыну. Пыжик метался по полу, увёртываясь от когтистых лап, а чижиха летала вокруг, пытаясь отвлечь на себя внимание свирепого хищника. Но кот даже не поднимал головы.

Тогда она стала бесстрашно клевать его в голову, в спину.

Василий закричал, стал на задние лапы и начал махать ими в воздухе, отгоняя чижиху.

Пыжик метнулся в угол и увидел перед собой открытую дверцу. Она вела в небольшую клетку, стенки которой были сделаны из тонкой проволоки. У Пыжика не было времени раздумывать, что это и зачем здесь стоит. Он вскочил в клетку, задел головой кусочек колбасы, который висел на крючке, пружинка распрямилась, и дверца, крякнув, захлопнулась.

О том, какую котовасию затеял кот Василий, и о решительном мышонке Пике

Как только дверца мышеловки захлопнулась — а это была именно мышеловка, — за решёткой моментально появилась оскаленная морда кота и два свирепо горящих глаза. И всё же Пыжик немного успокоился. Ему даже показалось, что на свободе находится он, а страшный зверь попал за решётку.

Кот Василий в недоумении стоял перед мышеловкой. Сквозь частые прутья нельзя было просунуть лапу, и Василий зловеще шипел, выгибал спину дугой и вполголоса по-кошачьему ругался:

— Три мышинных хвоста! Куриная лапа! Как же это я упустил чижонка?! Позор! Позор!..

Он бегал перед мышеловкой и ворчал себе под нос:

— Если мышеловку оставить здесь, то придёт Коля и выпустит мою добычу. Да-да, я знаю этого мальчишку! Вечно он всех жалеет. Даже своего белого мышонка не дал мне загрызть. Нет-нет, оставлять его здесь нельзя!.. А-а, знаю, знаю! Отнесу-ка я мышеловку в сад к своему дружку пауку Лапоногу! Нечего ему, лодырю, бездельничать! Только и делает, что свои антенны по кустам развешивает да всех опутывает. Отнесу ему — пусть сторожит, а я пойду поищу инструменты, чтобы открыть мышеловку и вытащить птенца... Нет, милый, от меня не уйдёшь! — подмигнул он Пыжику и, взяв мышеловку в зубы, потащил её к дверям.

Ноша была тяжёлой, и Василий от напряжения злобно шипел.

Возле дверей он подхватил мышеловку передними лапами, поднялся на задние и всем телом навалился на дверь. Дверь отворилась, и Василий скрылся за ней. По саду он тащил свою пошу медленней, потому что очень устал. Он и толкал мышеловку мордой, и волочил за собой, не замечая птиц, которые с криком носились над ним.

Скоро на солнце засверкала паутина, а затем показался куст малины, на котором жил знаменитый связист-телеграфист паук Лапоног.

Как только кот Василий вышел из комнаты, в норке, возле которой стояла мышеловка, засверкали маленькие бусинки. Это светились глаза мышей. Потом наружу высунулась острая мордочка. Она пошевелила усиками и скрылась.

Оказывается, за всеми этими событиями с волнением следили мыши. Когда мышеловка исчезла, в подполье поднялась шумная и радостная возня. Мыши плясали и пищали:

— Ура! Ура! Мышеловки нет!

— Опасность миновала!

— Вперёд, в поход!..

Теперь они свободно могли разгуливать по квартире. Особенно радовались молодые мыши. Они даже начали выбегать из норы, но сразу возвращались обратно.

И тут раздался голос старой мудрой мыши Усыши, которую прозвали так за непомерно длинные усы. Она знала всех жителей сада и дома, и никакие события не проходили мимо её любопытного носа. Усыша ударила толстым хвостом по доске и сказала:

— Тише! Угмонитесь, крохоборы! Чего расшумелись, чему обрадовались? Мышеловка захлопнула сына доброй чижихи Чики, отца которого съел кот Василий. Птенцу грозит опасность! Нам нужно всем подумать, как выручить его.

В норе стало тихо, только мышинные глаза сверкали в темноте, как маленькие карманные фонарики.

Мыши начали быстро крутить усами и носами. Так они делают всегда, когда думают. Потом стали поднимать хвосты и просить слова.

Одни предлагали подсыпать коту отравленные макароны, которые хозяйка насыпала в их нору. Другие говорили, что надо Василию к хвосту привязать пустую консервную банку, как это делал Коля. Тогда кот начнёт гонять по двору, чтобы отвязаться от неё, и забудет про Пыжика. Ни одного предложения Усыша не одобрила. Тогда мыши ещё сильнее закрутили носами и усами, но больше ничего придумать не смогли.

— Стойте,— сказала Усыша.— Я знаю, кто может спасти сына чижики Чики.

— Кто? Кто? — слышалось со всех сторон.

— Его может спасти только храбрый шахматный солдат Пешкин!

— Пешкин! Пешкин! — закричали все.— Только он может спасти Пыжика! Слава мудрой Усыше!

Мыши давно знали о подвигах деревянного солдата. Они вообще знали все подробности из жизни шахмат. Не подумайте, пожалуйста, что они сами умели играть в шахматы. Нет. Просто однажды в нору провалился белый шахматный слон и пролежал там двое суток. Делать ему было нечего, и он рассказал им о вечных шахматных войнах, о том, как Петя Петушков, противник Коли Пыжикова, научил чёрные фигуры мошенничать, и о подвигах доблестного солдата Пешкина.

Мышата слушали затаив дыхание. Они сами любили играть в войну, только эта игра называлась у них не «мышинная война», а «мышь-

ная возня». И все они, конечно, хотели быть солдатами, как Пешкин.

Белого слона, который был в чине офицера, беспокоило только то, что на шахматной доске его могли заменить простой бумажкой. Такая замена очень унизила бы его офицерское достоинство. Но что мог он поделать? Закатиться-то он закатился, а обратно наверх выбраться не смог. Мыши могли бы сразу ему помочь, но уж очень интересны были его рассказы. И, только прослушав их все до конца, на третий день они выкатили слона из норы.

Коля два дня искал пропавшую фигуру и был очень удивлён, встретив её возле мышиной норы.

— Вот чудеса! — сказал он, поднимая слона. — Я ведь здесь искал, но его раньше не было. И вдруг появился!

Да, Коля многого ещё не знал о своих шахматах и узнает всё только тогда, когда сам прочитает эту книгу...

В общем, все мыши согласились с тем, что спасти Пыжика может только доблестный солдат Пешкин. Но Пешкин жил в соседней комнате, на Колином столе, а дорога туда была небезопасна.

По старым мышьиным законам, дневные прогулки по квартирам запрещались. Днём квартиру мыши уступали людям. И правильно делали, потому что если бы и те и другие стали днём расхаживать по комнатам, то в домах началось бы столпотворение: мыши наталкивались бы на людей, люди — на мышей, и всё это кончалось бы сплошными неприятностями.

И всё же молодые мышата наперебой просились в опасный поход.

— Не спешите! — сдерживала их старая Усыша. — Вы забыли, чем кончаются такие прогулки, забыли, как пропали ваши братья Мик, Шуш, Миса и Мисуса, храбрые сыновья доброй Мама-

уши и старого Папашкина!.. Не торопитесь; нужно всё как следует обдумать!..

Больше всех волновался мышонок Пик. Он впервые видел птичку, и ему было очень жалко её.

— Я, я пойду спасти летающего мышонка Пыжика! — кричал он.

— Замолчи, глупыш, птенец вовсе не мышонок.

— Как, разве Пыжик не мышка? А я думал, что он такой же мышонок, как я, только с крыльшками. Пустите меня, тётя Усыша, пустите!

— Сиди на месте, есть и постарше тебя!

Зная упрямство малыша, старая мышь наступила лапой ему на хвост, чтобы тот не сбежал.

«Я уже не маленький, а мне даже пикнуть не позволяют,— рассердился Пик.— Ходи и держись за тётушкин хвост. Вот возьму и убегу, всем докажу, что я уже самостоятельный!»

Пик собрал все свои мышинные силёнки и вырвал хвостик из-под Усышиной лапы.

Не успела Усыша оглянуться, как Пик шмыгнул к выходу из норы.

Оглянувшись, помчался он в соседнюю комнату, где жили шахматы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Почему на шахматной доске прекратились военные действия и как мышонок Пик нашёл солдата Пешкина

В комнате, где жили шахматы, никого не было. Доска лежала на столе, и фигуры стояли на ней в полном беспорядке. По всему было видно, что недавно закончилось очередное сражение. Над полем боя царила тишина. Солдаты двух

вражеских армий мирно переговаривались между собой и обменивались табачком.

Как правило, перемирие наступало тогда, когда те, кто играет в шахматы, сами дрались между собой или играли в другие игры.

Как раз сегодня и произошла драка между Колей Пыжиковым и Петей Петушковым. Они создали на доске такое сложное положение, что разобраться в этом можно было не иначе, как кулачным путём. Во всяком случае, так считали сами игроки.

А случилось вот что. Коля решительно продвинул вперёд свою королеву и объявил:

— Мат!

— Как бы не так! — закричал Петя. — Во все и не мат.

— Уходить королю некуда? Некуда! Заслнить его нечем! — торжествовал Пыжиков.

— А вот есть чем! — сказал Петя и загородил короля чернильницей.

— Убери чернильницу, это не по правилам!

— А вот и есть такие правила, я знаю! — упорствовал Петя.

— Убери!

— Нет, не уберу!

— Убери!

— Не уберу!..

Петя так махал руками, что столкнул чернильницу с доски, и та посадила на зелёное сукно две большие кляксы. Впоследствии эти пятна были названы «морем печали». Коле очень сильно досталось от отца.

Конечно, после этого продолжать игру обычным путём не имело смысла, и она перешла в рукопашный бой, который закончился во дворе.

Когда мышонок Пик по шнуру от настольной лампы забрался на стол и попал на поле сражения, то прежде всего столкнулся с чёрным

офицером. Он вежливо обнял его и спросил:

— Простите, не вы ли случайно будете храбрым солдатом Пешкиным?

— Убирайся вон, грубиян! — заорала фигура.— Разве ты не видишь, что я офицер, а не солдат?!

— И-извините! — запищал Пик и отскочил в сторону, на край доски.

И тут он увидел солдата в аккуратной защитной гимнастёрочке, который старательно чистил свои сапоги, чистил и напевал:

Ну-ка, щётка-мастерица,
Потрудись, дружище,
Чтобы мог солдат побриться,
Глядя в голенище.

И сапоги действительно сверкали, как два зеркала.

Пик подошёл поближе. В одном из голенищ отразились его розовые уши, нос и дрожащие усы. Солдат поправил гимнастёрку, пригладил пшеничные усики и спросил:

— С кем имею честь?

— Я... я Пик... мышонок Пик.

— Пик? — что-то припоминая, пробормотал солдат.— Нет, не знаем таких.

— Да вы и не можете меня знать,— пропищал Пик.— Я сегодня впервые из норки вышел.

Воин показался ему очень симпатичным, и усы у него были совсем не страшные, маленькие.

— Какое же дело у тебя? — спросил солдат.

— Я ищу храброго солдата Пешкина. Может быть, вы скажете мне, как его разыскать?

— Может, да, а может, нет — нам не просто дать ответ.

Солдат сказал так потому, что был очень бдительным. Разведка вражеского короля могла подослать кого угодно, чтобы выпытать военную тайну.

— Но он мне очень нужен! Тётушка Усыша сказала, что только он может спасти Пыжика! — продолжал Пик.

— Говоришь, тётушка Усыша! Это, случайно, не тётушка нашего слона?

— Нет-нет, это моя тётушка, а вашего слона я знаю. Это он рассказал нам о храбром солдате Пешкине, когда закатился в нашу нору.

— Ясно, валяй дальше!

— Я вам всё расскажу, только вы пообещайте, что отведёте меня к Пешкину.

— Это могу пообещать, он недалеко.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Храбрый солдат Пешкин отправляется в поход

Пик рассказал всё как было. О том, как кот Василий перебил Пыжику крыло, как гонялся за ним по комнате и как унёс мышеловку в сад к пауку Лапоногу.

— Фу-фу! Те-ерпеть не могу этого кота! — закончил он.— От него за три версты кошатиной пахнет! Если б вы его только знали...

— Как же нам его не знать! Мы его отлично знаем,— сказал Пешкин.— Ещё когда Василий котёнком был, то и дело закатывал нашего брата под буфет или под кровать. А одного офицера, разбойник, однажды в сад уволок и катал его там, как простую деревяшку. У него и сейчас всё обмундирование исцарапано... Ах ты, старый мурло,

Е-два, Е-четыре! — чертыхнулся Пешкин. — Ну, погоди, отольются тебе наши слёзы!

— А наши, мышкины, тоже? — спросил Пик.

— Точно, и ваши, — подтвердил солдат.

— Ведите же, ведите же меня скорей к храброму Пешкину! — запищал Пик.

— Вести, говоришь?.. А ты повернись вокруг своего хвоста по команде «кругом» и найдёшь его.

Пик быстро схватил зубами свой розовый хвостик и сделал один круг.

— Ну, я уже повернулся! А где же Пешкин?

— Прямо перед тобой и стоит, разве не видишь? — И солдат приложил руку к нацарапанной на его голове пилотке.

— Так это вы и есть храбрый солдат Пешкин?!

— Так точно — гвардии рядовой! Насчёт «храбрый» не нам судить, а вот что Пешкин — генерал подтвердит.

— Ой, товарищ солдат, так идёмте скорей! Ведь Пыжик там пропадёт!

— Эх, беда, сразу пойти не могу, — покачал головой Пешкин. — Увольнительной нет! Шахматная служба строгая, у нас правила что устав! Прежде всего надо по начальству доложить, а лучше бы самому генералу. Короче, ты беги домой, а я уж тут сам всё улажу. — И Пешкин, чётко повернувшись кругом, направился в штаб.

В штабе главного шахматного командования шла напряжённая работа. Сам генерал с офицерами разбирал запутанную ситуацию, которую создали горе-игроки Коля и Петя. Офицеры и генерал отлично изучили все шахматные защиты: и староиндийскую, и голландскую, и все другие, но защиту с помощью чернильницы, которую придумал Петя, — «чернильную защиту», они ещё

не знали. Просто никто в мире ещё не применял такой защиты.

Пешкин явился в штаб и по всем правилам шахматной игры обратился к генералу:

— Разрешите обратиться, товарищ генерал.

— Слушаю тебя, Пешкин,— отрываясь от своих важных дел, сказал генерал.— Докладывай, с чем пришёл.

Пешкин коротко и ясно рассказал генералу обо всём, что слышал от Пика, и закончил так:

— Жаль птенца, только-только летать научился. Пыжиком его звать, товарищ генерал.

— Как же, как же, помню, матери его поздравительную телеграмму посылал,— сказал генерал.— Хороший парень, только больно горячий...— И, встав со стула, добавил: — Хоть и не время, а выручать нужно! Вот что, Пешкин, поручаю это тебе. Спасёшь птенца — к награде представлю!

— Слушаюсь, товарищ генерал. Только мне бы в помощь несколько ребят...

— И то верно,— сказал генерал.— Сколько же просишь?

— Ни много ни мало — пять.

— Пять, Пешкин, не могу. Сам понимаешь — чёрные каждую минуту могут атаку начать. Бери двух — и точка.

— Есть взять двух! — по уставу отчеканил Пешкин, а про себя подумал: «Просил бы восемь — дал бы четыре. Все генералы одинаковы».

Когда всё было готово к походу, Пешкин вдруг обратился к жителям стола:

— Где же искать в саду этого паука Лапонога? Сад большой, а географической карты, как на грех, у меня нет.

— Спросите у глобуса,— забулькали чернильницы.

Но глобус пренебрежительно покачал своей круглой головой и сказал:

— Такие мелочи, как сад, на мне не указаны, пусть сами ищут.

— И поищем, и найдём! — воскликнул Пешкин.— Язык да ноги найдут дороги!

Солдаты спрыгнули на пол, и вскоре раздалась команда:

— В затылок равняйся! Прямо перед собой шагом марш!

И по паркету чётко зацокали солдатские сапоги, подбитые для устойчивости свинцом. Потом послышалась бодрая строевая песня:

Коль была б у нас гармошка —
Веселей была б дорожка,
А коль гармошки не найти,
Так нам и с песней по пути!
Е-два, Е-четыре,
Твёрже ногу,
Шаг пошире!
Без потерь
И в нужный час
Будет выполнен приказ!

Скоро песню услышали в саду, на тропинке, которая вела к кусту малины.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*Как шпионы подслушали секретный разговор
Пика с Пешкиным и что из этого вышло*

Как только солдаты генерала сошли с доски, во вражеской армии началось оживление.

Прежде всего нужно сказать, что половина фигур этой армии была шпионами и лазутчиками и занималась только тем, что подслуши-

вала да подглядывала за каждым солдатом противника. Шпионы забирались на чужие позиции, шныряли по окопам противника и вертелись перед генеральским штабом. Но наиболее пронырливыми были два шпиона. Прозвище одного из них было Длинноухий, другого — Головешка. Длинноухий получил своё прозвище за то, что на его деревянной голове были пером нацарапаны треугольные висячие уши, как у ищейки, но ни носа, ни глаз, ни рта не было. У Головешки был отбит череп, отчего был он на полголовы ниже всех других солдат. Однако это не мешало ему считаться лучшим шпионом.

Головешка давно приметил мышонка Пика и немедленно повёл за ним наблюдение. С одной стороны, это было простое любопытство, а с другой — очень подозрительным показался розовый длинный хвост. Он принял его за шпагу и рассуждал так:

«Во-первых, если бы это существо с усами не было военным, оно не носило бы такой длинной шпаги. Во-вторых, это существо всё время что-то вынюхивает, причём так старательно, что усы всё время ходят ходуном».

Шпион начал неотступно следовать за мышонком, чуть ли не наступая ему на хвост. Когда же он подслушал разговор Пика с Пешкиным, сомнений больше не оставалось.

— Ну, миленький Пешкин,— забормотал шпион,— теперь я в покое тебя не оставлю, всё узнаю и донесу своему королю. Уж он меня без награды не оставит... Так, так. Сейчас нужно разыскать Длинноухого и вместе с ним перебраться в штаб генерала, чтобы всё до конца подслушать!..

Позади слышался свист Длинноухого.

— Где ты шатаешься? — зашипел на него Головешка.— Идём вдвоём. Одна голова хорошо,

а полторы лучше! — Он щёлкнул себя по отбитому черепу и на секретном шпионском языке добавил: — Уша на макуша и всё подслуша!

Затем они пробрались к штабу и всё узнали, потому что ни генерал, ни Пешкин из истории спасения Пыжика не делали секрета.

— Вперёд, к королю! — скомандовал Головешка. — За наше чрезвычайное донесение нам окажут самые высокие почести!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как король наградил шпионов

Левый угол доски считался королевским дворцом. Над ним нависал голубой абажур настольной лампы и проливал на шахматную доску приятную голубизну. Тут же стоял знаменитый чернильный прибор, медные части которого напоминали золочёную ограду вокруг дворца. Перевёрнутое пресс-папье, обтянутое двадцатью слоями промокашки, считалось королевскими покоем и служило постелью. Простыни из промокашки были замечательным изобретением: какая бы неприятность ни случилась ночью с королём, промокашка всегда оставалась сухой.

Комнаты королевы находились возле гранёных чернильниц. Ведь это были зеркала, а королева была женщиной и без них не могла обходиться. Она была большой модницей, но все её платья были только чёрного цвета. Тут же находилась и знаменитая чёрная пудра, которой пользуются только чёрные королевы.

Запыхавшись, Длинноухий и Головешка примчались к королевскому дворцу, но стража не хотела их пропускать.

— Не велено! — твердили солдаты. — Король поживает!

Король действительно собирался уснуть после сытного обеда, а королева примеряла новые наряды. Вечером они собирались дать бал.

Король за обедом поел лишнего и никак не мог уснуть. Он вертелся на своём высоком ложе и охал:

— Ох, подпирает! Ох, разрывает! Ох, колики донимают!..

И тут он услышал шум, который подняли шпионы, пытаясь проникнуть в покои дворца. Король вызвал дежурного офицера.

— Что за шум? Почему шум? Распустились, даже королю не дают покоя!

Офицер доложил, что это шумят шпионы его высочества — Длинноухий и Головешка, что у них какая-то важная весть.

— Впустить, всё равно живот болит — спать не могу!

Шпионов впустили.

— Что заставило вас нарушить мой тихий час? — сказал король. — Если вы снова будете городить чепуху, не стоящую хода пешки, я велю вас окунуть в чернильницы головами вниз!

— О нет, ваше королевское высочество! — наперебой заговорили шпионы. — Эта весть доставит вам удовольствие.

— Удовольствие? — удивился король. — Может, у меня и колики в животе пройдут?

— Пройдут, непременно пройдут! — угодливо сказал Головешка.

— Даже сладко в животе станет! — добавил Длинноухий.

Король слез с промокашки на доску.

— Скорей, скорей говорите!

Шпионы посмотрели по сторонам — не подслушивают ли их — и хором сказали:

— Чижик, по имени Пыжик, попал в мышеловку!

— Ух ты, как интересно! — воскликнул король. — Чижик — и вдруг в мышеловку! Ха-ха-ха!.. Кажется, колики начинают у меня проходить. Валяйте дальше!

Головешка сильно наступил Длинноухому на ногу, дав этим понять, чтобы он молчал, а сам продолжал:

— А генерал, чтобы выручить птенца, послал в сад храброго солдата Пешкина и ещё двух солдат... Мышеловку с чижиком сторожит сам паук Лапоног!..

— А-а-а, Пешкин! — закричал король. — С этого бы и начинали! — Он стал потирать руки, строя в уме какие-то коварные планы.

— Ну, как ваш превосходный живот: ещё не разлилась в нём сладость? — залебезил Головешка.

— Надеюсь, вы не забудете наши старания и наградите нас? — согнувшись в три погибели, спросил Длинноухий.

— Конечно, конечно, награжу! — не глядя на шпионов, воскликнул король. — Вы будете очень довольны.

— Спасибо, спасибо! — закланялись шпионы.

— Я велю не окунать вас вниз головой в чернильницу! Разве это не замечательная награда?!

— Замечательная, — грустно ответили шпионы. — Вашей щедрости нет границ.

— Не стоит благодарности, вас ещё не окунули. Да понимаете ли вы, какую чудесную военную операцию мы теперь совершим?! — сказал король и начал вслух соображать: — Значит, ушли в сад — раз! Трое солдат — два! Среди них знаменитый Пешкин — три!.. Здесь,

на доске, мы войну проигрываем — четыре! Но если истребим вражеских солдат там, в саду, то перевес будет на нашей стороне! — И, приняв важную позу, затопал и закричал: — Поднять! Мобилизовать! Приказать! Послать! Объявить! Учредить! Убить! Истребить!.. Всех офицеров ко мне!

Во дворце поднялся страшный переполох. В королевскую опочивальню спешили штабные офицеры, бежала королева, скалывая на ходу булавками недошитое платье. Даже один конь в панике вскочил на королевскую постель. Бежал и придворный лекарь с тубиком клея на тот случай, если у короля отвалится деревянная голова с короной.

— Не нужно лекаря — моя голова на месте! — закричал король. — Усилить охрану! — Потом снова забрался на постель и объявил: — Закрытый военный совет объявляю открытым! Слушайте мой королевский приказ!

Пункт первый: немедленно выслать вдогонку за неприятельскими солдатами отряд из трёх наших бойцов во главе с верховым офицером!

Пункт второй: противника догнать, истребить! Солдата Пешкина доставить живым или мёртвым!

Пункт третий: поскольку мы теперь обязательно победим, то приказываю готовиться к балу!

Задача ясна?

— Так точно! — ответили штабные офицеры.

— Всех ко мне! — приказал король.

Когда солдаты и офицеры стали в круг, король начал считать считалочку, чтобы честно выбрать участников похода:

Эне, бэнэ,
Шах и мат.
Я солдат,

И ты солдат.
Начинается поход.
Кто пехота — тот идёт.

Но сколько раз ни повторял считалочку, выбор падал на него самого.

— Не может быть, я, наверное, ошибаюсь,— сказал король и поручил эту работу коню.

Конь четырежды повторил считалочку и отобрал себя, офицера и трёх солдат.

Спустя минуту чёрный офицер верхом на коне и трое солдат покинули шахматную доску.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О старом связисте пауке Лапоноге

Паук Лапоног был знаменитым связистом-телеграфистом. Куст малины, на котором он жил, считался главным центром связи. Высокие ветки служили антеннами, и от них тянулись линии во все концы сада: на телеграфные столбы и в дома. На Лапонога день и ночь работали пауки-монтёры, добавляя новые и новые линии. Паутину им экономить не надо было, она им доставалась даром — ведь они тянули её прямо из своего нутра, всё делали, как говорится, на живую нитку, по новейшему слову паучьей техники. А техника была так сложна, что простофили-мухи, не разбираясь в ней, то и дело попадали в паутину. Стоило мухе на самой дальней подстанции попасть в сети и поднять жужжание, как сигнал по паутине моментально попадал на центральный куст, и Лапоног спешил к своей жертве.

Были у него свои подстанции и в скучных человеческих канцеляриях, где мухи носились целыми стаями. Особая линия тянулась в кухню, где жил дружок паука — кот Василий. Здесь в

углу висел старый репродуктор «Рекорд». Он давно был испорчен, и весь его рупор густо обтянут паутиной. Отсюда и поступали важные сигналы от Лапонога к Василию и обратно.

Сегодня Лапоног с утра был не в духе. Толстая зелёная муха, которую он заманивал целый час, порвала его лучшую антенну и улетела. Правда, эта муха через несколько минут попала на ленту-липучку, которая висела на окне. Но туда Лапоног не осмелился лезть, потому что сам мог погибнуть. Липучки стали серьёзными соперниками паука, и это тоже его сильно раздражало.

Когда кот Василий притащил мышеловку со своим пленником к кусту малины, Лапоног чинил свои порванные антенны.

Он был так зол, что даже не ответил на приветствие старого друга, только проронил:

— Ходишь, бездельник, да песни поёшь!

— Я не бездельник,— обиделся Василий.— Сидел бы сложа лапы — не имел бы такой добычи!

— Какой такой добычи?! — всё ещё не глядя на кота, спросил паук Лапоног.

— А ты не поленись да посмотри.

— А ты подойди поближе.

— Очень мне нужно в твоей паутине путаться... Я уже давненько не имел такой добычи! — гордо произнёс кот.

Лапоног съехал на паутине вниз.

— Э-те-те! — произнёс он, увидев мышеловку.— Да это никак Пыжик?!

— Угадал,— ответил Василий.

— Здорово ты его упаковал! Ну что ж, отличная добыча. Давай попируем.

— Но-но,— перебил Василий.— Какой скорый! Ты сначала заработай.

— Заработать? — удивился паук.— А что я должен делать?

— Дело пустячное,— сказал Василий, усаживаясь на мышеловку.— Сиди да охраняй эту клетку, пока я вернусь. У птёнца здесь много друзей — того и гляди, прибегут и выпустят.

— Ну когда это было, чтобы от меня, Лапонога, кто-нибудь сбегал?! — надулся паук, но тут же вспомнил зелёную муху, которая недавно сбежала от него (а это видели все соседи), и закашлялся.— Гм-гм... Не беспокойся, я его паутинкой, паутинкой окручу, самой что ни на есть прочной,— и тут же принялся опутывать мышеловку с Пыжиком.

— Действуй и ни мур-мур. Ясно? А я пойду. Есть у меня там кое-какие важные делишки.

«Знаем, воришка, твои делишки!» — подумал паук Лапоног, но вслух сказал:

— Желаю удачи!

Василий погладил лапой мышеловку, осмотрел её — в надёжном ли месте стоит — и побегал в кухню искать какой-нибудь инструмент, чтобы открыть мышеловку.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Как, сидя в мышеловке, можно стать знаменитым

Да, Пыжику сейчас сочувствовали все жители сада. Цветы ромашки (их называли тут Маши-Ромашки) носили ему воду. Они выискивали самые крупные студёные росинки и, надев их на коромысла из стебельков травы, подносили Пыжику. Даже бабочки-капустницы, которым ни до чего, кроме капусты, нет дела, обмахивали его рану своими крыльями-веерами.

Были и такие герои, которые тут же пытались освободить пленника. Отважный шмель,

охранник цветочной клумбы, с воинственным кличем «жжу-жжу-жжулик!» бросился на паутину Лапонога и начал её рвать. Но паутина была крепка. Храбрый шмель запутался в ней и повис, связанный по рукам и ногам.

А между тем Пыжик чувствовал себя не так уж плохо. Крыло болело меньше. Он даже забыл, что находится в плену, и с любопытством разглядывал сложное устройство паучьего телеграфа. Линии вокруг мышеловки становились всё гуще и гуще.

Дело в том, что телеграф Лапонога ещё не знал такой перегрузки. Жизнь в саду протекала скучновато, и мало кто беспокоил главного связиста телеграммами и телефонными разговорами. А тут вдруг такое событие: Пыжик в мышеловке!.. Телеграммы неслись из конца в конец, звонки раздавались ежеминутно. «Как чувствует себя пленник?», «В каком состоянии мать пострадавшего?», «Когда ожидается приход ко-та?» — запрашивали любопытные. Многие телеграммы посылались прямо на имя Пыжика. «Крепись, мы с тобой!» — писали скворцы. «Не шевели раненым крылом!» — советовали сердобольные голуби. Паучки-монтёры совсем забегались и запутались, налаживая повреждения. А сам Лапоног недовольно ворчал:

— Ишь, как разошлись, ни минуты покоя нет! Подумаешь, какая важная птица этот Пыжик!..

Вокруг мышеловки толпились комары — корреспонденты местных газет. Тут были представители «Зелёного листка», газеты «Вечерний звон», журнала «Отец и птенец» и другие. Корреспонденты наседали на пострадавшего и донимали всевозможными вопросами. Одни спрашивали, каково его здоровье. Другие интересовались, захватил ли Пыжик с собой учебники, чтобы

готовить домашние задания. Третьи просили рассказать биографию. Корреспонденты записывали ответы в блокноты и немедленно отправляли в свои редакции.

Пыжик давно позабыл о грозящей ему опасности. Он даже начал храбро покрикивать: «Что мне кот?! Что мне кот?!», а про себя думал ещё такое: «Вот я уроки в школе пропускаю, а причина у меня уважительная и к директору вызывать не будут!» И ещё думал о том, что стал известным на весь сад и одноклассники ему теперь завидуют.

Скоро Пыжику стало скучно и захотелось с кем-нибудь поболтать. Тут и помог паучий телеграф.

Одному монтеру-паучку удалось протянуть паутинку сквозь мышеловку и опутать ею лапу Пыжика. Птенец пытался высвободить лапу и поминутно дёргал ею. У него и в мыслях не было, что эта паутинка была началом линии, которая через весь сад вела прямо в дом и попадала в мышиную нору.

Когда Пыжик шевелил лапой, паутинка натягивалась и на другом конце дёргала щечку. «Пик, пик!» — пищала щечка. Это и был телефонный звонок. В мышиную нору редко кто звонил, и поэтому все её жильцы переполошились.

— Пик, Пик, тебя вызывают к телефону! — закричали мышата.

Пик немедленно прибежал и приложил ухо к щечке.

Неужели вы не верите и думаете, что мышенок ничего не слышал? Отлично всё слышал. Разве вам самим не случалось, намотав нитку на две катушки, переговариваться с дружкой из другой комнаты? Покрутишь катушку, и на другом конце слышно, как скрипит нитка. А ведь этот телефон был устроен точно так же.

Мышата окружили Пика:

— Ну что, что ты слышишь?

— Я слышу «пик-пик» и слышу «чик-чик».

Паутинка сильнее дёрнула щепочку, и та очень громко сказала: «Чик-жик! Чик-жик!».

— Чирик! Чирик! — запищали мышата.

— Да,— важно сказал Пик.— Это он меня вызывает! Я ему нужен по одному важному делу... — и так быстро выбежал из норы, что тётушка Усыша даже не успела спросить куда.

Поглядеть на пленника прибегали, прилетали и приползали издалека. Не случись эта история, Пыжик никогда не увидел бы странного забавного зверька, который стоял по ту сторону решётки и внимательно его разглядывал. У зверька были большие розовые уши, усы и тонкий длинный хвост. А вот крыльев совсем не было. Вместо того чтобы чирикать, он всё время попискивал и дрожал от кончика носа до самого кончика хвоста. Это, конечно, был мышонок Пик, но Пыжик ещё этого не знал.

— Ты кто? Ты кто? — спросил он зверька.

— Я Пик, мышонок Пик.

Пыжик ничего не ответил. Пик тоже не знал, с чего начать разговор, и, вздохнув, сказал:

— А ты сидишь в нашей мышеловке...

— Если это ваша,— ответил Пыжик,— я могу немедленно уступить тебе своё место. Пожалуйста!

— Попробуй уступи! — с вызовом сказал Пик.— Ну, уступай же! Почему ты не уступаешь?

Пыжик клюнул решётку и ничего не сказал.

— Ага, не можешь, не можешь! — торжествовал мышонок.— Нечего было и хвастаться.

— Я и не хвастаюсь,— ответил Пыжик.— Только все-таки не каждому приходится попадаться в мышеловку.

— Ну и что! — сказал Пик. — Подумаешь — герой! Сидишь за железной решёткой, и тебя никто не может сцапать, а меня может кот схватить или другой зверь. Мало ли их тут. Нас, мышей, только люди боятся. Колина мама однажды увидела в кухне тётушку Усышу и упала в обморок...

— Значит, вы очень страшные звери.

— Страшные, — сказал Пик, но вдруг задрожал, словно хотел сбросить с себя шкурку, и пропищал: — Ой, ой! Сюда идёт какой-то страшный зверь! Спасайтесь кто может!

Он исчез так быстро, как будто его здесь и не было.

Через секунду Пыжик услышал знакомую песню:

Бир-бир-бар,
Бир-бар-будл,
Бадл-дудл-Берлыдан!..

А вскоре появился и сам индюшонок. Он шёл и, как всегда, приплясывал.

— Эй, эй, чендюк! Эй, эй, Берлыдуля! — метался в мышеловке Пыжик. — Это я, чижики! Разве не узнаёшь?

Индюшонок остановился, посмотрел через решётку на пленника, берлыкнул что-то и уже приподнял левую ногу, чтобы идти дальше, но Пыжик снова закричал:

— погоди, выручи меня! Ведь я из-за тебя попал в клетку. Я хотел тебе достать заграничный цветной лоскуток... Я твой лучший друг — чижики! Помнишь, мы даже вместе плясали!

— Берлы, берлы, не знаю я никакого чижика! Много вас здесь по саду летает! И вообще, мне некогда, я приглашён на танцы, я тороплюсь!

Пыжик прижался к решётке и жалобно захныкал:

— Э-э-эй, крабы-жабы... Ты хоть маме моей скажи, что я здесь!.. Э-э-эй, это нечестно, нечестно!

Но индюшонок уже не слышал Пыжика. Он побежал на танцы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О том, как прошло родительское собрание в птичьей школе

Чижиха металась по саду и призывала всех на помощь. Она уже знала, что её сын попал в беду из-за дружбы с индюшонком. И вот, несмотря на обиду, она полетела к индюку-папе, важной птице Берлыдуле-Берлыдану, просить его содействия.

Но Берлыдуля её не принял. Он в этот день разгребал какую-то важную кучу и ни с кем даже разговаривать не хотел.

Все птицы возмущались и в один голос говорили, что должна помочь школа. Особенно настаивала на этом соседка-синица, потому что была членом родительского комитета.

Оказывается, в школе не сидели сложа руки. Секретарь директора школы Сорока приколола к дереву объявление, да ещё сама растрещала об этом по саду. В объявлении было сказано:

*Сегодня в час дня в птичьей школе
состоится родительское собрание*

На повестке дня один вопрос:

**СЛУЧАЙ С ПЫЖИКОМ,
И КТО В ЭТОМ ВИНОВАТ**

Родителей просят явиться без опоздания по адресу:

улица Крапивы, дуб № 6, пятая ветка

Директор

Ф и л и п п Ф и л и н

Все родители прибыли вовремя — уж очень нашумела в саду история с Пыжиком. На большой пятой ветке, где проводились все школьные собрания, свободных мест не было. Чижиха сидела на первом сучке и очень волновалась.

Наконец из большого дупла появился Филин. Это была важная толстая птица с огромными очками на клюве. Никто не знал, хорошо или плохо он руководит школой, но зато за версту было видно, что это директор. Филин протёр свои очки, зевнул и сказал, что сегодня на собрание приглашены знаменитые учёные-педагоги Крапива и Лопух, а поскольку их ещё нет — начинать неудобно.

— Подождём,— пробормотал он и вздремнул за председательским столом.

Однако ни через полчаса, ни через час учёные-педагоги не явились. Спор Крапивы и Лопуха пустил такие глубокие корни, что они даже на минуту не могли вырваться в школу.

Птицы зашумели и разбудили Филина.

— Пора начинать! Пора начинать! — кричали они.

Филин проснулся, нацепил на клюв очки и заявил:

— За всё, что случилось с Пыжиком на улице, школа не отвечает, и никакого индюка и кота-хулигана я не знаю!

Птицы ещё больше возмутились. Тогда директор сказал:

— Единственное, что мы можем сделать,— это дать Пыжику хорошую характеристику, хотя

он её не заслужил... Бумаги с круглыми печатями иногда помогают.

Секретарь Сорока тут же написала характеристику, а Филин её подписал. Вот что в ней было написано:

ХАРАКТЕРИСТИКА НА УЧЕНИКА
ПТИЧЬЕЙ ШКОЛЫ ПЫЖИКА

*Дана для предъявления
уважаемому коту Василию с усами*

Ученик птичьей школы Пыжик является хорошим учеником (уже умеет летать). На уроках ведёт себя примерно: не зевает и не ловит мошек. Участвует в общественной жизни класса и по утрам зубной щёткой чистит клюв. Дирекция школы просит уважаемого кота не съедать Пыжика ни на завтрак, ни на обед, ни на ужин.

*Директор птичьей школы
Ф и л и п п Ф и л и н*

(Печать)

Бумага выглядела очень солидно, но чижиха не захотела её брать, потому что всё равно побоялась бы вручить её коту. Кроме того, кот был неграмотен. Она расшумелась и улетела искать спасителей понадёжней. Чижиха ещё не знала, что на выручку её сына к кусту малины спешил храбрый солдат Пешкин со своими друзьями-однополчанами. Столпотворение вокруг малины продолжалось. И, хотя телеграф был перегружен работой, Лапоног сегодня ликовал. Сети вокруг мышеловки стали такими густыми, что в них то и дело кто-нибудь попадал.

— Эх, и богатый денёк удался! — приплясывая на своих проводах, приговаривал Лапоног. — Даже силач шмель и тот ко мне угодил!

Лапоног на радостях одну за другой слал телеграммы коту Василию:

ТОРОПИСЬ ТЧК БУДЕМ ПИРОВАТЬ ТЧК УГО-
ЩУ МУХАМИ ТЧК ОБНИМАЮ ВСЕМИ ЛАПАМИ ТЧК
ТВОЙ ЛАПОНОГ

Телеграммы были очень многословные, потому что платить за них пауку не нужно было ни копейки: это был его собственный телеграф.

— Жжу, жжу, жжу! Погоди радоваться! Посмотрим ещё, чья возьмёт! — трубил шмель и продолжал вырываться из паутины.

Скоро вдалеке послышалась строевая песня. Это солдат Пешкин со своими гвардейцами шёл спасать Пыжика.

Ну-ка, братцы, левой, левой!
Славной гвардии солдат
Королю и королеве
Может сделать шах и мат!
Мы известны в целом мире,
Мы умеем воевать:
Мушку в прорезь — Эф-четыре,
Слон Дэ-восемь, конь А-пять!

Пешкин запевал, а солдаты подхватывали, и песня лихо неслась над травой и цветами, поднимая в воздух бабочек и стрекоз.

Равнение в строю было образцовым, выправка отличная, глаза сверкали. Любо-дорого было смотреть на гвардейцев.

— Кто такие?

— Откуда?

— Куда идут? — спрашивали жители сада и спешили посмотреть на солдат.

Молодые муравьи с завистью поглядывали на воинов. Они то забегали вперёд, то пристраивались сзади, совсем как мальчишки, когда по улице проходит полк с оркестром. А солдаты шли

по строго заданному курсу. Они ступали аккуратно, чтобы не примять ни листика, ни травинки, хотя в саду не было объявлений «За хождение по траве — штраф 10 рублей!»

Солдаты прошагали половину дороги и скоро достигли бы цели, если бы...

Если бы не происшествие, которое заставило их задержаться.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

О первом боевом задании солдата Новичка

Чёрный офицер верхом на коне и трое солдат спешили выполнить приказ короля. Задача их была сложной. Нужно было незаметно, в обход, выйти на дорогу, ведущую к кусту малины, и врасплох напасть на Пешкина и его солдат. Напасть и уничтожить. Король Смоль за эту нечестную операцию обещал офицеру высокую награду, и тот торопил своих солдат:

— Скорей, лодыри! Пошевеливайтесь! Вперёд!

И солдаты шли вперёд. Хуже обстояло с самим офицером. Он хоть и ехал верхом на боевом коне — всё время отставал и топтался на месте. Виноват был конь. Он привык скакать по клеткам, а в саду клеток не было. Поэтому он вертелся, становился на дыбы и всё время норовил повернуть назад к шахматной доске. Как ни чертыхался офицер, как ни прищипывал коня — ничто не помогало. Солдатам всё время приходилось делать привалы и поджидать своего командира.

Вдруг конь заржал и криво, зигзагами поскакал вперёд. Он увидел клетки. Не подумайте, что в саду была шахматная доска, — нет. Просто на

песчаной площадке были начерчены классы: такие же классы, какие рисуют мелом на асфальте. Играли в них весёлые девочки — Ромашки и Синеглазки.

У всех у них было только по одной тоненькой ножке, и поэтому они никогда не нарушали правил — не становились на черту второй ногой.

Прежде чем бросить битку, они, зажмурив глаза, читали на память стишки:

Битка, битка,
Падай метко,
Угоди в четвёртый класс,
Ты отличную отметку
Заработаешь у нас;
Выручай меня и Зойку,
А не то —
Получишь двойку! —

а потом уже прыгали.

«Ага,— подумал офицер.— Эти классы заменят моему коню клетки, и, таким образом, я смогу верхом добраться до дороги, по которой идёт Пешкин».

Девочки так были увлечены игрой, что заметили чёрного коня только тогда, когда он вскочил на первую клетку.

— Назад! Назад! — закричали они.— Это не по правилам!

— Какие там ещё правила?! — возмутился офицер.— Куда ни повернись, всюду правила! На доске — правила, в саду — правила! Может, и вы всякие задачки решаете?

— Решаем,— ответили девочки.— Только не на этих классах, а в школьных.

— С дороги! — заревел офицер.— Не нужны мне правила и задачки!

Конь, лихо заржав, начал скакать по классам.

Конечно, он вовсе не собирался играть с девочками — зачем коню классы? Он затоптал им все линии и, дойдя до последней клетки, помчался к другим классам.

Так офицер и конь догнали своих солдат и очутились недалеко от дороги. Но здесь задержался сам офицер. Дело в том, что конь завёз его в чудесный королевский хмель, из которого варят крепкое, пьянящее пиво. А какой офицер не любит пива? Таких, пожалуй, нет. И офицер не устоял перед такой крепостью — сдался. Он соскочил с коня, привязал его к веточке хмеля и сказал солдатам:

— Вот что, солдаты. Один из вас должен пойти в разведку и пронюхать, не идёт ли по дороге Пешкин. Э-э-это сделаешь ты! — И он ткнул пальцем в грудь молодого солдата, по прозвищу Новичок.

Это прозвище дали солдату не случайно. Всего три дня назад он был призван в армию короля Смоля, взамен пропавшего без вести, закатившегося неизвестно куда солдата.

Новичок был самодельной фигурой. Его Коля выстрогал из сосновой палки и покрыл не лаком, а простой акварельной краской. Поэтому Новичок ещё не имел надлежащего армейского лоска да и пороха по-настоящему не нюхал.

— Это будет твоим боевым крещением! — сказал офицер Новичку. — Иди да смотри не заблудись. А вы, — он указал на остальных двух солдат, — ступайте в боевое охранение и не возвращайтесь, пока не позову... Я тут должен проверить, хорошо ли созрел королевский хмель.

Солдаты разошлись, а офицер тут же приложился к хмелю. Он рвал листики и высасывал из них горькую пьянящую влагу. Конечно, не отставал от него и конь — ему ведь на роду напи-

сано питаться зеленью. Этим делом они оба и занимались. Ну, а что из этого вышло потом, мы узнаем, когда хмель ударит обоим в голову.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

О том, как нечестно поступил конь со своим офицером

Скоро офицер так насосался хмеля, что стал распевать песни и плясать. Конь тоже стал хорош. Он сорвался с привязи и начал ржать и пританцовывать на задних ногах.

— И-ги-ги-ги! — ржал конь.

— О-го-го-го! — откликнулся офицер.

Кончилось это тем, что офицер возомнил себя конём, а конь — офицером. Конь начал стегать хвостом скачущего на четвереньках офицера, а потом вскочил ему на спину и пришпорил.

— Седло! Седло на меня надень! — кричал офицер.

— Вперёд! — понукал конь. — Хватит, наездился на мне, теперь я покатаюсь. Узнаешь, какова лошадиная жизнь!

Ноги у офицера подгибались, но он всё же бежал вперёд. А конь всё сильнее пришпоривал офицера. Он то пускал его в галоп, то заставлял прыгать через кочки и разные препятствия. Уж он-то отлично знал школу верховой езды и старался не пропустить ни одного упражнения. Офицер падал на колени, а конь хлестал его, подымал и заставлял снова скакать. И только когда перед ним оказался забор и офицер свалился в полном изнеможении, конь слез с него, легко перемахнул через препятствие и помчался куда глаза глядят.

Когда офицер пришёл в себя, то понял, что стряслась беда.

«Что делать? Что делать? — соображал он.— Мало того, что я потерял солдат, так ещё и конь от меня сбежал! Если я вернусь без коня, король голову снимет!.. Нет-нет, я должен поймать его!» И офицер попробовал перепрыгнуть через забор.

Не тут-то было. Сколько ни делал он попыток, перепрыгнуть не смог. Во-первых, он отяжелел от хмеля, а во-вторых, его тянул вниз тяжёлый свинцовый груз, который находился в пятках.

Тогда он пошёл вдоль забора и шёл до тех пор, пока не обнаружил в нём узкую щель. Не задумываясь, он полез в неё головой. Офицер забыл, что, как и всякая шахматная фигура, он снизу шире, чем сверху. Долез до половины и застрял. Ни вперёд, ни назад. Кряхтел, пыхтел, но ничего сделать не мог. Голова и плечи торчали с одной стороны, а всё остальное — с другой. Тогда он начал кричать — звать на помощь:

— Караул! Застрял! Помогите! Спасите!

Он кричал, пока не охрип, пока, утомлённый, не заснул в щели забора. Его солдаты остались далеко позади и не слышали призывов о помощи.

Но кое-кто услышал.

По тропинке, приближаясь к забору, шагала колонна из трёх солдат. Это был Пешкин со своими подчинёнными. Когда до них донеслись вопли, Пешкин сказал:

— Братцы, стой, лес густой — всякое может случиться!.. Никак кто-то бедствие терпит!

— Так точно, терпит,— ответили солдаты.

— Стало быть, приказ будет такой.— И Пешкин распорядился: — Вам — привал, мне — аврал. Ждите, пока не явлюсь! — и пошёл туда, откуда доносились крики.

Когда Пешкин очутился возле забора, вокруг уже царила тишина, прерываемая храпом, как будто где-то из мешка горох на пол сыпался. Осмотрелся Пешкин, видит — никого.

— Неужели забор храпит?! — произнёс он тихо и начал его обследовать. — Вот задача! — и вдруг наткнулся на офицерскую голову, торчащую из забора. — Этот ещё как сюда попал? — удивился Пешкин. — Впрочем, игры сейчас нет — на фронте передышка. Я ведь тоже зачем-то здесь. Стало быть, и он не зря сюда забрался! Только вот зачем?.. Ага, понимаю! Это, наверное, козни короля Смоля. Он послал сюда офицера, чтоб исподтишка напасть на нас и уничтожить... Ясно! Ну ничего, сейчас я ему, как смогу, помогу, а ребятам своим прикажу, чтобы были бдительными, потому что здесь ещё, наверное, и королевские солдаты шарят... Так-так, раз голова здесь — стало быть, и ноги есть. Иначе как бы ей самой так далеко зайти?!

Он ещё раз оглядел офицера и сказал:

— Прямо скажем, положение, как с таблицей умножения! За такую стойку — офицеру двойку!

Пешкин имел дело со школьником Колей Пыжиковым, поэтому солдатские поговорки у него часто чередовались со школьными.

Сказав это, Пешкин легко перемахнул через забор. Тут он обнаружил все остальные части офицера.

— Ну что ж, пора выяснить, зачем он сюда пришёл. — И Пешкин шлёпнул его по самому широкому месту.

— Караул! Спасите! — слышалось с той стороны забора.

— Живой, бродяга, — рассудил Пешкин и снова перемахнул на другую сторону, туда, где торчала офицерская голова.

Офицер увидел солдата и от страха так завертел головой, что она чуть не отвинтилась. Меньше всего он ожидал здесь встретить своего противника. Он хотел снова заорать, но переду-

мал и попытался сделать вид, что очень обрадовался старому знакомому.

— К-какая приятная встреча! — заикаясь проговорила голова.

— Весьма возможно,— ответил Пешкин, приложив руку к пилотке.— Чем изволите заниматься?

— М-м-м-м, отдыхаю,— ответила голова.— Приятно здесь... знаете, воздух, цветы...

— Что верно, то верно,— подтвердил Пешкин.— Ну, и как — удобно устроились?

— Ничего,— неуверенно сказала голова.

— Тогда не буду мешать. Желаю приятно отдохнуть! — Пешкин откозырнул и повернулся кругом.

— Эй, эй, не торопись, приятель! — закричал офицер.

— А я как раз тороплюсь,— на ходу бросил Пешкин.

— Всего одну минуточку, одну минуточку!

— Ну, если минуточку, тогда можно.

— Видишь ли, я уже отдохнул и хотел бы... ну, это... отсюда выбраться.

— Желаю удачи.

— Спасибо... Но я, видишь ли, сам не могу... застрял немножко. Ты помог бы, а уж я в долгу не останусь.

— Зачем же, я и так помогу.— И Пешкин направился к голове.

— А ты меня не прихлопнешь? — спросила голова.

Пешкин и не думал убивать офицера. Он был честным солдатом и уважал правила игры, как и Коля Пыжиков. Колю можно было обвинить во многих легкомысленных поступках (он же был живым мальчиком), но обвинить в нечестности или обмане никто не мог. Таким же был и Пешкин.

— Не прихлопну, не бойся,— сказал он.— Я уважаю шахматные правила. Ведь мы с тобой не на доске, мы в саду встретились.

— Конечно, конечно... Тяни, пожалуйста, за голову, не жалей!

— Не беспокойся, не пожалею! — сказал Пешкин и начал изо всех сил тянуть голову к себе.— Ну как? — через некоторое время спросил он.

— Ох, ничего... ничего не выходит... Ты бы лучше с той стороны протолкнуть попробовал.

— Можно и с той.

Пешкин и с места толкал, и с разгону, и ногой вышибал. Забор шатался, трещал, офицер кряхтел, стонал, но по-прежнему торчал в заборе.

— Эх, уж больно широковата у тебя нижняя часть! — утирая пот, сказал Пешкин.— Один выход остался...

— Ой, какой? — спросил офицер.

— Развинтить да по частям перекатить на ту сторону.

— Я согласен,— вздохнул офицер.— Разбей!

Пешкин засучил рукава, поплевал на руки и принялся за работу.

Сначала отвинтил низ, потом голову. Голова скатилась вниз, туловище Пешкин вытолкнул из щели рукой, а потом, сказав: «Валий на последнюю парту!», прокатил нижнюю часть.

— Ну, вот и всё в порядке, так сказать, в лучшем виде! — любуясь своей работой, произнёс Пешкин.

— То есть, как это — в лучшем виде? — сердито спросил офицер, пересчитывая свои разрозненные части.

— А чего ж большего ждать? Теперь ты на свободе и можешь продолжать отдых, хоть вместе, хоть по частям: как пожелаешь.

— Но я требую, чтобы ты меня собрал! И приказываю! — заорала офицерская голова.

— Нет уж, от приказов уволь, у меня свои командиры есть, — сказал Пешкин. — Когда просил — помог, а раз приказываешь — ухожу.

Офицер уже не мог сдерживать своего гнева, голова его орала и каталась по траве.

— Посажу! Убью! Вот погоди, встретимся ещё на доске!

— Обязательно встретимся, и не раз, — спокойно ответил Пешкин. — А пока — до свидания. У меня дела поважней: живую душу выручать надо! Вот выполню приказ, а потом и за тебя возьмусь. Так что потерпи малость. До скорой встречи! — И Пешкин пошёл к своим солдатам, оставив на траве разобранного офицера.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

*О чём думал Новичок в разведке,
о весёлой красавице Маше-Ромаше
и целебных каплях «выпьюс-окрепнус»*

Новичок хоть и не участвовал ещё в боевых шахматных операциях, трусом не был. Да и откуда ему было знать, что такое страх? Всё своё детство провёл он в дремучем лесу, на стволе своей матери-сосны. Жил под открытым небом и не боялся ни тёмной ночи, ни ухающих криков совы, ни грома, ни молний. Ветры трепали его упругие колючие вихры, ливни окатывали с головы до ног, а солнце немилосердно жгло, закаляя молодое тело. Вот и сейчас, идя в разведку, он чувствовал себя здесь как дома, среди родных и друзей. А может быть, ему казалось, что он в пионерском лагере, который раскинул свои палатки в сосновом лесу. Идёт пионерская

игра, он, разведчик отряда, ищет противника и незаметно пробирается в густой траве.

Эти мысли могли ему передаться от Коли, которому вспомнился пионерский лагерь, когда он вырезал Новичка из пахучей сосновой ветки. Всё могло быть, ведь в мысли другого не заглянешь.

День удался на славу, и всё живое ликовало. В воздухе над сосновым солдатом, как вертолёт, замирали стрекозы, кузнечики прыгали прямо к его ногам, и ленивые жуки не спешили уйти с дороги.

Новичок в душе был поэтом и мечтал писать стихи о солнце, о ветре и об отважных и добрых лесных жителях. Но сейчас он старался об этом забыть, потому что был солдатом и хотел добросовестно выполнить приказ командира.

Вдруг невдалеке от него послышался поющий весёлый, звонкий голос. Песенка приблизилась, и Новичок расслышал её слова:

Тинь-тень,
Тинь-тень,
На дворе хороший день,
Я бегу, бегу бегом
По дорожке босиком;
Шишки на дорожках
Колют мои ножки.
Шипечки зелёные,
А ножки закалённые!

Новичку очень понравилась песенка, и ему захотелось узнать, кто поёт. Он осторожно раздвинул траву и выглянул на тропинку, ту самую тропинку, по которой должен был пройти Пешкин со своими солдатами. Но по тропинке вприпрыжку бежала девочка. Её загорелые босые ножки были запылены, глаза весело блестели, а ветер развеивал лепестки белой юбочки. Это была Ма-

ша-Ромаша, одна из тех девочек, которые хоровами и песнями утешали пленного Пыжика.

Маша-Ромаша была очень хороша, так хороша, что даже деревянное солдатское сердце не могло устоять перед её красотой. Новичку она так понравилась, что ему захотелось тут же дёрнуть её за косичку, а потом, взяв за руку, побежать рядом вприпрыжку.

«Нельзя мне! — в последнюю минуту решил Новичок. — Ведь я — солдат и нахожусь при исполнении служебных обязанностей».

Только он так подумал, как с другой стороны появились три воина. Маша-Ромаша остановилась, перестала петь, но не убежала. А солдаты подтянулись, выровняли строй и чётче взяли ногу. Когда они поравнялись с Машей-Ромашей, солдат, который шёл первым (а это был Пешкин), лукаво подмигнул своему войску, выкатил грудь колесом и лихо затянул:

Шли солдаты по панели,
Армия, бригада ли,—
Все красавицы глазели,
С окон чуть не падали.

Песня оборвалась, и Пешкин скомандовал:
— Армия, слушай мою команду! На красавицу равняйся! Ать-два!

Солдаты, как один, повернули головы к Маше, и в тишине гулко и воинственно застучали сапоги: «Шах-мат, шах-мат!»

«Да как они смеют насмехаться над беззащитной и безоружной девочкой!» — возмутился Новичок и хотел выйти из укрытия, чтобы заступиться, но не сделал этого. И не потому, что испугался, а потому, что Маша-Ромаша ничуть не обиделась.

Она только спросила:

— А вы меня бить не будете?

— Ещё не знаем,— ответили солдаты.

— А я вас не боюсь, не боюсь! — сказала Маша.— Куда вы идёте?

— Так что, красавица, находимся в походе, а куда идём — военная тайна! — ответил Пешкин.

— А вы всё-таки скажите! — настаивала Маша. Она была девочкой, а девочки все любопытны.

Пешкин посмотрел на своих солдат и, подмигнув, ответил:

— Проделали мы немалый путь, и не мешало бы нам водицы хлебнуть.

Он потрогал свои светлые усики и выставил вперёд правую ногу. Сапог заблестел на солнце, как зеркало. В сверкающем голенище отразились и небо, и облака, и деревья, и цветы. Маша не удержалась и, заглянув в голенище, поправила свои кудри.

Пешкин стоял перед ней подтянутый, бравый и бесстрашно смотрел ей в глаза. По всему было видно, что это бывалый воин. Даже Новичок залюбовался храбрым солдатом. Эх, если бы он был таким же бравым и бывалым воином, он бы тоже сейчас стал перед ней и тоже посмотрел бы прямо в глаза. Но он был новичком, неотёсанным, без блеска — простой деревяшкой...

Мысли Новичка перебила Маша-Ромаша. Она сказала:

— Вы нехорошие, скрываете от меня свою тайну, а у меня от вас тайны нет... Ага!

Ей не терпелось поскорей рассказать новым знакомым, зачем она сюда прибежала.

— Любопытно,— заметил Пешкин.— Очень даже любопытно.

И Маша рассказала:

— Вот здесь,— она протянула руку туда, где росла сочная высокая трава,— течёт родничок.

Его вода целебная, лекарственная. Наши врачи её называют «выпьюс-окрепнус» и прописывают всем детям по три капли перед едой. Эту воду я ношу чижикку Пыжику, которого сторожит злой паук Лапоног.

— Так вот оно что! — переглянулся Пешкин со своими солдатами. — Стало быть, нам с тобой, красавица, по пути. Да и неплохо бы приложиться к родничку, потому как нам, солдатам, «выпьюс-окрепнус» перед горячим делом иногда разрешается.

Все трое направились к родничку и, наклонясь над ним, сделали по три глотка, то есть по три капли, как советовал врач. Маша-Ромаша сорвала тонкий стебелёк, опустила в родничок один его конец, потом другой, и на нём повисли крупные сверкающие капли. Когда все вышли снова на тропинку, Пешкин сказал Маше-Ромаше:

— Разрешите помочь.

— А ты не разольёшь? — спросила Маша.

— Мы и не с такими поручениями справлялись! — ответил Пешкин и переложил коромысло на своё плечо.

Новичку очень хотелось пить, но он давно забыл об этом. Он готов был расколоться на мелкие щепочки, только бы очутиться на месте Пешкина или хотя бы идти с ними рядом. Ему уже давно понравился смелый генеральский солдат. «Они вместе идут делать доброе дело, — думал Новичок. — А я должен им помешать, предать честного солдата!.. Почему они все так стараются помочь какому-то Пыжику? Что там происходит?.. Вот пойду и посмотрю!» — решил Новичок.

Может, ему не столько хотелось узнать, что происходит с Пыжиком, сколько ещё раз посмотреть на весёлую девочку Машу-Ромашу. Но он себе в этом не признавался.

Пешкин и Маша-Ромаша шли рядом по тропинке и о чём-то болтали, а позади топали солдаты.

Новичок пригнулся и поспешил вперёд, где перебежками, где по-пластунски, чтобы незамеченным добраться до того места, куда торопились солдаты и Маша-Ромаша.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

О том, как крот оказал офицеру медвежью услугу

Всё это время чёрный офицер лежал разобранный под забором и ничем не мог себе помочь. Голова чертыхалась, ругалась и наконец утихомирилась.

Вдруг земля зашевелилась, и снизу что-то начало толкать и подбрасывать. Наконец почва провалилась, комья земли полетели в разные стороны, и на поверхности появились две когтистые лапы и усатый нос.

Офицерская голова откатилась в сторону, а рядом раздался чей-то бас:

— Тёмная ночь!.. Удрал дожdevик, кирпич ему на пути!

Эти слова сказал крот и наполовину высунулся из норы.

«Почему «тёмная ночь», когда вокруг так светло? — подумала офицерская голова.— А впрочем, какая разница, что думает о солнечной погоде этот зверь. Раз он чёрный, то мне не стоит его бояться». И голова сказала:

— Приветствую чёрного брата!

— Это что ещё за родственники у меня объявились? — спросил крот, разнюхивая воздух.

— Ты чёрный, и я чёрный,— сказала голова.

— И ты под землёй живёшь?

— Нет, не живу под землёй, но сейчас я готов сквозь землю провалиться.

— Ага, наверное, от тебя тоже жирный червяк сбежал?

— Зачем — червяк, у меня конь сбежал! Понимаешь?

— Стал бы я из-за коня переживать! — усмехнулся крот. — Вот червяк-дождевик — это стоящая вещь!.. Сейчас поймаю его! — И крот начал опускаться вниз.

— Тьфу! — плюнула офицерская голова, но тут же закричала: — Стой, стой, погоди! Не лезь в свою нору!

— А зачем я тебе понадобился? — остановился крот.

— Я доблестный офицер шахматного короля Смоля! Слыхал ли ты о таком?

— Как не слышать?! Слыхал. Когда под Колиным домом ходы свои рыл, мне мыши про его разбойные дела рассказывали. Старый мошенник!

Офицеру очень не понравились слова крота, но всё же он произнёс:

— Помоги мне! Ты разве не видишь, что я на три части разобран?

Крот о своей слепоте умолчал и спросил:

— И что это с вашим братом случается?

— На войне всё бывает. Может и на сто частей разорвать.

— Что же я должен с тобой делать?

— Собрать, свинтить.

— Ладно, сейчас, — проворчал крот.

Потом стал щупать вокруг себя землю. Нашёл все три части, сгрёб их и начал свинчивать.

— Я доложу королю Смолю о твоей услуге, и он тебя щедро наградит! — пообещал офицер.

— Обойдёмся без его щедрости,— сказал крот, колдуя над офицером. Потом усмехнулся: — Всё в порядке, воюй дальше!

Офицер встал и почувствовал что-то неладное. Голова вроде была на месте, ноги тоже, а вот в середине было не так, как прежде: все внутренности переместились. То, что раньше было вверх, — теперь вниз, и наоборот.

— Что ты со мной натворил?! — закричал офицер.

— Что сделал, того не переделаю. Я слепой — с меня взятки гладки! — и полез в нору.

— Стой, стой, старая землечерпалка! Погоди, это тебе так не пройдёт!

Офицер бросился было вслед за кротом, но остановился, потому что в животе сильно заурчало.

Теперь у офицера всё время было желание стать вниз головой, потому что фигура его была перевёрнута и сердце уходило в пятки.

В таком виде он и пошёл разыскивать своих солдат. Однако солдаты сами обнаружили своего офицера. Целый час они болтались без дела. Из-за укрытия они видели Новичка, который неотступно следовал за Пешкиным и Машей-Ромашей. Но ведь им не было приказано следить за Пешкиным, и они решили немного отдохнуть и перекинуться в кости.

Они б и продолжали бездельничать, если бы на них неожиданно не наскочил взбесившийся чёрный конь.

Обнаружив, что конь без седока, солдаты поймали его, уселись на него верхом и поехали на розыски офицера. Поэтому им и удалось первыми обнаружить его.

— Где вы шатались, чёртовы деревяшки, тура вам в бок? Аш-шесть, Эф-восемь! — выругался

офицер на шахматном языке.— Пешкин уже был у меня в руках, а вы куда-то исчезли!

Он открыл было рот, чтобы ещё что-то сказать, но в перевёрнутом туловище так заурчало, что конь испугался и стал на дыбы. Солдаты свалились на землю, потом вскочили на ноги и доложили, что готовы в любую минуту принять бой — была бы только команда.

Поскольку воевать было не с кем, офицер спросил:

— Где Новичок?

— Находится в разведке,— доложили солдаты.— Мы видели, как он бежал за Пешкиным и его солдатами.

— Бежал, говорите?! Ах вы, ротозеи! Так ведь Новичок может перебежать к нашему противнику, изменить своему королю! Он же недостаточно чёрный!

— Так точно,— сказали солдаты.— Мы до этого не додумались.

— Хватит! — рявкнул офицер и стал вниз головой. Так ему было легче. Потом снова перевернулся на ноги и вскочил на коня.— Вперёд! За мной! Мы должны немедленно поймать Новичка!

Офицер поскакал в сторону, где рос куст малины, а солдаты побежали следом за ним.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О том, как Новичок попал в сети наука Лапонога

Новичок всё шёл и шёл, по временам раздвигая густую траву. Он хотел ещё разок взглянуть на Машу-Ромашу. Колючие шипы кустарника царапали его лицо и тело. Гвоздь, торча-

щий из пня, сорвал с него чёрную кожицу, и на этом месте появился белый шрам. Вдруг он услышал могучий гуд: «Гу-у-у! Жжу-у-у!»

Новичок поднял голову и увидел большого шмеля, пойманного паутиной.

Шмель гудел натужно, как трактор, который пытается сдвинуть с места тяжёлый прицеп. Но паутина его не отпускала.

— Куууда лезззешь! Куууда! — загудел шмель, когда Новичок очутился рядом с паутиной.— Увязззнешь! Увязззнешь!

Шмель предупреждал деревянного солдата, но тот не слушал его. Он упрямо продирался вперёд, пока не запутался в цепких нитях паутины. Зато теперь он видел мышеловку и пленника, который чирикал и бил клювом в проволочную решётку. Мышеловка была густо опутана паутиной, и, если бы даже дверца её открылась, вырваться из неё всё равно было бы невозможно.

Птенец выглядел совсем молодым, и, хотя он беззаботно чирикал, Новичок понял, что положение его очень опасно. Ему стало жаль беднягу. Сам он начал рвать паутину, но чем больше вертелся, тем больше запутывался. Деревянное сердце солдата стучало, как колотушка, а на лбу выступили капельки древесной смолы.

— Увяззз! Увяззз! — гудел шмель.— Вот сколько сегодня несчастий из-за птенца! Глупый Пыжжж! Иш-шь, сидит героем да поглядывает по сторонам!..

И Пыжик действительно чувствовал себя героем дня. Ещё бы! Все вокруг хлопочут, волнуются, говорят только о нём. Телеграф Лапонога продолжал слать телеграммы во все концы сада. Паутина тряслась и звенела от перегрузки. Гусеницы распечатали эту весть на свежих листиках. Это был специальный выпуск газеты «Зелёный листок», которую расхватывали и жевали все

насекомые. Пыжик был в центре внимания и, забыв о грозящей ему опасности, гордился своей славой. Он даже начал храбро почикивать: «Чив-чив! Чив-чив!»

Дескать, вот я каков!

— Пой, пой, дуралей! — потирая лапы, говорил паук Лапоног. — Теперь твоя песенка спета! Придёт кот Василий, и мы с ним закатим знаменитый пир, какого не знавал ещё этот сад.

И паук одну за другой слал депеши коту Василию.

Но кот Василий не отзывался и не появлялся в саду. Он уже давно был бы здесь, если бы сам временно не попал в переплёт, в плен, из которого выбрался чудом.

Но об этом после.

Паук Лапоног, подсчитывая жертвы, ползал по своим владениям и наткнулся на Новичка.

— Это ещё что за чурбан?! — заорал он. — Вон отсюда! Только место зря занимаешь! Сюда угодила бы парочка жирных мух... Вон! Вон!

Но Новичок уже перестал бороться с паутиной — устал. Если бы он и вырвался, то сейчас, первым делом, бросился бы выручать Пыжика. Он твёрдо решил не возвращаться к королю Смолю. Но пока что обессиленный сосновый солдат висел на паутине и ожидал своей участи. Здесь и застали его офицер и солдаты. Они стояли в укрытии и гадали, зачем Новичок забрался в паутину.

— Он это сделал умышленно! — проскрипел офицер. — Он просто удирал от нас. Он нарочно залез в паутину, чтоб мы не могли к нему подойти. Но мы его выудим, вырвем оттуда! Вперёд!..

Они бросились к Новичку, но... Здесь мы вынуждены приостановить рассказ и вернуться в дом, чтобы узнать, что произошло на шахматной доске во дворце короля Смоля и по какой причине задержался кот Василий.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О том, какой бал закатил король Смоль и чем он закончился

Во дворце короля Смоля бал был в полном разгаре. Король не сомневался в победе и веселился вовсю. Танцующие пары так лихо отплясывали на шахматном паркете, что из чернильниц вылетали фонтаны брызг. Королева не пропускала ни одного танца. Бесстрашные офицеры подходили к её величеству и с поклоном, вежливо приглашали на очередной танец.

— Гранд плиссе, рахада вальсэ! — говорили они.

И королева, как всегда, отвечала:

— Гардэ ля моль, тура дэ мозоль!

А потом кружилась со своим кавалером.

Сам король Смоль хватал гостей за руки и пел:

Е-два, Е-четыре,
Станем дружно,
Круг пошире!
Эф-шесть, Цэ-семь,
Будет весело нам всем!

И фигуры танцевали до упаду. Когда же всех пригласили к столу, который был ни чем иным, как Колиным пеналом, гости начали произносить громкие хвалебные речи, прославляя мудрого, храброго короля Смоля и мужество его жены королевы. Ораторы превозносили небывалую в истории шахматных войн хитрость короля. Они разбирали сложные комбинации защиты, вилки, которых и в помине не было, а неправильные ходы Пети Петушкова считали вершиной шахматной науки.

Когда ораторы смолкали, гости хором кричали королевской чете:

— Физкульт-тура! Физкульт-тура!

Придворные подхалимы договорились до того, что заявляли, будто все удачные атаки и военные комбинации мудрый король придумал своей собственной деревянной головой.

Веселье продолжалось, и гости уже кричали:

— Да здравствует славная победа!..

Но в штабе генерала не дремали. Разведка работала чётко. Генерал по-своему собирался чувствовать своего противника, чёрного короля. Фейерверк из пушек и массовая атака — чем не подарок для зазнавшегося вояки Смоля?

Война есть война, и праздновать положено только достойные победы. И если в мирные дни запрещено нарушать покой веселящихся, то на войне это дозволено.

Штабные офицеры генерала с трудом разобрались в запутанной ситуации, которую создали на доске Коля и Петя, и предложили план наступления.

Когда из генеральских тур дали залп по дворцу и солдаты начали атаковать королевскую охрану, в зале началась паника. Гости бегали из угла в угол и прятались друг другу за спины.

— Спокойно! Спокойно! — кричал король Смоль. — Танцуйте и веселитесь! Ничего страшного не может произойти, наши доблестные войска надёжно охраняют мои покои. Генерал не может сейчас начать наступления, потому что отправил в дальний поход своего самого храброго солдата Пешкина и ещё двух солдат! — И тут он раскрыл перед всеми свой план: рассказал о том, что вслед за ними послал верхового офицера и трёх чёрных воинов, которые уже давно, наверное, покончили с солдатами противника.

Когда же снова загремели генеральские туры и послышалось «ура», суматоха во дворце ещё больше усилилась.

Гости в панике сталкивались друг с другом деревянными головами, отчего в комнате стоял непрерывный треск. Чёрные офицеры, которые ещё недавно бесстрашно танцевали вальсы и польки, сейчас все как один прятались за юбку королевы. Король Смоль забрался за Колин пенал и боялся высунуть оттуда свою корону.

Плохо пришлось бы королю Смолю и его армии, если бы именно в это время не явились Коля и Петя. Они уже успели помириться и собирались продолжать партию. Но фигуры на доске были в страшном беспорядке.

— Видишь, к чему приводит нечестная игра! — сказал Коля.

— Ладно, я же дал слово, что больше не буду ошибаться! — Петя никогда не употреблял слово «мошенничать».

Когда же игроки попытались продолжать партию, то выяснилось, что многих фигур не хватает.

— Что же это значит? Даже Пешкина нет! — удивился Коля. — А ну, выворачивай карманы!

Петя вывернул все карманы наизнанку. На столе образовалась гора всяких вещей. Тут были и гвозди, и части от металлического конструктора, и акварельные краски, и два грецких ореха, и старый билет в кино, и спичечная коробка с майским жуком, и почерневшая от времени конфета-тянучка, и лента от пишущей машинки, и почтовые марки, но шахматных фигур не было.

— Ну что, нашёл? — спросил Петя.

— Эх, — почесал в затылке Коля. — Но где же всё-таки Пешкин, где конь, офицер и новый солдат, которого я сам недавно сделал?..

Ребята обшарили все углы, даже на шкафу искали, но недостающих фигур нигде не было. Тогда они пошли в столовую.

Искали там.

— Послушай, где мышеловка? — спросил Коля.

— Что я, мышей ловлю, что ты у меня спрашиваешь? — обиделся Петя.

— Стой, стой, стой! — спохватился Коля. — Знаю, чья это работа! Знаю, кто мои фигуры всегда закатывает!..

Кот Василий в это время находился на кухне. Может, он давно нашёл бы нужное средство, чтобы открыть мышеловку, но обжора наткнулся на помойное ведро и в нём обнаружил щучьи головы — остатки обеда. Василий не мог пройти мимо этой находки. В его зубах хрустели рыбы кости, а сам он думал о том, что в брюхе ещё найдётся место и для птенца.

Когда на кухне появились Коля и Петя, Василий спокойно домурлыкивал вторую щучью голову. За этой работой и застали его игроки.

— А ну признавайтесь, ваше мурлычество, чьи проделки? — спросил Коля, склонившись над обжорой.

Но тот даже не соизволил ответить, только облизнулся и выгнул спину дугой.

— Не признаёшься? — закричал Коля. — А я всё по твоим глазам вижу, шкода!

— Давай-ка я с ним поговорю, я с котами ловко справляюсь, — предложил Петя. — Сейчас проведу следствие, а потом вынесу приговор.

Но Коля знал, как Петя обращается с котами, и не захотел поручать ему этого дела. Он сам схватил Ваську за шиворот, потрепал, бросил в чулан и захлопнул дверь:

— Вот посидишь тут, пока фигуры не найдутся, тогда будешь знать, как отмалчиваться!

Васька взвыл, а потом голос его приглушила закрытая дверь.

— Нарисуем недостающие фигуры на бумаге и будем продолжать, — сказал Коля.

Петя согласился, и игра была продолжена.

А между тем из чулана всё громче неслись вопли Василия. Кот метался в своей тюрьме и искал выход.

— Рыбья кость! Мышиные уши! — ругался он.— Если я тут просижу ещё полчаса, кто-нибудь выпустит Пыжика... Ай-яй-яй, пропадёт такой обед! Такой Пыжик! Ай-яй-яй!..— И он бросался на дверь чулана, царапая её когтями.

Но Коля и Петя зажали уши и продолжали игру.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Как подчинённые короля Смоля судили Новичка

С помощью коня офицеру и солдатам удалось вырвать Новичка из паутины. Они оттащили его подальше от мышеловки под широкие листья лопуха.

— Будем судить по всем правилам! — сказал офицер.— Именем короля! Я буду прокурором, вы,— он указал на солдат,— судьями, а конь — защитником.

Солдаты дружно рывкнули:

— Слушвашвысблаг! — что значило: «Слушаемся, ваше высокоблагородие!»

Конь в знак согласия щёлкнул копытами и тряхнул гривой. Затем офицер спрятался за кочку, напустил на себя великую важность и, выйдя оттуда, сказал басом:

— Встать, суд идёт!

Солдаты взяли руки по швам, а конь заржал.

— Нечего ржать! — крикнул офицер.— Это вам не комедия, а королевский суд. И потом нас может услышать Пешкин.— Он пугливо посмо-

трел по сторонам и кивнул головой судьям: — Продолжайте! — Но солдаты стояли «смирно» и молчали. Тогда офицер махнул рукой и взял слово сам:

— Именем короля Смоля судится солдат Новичок за измену присяге!

— Но я ведь ничего такого не сделал! — хотел оправдаться Новичок.

— Как это — ничего?! Вместо того чтобы доложить мне, где находится противник, ты бежал за ним. Ты хотел сдаться в плен и перейти на его сторону. Но тебе мешал чёрный цвет, и ты начал стирать с себя нашу благородную чёрную краску. Посмотрите, на его груди белая полоса!

Новичок прикрыл рукой шрам. Только сейчас он заметил, что от него откололась щепочка и обнажила белое сосновое дерево.

Это случилось тогда, когда он бежал за Машей и Пешкиным.

— Доказательство налицо, и оправдания тебе нет!.. Ваше слово, судьи! — сказал офицер и ткнул солдат кулаками в бока. — Говорите: какую придумаем казнь?

— Рррасстрелять! — рывкнули хором судьи.

— Затоптать! — сказал защитник конь.

— Нет, нет! — замахал руками офицер. — Это не казнь для соснового солдата. Я придумал штуку пострашнее. Мы эту щепку расколем! Да, да, расколем на четыре части, чтобы его и склеить нельзя было...

Солдаты разбежались в разные стороны искать оружие для казни.

Именно в это время Пешкин со своими солдатами и Маша-Ромаша подошли к мышеловке.

— Здесь Пыжик! Спасите его! — взмолилась Маша.

— Затем мы сюда и шли, — сказал Пешкин, разглядывая мышеловку, опутанную паутиной.

Но вдруг листья на кусте затряслись, и сверху послышалось громкое шмелиное жужжание:

— Я вижжу, вижжу! Ужже ссудят!

— Кого там ещё судят? — оглянулся Пешкин.

Но Маша успела уже всё заметить.

— Скорее! Скорее! Смотрите, что они с ним делают! — крикнула она и потащила Пешкина к месту казни.

— Да это никак вояки короля Смоля?! — удивился Пешкин. — И Новичок тут?!.. Э-э, да они его вроде хотят расколоть?!

Офицер и конь с двух сторон держали Новичка, а солдаты тащили к ним старый заржавленный перочинный нож.

— Нет, я этого так не оставлю! — решительно сказал Пешкин. — Пока кота Василия нет, надо выручать беднягу!

— Вот я им сейчас задам! — закричала Маша и хотела туда бежать, но Пешкин преградил ей дорогу.

— Нет уж! Воевать — дело мужское, солдатское! — и скомандовал: — Солдаты, вперед! В атаку!

Но Маша была из тех девочек, которые не боятся драк и, если нужно, могут за себя постоять. Она сказала так:

— Девочки на войне бывают медицинскими сёстрами. Если кого-нибудь из вас поцарапают или ранят, я перевяжу!

Пешкин ничего не сказал, потому что ему хотелось, чтобы Маша была рядом.

— Делают своё чёрное дело! — зло прошептал он. — А ведь их-то четверо: офицер, конь и двое солдат!.. Да, голыми руками их не возьмёшь!..

— А я знаю, а я что-то знаю! — сказала Маша-Ромаша. — Тут недалеко стоит какая-то

пушка и копьё рядом лежит. Пойдёмте я покажу.

То, что Маша назвала «какой-то пушкой», оказалось Колиной чернильницей-невыливайкой, а копьё — простой ручкой с заржавевшим от времени пером. Видно, Коля когда-то здесь потерял их. Трава выросла, стала густой, и найти их он не смог.

— Так это же учебные орудия моего Коли Пыжикова! — сказал Пешкин. — Мы их применим против нашего врага. Как говорится: «Где смекалка и сноровка, там и палка что винтовка!..»

Пешкин наклонил невыливайку и заглянул в неё.

— Это отличная крупнокалиберная пушка-гаубица! Заряжена отличными чернилами! Сейчас как шарахнем по врагу — за год не отмоются! — и покати́л чернильницу на позицию.

Маша, взяв ручку наперевес, словно это было копьё, подражая Пешкину, сказала:

— Пригодится эта ручка, тоже остренькая штука!

Когда пушка-невыливайка была установлена и жерло её направлено на врага, Пешкин предложил:

— А что, ребята, если мы им десант в тыл забросим, а?

— Отличная мысль!

— Здёрово придумано! Только как мы туда перелетим, если у нас ни истребителей, ни бомбовозов нет?

— Всё будет, — сказал Пешкин и зашептал что-то на ухо Маше-Ромаше.

Она захлопала в ладоши и куда-то исчезла. Не прошло и минуты, как она вернулась назад, ведя на поводках двух майских жуков.

— Чем не бомбовозы? — сказал Пешкин. — А ну-ка, братцы, хватай жуков за лапы!

Солдаты выполнили приказание, а Маша и Пешкин начали щекотать жуков под крыльями, как будто заводили моторы. Жуки загудели и взвились в воздух. Таким образом, десант из двух солдат был заброшен в тыл противника.

Пешкин командовал:

— Приготовиться к бою!

— А как же мы будем стрелять из чернильницы, если она невыливайка? Из неё ведь ни одной капельки не выльется! — воскликнула Маша.

— Эх, Маша ты Ромаша! — покачал головой Пешкин. — Сразу видно, что ты плохо знакома со школьными принадлежностями. Где ты видела невыливайку, чтобы из неё не проливались чернила? Всё зависит от того, какому ученику она в руки попадёт. У иного школьника из невыливайки выливается вдвое больше чернил, чем может поместиться. Даже учителя удивляются! А вот, говорят, есть ученики, у которых простые чернильницы ни капли не проронят. Правда, я таких учеников ещё не встречал...

В это время до них донёсся голос офицера:

— Именем короля...

Это он отдавал приказание казнить Новичка.

— Скорей, скорей! — затопала ножками Маша. — Стреляй!

Пешкин схватил тяжёлый сучок и крикнул:

— Оружие, слушай мою команду! Прицел — Е-четыре, трубка — Цэ-восемь! Огонь! — и из всех сил ударил сучком в дно невыливайки. Раздался звон, и в расположение противника полетела густая струя чернил.

— Ой! Ой! Спасите! — послышалось с той стороны.

— Прямое попадание, — скромно сказал Пешкин.

— Ура! — захлопала в ладоши Маша и при-

нялась скакать на одной ножке. Тотчас же «ура» слышалось с противоположной стороны.

— Наш десант действует! — сказал Пешкин и, схватив Колину ручку, бросился вперёд, выкрикивая: — За мной, в атаку! Вперёд!

Маша побежала следом за Пешкиным. Когда они примчались к месту расправы с Новичком, то офицера, коня и двух чёрных солдат уже не было. Они позорно бежали.

Новичок стоял на пеньке, и у его ног лежал обломок ножа, которым собирались его расколоть на четыре части.

Он был цел и невредим, хотя и ранен чернильным снарядом в лоб и в нос.

Но это было не страшно. Такие ранения можно встретить у многих учеников. И ничего — живут.

Новичок был готов ко всему. Но теперь ему не страшно было умирать. Перед ним была красавица Маша.

Новичок поднялся на ноги, смело посмотрел в глаза Пешкину и сказал:

— Ну, теперь я готов.

— К чему ты готов? — спросила Маша.

— Я готов умереть, ведь я ваш враг, я — чёрный солдат!

— Чёрный, говоришь? — улыбнулся Пешкин. — Это дело поправимое, — и толкнул Новичка в дождевую лужицу.

Вода в ней сразу потемнела. Когда Новичок вылез из воды, он стал совершенно неузнаваем. Чёрная акварельная краска смылась, и тело его приобрело цвет соснового дерева. Конечно, он ещё не стал таким, как Пешкин и другие генеральские солдаты, но чёрным он уже тоже не был.

— Bravo! Bravo! — радостно захлопала Маша в ладоши и, осмотрев Новичка с головы до ног, сказала: — Знаете, этот цвет вам больше к лицу!

Новичок опустил глаза и хотел поблагодарить Машу, но Пешкин опередил его:

— Не время. Впереди опасное дело!

И они пошли вперёд.

Маша держала за руки Пешкина и Новичка, а солдаты сзади несли Колину ручку — оружие, которое могло пригодиться в новом деле.

Новичок был счастлив. Он знал, что на его лбу и носу чернильные пятна, но это не смущало его. Может быть, по ним Маша догадается, что он поэт. Ведь все начинающие поэты пишут стихи чернилами, а старые печатают на машинке. Он крепко сжимал руку девочки и думал о том дне, когда сможет подарить ей свои первые стихи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

О том, как был спасён Пыжик, наказаны паук Лапоног и кот Василий

Когда вдали показалась мышеловка, Пешкин дал команду приближаться незаметно. И он не ошибся. Только они залегли в траву, как птицы подняли переполох:

— Идёт! Идёт!

— Кот! Кот! — закудахтали куры.

Все приподняли головы и увидали, как над травой, изгибаясь, медленно плыл толстый хвост Василия. Только счастливый случай помог ему выбраться из чулана. У Колиной мамы сильно болела голова: у неё была болезнь, которая называется «мигрень», и при этой болезни ни в коем случае нельзя в доме мяукать.

А Василий орал так громко, что слышно было даже на улице.

Мама искала крикуна под кроватями, под шкафом и, наконец, нашла его в чулане.

— Вон отсюда! Вон!..— Она вышвырнула кота во двор.

Василию только это и нужно было. Он стал пробираться к мышеловке, медленно, с оглядкой, чтобы снова не попасть в какую-нибудь историю.

Как раз в это время Пешкин приготовился освобождать пленника.

— Вперёд! — скомандовал он.

Шахматные солдаты и Маша бросились к мышеловке. Колиной ручкой рвали они паутину. Острое перо, как бритва, рассекало нити.

Когда мышеловка была освобождена от паутины, солдаты с разгона вклинили ручку между дверцей и стенкой мышеловки.

— Эх, раз, ещё раз! — кричали они, проталкивая ручку вперёд.

Пешкин вскочил в образовавшуюся щель и раздвинул её своим телом. Мышеловка скрипнула и открылась. Лапоног бросился вниз и уцепился всеми лапами за дверцу. Солдаты направили на него перо, чтобы раз и навсегда покончить с пауком. Но в это время послышался мощный гуд. Это шмель вырвался из паутины.

— Я шшам! Я шшам! — шипел он от злости.— Жжулик! Жжжулик! В жживот ему, в жживот!

Он жужжащей бомбой налетел на паука Лапонога и вонзил ему в брюхо острое ядовитое жало. Лапоног дёрнулся раз, другой и, скрестив лапы, замертво свалился на землю.

В ту же минуту чижиха и синица подхватили под крылья Пыжика и, подняв в воздух, посадили на самую высокую ветку. Теперь ему ничего не угрожало. Пыжик был спасён.

В эту минуту мышонок Пик, забыв обо всякой опасности, выскочил из-за листика и чуть сам не угодил в мышеловку.

— Посторонись, братец! — сказал Пешкин. — А вы, солдаты, покрепче держите дверцу, чтобы раньше времени не захлопнулась.

Пик стал перед Пешкиным на задние лапы и спросил:

— А вы меня, дяденька Пешкин, узнали?

— А как же, узнал. Ты — Пик-мик или Мик-пик. Так, что ли?

— Так, так, — сказал мышонок и быстро-быстро закрутил носом. — Вы слышите, слышите: уже пахнет котом Василием. Он идёт сюда!

— Я твоему носу верю. Да только ты убейся подальше, а то, не ровен час, угодишь коту в зубы.

— А я не боюсь кота. Я хочу вам помочь с ним расправиться!

— Ишь ты какой! — удивился Пешкин, и в его голове тут же созрел хитроумный военный план. Он посмотрел на дрожащего мышонка и сказал: — Ладно, в обиду тебя не дадим. А если хочешь нам помочь, то выходи на дорожку. Появится кот Василий, покрути перед ним хвостом и лети прямо мимо мышеловки, мимо её открытой дверцы. Понял?

— По-о-онял, — стуча всеми зубами, ответил Пик и стал туда, куда приказал солдат.

— Все по местам! — распорядился Пешкин и сам спрятался за мышеловкой.

Кот Василий ещё издали почуял неладное. Отбросив всякие опасения, он ринулся вперёд. Когда же в конце дорожки он увидел Пика, то от неожиданности стал на задние лапы и зашипел:

— А-а, и ты тут?! Вот я тебе сейчас!..

Но Пик полетел к мышеловке. Василий за ним. Когда кот пробежал мимо дверцы, Пешкин махнул рукой, и солдаты отпустили её. Дверца щёлкнула, и по всему саду прокатилось: «Мяу-у!»

Это мышеловка прихлопнула хвост Василию.

Загремело дружное «ура». Кот, злобно шипя, пытался высвободить свой хвост, но безуспешно. Пружина мышеловки была надёжной. Пик бесстрашно прыгал перед самым носом Василия.

— Так тебе, разбойнику, и надо! Ворюге — по заслуге! — сказал Пешкин и кольнул Василия пером в спину.

Кот жалобно замыкал и бросился бежать к дому. За ним, гремя, тащилась мышеловка.

Но и это ещё не конец истории. Ведь никто из вас не знает, чем завершилась война между армией чёрного короля Смоля и армией генерала.

Так узнайте.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

О том, каким торжеством был отмечен подвиг солдата Пешкина

Коля Пыжиков и Петя Петушков продолжали игру. Петя сдержал своё слово: играл честно и даже делал успехи. Но в комнате стало жарко, и ребята перешли в сад. Они положили шахматную доску на траву и снова расставили фигуры. Теперь на клетках белело много бумажек. Это были нарисованные фигуры, положенные взамен пропавших.

Игра была азартной, и ребята не замечали, что творится вокруг. А в саду происходило необычайное.

Весть о спасении Пыжика и новых подвигах храброго солдата Пешкина облетела все кусты и унеслась далеко за пределы сада. Со всех концов слетались птицы, чтобы поздравить чижику.

Пыжик сидел на ветке и с видом героя смотрел по сторонам. Ничего, пусть погордится. При-

дёт время, и ему будет стыдно даже вспоминать о своём «подвиге» и о том, что он дружил с индюшонком. Зато можно с уверенностью сказать другое: это происшествие было наукой посильней, чем тысяча маминых предупреждений, вроде «туда нельзя!» или «этого не смей!».

Кроме того, это был полезный пример для многих птенцов. Разве вы теперь часто видите, чтобы птицы залетали в ваши окна? Нет!.. Тогда же.

Но что было, то было. И торжество в саду продолжалось. Кто мог петь — пел, кто мог плясать — плясал. Храбрый Пешкин всё время танцевал с красавицей Машей-Ромашей, и все любовались чудесной парой.

Пляска была с запевками. Маша взмахивала платочком, лихо топала ножкой и, гордо проплывая мимо Пешкина, бросала в него лукавую частушку:

Пешкин, Пешкин, ты герой,
Ты, как статуя, не стой,
Не греми медалями —
Похрабрей видали мы.

Всякого воина задела бы такие слова, но Пешкин был не из тех, кто остаётся в долгу. И, мигом сочинив свою частушку, он в упор стрелял ею в Машу:

Эх ты, Маша-простокваша,
Как затянешь — звон в ушах;
Голосок мне твой не страшен,
Объявлю тебе я шах!

При этом делал шаг вперёд, решительно брал Машу за руку и вёл её в следующий танец. Партнёром он был завидным: плясал легко, пристукивал каблучками и никому не наступал на ноги.

Фигуры, которые он выделявал, были не чем иным, как шахматными ходами. Они всех приводили в восторг, и каждый старался ему подражать. Когда же начался общий танец — сама собой возникла песенка:

Ну-ка, дружно станьте в ряд,
Спойте в лад,
Спойте в лад,
Шах вперёд и шах назад
Пляшет наш солдат.

Новичку тоже посчастливилось протанцевать с Машей один танец. Вот здесь-то он и прочитал ей свои стихи. Новичок теперь говорил только в рифму. Когда он приглашал Машу на танец, то поклонился и сказал:

Раз, два, три, четыре, пять —
Пошли, Маша, танцевать!

А Маша ему ответила:

Пожалуйста —
Можалуйста.

Новичок все свои стихи аккуратно нацарапал на берёзовых листиках и сшил в тетрадку, очень похожую на сборник настоящего поэта. На самом первом листике белыми буквами было написано слово «Ромашки» — название сборника, и все его стихи, от первого до последнего, были посвящены одной Маше-Ромаше. Он выбрал лучшее из стихотворений и нараспев, дрожащим голосом прочитал:

Ты мне всех цветов дороже,
И тебя красивей нет,
Даже солнышко похоже
На тебя, как твой портрет.

Ты не мямля, ты не плакса,
Не боишься ты мышей,
Ни одной чернильной кляксы
Нет на рожице твоей.

Последние две строчки, в которых говорилось о кляксах, были не совсем точными. После пальбы из невыливайки два больших синих пятна украсили Машин лоб и нос, но Новичок не видел клякс, ведь он смотрел ей прямо в глаза. Может быть, другим девочкам и понравились бы эти стихи, но Маша втайне считала себя мальчишкой, и поэтому ей больше понравились солдатские частушки Пешкина.

Однако настоящее веселье началось, когда явился сам генерал со своими адъютантами. Он поздоровался со всеми присутствующими за руку и подошёл прямо к Пешкину. Он произнёс короткую речь, обнял Пешкина, поблагодарил за службу и прикрепил к его груди медаль за героизм. Потом попросил разрешения остаться на празднике, поскольку имел в запасе пару свободных минут.

Генерал сам был когда-то солдатом и не гнушался простой компании. Когда снова грянула музыка, он пустился вприсядку.

Вскоре появились мыши: тётушка Усыша с мышатами. Их было тринадцать, и они танцевали танец, который назывался «тринадцать хвостов». Потом качали Пика и кричали ему «ура», потому что он тоже был героем.

Были тут и знаменитые ученые-педагоги Крапива и Лопух. Они хоть и продолжали отстаивать разные взгляды на воспитание, всё же в честь такого события наградили друг друга почётными грамотами.

Не было на этом веселье только индюка по фамилии Берлыдуля-Берлыдан и индюшонка. Они считали, что это не их компания, и не яви-

лись. Впрочем, так всегда считают именно те, кого не приглашают в честное, хорошее общество.

Долго длилось в саду веселье. Здесь-то, когда всё закончилось, и обнаружили недостающие фигуры Коля и Петя.

Фигуры были водворены на шахматную доску, где и был завершён разгром армии короля Смоля.

Однако на доску вернулись не все. Не вернулся Новичок. После купания в луже цвет его стал другим, таким, как у всякой мокрой деревяшки. Да он теперь и сам не стал бы служить чёрному королю, даже если бы ему обещали генеральские погоны.

В шахматную гвардию генерала он тоже поступить не смог. Там все солдаты были в строю. Их всего восемь, девятый — лишний. Поэтому Новичок был списан в запас до нужного часа. Он стал поэтом и пошёл на культурный фронт. Теперь он служил под началом книжной этажерки и заменял ей недостающую ножку.

Как только он приступил к своим обязанностям, этажерка перестала наклоняться, и вся её литература поднялась на должную высоту.

На этом и заканчивается вся история.

Знаю, теперь вы спросите, как я о ней узнал? Ведь для того чтобы быть свидетелем подобных приключений, нужно знать, откуда и как смотреть на вещи.

Отвечу.

Тот, кто рассказал вам эту историю, в дни знаменитых событий сам служил в шахматной гвардии генерала и находился при нём в должности адъютанта. Честное фантазёрское.

КРЫЛАТАЯ ЗВЕЗДА

Космическая фантастическая
сатирическая сказка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОДАРОК МЕЧТЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Об игле, на которой сидели живые души

Много лет тому назад учёные монахи спорили о том, сколько добрых или злых духов могут уместиться на острие иглы. К сожалению, ни в одной библиотеке, даже на самых запылённых полках, не сохранилось описания духов и их числа, которое всё же там умещалось.

Как бы ни было, но духи эти были очень несчастны и не очень умны, потому что какое же разумное существо будет добровольно садиться на такой острый предмет.

И всё же есть на свете иглы, на которых преспокойно сидят живые души. И не просто сидят, а разговаривают, едят незрелые груши, мечтают и даже спят. Правда, на игле, о которой пойдёт речь, помимо живых душ, помещалась походная палатка, площадка для костра, небольшая роща, и ещё оставалось, пожалуй, сто свободных мест для желающих испытать это удовольствие...

Иглою называлась гора. Гора Игла. Была она не так знаменита и высока, как другие, но тем не менее вершина её упиралась прямо в небо.

И вот на вершине этой Иглы находились три живых души...

Наверное, кто-нибудь спросит: «Что ж это за души, которые едят незрелые груши?»

Ответ простой. Это — ребята: Павлик, Тимка и Зоря.

Кроме имён, у каждого из них были свои приметы.

Например, волосы на голове Павлика напоминали запутанную историю, в которой могла бы сломать зубы даже металлическая расчёска. На его носу было ровно 74 коричневых веснушки, словно солнце ело шоколад и все крошки просыпало именно на это выдающееся место.

Однако эти яркие приметы были не главными для Павлика. Главными были другие.

Павлик обожал запах бензина. Бензин — горячее, на нём работают двигатели внутреннего сгорания. Двигатели находятся внутри самолётов и ракет. А самолёты и ракеты — это путешествия!..

Если вам случалось видеть Павлика спокойно шагающим по улице — считайте, что вам показалось. Знайте, в такие минуты он находился очень далеко: в таинственных странах или где-нибудь на далёкой планете. Мысль его — всегда в полёте. Достаточно ему было взглянуть на вентилятор, как он уже отрывался от земли и мчался в неизвестном направлении. Он мог свободно затевать космические войны, попадать в небесные катастрофы... Но как только доходило до этого — рядом сразу же раздавался спокойный с писклявинкой голос: «Хватит! Не увлекайся!» И Павлик замолкал.

Этот «голос с писклявинкой» принадлежал Зоре. Зоря была в некотором роде противоположностью Павлика. Поэтому она носила косички, каждую минуту кричала «Ой девочки!» и любила попищать. Правда, на людях она делала это редко. Если по какому-нибудь важному поводу ей надо было срочно попищать — она запиралась в пустую комнату и пищала столько, сколько требовал

этот повод. Зоря была типичной девчонкой, хотя с удовольствием носила брюки. Её любимая «расходная» пара уже давно блестела, как у заправского ковбоя. Кроме того, она любила запах кострового дыма и фантазии Павлика.

С какой стороны и почему входил в эту компанию Тимка — объяснить трудно. Он не любил ни запаха бензина, ни кострового дыма. У Тимки часто был заложен нос, и, когда пахло чем-нибудь интересным, он то и дело спрашивал: «Какой здесь запах?» или: «Чем бахнет?» Он не любил мечтать и отпускать свои мысли в далёкие путешествия. Его больше устраивало всё, что находилось под рукой, особенно если это была подушка...

Впрочем, кое-что общее у них было. Перед ними стояли общие задачи. Они стояли в задачнике под номерами и считались общими потому, что без Павлика или Зори Тимка решить их не мог. Задачи же, которые Тимка в учебном году решал сам, можно было пересчитать по пальцам. Попросту говоря, Павлик и Зоря шефствовали над Тимкой — тащили его на буксире в школе и дома. И привыкли друг к другу. Куда ни пойдут — Тимка за ними плетётся. А если Тимки больше часу не видать, Павлик и Зоря ищут его, даже беспокоятся.

Ну, а теперь, когда вы вплотную познакомились с главными героями, можно переходить к самой повести, полной, как сообщалось, фантастических историй, космических приключений и героических подвигов.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой история обычная переходит в фантастическую

Дело в том, что гора Игла была необычной горой. Она была волшебная. На ней сбывались человеческие мечты. С виду эта гора ничем не отличалась от других возвышенностей, пожалуй, даже казалась малоприметной. Но такая скромность с её стороны была вполне разумна. Представьте себе, что каждый камень и куст на ней стали бы кричать о её волшебном свойстве. Тогда здесь и ноги поставить негде было бы. Со всех концов сбегались бы взрослые и дети и стали бы карабкаться наверх. Это могло бы закончиться великой катастрофой, ибо гора эта, как известно, была не так велика, чтобы вместить на своей вершине всё человечество... Нет, нет, ничто на горе не выдавало её чудесной тайны.

Ну, а чтобы сбылась мечта, не требовалось особых таинственных заклинаний или действий. Просто надо было, глядя на какую-нибудь звезду, задумать и дважды повторить своё желание.

Наши герои совсем не предполагали, что гора необычная, но у каждого из них при себе были и мечты, и желания. Павлик и Зоря, как всегда, мечтали о дальних странствиях, а Тимка ещё с полдороги начал думать об отдыхе. Поэтому, достигнув вершины, он тут же осуществил своё желание, даже не успев дважды о нём подумать.

К тому времени, когда начались необыкновенные события, Тимка уже сладко дремал. С одной стороны он был защищён тёплым дыханием костра, с другой — палаткой, которая принимала на себя порывы горного ветра... Тимке было хорошо, и обвинить его в лодырничестве было трудно, ибо в эти минуты ему снилось, что он не спит.

Павлик и Зоря уже полчаса сидели возле каменного обелиска, похожего на космическую ракету, и смотрели в синюю высь. Казалось, чья-то большущая ладонь подняла их вверх, к самым звёздам, которые висели низко-низко и сверкали до рези в глазах.

Тишина. Высота. Вот где Павлику раздолье — мечтай, фантазируй, залетай хоть на самые дальние звёзды!

— Гляди! — еле слышно сказал он, чтобы не спугнуть собственной мысли. — Гляди, какая звезда! Она летит, движется... И как будто домики там видны... Эх, забраться бы на неё!

Зоря слушала голос Павлика и, прищурясь, глядела на далёкую звезду. Наконец, она задумчиво произнесла:

— Как же ты на неё залетишь?

— А мне всё равно как, лишь бы добраться... А разве ты не хотела бы на неё попасть?

— Конечно, хотела бы, — робко согласилась Зоря.

И гора Игла услышала желание, высказанное дважды; а услышав, немедленно приступила к своим чудесным обязанностям.

Но при этом не послышалось подземного грохота, не взревел ураган, не раскололось небо пополам, как это бывает в волшебных историях, нет. Даже трава не шелохнулась. И всё потому, что гора была очень скромна и не любила поднимать треск и шум по поводу своих чудес.

За спинами ребят бесшумно опустилась крылатая тень. Павлик сразу почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он обернулся и — не поверил своим глазам. Невдалеке от места, где они находились, стояла серебряная женщина. То есть это была как будто обыкновенная женщина, но в серебряном скафандре. Её легкий космический наряд излучал приятный прохладный свет...

Павлик дважды протёр глаза, но женщина не исчезла. Тогда он стал разглядывать её внимательно и, чем больше смотрел, тем больше удивлялся. На шлеме странной женщины была высокая гибкая антенна, на глазах — большие красивые очки, а на руках — острые, стремительные крылья... Да-да, именно крылья!

У Павлика на миг промелькнула смешная мысль: «А вдруг это ангел?!» Но он тут же отмахнулся: «Ангел — в скафандре, с металлическими крыльями?!»

Женщина казалась похожей то на завуча школы Аллу Павловну, то на старшую пионервожатую Валю, то ещё на кого-то. Но что бы там ни казалось, лицо её было очень добрым.

Она сняла свои большие очки, ласково посмотрела на Павлика и загадочно улыбнулась, как будто сказала: «Погоди, ты ещё и не такое увидишь!»

Павлик шепнул Зоре:

— Гляди, какая-то тётенька!

— Ну, чего тебе?..

Разговаривать было некогда. Павлик ухватил Зорю за косу и повернул её голову к странной женщине.

— Гляди, тебе говорят!

Женщина покачала головой и погрозила Павлику пальцем. А затем поманила ребят к себе.

— Зовёт нас! — сказал Павлик.

— Ага, кажется, — не очень уверенно произнесла Зоря.

И они робко приблизились.

— Здравствуйте! — сказал Павлик как можно вежливее.

— Здравствуйте! — ласково ответила серебряная женщина. — Я рада вас видеть!

— Мы тоже, — пробормотал Павлик. — А вы, наверное, космонавт?

Женщина снова загадочно улыбнулась и сказала:

— Не совсем. Но что-то общее есть.

Павлик и Зоря переглянулись и пожали плечами.

Немного помолчав, женщина добавила:

— Я — Мечта. Ваша Мечта.

При этом она показала на значок, нарисованный на её груди: большую букву «М» с крыльями.

— Мечта?! — удивлённо спросила Зоря. — Значит, вы уже сбылись?

— Нет, я пока только явилась... Ведь вы находитесь на вершине волшебной горы, где совершаются чудеса, — спокойно объяснила Мечта и спросила: — Вас здесь двое?

— Нет, с нами ещё один... наш Тимка. — Павлик оглянулся на костёр и сказал. — Только он, кажется, спит.

А Зоря, немного смутясь, добавила:

— Он... он у нас очень устал...

— О, я понимаю, — улыбаясь, сказала Мечта. — Это бывает.

Зоре и Павлику стало неловко. Очевидно, Мечта знала, какая усталость одолела Тимку. Однако она заговорила о другом:

— Скажу вам, друзья, по чести: меня радует, что вы хотите совершить такое замечательное путешествие. Знаете, тому, кто очень, очень желает, это иногда удаётся.

— А мы... мы очень желаем! — робко сказали друзья и посмотрели на заветную звезду.

О том, как осуществилось Тимкино желание

Пока между Зорей, Павликом и Мечтой происходил этот необычный разговор, возле потухающего костра совершались другие, не менее удивительные события.

Дело в том, что Тимка был не таким уж пропащим человеком, как это казалось. Он втайне даже мечтал избавиться от своих недостатков. Наверное, каждый встречал человека, из которого недостатки его так и лезут. Здесь именно такой случай. Тимкины пороки сидели у него внутри и вечно командовали. То лень по телу разольётся — учиться не даёт, то зазнайство вертится — нос его кверху задирает, то невежество толкается и всех от него прогоняет. Из-за них у Тимки постоянно неприятности, а достаётся, конечно, не им, а ему. Разрослись эти пороки, прямо распирают Тимку, а выгнать их — попробуй.

Ну, а здесь ему повезло — волшебная гора помогла. Неизвестно, дважды или трижды повторил он своё желание, но чудо не замедлило явиться. И то ли из-за ворота, то ли из рукавов, но только все его пороки вышли на волю.

— Ох! — вздохнул сквозь сон Тимка и почувствовал облегчение. А вокруг него забегали, засуетились, зашептали три странных существа.

— Давай, давай! Тащи его поближе к костру, душа угреется — сговорчивей будет! — говорил тощий человечешко с высоко задранном носом. При этом он брезгливо подталкивал тросточкой спящего Тимку. А другой — лохматый, длинноволосый — сонным голосом канючил:

— Не тревожь меня, Зазнай, эта работа не по мне. Пусть Неуч трудится. А я — Лень.

Однако этот лохматый человечешко повиновался. Видимо, Зазнай с высоко задранным носом был у них самым главным, чем-то вроде командира.

Третий человечешко, которого Ленъ назвала Неучем, был ещё безобразнее, чем его товарищи. Голова как чурбан, глазки как щёлки, нос как обгоревший сучок, а беззубый рот, растянутый до ушей, словно говорил: «Глядите, я — Неуч! Тупица!..» Одежда на Неуче была грязная и рваная, а за поясом торчала большущая рогатка...

Странное дело, но все три создания чем-то сильно смахивали на самого Тимку...

— Вот я его сейчас из рогаточки — сразу покатится! — приговаривал Неуч и целился в спящего Тимку.

— Тише! Тише! — комаром пищал Зазнай. — Не забывайте, что мы здесь не одни! — он оглянулся по сторонам и зашептал. — Когда мы внутри Тимофея сидели, ему от нас было не уйти: куда он — туда мы. А нынче надо следить, чтобы он от нас не сбежал.

— А я его сейчас убаюкаю, тогда он никуда не уйдёт, — сказала Ленъ и, противно гундося, запела над Тимкой снотворную песню-убаючку:

Баю-баю, Тимофей,
Ходит рядом Котофей,
Вместе с кошкой-дрёмой он
Навевает сладкий сон...

Она так старалась, что не смогла устоять против собственных чар, захрапела и рухнула на Тимку. Тот подскочил и стал тереть глаза, испуганно бормоча:

— Что? Что случилось?.. Что происходит?

Ему в это время как раз снился чудесный сон, будто он в классе у доски сам решил сложную за-

дачу. А тут вдруг — на тебе, какая-то непонятная компания.

Наконец он разглядел странных незнакомцев.

— Кто вы такие? Зачем здесь?..

Зазнай хлопнул себя тростью по ноге и нахально спросил:

— Как?! Ты не узнал?

— Нет,— неуверенно ответил Тимка.

— Ну что ж, познакомимся заново! — Зазнай изогнулся в глубоком поклоне и шляпой смахнул пыль со своих длинноносых туфель.— Зазнай Тимофеевич! Всегда к услугам!

Тимка посмотрел на двух других компаньонов и спросил:

— А вы кто такие?

— Мы... мы,— замычали не в лад Лень и Неуч, но Зазнай поспешил им на помощь:

— Это — Лень Тимофеевна, а это — Неуч Тимофеевич! Мы — твои ближайшие друзья и помощники!

Тимка пожал плечами:

— Зачем мне помощники, когда я сам ничего не делаю?

— Вот именно,— обрадовался Зазнай.— Это благодаря нашей помощи! Ближе нас у тебя никого нет!

— А Павлик и Зоря?

— Мы ближе! Мы ближе! — запищали, завывали все трое.

Тимка рассмеялся:

— Весёленькая компания, нечего сказать. С вами не соскучишься.

— Верно, верно! — замотал головой Зазнай и подал какой-то знак. Тут вся компания, приплясывая, затянула песню:

Налево топ, направо топ,
В саду растёт капуста,
Ищи того, чей твёрже лоб,

А в середине — пусто!
Коль хорошо искать кругом —
Такой дружок найдётся,
И нам при нём,
И нам при нём
Привольно заживётся...

Тимка решил: «Это, наверное, клоуны или весёлые артисты». Но только он хотел их об этом спросить, как до него отчётливо донеслись голоса Павлика и Зори.

Зазнай, Ленъ и Неуч заволновались, засуетились, а когда слышался топот и громкое: «Тимка! Тимка!» — все трое пригнулись и побежали за палатку. Уже из-за неё они запищали:

— Молчи про нас! Никому ни слова!..

В следующую секунду Павлик схватил Тимку за руку и потащил туда, где находились Мечта и Зоря.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

О волшебных очках и чудесном подарке Мечты

Друзья не зря волновались. Произошло новое, замечательное событие: на площадке, где раньше возвышался каменный обелиск, появилась прекрасная космическая ракета.

Получилось это так.

Беседуя с Павликом и Зорей, Мечта указала на звезду, ту самую, на которую они мечтали попасть.

— Это на неё вы хотели забраться? — спросила она.

— Да! — ответили Павлик и Зоря.

— Это замечательная звезда! — сказала

Мечта.— Хотите знать, как она выглядит? — И, не ожидая ответа, протянула им свои большие красивые очки.— Ну-ка, посмотрите на неё сквозь эти стёкла.

Павлик сразу протянул дрожащую от нетерпения руку, но Мечта тихонько отстранила её и дала очки Зоре. Та надела их и... чуть не упала.

— Да ну же! Что там? Скорей говори! — торопил Павлик.

Но Зоря только качала головой, всплескивала руками и тихонько попискивала:

— И-и-и-и, и-и! Ой девоньки, и-и-и!..

Павлик отсчитал ровно десять секунд и твёрдой рукой снял с Зориного носа очки. Когда же он сам надел их, то тоже чуть не упал. Это были какие-то особенные очки. С ними не мог бы сравниться даже самый лучший в мире телескоп... Павлик увидел перед собой большую планету с морями и материками. На линии её экватора отчётливо вырисовывались два широких плоских крыла. Павлик не удержался и воскликнул:

— Крылья! У неё — крылья!

— Верно,— подтвердила Мечта.— Она потому и зовётся Крылатой звездой! — И загадочно добавила: — Это необычная планета!

Больше Павлик ничего сказать не мог. В небе, словно освещённая лучами прожекторов, спокойно проплывала крылатая планета. Её леса и долины переливались всеми оттенками зелёного цвета, белели снегами горные пики, и, если уж очень присмотреться, можно было разглядеть прекрасные города с широкими дорогами и мостами, а на морях — плавающие острова. По всей планете перемигивались огоньки, а вокруг неё вращались всевозможные спутники, ракеты и космические станции. Все они были небольшие и разноцветные, словно игрушечные. Планета жила, творила, двигалась...

И Павлик уже мысленно путешествовал по просторам этой сказочной Крылатой звезды: переплывал её моря и океаны, взбирался на седые вершины. Но Зоря вовремя напомнила ему, что это чужие очки.

Павлик нехотя вернул их, поблагодарил и подумал: «Конечно, только у Мечты могут быть такие очки». А вслух он задумчиво сказал:

— Да, хорошо бы туда полететь!

— Ну что ж, это можно,— подумав, сказала Мечта.— И если вы согласны...

Тут уж Павлик и Зоря не удержались:

— Согласны! Согласны! — дружно закричали они.

Тогда Мечта обратилась к Зоре:

— А тебе не будет страшно?

Но не успела Зоря открыть рта, как Павлик решительно выступил вперёд и заявил:

— Уважаемая Мечта, я за неё ручаюсь! Наша Зоря — не то, что другие девчонки, она по физкультуре многим ребятам сто очков вперёд дает!

— Мне приятно это слышать! — сказала Мечта.— Ну, а в себе ты уверен? Ведь всякое может быть в пути. Не одна Крылатая звезда в небе...

Но Павлика уже распирало нетерпение. Никаких преград в небе он не видел, поэтому поспешно сказал:

— Что же там и хвостатые звёзды есть?

— Всё может быть,— уклончиво ответила Мечта.

Тут Зоря заслонила собой Павлика и быстро заговорила:

— Не беспокойтесь, пожалуйста, я никому не позволю безобразничать, я буду ответственной за дисциплину!..

— Ну, смотрите. Попадёте в беду — я уже

вам помочь не смогу, у меня таких мечтателей, как вы, много.

Сказав это, Мечта не сѣша подошла к каменному обелиску и коснулась его крылом. И тут произошло это чудо: каменный выступ превратился в совершенно новую сверкающую ракету. Она была ярко раскрашенная, но небольшая, потому что предназначалась для космонавтов школьного возраста. Устремлённая вверх, она словно говорила: «Пора, друзья! Вас ожидает прекрасное, ещё небывалое путешествие!..»

— Здесь всё предусмотрено для вашего полёта,— сказала Мечта.— Аппаратура автоматическая. Ракета управляется всего тремя кнопками. Кроме того, внутри вы найдёте скафандры, которые могут понадобиться в космосе... Счастливого пути, друзья!

Павлик и Зоря повернулись, чтобы поблагодарить Мечту и проститься, но не успели. Сверкнув крыльями, она исчезла.

ГЛАВА ПЯТАЯ

10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 — СТАРТ!

— Вот это да! — воскликнул Павлик.— Вот это ракетка! Три кнопки и — полный порядок, летишь, куда пожелаешь!.. Зорька, айда в ракету!

— Стой! А про Тимку ты забыл?! Хорош товарищ, нечего сказать.

— Верно, чуть не забыл! Вот было бы дело?! — спохватился Павлик и тут, как нам уже известно, побежал за Тимкой.

А через минуту Тимка стоял перед ракетой и усердно тёр глаза.

— Гляди, гляди получше! — говорил Павлик, показывая на сверкающую свежими красками ракету.

— Ну, вижу... Ракета там, что ли?..

— Эх ты, «что ли»! Да ведь это наша! Пони-
маешь, на-ша!.. Через пять минут улетаем!

— Куда? — спросил ошарашенный Тимка.

Тогда Павлик торжественно объявил:

— На Крылатую звезду!

— Не знаю такой.

— А что ты вообще знаешь?

— Я такое видел и знаю, чего вы не видели
и не знаете,— пробормотал Тимка.

Но Павлику разговоры надоели.

— Говори толком: летишь с нами или не ле-
тишь?

— Ко-конечно, лечу... Что я тут без вас один
буду делать? — сказал Тимка, а про себя подумал: «Кто ж от такого откажется?»

И он решительно повторил:

— Конечно, лечу!

— Тогда, экипаж, слушай мою команду! —
громко скомандовал Павлик.— Занять места!

Зоря вспрыгнула на лесенку. Миг — и она
скрылась в кабине. Следом за ней — Павлик.
Тимка тоже поторопился в кабину. Но едва он за-
нёс ногу на лесенку, как почувствовал, что за него
ухватились несколько цепких рук, а за спиной
послышалось:

— А мы?! А мы?!

Тимка обернулся и сразу узнал своих стран-
ных знакомых.

— Ну, чего вам? — недовольно буркнул он.

— И мы с тобой! — подскочил Зазнай.

— Мы же твои! — захныкала Лень.

Неуч натянул рогатку, прицелился и проши-
пел:

— Не то как дам в лоб!

Тимка потёр лоб, посопел носом и сказал:

— Ну, куда же я вас? В кабине — Павлик и
Зоря.

— Нет, нет! — испугался Зазнай.— Только не с ними!

Тут Тимка заметил дверцу багажного люка. Он мигом нажал ручку и открыл его.

— Приветик! — пискнул Зазнай и вскочил в люк. За ним влез Неуч, а уже вместе втащили они Лень.

Тимка начал карабкаться по лесенке. Делал он это так медленно, что Павлик и Зоря схватили увальня за ворот и — раз-два, взяли! — втащили в кабину.

Перед пультом управления и смотровым окном-иллюминатором стояли три кресла для космонавтов. На пульте с приборами, как и говорила Мечта, виднелись три кнопки. Над кнопкой № 1 стояла надпись «ВВЕРХ», над кнопкой № 2 — «ОСТАНОВКА», над кнопкой № 3 — «ВНИЗ».

Павлик — командир экипажа — занял среднее кресло, Зоря — правое, а левому, третьему креслу, не повезло: его укомплектовали с трудом. Тимка долго не решался сесть: ему всё казалось, что это зубоврачебное кресло.

Наконец экипаж занял свои места.

— Застегнуть ремни! — скомандовал Павлик.

И вот наступила тишина. Тимке за ворот снова прокрался страх, он хотел закричать, но зажал рот рукой.

— Внимание! — громко и торжественно прозвучало в ракете. Это был голос Павлика. Зоря же стала отсчитывать:

— Десять!

Девять!

Восемь!

Семь!

Шесть!

Пять!

Четыре!

Три!

Два!

Один — СТАРТ!

Рука Павлика коснулась кнопки «ВВЕРХ», и сказочная сила подбросила их в небо. Путешествие началось.

Если кто-нибудь спросит, по какому маршруту пролегал их путь, то ответа на этот вопрос не найдёт. Дороги к звёздам не обозначены на картах. А летели они быстрее звука и света, потому что ракету их несла Мечта, с которой не может сравниться никакое горючее. За стёклами иллюминаторов, словно бенгальские огни, вспыхивали и гасли незнакомые созвездия.

Путешественники постепенно успокоились. Первым заговорил Павлик:

— По-моему, полёт протекает нормально.

— Ага, по-моему, тоже,— сказала Зоря и от хорошего настроения даже затянула космическую песенку. Её подхватил Павлик, а уж за ним не удержался и Тимка.

Летим, куда Мечта ведёт,
Летим, и весел наш полёт —
Ни страха, ни сомнения не знаем!
Отстал навеки паровоз,
Без парусов и без колёс
Большой и Малый Воз мы обгоняем!

Вот это славная езда!
Привет, Полярная звезда!
Привет вам, и Юпитер, и Венера,
Открыты Млечные Пути,
Сияют звёзды впереди,
И мы на этих звёздах — пионеры!

На душе у космонавтов было радостно и спо-

койно. Казалось, никакая сила не может их остановить или сбить с намеченного пути.

Однако всё обернулось по-другому. Прошло совсем немного времени, и ракета вдруг резко остановилась, словно натолкнулась на стену. Она закачалась в пустоте, а в иллюминаторе застыли звёзды и созвездия.

— Что случилось? — спросила Зоря. — Почему стоим?

Павлик пожал плечами и дрожащей рукой надавил кнопку «ВВЕРХ».

Ракета не сдвинулась с места.

Тогда он нажал кнопку «ВНИЗ».

То же самое.

— Ма-а-ама! — заревел Тимка, и в ту же секунду, словно от его крика, ракета покачнулась и поплыла в сторону, вправо. Не вверх, не вниз, а именно вправо.

Павлик и Зоря бросились к иллюминатору. Прямо на них надвигалось странное небесное тело, какой-то огромный сверкающий бублик.

— Это, наверное, какая-то межпланетная станция! — глухим голосом сказал Павлик.

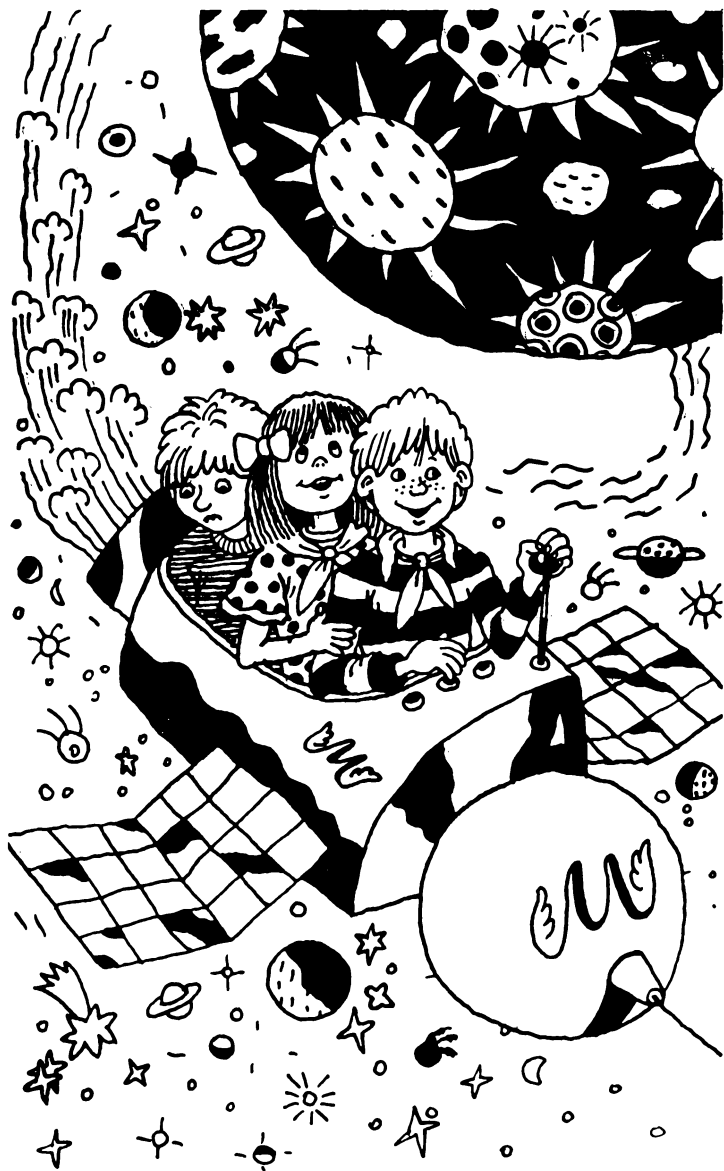
— Нас несёт на неё! Мы разобьёмся! Мы погибнем! — закричала Зоря и закрыла глаза руками. Тимка тоже зажмурился и застонал.

Через минуту Павлик воскликнул:

— Смотрите!

Зоря с опаской повернулась к иллюминатору и увидела, как протянулись к ракете два ярких прожекторных луча и, точно руки, бережно понесли её на межпланетную станцию.

Скоро ракета прочно стала на твёрдую поверхность.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой выясняется причина остановки и то,
что космос полон неожиданностей*

— Что же вы молчите? — волновалась Зоря. — Нельзя же нам здесь сидеть сложа руки!.. Что вы предлагаете?

— Я хочу до-омой! — захныкал Тимка.

— Ну и можешь идти домой! — махнул рукой Павлик. — Хотел бы я только знать, как ты это сделаешь?.. Лично я намерен пойти на эту станцию и выяснить, почему задержали нашу ракету?.. Зоря, у нас, кажется, должны быть скафандры.

— Есть, — ответила Зоря, открывая небольшой стеной шкаф. — Три скафандра, совсем новенькие!

Именно в этот миг в багажнике ракеты началась суматоха. Зазнай извивался в тесноте и приказывал:

— За дело, братцы! Слышите, нужно, чтобы Тимофей остался в ракете один! Работай, Лень, пусть он уснёт и не двигается с места. Ты лучше истории ему навей: весёлые, героические! Живей, живей, не медли!

И Лень, уставив сонные глаза в потолок, за-
ныла:

Баю-баю, Тимофей,
Ходит рядом Котофей,
Вместе с кошкой-дрёмой он
Навевает сладкий сон!..

И Тимка мирно задремал.

Зоря и Павлик тем временем примеряли новенькие скафандры. Они были лёгкие, серебристые, с крылатой буквой «М» на груди — значком

Мечты. А на круглых прозрачных шлемах горела красная пятиконечная звезда.

— Эй, Тимка, смотри! — крикнул Павлик.

Но в ответ послышался храп со свистом.

Добрых пять минут тормозили его друзья. Но Тимка бормотал что-то невнятное про Млечный Путь и требовал оставить его в покое.

— Не хочет — не надо! — решил Павлик. — Пусть дрыхнет.

— Как? Ты хочешь оставить его одного? — удивилась Зоря.

— Ничего с ним здесь не случится, никто его не украдёт.

Тимка, как бы в ответ на это, блаженно ухмыльнулся и произнёс какие-то странные слова: «Шагом марс!»

— Видишь, его уже из этого сна не вытащишь. Пошли! — махнул рукой Павлик.

Зоря покачала головой, и они ушли. Как только дверь за ними закрылась, из багажного люка в кабину стали прорываться крики и стук...

Павлик и Зоря стояли на межпланетной станции — огромном металлическом бублике величиной со столичный стадион. Вокруг сияли крупные яркие звёзды, а они стояли среди них, как две маленькие живые песчинки. Вправо — бесконечность, влево — бесконечность, вверх — бесконечность, и неизвестно, где и за сколько миллионов километров от них находится Земля. Перед ними расстился его величество космос.

Вдруг к их ногам упал луч прожектора и сразу же двинулся вперёд, словно говоря: «Следуйте за мной!»

Павлик и Зоря повиновались. Идти в невесомости было легко: оттолкнулся и пролетаешь метра три-четыре. На всякий случай ребята взя-

лись за руки и понеслись вперёд, не отставая от бегущего впереди луча.

Но вот луч, пробежав десяток метров, осветил полосатый пограничный столб и огромный белый щит. На щите большими буквами было написано:

Станция ПРОМЕЖУТОЧНАЯ

Стрелка же на пограничном столбе указывала вверх, и надпись на ней гласила:

НА КРЫЛАТУЮ ЗВЕЗДУ

Но самое важное было написано на щите, под названием станции. Павлик и Зоря подошли и прочитали:

П А С С А Ж И Р ! ПРОВЕРЬ СЕБЯ И СВОЙ БАГАЖ!

1. ЧЕРЕЗ КОНТРОЛЬНО-ПОГРАНИЧНЫЙ ПУНКТ

(как при себе, так и багажом) **МОЖНО ПРОВОЗИТЬ В НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ:**

**всевозможные таланты,
обширные знания,
крепкие мускулы,
прочную дружбу,
здоровый сон,
завидный аппетит.**

2. КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРОВОЗИТЬ
(независимо от упаковки):

**огромное свинство,
возмутительное хамство,
бессовестную жадность,
тонкую хитрость,
толстую глупость,**

а также —

папиросы, рогатки, шпаргалки,
немытые уши, шеи и т. п.

3. НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ ПРИВИВКИ ПРОТИВ:

- а) ЛЕНИ,
- б) ЗАЗНАЙСТВА,
- в) НЕВЕЖЕСТВА.

(Шприцы приготовлены в помещении Красного Креста).

ТРАНСПОРТ (космические корабли и ракеты) **ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ**
ТОЛЬКО НА ДВАДЦАТЬ МИНУТ. ПОСЛЕ УКАЗАННОГО СРОКА
ДВИЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БЕСПРЕПЯТСТВЕННО.

НАЧАЛЬНИК ЗВЕЗДНЫХ ДОРОГ

Путешественники переглянулись. Теперь было ясно, для чего задержала их межпланетная станция.

— У нас и багажа-то никакого нет,— растерянно сказал Павлик.— А прививок я могу хоть тысячу сделать.

— А как же Тимка? — забеспокоилась Зоря.— Он ведь остался там.— Она махнула рукой в сторону ракеты.

— У нас в запасе еще минут пятнадцать,— сказал Павлик.— Надо немедленно тащить его сюда.

И он уж было повернул к ракете, как вдруг из-за щита засверкали какие-то яркие фонарики. Посверкали-посверкали и исчезли. Свет их был такой яркий, что приходилось то и дело заслоняться руками.

Однако вскоре яркость фонарей поубавилась и можно было кое-что разглядеть. Тогда-то Зоря и сказала:

— Может быть, мне показалось, но я видела там людей... Они смотрели на нас.

Теперь уже и Павлик разглядел человеческие головы в серебряных шлемах. Он мог бы

даже сказать, что это были ребята, а не взрослые. Все они с любопытством выглядывали из-за щита.

Скоро до слуха наших путешественников донеслась их речь, однако ни слова они понять не могли. Небесные жители разговаривали на странном языке, словно учили вслух таблицу умножения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой друзья находят общий язык.
Летающие штаны. Новая катастрофа*

Павлик продолжал внимательно разглядывать небесных жителей. Но Зоре уже давно не терпелось познакомиться с ними поближе.

— Ну, что же ты медлишь? — торопила она его. — Знакомься!

Однако сделать это было не так просто: дело происходило не на соседней улице и не с обычными мальчишками и девочками. Тут надо было пустить в ход опыт и особую фантазию. Это Павлик и сделал.

— Ладно, погоди! — сказал он Зоре и, вытащив руку из рукава скафандра, стал рыться в карманах своих штанов. Затем опять сунул руку в рукав и лишь потом стащил перчатку. В руке у него был маленький пластмассовый самолётик. Он показал его незнакомцам и сказал:

— Ага, а у меня есть это!

Павлик не ошибся. Оказывается, этот способ знакомства известен не только на Земле, но и на других планетах — всюду, где есть ребята.

От группы отделился паренёк. Сказав что-то своим товарищам, он протянул к землянам руку, в которой держал крупную никелированную пулю. Секунду она лежала на его ладошке, а

затем взлетела и стала стремительно кружиться над ними, оставляя за собой тонкую дымовую струйку.

Это была маленькая игрушечная ракета. Паренёк указал на неё и произнёс:

— Теле пеле рики мики ту!

Затем в шлемах у Павлика и Зори послышался скорый разноязыкий говор, словно кто-то быстро вертел ручку радиоприёмника. И наконец отчётливо прозвучал ответ:

— А у меня — это!

Зоря и Павлик очень удивились и, конечно, обрадовались. Ещё бы, ведь незнакомцы превосходно заговорили на их родном языке. Оказывается, у каждого из них был чудесный аппаратик, который назывался языковым, или речевым, трансформатором. Уловив незнакомую речь, этот аппаратик моментально переводил её своему владельцу, а ответные слова уже произносил на языке иностранца, точнее инопланетника.

Как только контакт был установлен, Павлик сейчас же предложил на обмен свои марки-двойники, которые на всякий пожарный случай всегда носил при себе. За них он получил редчайшие марки, каких не было ни у одного филателиста на Земле.

Знакомство состоялось. Землян буквально засыпали вопросами: «Откуда? Куда? Почему? Зачем?»

Удовлетворив любопытство новых друзей, Зоря и Павлик в свою очередь спросили:

— Ну, а кто вы такие и куда летите?

— Мы,— ответил старший звёздной команды,— живём на планете Люксо-46, а летим на планету Супер-К-873 за школьными тетрадками. На наших расползаются чернила.

Павлик и Зоря очень удивились. Вдруг Павлик посмотрел по сторонам и спросил:

— А куда вы поставили вашу ракету?

— Какую ракету? — спросили космические друзья.

— Но вы же на чём-то сюда прилетели?

— Да,— улыбаясь ответил старший звёздной команды, тот самый паренёк, который показал им игрушечную ракету-пулю.— Летели, но так... Это недалеко.

— Как так? — уже вместе спросили Зоря и Павлик.

— Вот! — сказал парень и нажал пальцами большие красные кнопки на своих боках. Он так стремительно взлетел вверх, что сразу скрылся с глаз. Через секунду он появился на прежнем месте — будто свалился с неба. И только струйки дыма таяли у его ног. Теперь Зоря и Павлик заметили, что у всех ребят по обе стороны брюк в материю вшиты трубки. Это и были специальные двигатели, с помощью которых ребята перемещались в пространстве с невероятной быстротой.

Павлик был в восторге.

— Вот это да! Вот это штука! Летающие реактивные штаны! Штаны на грани фантастики!..

Но тут один из новых друзей сказал:

— Мы и так умеем летать... без двигателей.

И они принялись кувыркаться, строить подвижные пирамиды, кружить колесом, змейкой, звёздами. Замысловатые узоры, составленные из сверкающих костюмов, менялись, точно в калейдоскопе.

Павлик и Зоря так увлеклись невиданной картиной, что не заметили, как приблизился к ним летающий хоровод и увлёк за собой.

Теперь они стали равноправными участниками этого необычного фигурного летания. Они внимательно следили за соседями и в точности

повторяли их движения. А те, в свою очередь, повторяли всё, что делал старший звёздной команды.

Павлику повезло — он летел рядом с ним.

«Ну и здорово это всё! — думал Павлик. — На полпути к будущему — и уже такие чудеса!? Одно только непонятно, почему у них на планете нет хороших тетрадок? И вообще интересно бы узнать, какие у них там школы и что в них творится?..»

При всей своей знаменитой фантазии Павлик пока представить себе этого не мог.

Его сосед словно прочитал эти мысли и сам начал беседу. Сделав ловкий кульбит, который немедленно пришлось повторить всем участникам полёта, он лукаво подмигнул Павлику и сказал:

— Слушай, называй меня просто Мик. Понял?

— Ясно! — солидным тоном ответил Павлик и напряг всю свою фантазию. Ведь надо было так задать свой вопрос, чтобы не показаться Мику последним незнайкой. Поэтому он, как бы между прочим, спросил:

— Значит, летаем?

— Летаем.

— А в школе — летаем?

— И в школе летаем.

— А в классах?

— А в классах — нет, — ответил Мик и объяснил: — Перед уроками мы летающие штаны снимаем и надеваем другие, специальные, которые не дают вертеться.

— Вот это здорово! — не удержался и воскликнул Павлик, хотя дал себе слово ни в коем случае не выдавать своего удивления. И он быстро задал новый вопрос:

— Ну, а как у вас ребята занимаются?

— Кто как,— улыбаясь ответил Мик,— одни летают, другие плавают,— и весело расхохотался.

Павлик тоже развеселился и подумал: «Я, пожалуй, у них в школе тоже мог бы и «летать» и «плавать».

И, конечно, он сразу представил себе их школу и спецбрюки, которые никому не дают на уроках вертеться, и вообще всё, что может происходить в такой космической школе...

Они уже далеко отлетели от межпланетной станции и, наверное, ещё долго продолжали бы своё увлекательное и весёлое путешествие, если бы вдруг не послышался глухой взрыв, а затем характерное шипение взрывающейся ракеты. Когда все повернули головы, чтобы выяснить причину взрыва, то заметили только маленькую, стремительно удаляющуюся огненную точку.

— Ракета!.. Наша ракета!.. Тимка! — догадавшись, что произошло, закричали Зоря и Павлик. Они вырвались из общей цепи, чтобы вернуться на станцию, но беспомощно забарахтались в пространстве. Космические друзья залопотали что-то на своём математическом языке и бросились к ним. Схватив Павлика и Зорю под руки, они нажали на кнопки своих реактивных двигателей и буквально в ту же секунду очутились на межпланетной станции.

К ужасу Зори и Павлика, ракеты и след простыл. Не скрывая своего возмущения и страха, со слезами на глазах Зоря воскликнула:

— Как он смел так поступить?! Что нам теперь делать?

Но Павлик в ответ только развёл руками. Положение было безнадёжным.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Тимка знакомится с богом войны Марсом и совершает ратные подвиги

Сквозь дрему Тимка слышал, как друзья горячо убеждали его выйти с ними в космос. Но ему было не до этого. Он уже начал смотреть героический сон и совершать подвиги, которые ни один герой не мог бы совершить наяву.

Зазнай, Лень и Неуч, запертые в люке, бушевали. Тимке же этот грохот и крики казались лязгом щитов и мечей в походном марше. Затем чей-то настойчивый голос потребовал, чтобы он, Тимофей, вышел из ракеты.

Тимка повиновался, вышел, и тут он сразу увидал перед собой римского солдата-легионера. Грудь его была прикрыта щитом, на голове сверкала каска с султаном, на ногах — металлические краги. Вооружён он был копьём, топориком и коротким мечом.

Легионер сделал несколько приветственных движений щитом и торжественно произнёс:

— Вирус-пломбиров!

Тимка немедленно догадался, что это военный пароль, и дал на него безошибочный отзыв:

— Эскимо на палочке!

— О отважный! — нараспев произнёс легионер. — Сам бог посылает тебе тайное письмо.

И он протянул Тимке большой конверт за пятью сургучными печатями и грифом «секретно».

Тимка дрожащими руками вскрыл тайное послание и обнаружил там повестку, написанную каким-то старинным шрифтом. В ней говорилось:

НАСТОЯЩИМ ПОВЕЛЕВАЮ ЯВИТЬСЯ В АРМЕЙСКУЮ ЧАСТЬ ДЛЯ НЕСЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

НОВОБРАНЦУ НАДОБНО БЫТЬ НА КОНЕ, ПРИ КОПЬЕ И ИМЕТЬ ЗАПАС ХАРЧЕЙ СУХАРЯМИ НА ДЕСЯТЬ ЛЕТ.

*Главный писарь бога войны —
гвардии пророк ФИЛИМОН*

Тимка дважды перечёл повестку и смущённо сказал легионеру:

— Я не при копье... и коня у меня нет, и сухарей...

— Бедность не порок! — продекламировал легионер. — Был бы ты сам готов, о отважный!

— Я готов! — сказал Тимка и стал по команде смирно. — Только не знаю, куда идти.

— Следуй за мной, о отважный! — отчеканил легионер и преспокойно пошагал вверх, в пустоту, где не было ни лесенки, ни дорожки.

— А... а как же я пойду? — крикнул вдогонку Тимка.

Солдат обернулся и сказал:

— Так же, как я. Не бойся!

И Тимка пошагал в пустоту, словно он всю жизнь только это и делал.

Скоро показалась небесная застава.

— Стой, кто идёт? — громко спросил часовой, и эхо прокатилось по всему небу.

— Свои! — бросил легионер и щитом приветствовал часового.

— Куда идёте?

— К богу! — ответил сопровождающий и командовал Тимке: — Прямо перед собой шагом марс!

И они строевым шагом пошли ко дворцу бога войны.

Тимка был сильно огорчён, когда увидел допотопную крепость, обросшую мхом, с потрескавшимися стенами. Сам бог войны Марс — дряхлый старик — сидел посреди двора на складном по-

ходном троне и ел манную кашу. От его блестящей лысины исходило сияние, точь-в-точь такое, как у святых на иконах.

Тимка никак не мог решиться произнести слово «бог», поэтому, подойдя к трону, по-солдатски отчеканил:

— Здравия желаю, товарищ генерал! Рад познакомиться. Меня зовут Тима.

Бог проглотил ложку каши, улыбнулся и сказал:

— Марш!

Тимка повернулся кругом и пошёл.

— Ты куда? — остановил его легионер.

— Сказали «марш» — я и пошёл.

— Нет, он сказал «Марс», а не «марш». Зубов-то у него нет, все на войнах проел. Видишь, манной кашей питается.

Бог отставил тарелку и поманил Тимку рукой:

— Шадишь, шолдатик, шадишь... Может, каши хочешь — не штешняйся.

— Что вы, бог с вами! — сказал Тимка и, чтоб, наконец, выяснить, зачем его сюда позвали, напомнил: — Я к вам явился по повестке.

— Жнаю, жнаю, батенька, шам прижвал тебя в швою небешную армию!

Тимка осмотрел крепостной двор, и ему стало грустно. Что ж это за армия у бога войны?! Военный арсенал состоял из допотопных метательных машин и трухлых таранов. На маленьком плацу во дворе маршировал десяток солдат. Одеты они были в форму армии «Жук и жаба», то есть на ком что было, на том то и есть. Тут тебе были воины царя Гороха в лаптях, средневековые рыцари, представитель воинственного племени краснокожих с перьями на голове, были тут и римские гладиаторы и даже один солдат гвардии Петра Великого. Они топали по плацу и дружно

пели солдатскую песню, полную отваги и наступательного духа:

Хорошо, когда война,
Ать-два, ать-два!
Не видна и не слышна,
Ать-два, ать-два!
И не пушки,
А подушки,
Чтоб лежали на опушке,
Где не мятая трава —
Ать-два, ать-два!
На прицеле ложки наши,
Мы всегда готовы в бой,
Если враг стреляет кашей
И варёной колбасой!
Ать-два, ать-два,
И варёной колбасой!

Тимка пожал плечами и удивлённо посмотрел на бога войны. Тот махнул рукой в сторону марширующих и сказал:

— Шлыхал?! Шовшем рашпустилишь, ш трудом на жарядку выгоняю... Время воевать, а они пошорилишь шо мной, ражговаривать не хотят. Ражбойники!..

— А я вам зачем? — предчувствуя что-то неладное, спросил Тимка.

Бог войны поднял палец и сказал:

— Шлыхал я, что ты шмекалкой и храброштью шреди швоих друзей отличаешься!

— Кто вам такое сказал? — удивился Тимка.

— Раж ты к нам на тот швет жабрался, жначит, ты шмелый.

— На тот свет?.. Я же летел в космос...

— Для кого кошмош, а для кого тот швет. Ражве жабыл, што боги только на том швете бывают?

Тимка струхнул не на шутку, а тут ещё

издали слышался неистовый собачий лай и медвежий рёв.

— Шлыхал, шлыхал?! — заёрзал на троне Марс.— Противничек в психическую атаку на меня идёт. Милай, давай победи его! Шкорее, милай! — взмолился бог войны и заплакал, зарыдал, как первоклашка.

— Так это ж собаки лают! — пожал плечами Тимка.— Разве они противник? Собака — друг человека...

— А я ж всё-таки бог, а не человек! Они не проштые шобаки, они — Гончие Пшы! — рыдая, объяснял Марс.— Их там целое шожвеждие! Да ещё Большая и Малая Медведицы воют, шпать не дают... Накажи их, накажи! Победишь — швятым нажову и шправку директору школы дам: мол, проявил ты на том швете доблешть и мужештво. На бланке ш печаткой будет...

«Такая справка — неплохо! Покажу её всем ребятам, чтоб нос не задирали», — подумал Тимка и спросил:

— А воевать-то я как буду, голыми руками, что ли?

— Не бешпокойша, отважный! Обмундируем, транспорт и оружие дадим! — И, задрав голову вверх, закричал: — Эй, Илья Пророк!.. Илья Иванович! Пришли-ка швою колешничку! Пехоту надо подбросить, да не на чем!..

И тотчас же раздался гром среди ясного неба, словно десять немазанных самосвалов катили по немощёной мостовой на четвёртой скорости, и три дряхлые клячи притащили старую позолоченную колесницу с перекошенными колёсами.

— Ну и ну! — покачал головой Тимка.— Чего доброго, развалится по дороге вместе с клячами...

Тут Марсу поднесли огромный меч, а Тимку посадили на колесницу... Марс подышал на

меч, протёр его рукавом и подал Тимке со словами:

— Швой личный даю, иж мужея! Шмотри не шильно маши — шогнётся!

Тимка дрожащими руками принял меч и спросил:

— А куда же ехать? Я дороги не знаю...

— И не надо, тебя лошадки шами доведут... Ну, ш богом!

Под Тимкой словно развёрсзся вулкан: затрясло, загрохотало, заухало. Потом послышались тьяканье, лай и медвежий вой — справа, слева, всё громче и громче...

— Мама! — закричал Тимка и... проснулся.

— Где я, что я?! — залепетал он.

Кресло, да и сама кабина ракеты ходили под ним ходуном, а из багажника доносились крики, визг и вой.

«Да это же Зазнай, Ленъ и Неуч! — наконец вспомнил Тимка. — Они в багажнике бунтуют. Конечно, задыхаются в тесноте!..»

— Спа-асите-е! Откро-ойте-е! — всё сильнее тарабанили и выли в багажнике. — Со-овсем погибаем!

Тимка больше раздумывать не стал. Он соскочил с кресла, приоткрыл дверь и, нащупав ручку багажного люка, нажал её...

Дальше всё произошло в мгновение ока. Кто-то цепко схватил Тимку за руку и, заставив описать стремительную дугу, втащил в жаркий и тесный багажник. Не успел он крикнуть, как дверца захлопнулась, и темнота поглотила его. Ещё через миг над его головой затопали, раздался взрыв, и снова начался сон, только на этот раз тёмный, жаркий и пустой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой заканчивается первая часть,
но события только разворачиваются*

— Это возмутительно! — сказал Павлик. — Это, наконец, предательство!..

— А может, он полетел обратно, домой!.. Не дождался нас, трусил и полетел, — размышляла Зоря.

— Всё равно!..

Новые космические друзья в молчании стояли вокруг них.

Подошёл Мик и сказал:

— Мы можем узнать, куда полетел ваш друг. На станции есть приборы, которые всё вам скажут.

Он подвёл их к небольшой надстройке с продолговатым стеклянным глазом и круглым отверстием, затянутым мелкой сеткой. Надстройка медленно вращалась вокруг своей оси, но, как только к ней подошли, остановилась.

Мик — старший звёздной команды — нажал белую кнопку, торчавшую между глазом и сеткой, и дважды спросил:

— Куда направилась ракета? Куда направилась ракета?

Павлик и Зоря замерли. За сеткой раздалось негромкое шипение, и приятный голос произнёс:

— Даю справку точка Ракета с четырьмя пассажирами отбыла на Свинус точка. Повторю: на Свинус.

Павлик и Зоря даже не дослушали, что сказала станция.

— Каких четыре пассажира?! — воскликнул Павлик. — Это, наверное, не наша ракета...

Но станция по собственной инициативе уточнила:

— Других ракет не было точка.

— Что же теперь делать? — растерялся Павлик и вдруг, обернувшись к звёздным ребятам, спросил: — Пойдите, а что это за штука такая, Свинус? Куда они полетели?

Но те почему-то смутились, помрачнели, а кое-кто захихикал.

— Говорите, пожалуйста! — попросила Зоря. — Вы, наверное, знаете.

Наконец Мик, поборов смущение, объяснил:

— Это — планета... Такая планета, но на неё уже давно никто не летает, даже на экскурсию...

— А мы всё равно туда полетим! Мы должны найти Тимку!

— Конечно! — подтвердил Павлик. — Только как же мы без ракеты это сделаем?

Мик немного подумал и сказал:

— Нам туда летать запрещают, но... — Лицо его вдруг прояснилось. — Но мы вам поможем!

— Дадите ракету?! — обрадовался Павлик.

— Нет, не ракету, а — это, — он показал на свои реактивные летающие штаны. — Дадим две пары.

— Ну, а как же вы? — забеспокоился Павлик.

— Не страшно! — успокоили его. — Ребята полетят с нами.

— Но мы же ещё не умеем ими пользоваться, — принимая чудесные штаны, сказала Зоря.

— Это очень просто, — объяснил Мик. — Один раз нажали кнопки — полетели; два раза нажали — торможение; три раза — остановка... Догнать вы их не догоните, но на планету прилетите. Ну, а там будет видно... Желаем успеха!

— Счастливого пути! Удачи вам! Будьте осторожны на Свинусе! — посыпались пожелания и советы звёздных друзей.

— Спасибо! — отвечали Зоря и Павлик.— Спасибо за всё!.. Может быть, когда-нибудь ещё встретимся...

Они уже натянули чудесные штаны, и пальцы их готовы были каждую секунду нажать красные кнопки.

— Мы тоже отправляемся,— сказал Мик и произнёс что-то на своём языке. И тотчас же ребят, которые пожертвовали путешественникам свои чудесные штаны, друзья подхватили под мышки.

Павлик и Зоря взялись за руки и посмотрели на тающий дымок — след улетающей ракеты.

— Вперёд! — прозвучала команда. И недавние друзья разлетелись в разные стороны.

Павлик и Зоря молчали.

Впереди была неизвестность.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕРЫЙ СВИНУС

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*О том, как ракета с пленником припланетилась
в неизвестной галактике*

Тимка мучился от неимоверной духоты и жары. С трудом поворачиваясь в тесном багажнике, он стащил с себя рубаху, штаны и лишь потом стал припоминать, что с ним произошло.

Как раз в это время ракета содрогнулась и замерла — стала на твёрдую почву. Тимка услышал, как над ним затопали ноги и хлопнула дверь кабины.

«Вышли, черти! — догадался он и решил: — Что будет, то будет!»

А возле ракеты уже стояли Зазнай, Лень, Неуч и потирали руки.

— Порядочек! — самодовольно сказал Зазнай.

Неуч по-дурацки хихикнул и, толкнув Зазная кулаком в бок, спросил:

— А премию нам за него дадут?

Зазнай брезгливо отвернулся и промолчал. Но Лень не поленилась ответить:

— Ещё бы! Так и жди, что дадут обед из трёх блюд. На первое — тумачи, на второе — подзатыльники с маком, на третье — три щелчка в лоб.

— Э-э! — скривился Зазнай. — Помолчали бы... Может, вам и не дадут, а мне — дадут! Орден Зазная первой степени...

Тут Тимка забарабанил в дверь.

— Ну что, выпускать будем? — спросил Неуч.

— Открывай! — скомандовал Зазнай.

Неуч бросился открывать люк.

— Эй, выбирайся! — хором закричали все трое, когда дверца распахнулась.

Но в тёмной дыре люка беспомощно дрыгались Тимкины башмаки, словно кто-то в глубине держал его за руки и не отпускал.

— Чего медлишь? — сердито спросил Зазнай.

Тогда из глубины багажника, как из пустой бочки, раздался Тимкин голос:

— Сейчас! Вот надену рубаху и штаны.

— Ни к чему тебе они, выходи так! — крикнул Неуч и стал тянуть Тимку за ноги. Потом за них уцепились Зазнай и Лень, и все вместе вытащили его из люка.

— В трусах очень хорошо! — сказал Неуч, любуясь полуголым Тимкой.

— Тебе дадут королевскую одежду! — захихикала Лень.

— Кончай разговоры! — приказал Зазнай.— Шагом марш во дворец! — и подтолкнул Тимку своей тросточкой.— Вперёд! Вперёд!

Конвой с пленником тронулся в путь.

Они шагали по какому-то заброшенному пустырю, где старые лужи затянуло пылью и тиной, а редкая серая трава, казалось, хотела залезть обратно в землю. Даже ворона, которая сидела на их пути, напоминала старое облезшее чучело.

— Куда я попал? — спросил Тимка.

Зазнай показал рукой на окружающий их пустырь и сказал:

— Разве ты не догадываешься, что это за великолепная земля?!

— Догадываюсь...— пробормотал Тимка.— А разве я сюда должен был попасть?

— Конечно, куда же ещё?!

Тимка хотел спросить, где же Павлик и Зоря, но Зазнай сердито сказал:

— Хватит болтать! Придём на место — всё узнаешь!..

Наконец вдали замаячили какие-то домишки и появилась дорога.

«Ладно,— подумал Тимка,— потом всё узнаю. Скорей бы уже куда-нибудь добраться...»

И они ускорили шаг.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой Тимка знакомится с главным городом планеты Ненуженском и его обитателями

Вдоль немощёной дороги потянулись хибары-завалюхи. Подслеповатые, перекошенные, обросшие мхом, эти жалкие домишки едва жили на свете. Тимке они напоминали карикатуры в смешном журнале. Между хибарами-завалюхами, точ-

но заборы, тянулись густые сети паутины. Видимо, её годами никто не срывал.

Не лучше выглядели и сами жители хибар. Они бродили прямо по лужам, а иногда даже сидели в одной компании со свиньями. Заросшие, как дикари, с чёрными ногтями, они еле передвигали ноги.

Тимка не удержался и спросил:

— Что это за город и кто такие эти...— Он хотел сказать чучела, но вовремя спохватился и сказал: — Люди?

Лень, которая плелась позади и замыкала шествие, услышав Тимкин вопрос, сразу ожила. Не скрывая своего удовольствия, она начала ему объяснять:

— О уважаемый Тимофей, ты здесь находишься среди своих. Ты прибыл в главный город нашей планеты, в знаменитый Ненуженск! Сейчас ты проходишь по улице Бездельников. А это,— Лень указала на безобразных типчиков,— её достойные жители — замухрышки!

Потом она обернулась к огромной луже, отливавшей всеми цветами радуги, и поклонилась грязному толстяку. Толстяк сидел на трухлявом пне и, сложив руки на животе, крутил большими пальцами.

— А этот,— гордо шепнула Тимке Лень,— владелец всех луж на этой улице! Очень уважаемый человек в Ненуженске!

Тимка не мог удержаться от нового вопроса:

— Но почему эти замухрышки не починят свои дома? Ведь хижины вот-вот развалятся.

— Зачем чинить? — удивилась Лень.— Эта улица тем и славится, что на ней живут образцовые бездельники... При желании ты тоже сможешь здесь поселиться,— добавила она и доверительно подмигнула.

Да, улица была до того неприглядна, что даже сами замухрышки при посторонних отворачивались и стыдливо шмыгали носами.

«Неужели я тоже похож на этих замухрышек?!» — подумал Тимка, и ему стало не по себе.

На повороте он увидел указатель новой улицы. Это был обломок нетёсаной доски, на котором углём были нарисованы не то крокодилы, не то бегемоты. Подойдя ближе, Тимка увидел, что это буквы, и с трудом прочитал:

улица ПЕЩЕРНАЯ

Здесь и вправду вместо домов были пещеры и землянки. Местами виднелись следы костров и обглоданные кости. Если бы где-нибудь поблизости гулял волосатый мамонт, то вся эта картина напоминала бы стойбище первобытных людей. Стены и камни были испещрены текстами и рисунками, которые свидетельствовали о ничтожных знаниях её обитателей.

Не прошли они и десяти шагов по улице, как из пещер, землянок и прямо с деревьев посыпались жители этого допотопного края. Чернобородые, рыжебородые, с дубинками и рогатками в руках, они то и дело опускались на четвереньки, издавая дикие возгласы, в которых с трудом можно было узнать слова: «Приветик!», «Как делишки?» и тому подобное.

Но самое удивительное то, что на этих верзилах были остатки школьной формы, причём на взрослых мужчинах — короткие штанишки. Впрочем, догадаться, что это именно школьная форма, мог только ученик, который и свою довёл до такого состояния...

Тимка очень удивился форме головы этих людишек. «Конечно,— наконец догадался он.— Да это же неучи! Такие же дубоголовые...»

Конвойный Неуч, старый Тимкин знакомый, словно прочёл его мысли и завопил, приветствуя себе подобных:

— Приветик, братишки! Как поживаем?!

— Улю-лю! Мирово! — заревели братишки-неучи.

Тимкин Неуч просиял, а Зазнай заносчиво разъяснил.

— Это все, кого из вторых и третьих классов за неуспеваемость вышибли. Лучшие образцы неучей... Им здесь хорошо!

Тимка не удержался:

— Ну и докатились типчики! Этак и до обезьян недалеко.

— Недалеко! — согласилась Лень. — Вот последние буквы и цифры забудут и переселятся на деревья.

Неуч положил руку Тимке на плечо и дружески предложил:

— Поживи здесь, и сам таким очень скоро станешь!

Тимка сбросил с плеча руку Неуча и обиженно проворчал:

— Подумаешь, если у меня есть двоечки, то это ещё не значит...

Он не закончил, потому что Зазнай громко и торжественно объявил:

— Гордость нашего города — улица Самоуважаемская!

Тотчас же на новом повороте в глаза ударила пёстрая табличка с названием:

улица

САМОУВАЖАЕМСКАЯ

Каждая буква на ней пыжилась и старалась заслонить другую.

Тимке показалось, что эта улица была застроена приличными домами. Однако вблизи всё вы-

глядело иначе. Небольшие дома, казалось, были надуты изнутри. Каждый из них имел толстые колонны и старался выдвинуться ими подальше на тротуар — оттеснить назад соседа. У подъездов на задних лапах сидели уродливые глиняные львы, на стенах были вылеплены разные гербы, а на водосточных трубах раздувались огромные шёлковые банты. Все дома были пёстро раскрашены, и каждый как будто кричал: «Глядите, я здесь самый заметный! Я самый важный!»

По улице медленно разъезжали пышные кареты и фаэтоны. Но самым любопытным зрелищем оказались жители Самоуважаемской улицы. Они вышагивали вдоль своих домов с высоко поднятыми носами и не глядели друг на друга. Зато через каждые десять метров посреди мостовой стояли огромные усатые постовые с саблями на боку и торжественно отдавали жителям всевозможные почести: мужчинам козыряли, женщинам слали воздушные поцелуи, а собакам кланялись. Между прочим, собаки во всём подражали своим хозяевам: хвостатые и бесхвостые зазнайки гордо проходили мимо своих соплеменников и даже не обнюхивались с ними.

Тимка сразу догадался, что на Самоуважаемской улице живут зазнайцы. Ведь как только они ступили на эту знаменитую улицу, конвойный Зазнай моментально надулся и пошёл гоголем, точно был королём всех этих надутых красавцев.

Тимка смотрел, смотрел на эту картину и чуть не прыснул со смеху. Но сдержался и спросил:

— Что ж это, выходит, они только сами себя уважают?

— Зачем же,— ехидно сказала Лень.— Специальных постовых держат... А так — больше никому, другие не уважают.

И вдруг на их глазах произошёл несчастный

случай. Самый толстый из зазнайцев посинел, стал быстро округляться, толстеть, и вдруг раздался глухой, но весьма громкий взрыв. Тимка зажмурил глаза. А когда открыл их, то увидел на тротуаре только сапоги и шляпу пострадавшего. Оболочка разлетелась на кусочки, и больше ничего не осталось. Оказалось, что внутри он был пуст.

После секундной тишины, вместо ожидаемых сожалений, послышался смех. Зазнайцы указывали пальцами на остатки погибшего и хохотали. Только усатые постовые стояли навытяжку, отдавая честь сапогам и шляпе.

Тимкин Зазнай вёл себя скромнее: он ухмылялся. Потом сказал, указывая на остатки погибшего:

— Он думал, что самый главный... Не надо дуться больше, чем полагается!

И Тимка заметил, как Зазнай малость подобрал свой живот.

Смех и пересуды зазнайцев остались позади, а впереди, на большой захламлённой площади, показался дворец правителя планеты.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Зазнай, Ленъ и Неуч получают награды

— Ну и ну! — по привычке сказал Тимка, глядя на дворец правителя.

Он сначала подумал, что этот дом собрали из остатков от разных строительств, а чего не хватило — добавили старыми сараями. Колонны, подпиравшие кривую крышу, напоминали нестройную шеренгу толстых, тощих, высоких и низкорослых людей. Там, где куца колонна не доста-

К стр. 56.

К стр. 87.

К стр. 186.

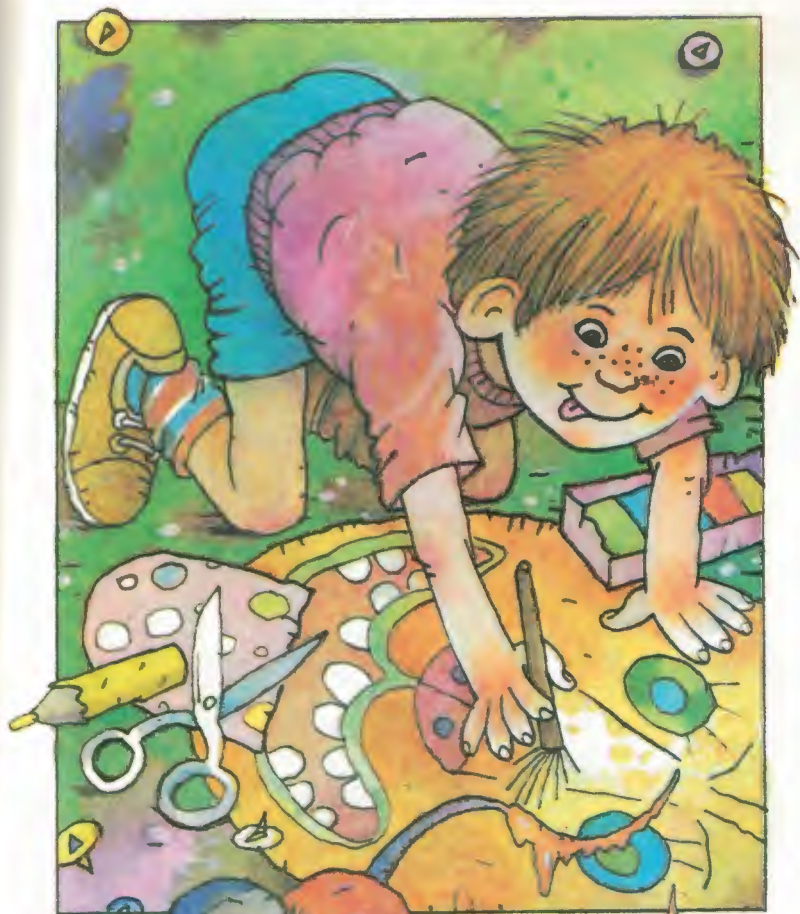
К стр. 250.

К стр. 457.

К стр. 474.

вала до крыши, были подставлены обломки скульптурных фигур: одни вверх головой (если голова была), другие — вниз. Окна же были сплошь в решётках, словно это была тюрьма, а не дворец. Ну, а над всем этим возвышался огромный герб-щит, криво висевший над входом. Там была изображена грязно-жёлтая перина, на которой, развалясь, возлежала серая свинья в штанах.

Тимка, конечно, немедленно расхохотался бы, если б не увидел, в какой торжественности замерли перед гербом Зазнай, Лень и Неуч. Зазнай снял свою соломенную плоскую шляпу и трижды ею взмахнул.

Голоса, похожие на скрип немазанных колёс, затанули гимн. Зазнай, Лень и Неуч пели:

Серому Свинусу слава!
Слава и слева, и справа!
Слава из сереньких туч,
Слава из мусорных куч,
Слава ему из болота
От лягушачьего флота!
Слава ему от быка
Прямо в живот и в бока!

Когда нестройный хор замолк, Зазнай надел шляпу и дёрнул ручку, висевшую у двери. Раздался глухой звон, и дверь отворилась. Вернее, её изнутри открыли два странных существа. Тимке показалось, что это барбосы, ходящие на задних лапах. Но потом он понял, что это просто заросшие, нечёсанные парняги, исполнявшие роль придворных.

В большой комнате, куда они вошли, было десятка два таких же нечёсанных. Они тотчас же бросились к Тимке и с криками: «Новенький!» начали его ощупывать.

От их грязных рук Тимке стало противно. Хорошо, что Зазнай и Неуч решительно прогнали

всех любопытных и потащили Тимку вперёд ко входу в новое помещение. Над резными дверьми, на которых изображались подвиги какого-то героя, золотом по стене было написано несколько слов. Тимка пригляделся и прочитал вслух:

— «Его величество всемогущий Пророк!»

— Какой пророк?! — захихикала Лень.— Ты что, уже читать разучился? Там написано «П о р о к», «всемогущий Порок!»

— Какой? — недоумевал Тимка.

— Человеческий!.. И не один. Наш великий властитель вмещает в себе все пороки: невежество, лень, зазнайство, грубиянство, воровство... Чтобы сосчитать — не хватит пальцев на руках и ногах. Потому он и великий!

Тут как раз распахнулась дверь, появился очередной барбос и басом объявил:

— Его величество всемогущий Порок Разгильдяй Третий просит прибывших войти!

Тимка было упёрся, но Зазнай, Лень и Неуч затолкали его в зал.

Увидав правителя, Тимка очень удивился. Посреди зала, развалясь в кресле, сидел странный старикашка и, растянув рот до ушей, самодовольно улыбался. Лицо его словно говорило: «Давай, братцы, валяй! Я добрый, при мне всё можно!»

О том, что это был правитель, говорила одежда; однако его можно было принять и за клоуна. На королевской мантии радостно сверкали жирные пятна, причём наброшена она была на старую матроскую тельняшку. Штанины правителя были разной длины, а огромные звенящие щпоры привязаны прямо к босым ногам.

«Ну и Порок! — подумал Тимка.— Прямо смех, размазня какая-то!» Но тут же от страха весь съёжился. Лицо Порока вдруг побагровело,

беззубый рот свирепо скривился, глаза засверкали, и он по-разбойничьи свистнул.

«Фу-ты! — содрогнулся Тимка. — Этот и верно всё может!»

По бокам Порока стояли подозрительные типы с грязными цветными лентами через плечо и значками на груди. Как выяснилось потом, это были подпорочники — ближайшие советники Великого Порока.

Но больше всего поразило Тимку, что за спиной правителя стоял огромный неуклюжий робот с одним погасшим глазом.

«Откуда у них такая сложная машина? — подумал Тимка. — Ведь они все бездельники и неучи». Однако ответа на свой вопрос найти он не смог. На роботе не было фабричной марки. Действовал он энергично, хотя и молча.

Великий Порок вёл себя довольно странно: он всё время норовил забраться с ногами на трон или опуститься на четвереньки. Но робот вовремя его останавливал. Не успевал тот пошевелиться, как тяжёлая железная рука садила его на место.

Зная разбойничьи повадки своего властителя, подпорочники держались на солидном расстоянии от трона.

Теперь Тимка догадался, почему в этом замке окна зарешёчены. «Конечно, — подумал он, — тут малость недосмотри, и Великий Порок сиганёт в окно. Что они тогда без правителя будут делать? А другого такого красавца пойдй найди...»

Наконец Великий Порок успокоился, припадок хулиганства прошёл, и он обратил своё высочайшее внимание на прибывших.

— Что, пожаловали?! — рявкнул он.

Зазнай, Лень и Неуч пали ниц. Стоя на четвереньках и подняв глаза на правителя, Зазнай медовым голосом стал объяснять:

— О Великий Порок! Нынче в школах рабо-

тать стало труднее, оболтусов всё меньше и меньше... Вот этого с трудом к вам доставили... Правда, экземпляр неплохой, поглядите!

— Хороший! Хороший, ваше Порочество! — в один голос стали расхваливать добычу Лень и Неуч.

— Что с того, что хороший, если только один! — заревел было Порок, но потом махнул рукой и приказал: — Ладно, наградить всех троих за заслуги перед Серым Свинусом!

И тотчас же героям преподнесли по награде.

Зазнай получил пёстрый заграничный платочек на шею, Лень — шёлковую подушку, а Неуч — чудесную дубину с шипами.

Награды понравились. Зазнай тут же повязал платочек, Лень прикорнула на полу, а Неуч замахнулся дубиной с шипами и на радостях трахнул ею правителя по лысой голове. У Великого Порока из глаз полетели искры, а на лысине вскочила шишка величиной с яйцо. Он заревел, замотал головой, а когда пришел в себя, прорычал:

— У-ух, и хороша дубинка!

Все вокруг заплодировали, а Тимка подумал: «Ну что ж, каков подарок — такова и благодарность».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*в которой Великий Порок
беседует с Тимкой и вручает ему
серосвинский аттестат зрелости*

Опомнившись от дубового «спасибо», Великий Порок решил, видно, заняться пленником. И тут на глазах у Тимки пиратская рожа всемогущего Порока сморщилась, как печёное яблоко, глазки

стали как щёлки, рот растянулся до ушей, и он мармеладным голосом пропел:

— Добро пожаловать, дорогой гость! Как прикажете величать?

Тимка растерянно назвал своё имя и, не отрывая глаз от странно переменившегося лица, подумал: «Ну и ну, вот так чудеса! Недавно была голова разбойника, а теперь — лукавый старикашка... Нет, с ним шутить нельзя».

А между тем лукавый старикашка хлопнул в ладоши и повелел:

— Стул гостю и спальный халат с моего плеча!

Подпорочники немедленно притащили стул, огромный засаленный халат, колпак и домашние туфли.

— Надевай, надевай! — прошептала из-за спины Лень.— В этом халате, как в кровати: тепло, уютно...

Тимка не без отвращения завернулся в халат, напялил колпак, сунул ноги прямо с ботинками в тапки-пароходы и уселся на стул.

Тем временем Великий Порок вытащил из кармана пачку папирос и протянул Тимке.

— Куришь? — спросил он.

Тимка решил, что для солидности следует закурить, пусть этот Порок думает, что имеет дело с бывалым человеком. Поэтому сказал:

— Конечно, курю... давно!

— Я так и знал, что ты человек самостоятельный.

Тимка раскрутил толстую папиросу, как это делал папа, и лихо бросил:

— Огонька дайте, что ли!

Великий Порок обернулся и ткнул робота пальцем в грудь. Раздался лязг и скрежет железа. Робот вышел из-за трона и направился к Тимке. Он так грозно топал ножищами-утюгами и так зло

смотрел своим единственным мигающим глазом, что Тимкина спина буквально приросла к стулу, а волосы под колпаком стали дыбом.

Робот протянул Тимке правую руку, щёлкнул огромными пальцами и — вот так штука! На большом пальце открылся колпачок — и появился язычок пламени! Оказывается, у него в кончике пальца была вмонтирована обычная зажигалка. У Тимки от страха так дрожали челюсти, что папироса танцевала краковяк и никак не могла встретиться с огоньком. Наконец он прикурил и захлёб продолжительно закашлялся.

Робот вернулся на своё место, а Великий Порок завёл деловой разговор.

— Ну вот,— ласково начал он.— Наконец-то ты, Тимофей Иванович, попал в свою компанию! Лучше места во всей Вселенной нет. У нас каждый может жить как хочет: бездельник — бездельничать до седьмого пота; драчун и грубиян — даже самого себя превратить в отбивную, а человек, уважающий грязь, днём с огнём не найдёт кусочка мыла. Если же ты возомнил себя великим королём, учёным или первооткрывателем земель, то кричи об этом на всех перекрёстках и уважай сам себя в своё удовольствие. Никто тебе не помешает и не назовёт сумасшедшим. Детям школьного возраста у нас особые привилегии.— Всемогуший Порок улыбнулся и еле взмахнул рукой.— Зарядки у нас не делают, не умываются, зубы не чистят, и вообще никаких правил нет...

Тимка с удивлением слушал эти речи. Он, конечно, мечтал о полной свободе, но в его представлении она выглядела несколько иначе. Скажем, он совсем не был против умыванья. Он только считал, что каждый день это делать незачем. Для чего умывание превращать в пытку? Ведь от грязи ещё никто не умирал... Кстати, он бы и в школе многое перестроил. Зачем столько предметов?

К чему, например, решать задачки? Научился считать до тысячи, и довольно... Или вот — с переменками. Тоже ведь несправедливо: урок 45 минут, переменка — 5. Только разыграешься — звонок...

Короче, кое-что на этой планете Тимку устраивало. «Дурака повалять здесь, конечно, можно!» — решил он.

Однако на всякий случай спросил:

— Ну, а как же быть со школой?

В ответ он услышал дружный смех подпорочников и самого всемогущего Порока.

— Ха-ха-ха! Выходит, ты так ничего и не понял! — раскатисто грохотал властитель Серого Свинуса. — Здесь ты будешь свободен от всех наук. У нас школ нет. Однако ребята кое-чем занимаются. Сейчас ты сам в этом убедишься.

Он хлопнул в ладоши и приказал:

— Впустить ансамбль песни и лоботряски!

Дверь тотчас же распахнулась, и в зал с гиканьем ворвалась шайка отъявленных лоботрясов с дудками, барабанами и деревянными мечами. Они дружно грянули в барабаны, затанцевали и запели:

Если вы хотите знать,
Сколько будет пятью пять —
Мы решим задачку эту,
Нам нетрудно сосчитать.
Из рогатки пострелять —
Это будет пятью пять;
Кошек по двору гонять —
Это тоже пятью пять.
У девчонок и мальчишек
Ровным счётом столько шишек,
Сколько будет
Пятью пять!

— А теперь по грамматике, по грамматике! — в восторге завопил Великий Порок. И ансамбль грянул:

Чтобы выучить глагол,
Надо лбом ударить в пол,
И тогда на видном месте
Сразу выскочит глагол.
Превратить берёзку в кол —
Получается глагол,
Неумытым сесть за стол —
Тоже выскочит глагол;
Если мы в футбол играем,
Очень метко попадаем —
Залетает в окна
Гол!..

И ансамбль песни и лоботряски, размахивая деревянными мечами, с гиканьем и свистом вылетел из помещения. Великого Порока трясло от удовольствия, подпорочники аплодировали, а Тимка тоже хохотал и хлопал в ладоши. Но всё же подумал: «Чепуха! Это действительно шайка лоботрясов и притом совсем необразованных... «Кошек по двору гонять, это будет пятью пять!..» Подумаешь, знатоки!» Поэтому он тревожно спросил:

— Если у вас нет школ, как же я получу аттестат зрелости?

— Очень просто,— сказал Великий Порок.— Прямо сейчас и получишь.

Он снова хлопнул в ладоши, и два подпорочника торжественно внесли в зал какую-то грамоту.

Великий Порок улыбнулся и сказал:

— Учитывая твои незаурядные способности и знания, мы досрочно вручаем тебе аттестат зрелости.

Тимка с волнением принял в свои руки желанный документ. Обрамлённый золотой рамкой, аттестат зрелости гласил, что принадлежит Тимофею Тимошкину, а не кому-нибудь другому, и свидетельствует о том, что его владелец прошёл курс обучения в полной средней школе. Дальше, колонкой сверху вниз, были перечислены все предметы, и против каждого стояла чудесная красная пятёрка.

— Спасибо! — как-то неуверенно сказал Тимка.

— О, не стоит благодарности! Ты лучше скажи нам, много ли в твоей школе таких же способных и добросовестных ребят, как ты?

— Вы хотите сказать, отстающих? — честно спросил Тимка.

— Называй как хочешь, только отвечай! — рассердился вдруг Великий Порок, и лицо его снова приняло пиратское выражение.

Тимка сказал:

— Откровенно говоря, не очень много, но есть,— и стал считать по пальцам.

Пока Великий Порок беседовал с Тимкой, Зазнай, Лень и Неуч гордо стояли в центре, и весь их вид говорил: «Глядите, это — наша работа!» Но как только повелитель задал Тимке последний вопрос, они сникли и начали прятаться друг за дружку.

— Значит, всё-таки есть ещё такие, как ты! — свирепо завопил Порок, и глаза его замечали молнии в Зазная, Лень и Неуча.

— Конечно, не без того...— залебезил Зазнай.— Но вы сами слышали, времена нынче другие, ребята испортились: все хотят учиться, быть спортсменами... Как их сюда утащишь? Вот один он — молодец...

Великий Порок цыкнул на Зазная и, снова растянув рот до ушей, спросил у Тимки:

— А тебя родные или друзья искать не будут?

— Как не будут?! — с надеждой в голосе сказал Тимка.— Обязательно будут! Павлик и Зоря, настоящие друзья!.. Вот только, как они сюда доберутся? — грустно закончил он.

— Доберутся! Доберутся! — затряс головой Зазнай.— Это такие пробивные ребята, что всё смогут!

— Смогут! Смогут! — подтвердили Лень и Неуч.

— Пробивные ребята? — настороженно переспросил Великий Порок.— Что же мы с такими делать будем? Они нам всю планету перевернут!..

— А мы их пообломаем,— решительно заявил Зазнай.

— Пообломаем! Пообломаем! — поддержали Лень и Неуч.

— Ладно, посмотрим,— махнул ручищей Порок и приказал Роботу.— Веди гостя к себе, да будь неотступно при нём! Ясно?

Одноглазый Робот, заскрипев всеми частями своего тела, подошёл к Тимке и грубо толкнул его к двери, которая вела в соседнее помещение.

Тимка шёл, путаясь в длиннополом халате, а Робот, ворча своими моторами, то и дело подталкивал его. За дверью он бесцеремонно усадил Тимку на табурет и, сверкнув глазом-лампочкой, приказал:

— Сиди, чик-чирик, и помалкивай!

Тимка не вытерпел такого обращения.

— Ты чего, железяка, толкаешься?! — обиженно сказал он.

Робот так сверкнул своим глазом-лампочкой, что та чуть не перегорела, заскрипел шестерёнками и, неожиданно для Тимки, заявил:

— Тебя, шалопая, чик-чирик, ещё не так толкать надо!..

Тимка оробел. Он начал оглядывать комнату, в которой находился. Это скорее была не комната, а сарай с печью посредине и дровами вдоль одной стены. Вдоль второй стены протянулись полки с кастрюлями, горшками и всякой провизией. И хотя эта комната напоминала сарай, окно её было распахнуто настежь и решётки в нём не было.

Робот закричал, заохал и, пошарив на одной из полок, достал маслёнку с рукояткой и длинным носиком. Он поболтал её и, запрокинув квадратную голову, вставил носиком в рот. Постояв так с минуту, Робот ещё раз поболтал маслёнку и со злостью швырнул её на пол.

— Эх, и эта, чик-чирик, пустая!.. Последнее масло, чик-чирик, кончилось! — жалобно заскрежетал он и стал повязывать на живот фартук.

Потом он растопил печь и принялся варить какую-то бурду. Сарай заволкло едким дымом, и у Тимки из глаз потекли слёзы. Он невольно вспомнил жителей знаменитого города Ненуженска, улицы Бездельников, Пещерную и Самоуважаемскую, по которым его вели в этот безобразный дворец; грязных замухрышек, угодливых подпорочников и особенно этого ужасного правителя, Великого Порока Разгильдяя Третьего... «Неужели Павлик и Зоря не смогут меня выручить?» — подумал он и, закрыв лицо руками, потихонечку заплакал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой герои попадают с неба
на правительственный приём.*

Встреча с похитителями

Павлик и Зоря стремительно приближались к планете. С высоты она казалась необитаемой. Большая часть видимого пространства состояла из огромных пустырей, покрытых, точно мутными зеркалами, застоявшимися лужами.

Но скоро они стали различать на её поверхности что-то наподобие маленьких городов.

— Надо держать правей! — крикнул Павлик и потянул Зорю в сторону раскинувшегося под ними селения. — Мы должны приземлиться возле этого города!.. Слышишь?

— Да! — ответила Зоря.

И вот, когда крохотные домишки уже виднелись под ними, Павлик скомандовал:

— Включить торможение!

Они дважды нажали кнопки двигателей.

Их повернуло ногами к планете, и полёт сразу замедлился. Но сила разгона была очень велика, и произошла новая беда.

Расчёт Павлика оказался неточным: их несло прямо в центр города. На них катастрофически быстро надвигалась квадратная площадь с большим неровным зданием посредине.

— Эй! Стой!.. Держись! — успел крикнуть Павлик, и в тот же миг они почувствовали сильный удар, а затем послышался грохот. Вместе с черепицей, щебнем и досками они свалились в огромный зал, набитый людьми. Правда, они обнаружили это минуту-другую спустя, когда опомнились после удара и падения.

Прямо перед ними, на ржавом железном троне, испуганно поджав под себя ноги, сидел

уродливый человечище и орал благим матом: «Мама! Мама!..» Все остальные — нечёсанные, немытые людишки — в страхе жались к стенкам.

Павлик и Зоря встали на ноги и открыли свои шлемы. Ещё раз осмотревшись, Павлик спросил: — Куда мы попали?

Из толпы выкатился тощий хлыщ в соломенной шляпе, с тросточкой в руках. Он осторожно заглянул Павлику в лицо, затем Зоре и расплылся в радостной улыбке.

— Вы попали точно по адресу. И притом самым коротким путём,— он указал тросточкой на пробитый потолок.— Но это пустяки, каждый является на приём по-своему...

— Я спрашиваю, где мы находимся? — настойчиво повторил Павлик.— На какой земле?

— Вы прибыли на лучшую из планет, на знаменитый Серый Свинус! Разве не сюда вы спешили?

— Да, сюда! — согласились ребята.

— Вот мы и рады видеть у себя уважаемого Павлика и его уважаемую подружку Зорю! — сказал Зазнай и с гордостью взглянул на толпу, окружавшую трон. Из неё тотчас же выбились Неуч и Ленъ и тоже громогласно заявили:

— И мы рады! И мы!..

Павлик и Зоря удивлённо переглянулись.

— Откуда вы нас знаете?

— О, мы имели честь познакомиться с вами на вершине знаменитой горы Иглы и лететь на вашей ракете! — разъяснил Зазнай и лукаво добавил.— Наши пути разошлись на межпланетной станции.

— Ах, так это вы украли нашего Тимку?! — возмущённо закричала Зоря.

— Кто ж, как не они! — прошипел Павлик.

— Зачем же так грубо? — ехидно промяукал Зазнай.— Тимофей сам пожелал лететь. Мы

с ним давно приятели.— Он кивнул головой на Лень и Неуча.

— Ладно, потом разберёмся! — махнул рукой Павлик.— Показывайте Тимку, да поживей!

— Конечно, конечно, вы скоро его увидите, но прежде будете иметь честь беседовать с нашим повелителем... Ваше Порочество,— обратился Зазнай к Великому Пороку.— Не желаете ли вы что-нибудь сказать нашим гостям?

Великий Порок мотнул головой и, изобразив на своём лице самое сладкое выражение, протянул Павлику и Зоре колоду карт.

— Перекинемся в картишки, что ли?.. Давайте, никто не увидит! — сказал он, подмигивая поочерёдно то левым, то правым глазом.

Зоря покраснела, а Павлик сделал шаг вперёд и решительно потребовал:

— Вы должны немедленно освободить нашего Тимку! Мы не собираемся задерживаться на вашей планете!

Великий Порок побагровел. С трудом сдерживая гнев, он сказал:

— Напрасно вы спешите! Ведь вы находитесь на планете свободы и веселья! Ваш друг Тима уже наслаждается полной свободой. О, я уверен, вы ещё это оцените. Стать нашим гражданином — дело несложное, нужно только верно служить мне — Великому Пороку!..

— Что?! — вскипел Павлик.— Да как вы смеете нам такое предлагать?!

Вид его был до того грозен и непоколебим, что Великий Порок не выдержал:

— Держите меня! — завопил он, соскакивая с трона.— Держите, не то я себя поколочу!.. Держите, не то я от вас удеру!

На крик немедленно сбежалась личная охрана правителя — дюжина дубоголовых — и плотным кольцом окружила ребят.

— Что ты натворил?! — прошептала Зоря.

— Но ведь это же неимоверно! — возмущался Павлик.— Служить Пороку?!

— Слушай меня и молчи! — приказала Зоря.— Прежде всего прекрати скандалить. С твоим упрямством мы здесь совсем пропадём. С ними надо иначе!

Она вышла вперёд и примирительно сказала:

— Успокойтесь, Великий Порок, Павлик погорячился. Это потому, что он устал с дороги.

Зорин ровный голос заставил всех прислушаться. Лицо Великого Порока расплылось в улыбке, и он снова уселся на трон, готовый слушать её дальше. Этим и воспользовалась Зоря. Она продолжала:

— Мы оценили ваше гостеприимство, но нам надо ещё денёк подумать, посмотреть, а потом уже решать — оставаться или нет.

«Ну и лукавая девчонка! — сообразил Павлик.— Интересно, что это она надумала?»

А Зоря тем временем говорила:

— Конечно, мы ещё не знаем, как вам служить, но я, например, могла бы для вас готовить, убирать. Вы хоть и Порок, но питаться вам всё-таки надо?

— Надо! Надо-о! — зарычал от удовольствия Разгильдяй Третий.— Я теперь прогоню этого железного бездельника! Он совсем разболтался, скрипит, не повинуется, каши варит несолёные, непоперченные!.. Я разберу его! Я его сдам в металллом!

Зоря решила, что речь идёт о железной печке, которая стала плохо готовить, однако, чтобы Порок не изменил своего решения, спросила:

— А вы любите каши пресные или острые?

— Острые! Острые! Чтобы перцу побольше!..

Потом он обратился к Павлику:

— И тебе работа найдётся. Будешь дрова колоть и двери на ночь запирасть, чтобы я не сбежал. Да ещё следить, чтоб я чего-нибудь не украл. А то при моём положении заниматься этим неудобно.

— Хорошо, Великий Порок,— сказал Павлик.— Вы будете нашей работой довольны, можете не сомневаться. Я сперва погорячился, но теперь понимаю, что Зоря права. Так и вам, и нам будет лучше.

— Лучше! Лучше! — запрыгал от радости Порок, а подпорочники, дубоголовые и все, кто присутствовал на этом приёме, радостно зашептали:

— Обломали! Обломали! Самых стойких обломали!

Зоря, воспользовавшись моментом, снова обратилась к Великому Пороку:

— Ну, а теперь скажите, где наш Тимка?

— Теперь скажу и покажу! — самодовольно пробасил Порок и приказал: — Отведите их к Тимофею!

Зазнай, Лень и Неуч бросились исполнять приказание повелителя. Пробивая дорогу в толпе подпорочников, они вывели ребят из зала.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

О встрече с Тимкой. Четвёртый союзник

Через несколько минут Павлик и Зоря очутились в комнате, где под охраной Робота находился их друг.

Тимка был так удручён своим положением, так злился на самого себя, что сидел, не поднимая головы, надвинув низко на глаза дурацкий колпак. Когда в помещение вошли, он отвернулся к стене, чтобы никого не видеть. Да и узнать его

было очень трудно. Завёрнутый в огромный халат, он казался мешком на табурете.

— А вот и ваш дружок! — пропел Зазнай.— Надеюсь, теперь вы довольны.

— Довольны! Довольны! — повторили вслед за Зазнаем Лень и Неуч и стали разгонять дым, который густо валил из железной печки.

Павлик и Зоря сперва заметили только Робота. Скрипя и кряхтя, тот хозяйничал у дымящей печки и ни на кого не обращал внимания.

— А где же Тимка? — спросил Павлик.

— Здесь, здесь! — сказал Зазнай и похлопал Тимку по спине.— Тимофеей Иванович, повернитесь! Ваши друзья пришли!

Тимка медленно повернулся и грустно посмотрел на вошедших. Но когда убедился, что перед ним не кто иной, как Павлик и Зоря, бросился к ним с радостным криком:

— Вы?! Неужели это вы?!

— Конечно, мы! — подтвердил Павлик.— Но тебя-то можно узнать только по голосу. Что за наряд?! И вообще, как тебя угораздило попасть в эту историю?

Тимка зло посмотрел на Зазная и его компанию:

— Это не я... это всё они!

— Но и ты хорош, нашёл с кем водиться! Да я бы таких типчиков...— Павлик замахнулся было рукой на Зазная, но Зоря вовремя остановила его.

— Ох, что ты?! — воскликнула она.— У тебя снова нервы расшалились.— И обратилась к Зазнаю, Лени и Неучу.— Оставьте, пожалуйста, нас одних, мы должны успокоиться и во всём разобраться.

Когда Зазнай, Лень и Неуч скрылись за дверью, Тимка стал бить себя кулаками в грудь, со слезами в голосе доказывая:

— Честное слово, я этого не хотел! Заберите меня, пожалуйста, отсюда, заберите!.. Я не хотел!..

— Тебя полагалось бы оставить здесь насовсем! — закричал Павлик. — Сидел бы со своими дружками на этой дрянной допотопной планете, где, кроме сплошного серого свинства, ничего нет...

— Тс-с, тише! — сказала Зоря. — Здесь кто-то есть!

И все посмотрели на Робота, который хлопотал у печки, не обращая на них внимания.

— Кто это? — спросил Павлик.

— Не знаю, какой-то железный человек, — ответил Тимка.

— Вот это да! — вместе сказали Павлик и Зоря и приблизились к скрипящему и охающему Роботу.

Каково же было их удивление, когда они увидели на нём передник и огромные домашние шлёпанцы. Робот светил своим единственным глазом в кастрюлю и ложкой пробовал какое-то варево.

«Так вот кто этот железный бездельник!» — припомнила Зоря слова Порока. Ей почему-то очень жаль стало этого огромного, тяжело вздыхающего, железного человека.

Как только Робот опустил ложку и посмотрел на них, ребята вежливо с ним поздоровались:

— Здравствуйте!

Но в ответ Робот с негодованием прохрипел:

— И вы, чик-чирик, сюда же!.. Эх, снял бы я с вас, чик-чирик, да всыпал бы по, чик-чирик. Я хочу сказать, не по чик-чирик, а по первое число. Только боюсь — рука у меня тяжёлая, железная... Не пойму, какими вас пряниками сюда, чик-чирик, заманивают?!

Павлик удивлённо переглянулся с Зорей.

— Зря вы так о нас думаете, мы вовсе не собираемся здесь задерживаться...

Зоря незаметно дёрнула Павлика за рукав, чтобы не говорил лишнего. Но от одноглазого Робота это не ускользнуло. Его единственный глаз загорелся ярче и лицо от этого как будто улыбнулось. А сам он уже мягче сказал:

— Ах, так вот оно что!.. Ясно, ясно... Ну, что ж, ребятки, тогда можете меня, чик-чирик, не бояться. Я, пожалуй, тут единственный, кто вас не выдаст... Сам в беде, чик-чирик, нахожусь...

Он вздохнул, достал из шкатулочки на полке трубку и, чиркнув зажигалкой, которая была в его большом пальце, закурил.

— Гляди, железный, а курит! — засмеялась Зоря.

Робот покачал головой и, медленно чеканя каждое слово, ответил:

— Тут не то что курить, тут по-кошачьи, чик-чирик, мяукать начнёшь. Я вот железный, а не выдержал — закурил! — И он стал жаловаться на свою судьбу: — Они думают, чик-чирик, если я Робот, так со мной по-человечески обращаться не нужно. Тружусь круглые сутки, перегреваюсь, и никого это, чик-чирик, не волнует... Аккумуляторы мои сели, запчастей нет, масло тоже чик-чирикнуло... Шестерёнки на челюстях стёрлись, и я, как воробей, чирикаю. Прямо стыд и срам!.. Скоро совсем распадусь на части. Вот винты на спине совсем расчикчирикались, а завинтить некому... Ох, ох!

Он по-человечески закашлялся и загремел металлическими внутренностями. Всем стало очень жаль старого Робота, который нуждался в человеческом отношении. Павлик вежливо спросил:

— Простите, может, это не скромно, но нам хотелось бы знать, а как же вы здесь очутились?

— Хэ-хэ! — горько усмехнулся Робот. — Конечно, чик-чирик, не по доброй воле. Это меня ребята из 147-й школы делали, да недоделали. Будь я исправной отличной машиной — никогда сюда не попал бы... Я, братцы, бракованный, вот что. А сюда только всякий брак и попадает... Эх, мне бы в хорошую, чик-чирик, мастерскую на ремонт, я ещё себя показал бы! Я бы и на скрипке, чик-чирик, играл, и полечку танцевал. А раньше всего сбежал бы отсюда. Да разве от этих дубоголовых неучей удержёшь?! За каждым шагом, чик-чирик, следят.

— Значит, говорите, отсюда выбраться нелегко? — с тревогой в голосе спросил Павлик.

— А как же ты с планеты, чик-чирик, сбежишь?

— Да нет, я спрашиваю, не будут ли гнаться за нами?

— Как, чик-чирик, не будут? Будут! Но путь всё равно один — улететь с этой свинской планеты... А на чём?

Тут Тимка оживился:

— У нас есть на чём! Наша ракета стоит на пустыре за городом.

— А ты дорогу туда помнишь? — спросил Павлик.

— Помню.

— Очень хорошо!.. Будем драться, как черти, а здесь ни за что не останемся!.. Дядюшка Робот, если вы поможете нам выбраться отсюда, мы и вас с собой заберём...

Вдруг что-то в углу зашуршало.

— Что это? — спросила Зоря и пошла в угол, откуда слышался шорох. Но она ничего там не обнаружила.

Робот, покачав головой, тихо сказал:

— Зря мы тут, чик-чирик, разоткровенничались! Нельзя было здесь об этом говорить. За

мной следят, а может, и подслушивают. У Порока сотни шпионов!.. Но предложение ваше с радостью, чик-чирик, принимаю, и чем могу — помогу... Ох, шестерёнки мои, чик-чирик, ломит, винтики ноют!..

— Дядюшка Робот, садитесь, отдыхайте! — захлопотала Зоря.— Теперь вы сможете подремонтироваться: сам Порок велел мне стряпать для него, а ему,— она указала на Павлика,— дрова рубить.

— Это верно,— подтвердил Павлик.— Давайте-ка я сразу ваши винты на спине зачикчирикаю, то есть заверчу.

— За это спасибо, ребята! — сказал Робот.— А то ведь я, чик-чирик, и впрямь совсем расшатался да разболтался. Приборы мои так расстроились, что даже каши, чик-чирик, как следует сготовить не могут: то недосолю, то недоперчу...

Зоря и Павлик поспешно сняли с себя космические одежды, аккуратно сложили их и взялись за дело.

Павлик отыскал на спине Робота разболтавшиеся винты и, действуя ножом, как отвёрткой, стал приводить их в порядок. Зоря же принялась хозяйничать у плиты и заставила работать Тимку.

— Конец твоему безделью! — решительно заявила она.— Коли дрова да бросай в печь!

Тимка, не говоря ни слова, бросился исполнять Зорино приказание.

Робот с наслаждением покуривал, расправляя свои изрядно заржавевшие рычаги, а Зоря, лукаво ухмыляясь, хлопотала у печки. Она сняла с полки все острые приправы и, высыпая их в кастрюлю с кипящей кашей, приговаривала:

— Сегодня Великий Порок вдоволь поест остренького! У меня приборы не испорчены — я ему перца не пожалею, от всего сердца насыплю!..

И сыпала до тех пор, пока не опустели баночки, пузырьки и кулёчки.

В углу снова что-то зашуршало, и от стены к стене прошмыгнула какая-то тень. Павлик бросился за ней, но она исчезла. В тот же миг дверь отворилась, и один из подпорочников торжественно объявил:

— Его порочество хотят ужинать! Они просят каши.

Дверь снова затворилась. Робот понюхал Зорино варево, покачал головой и сказал:

— Ну, что ж, несите, чик-чирик, эту кашу. Может, ваша ему больше, чик-чирик, понравится. Да только чует мой прибор, что с приправами, кажется, переборщили.

Он подмигнул своим единственным глазом и проводил всех троих до двери, которая вела в тронный зал.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О том, как горел Великий Порок

и какой приказ

издал после своего спасения

Трое новых жителей планеты торжественно подали кашу повелителю всех проходимцев и бездельников — всемогущему Пороку Разгильдяю Третьему.

Дымок, струящийся из кастрюли, разносил по всему залу запахи корицы, миндаля, ванили, яблочной и грушевой эссенций и ловко притаившегося среди них аромата красного и чёрного перца.

У всех, кто находился в зале, носы ходили ходуном, настраиваясь на душистые волны. Великий Порок уже давно стоял ногами на троне и

пытался с высоты своего положения заглянуть в кастрюлю с необычной кашей. Когда же ему торжественно преподнесли ужин, он выхватил из-за пояса ложку внушительных размеров и жадно дрожащей рукой зачерпнул горячую, как лава, кашу.

Но прежде чем попробовать её, он от алчности опустил веки и глубоко вдохнул дымок.

Подпорочники, как по команде, звучно причмокнули и хором сказали:

— Приятного аппетита, ваше порочество!

Зоря тут же добавила:

— Ешьте на здоровье! Понравится — ещё сварю!

— Ам! — сказал Великий Порок и целиком сунул в рот ложку. С трудом выдернув её из рта, он быстро проглотил ещё несколько порций. Зоря разочарованно смотрела, как в пасти Порока исчезала каша, и зачем-то считала: «Одна, вторая, третья, четвёртая... седьмая... девятая...» На десятой ложке Порок вдруг залился алой краской. Глаза его начали вылезать из орбит. На двенадцатой ложке у него из рта пошёл дым и ложка с кашей выпала из рук. Он опустился на трон, завертел красной, как бурак, головой и, пуская из рта струю дыма, закричал:

— Горю! Спасите! Воды!

Ему тотчас же поднесли кружку с водой, но он отбросил её и нечеловеческим голосом завопил:

— Пожа-а-р!

На этот раз его поняли. В зал быстро втянули огромный пожарный шланг, и в раскрытую дымящуюся пасть ударила мощная струя воды. Великий Порок кувырком слетел с трона и, пока в него била струя, не мог подняться на ноги. В общем, перечный пожар был потушен, и побледневший правитель, мокрый, как курица, снова забрался на свой трон.

Пока он сидел с закрытыми глазами и отдувался, Зоря шептала Павлику:

— Если б я только могла, я б его настоящим огнём сожгла, противного такого!

— Ну, а что он теперь нам скажет?!. Смотри, уже шарит глазами и рычит, как тигр! — заметил Павлик.

И действительно, свирепый взор Великого Порока искал Зорю.

— Ты хотела меня сжечь, дрянная девчонка! — завопил он. — Ты хотела осиротить планету, оставить моих подчинённых без правителя!.. Ох, горит ещё всё внутри... ох!

Подпорочники шумели и перешёптывались, а некоторые грозили кулаками и требовали немедленно наказать виновницу.

Павлик не выдержал и, сделав шаг вперёд, заявил:

— Вы не имеете права на нас кричать, мы не ваши подданные и подчинённые! А если вам не нравится наша работа — можете сейчас же освободить нас...

— Что?! — заревел Великий Порок.

В это время к нему пробрался завёрнутый в чёрный плащ человечешко и стал шептать что-то на ухо, косясь на Павлика, Зорю и Тимку.

Дядюшка Робот был прав — за ними следили. Во время разговора в комнате находился этот шпион в чёрном плаще.

— Так вот, оказывается, в чём дело! — соскочил с трона разгневанный правитель. — Между вами и Роботом сговор! Вы бунтуете против меня! Хотите согнать меня с трона, меня — правителя Серого Свинуса!.. Не выйдет! — с пеной у рта кричал он. — Арестовать! Казнить! Повесить!

— Арестовать! Казнить! — как эхо, отозвались подпорочники.

Но Великий Порок вдруг успокоился, загадочно улыбнулся и сказал:

— Нет, я передумал. Мы не будем казнить этих бунтовщиков, мы испытаем на них новое замечательное средство.— И он приказал: — Вывести арестованных!

Когда всех троих вывели, Великий Порок ухмыльнулся и сообщил своим подпорочникам:

— Мы приобрели на соседней планетке чудодейственные шары. В них можно обламывать самых стойких людей. Тот, кто познакомится с ними и выпьет особый волшебный напиток, превратится в настоящего свинуса и даже может стать главным подпорочником! Да, да, именно главным!..

Вся свита замерла в подобострастном молчании, а Великий Порок продолжал:

— А этого железного предателя, этот старый чирикающий ящик я посажу на цепь, самую толстую цепь! Вот какое моё решение! Вот какой мой приказ! Выполняйте!

— Ах, так?! — зашептал Зазнай своим помощникам.— Значит, Тимка, Павлик и Зоря станут главными подпорочниками, а мы, с таким трудом раздобывшие их, останемся без чинов?!. Не выйдет, за мной, братцы!

И они незаметно выскользнули из зала.

Когда Павлик, Тимка и Зоря очутились на улице, из окон слышался звон цепей и удары молота. Это приковывали цепью к стене бедного дядюшку Робота.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой героев под конвоем ведут к
таинственным круглым домикам*

— Это я во всём виновата! Это всё из-за моей каши! — едва сдерживая слёзы, шептала Зоря.

Павлик с грустью посмотрел на неё и спросил у начальника конвоя:

— Что с нами собираются делать?

— Не знаю. Нам только сказано, куда вести...

Скоро вдали показалась высокая ограда. Ворота её были открыты настежь, и перед ними ходил охранник с дубинкой через плечо.

— Шире ножку! — весело скомандовал начальник конвоя и стал грубо подталкивать пленных.

Наконец их завели в тюремный двор. С первого взгляда он казался безобидной детской площадкой, потому что посередине на специальных подставках стояли три ярких шара, похожих на огромные мячи: жёлтый, синий и красный. В углу горел костёр. Вокруг него сидела дюжина дубоголовых. Они резались в карты. Увидев пленных, дубоголовые оставили своё занятие и подошли к ним. Самый юркий из них, видимо начальник стражи, потирая руки, весело сказал:

— Наконец-то арестантиков привели.

Начальник конвоя поинтересовался:

— Что это за шары?

— Это — новинка, заграничные тюрьмы! — с гордостью объяснил начальник стражи. — Шарик называются! Глядеть на них — и то удовольствие. Разноцветные и кружатся. Мировое изобретение! В них посидишь — сразу покорным станешь... Сейчас мы их будем испытывать.

Он подбежал к жёлтому шару, покрутил его и сказал:

— Калачиком сидеть скучно, поэтому арестантик может повернуть шарик за особую ручку и поговорить через окошечко с соседом... Скоро вы здесь образцовыми свинусами станете! — пообещал он арестованным.

Когда открыли дверцы тюрем, Зоря крикнула: — Вы противные! Я ненавижу вас!

А Павлик решительно заявил:

— Ничего вы с нами не сделаете! Мы всё равно не станем свинусами!

Дубоголовые втолкнули арестованных в шары и закрыли дверцы на крючки. Павлик и Зоря очутились в крайних, а в среднем — Тимка.

В это время неподалёку от тюремного двора в пыльной яме сидели Зазнай, Лень и Неуч. Они с нетерпением ожидали ночи, чтобы тайком поглядеть на знаменитое чудо, с помощью которого можно выбиться в почётные свинусы и даже в заместители Великого Порока.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

в которой Лень усыпляет бдительную охрану

Шары-тюрьмы действительно были придуманы хитро и коварно. Человек небольшого роста мог в них свободно сидеть, поджав коленки. Поэтому в первые минуты ребята даже усомнились, пытка ли это. Но спустя полчаса каждому из них стало ясно, что долго так не высидишь. Сперва затекла спина, затем шея и ноги, а распрямиться нельзя было никак.

Тимка без конца хныкал в своей средней тюрьме.

— Перестань реветь! — приказала Зоря. — Ты только позоришь нас!

— А что с нами теперь будет?

— Что будет, то будет. Ты у себя спроси...

Разговор пришлось прекратить, потому что к тюрьмам приближался один из охранников с подносом в руках. На подносе стояли бутылки. Пленники давно страдали от жажды и, чтобы укрепить бодрость духа, решили от питья не отказываться. Бутылок было ровно три, причём одна жёлтая, а две — зелёные. На каждой бутылке виднелась маленькая этикетка. Охранник подал жёлтую бутылку Зоре, а зелёные — Тимке и Павлику. Жажда была так велика, что никто из ребят даже не подумал взглянуть на этикетки.

Пить, свернувшись калачиком, было очень неудобно, но всё же они ухитрились осушить бутылки до дна.

— Фи, противная! — сказал Тимка, сделав последний глоток.

— Пресная какая-то, — заметила Зоря.

А Павлик добавил:

— Конечно, дрянь, а может быть, даже снотворное или отравка...

И вдруг Зоря прочитала этикетку.

— Здесь написано «бабулин», — сказала она.

— Не «бабулин», а «дедулин», — поправил Павлик.

— Может, у вас и «дедулин», а у меня ясно написано «ба-бу-лин»!

— Не ломайте головы, всё равно мы не знаем, что это значит. Лучше давайте думать, как отсюда выбраться!.. — предложил Павлик.

Между тем в пыльной яме Зазнай, Лень и Неуч готовились к вылазке.

Долго ждать не пришлось. Вечно пасмурное небо на Серым Свинусом потемнело быстро. Сквозь щёлки забора ярче стал пробиваться свет костра. Вскоре его заслонили какие-то тени.

— Порядок! — прошептал Зазнай.— Все усе-
лись у огня.

Он первый выполз из ямы. За ним потянулись
Неуч и Лень.

Все трое беспрепятственно прошмыгнули в во-
рота. Устроившись незаметно в одном из тёмных
углов, Зазнай, Лень и Неуч с любопытством стали
разглядывать цветные шары, которые поблёски-
вали посреди двора.

— Вот это да! — не удержался от воскли-
цания Неуч. Он сказал это так громко, что Лень
поспешно прикрыла ему рот своей грязной ла-
донью.

Зазнай прошипел:

— Цыц, дурень, погубишь всех!

— Тут и впрямь есть какое-то чудо! — ка-
чая головой, сказала Лень.

— Да что нам из того, если все они заняты.
Надо ждать, пока охрана заснёт.

— Хе, ждать?! — ухмыльнулась Лень.— Да
я их сейчас мигом усыплю. У меня есть песенка-
баючка специально для охраны.

— Что ж ты молчала?! Иди и действуй, да
только сама там не свались!

— Жуть как интересно! — зевнула Лень и
поползла к сидящим у костра.

Она, точно привидение, стала за спинами ду-
боголовых. Вскоре её заметили.

— Это ещё что за явление?! — сказал один из
охранников.— Ты что за чучело?

Другой охранник сказал:

— Да это же, кажется, замухрышка... А-а,
Лень! Здравствуй! Садись к огоньку, грейся!

Но тут подскочил начальник охраны и затопал
ногами.

— Балбесы! — закричал он.— Разве можно
здесь посторонним находиться! Я вам приглашу
«к огоньку». Кто тебе позволил сюда являться? —

набросился он на Лень.— Здесь запретная зона! Видишь, сидим охраняем...

— Вижу, что охраняете! — спокойно ответила Лень.— А меня послал Великий Порок проследить, чтобы вы на дежурстве не спали.

— Ох-хо-хо! Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! — покатились от смеха дубоголовые.— Ну и нашёл же кого послать! Да ты первая сейчас захрапишь, знаем тебя!

— Это мы ещё посмотрим,— тем же спокойным тоном сказала Лень.— А вот, чтобы вы не заснули, я вас песенкой повеселю.

— Давай! Валяй! Пой, а то сегодня, как никогда, в сон клонит,— зашумели бдительные охранники.

— Ладно, пой, только не долго! — согласился начальник и при этом так зевнул, что чуть не вывихнул челюсть.

Лень уселась среди охранников и затянула своим нудным и глухим голосом:

Мы уж помним еле-еле
Колыбель свою,
Пели нам у колыбели
Баюшки-баю!

Сладко спали мы в постели,
Сладко, как в раю,
Потому что мамы пели
Баюшки-баю!

А теперь мы повзрослели
И поём свою,
Выводя носами трели —
Храпушки-баю!

Крепко спать должна охрана,
Баюшки-баю!

Поздно вечером и рано,
Дома и в строю...

Скоро до Зазная и Неуча донёлся дружный храп. Как только Лень запела последний куплет, как только послышалось: «Крепко спать должна охрана», дубоголовые, кто где сидел, там повалился и заснул. Храпели они дружно, как солдаты ходят в ногу. Вместе — хр-р-р-р, и вместе — фю-ю-ю-ють. Но Лень на этом не успокоилась: она продолжала навевать на них сон своими особыми, только отпетым лодырям известными чарами. Зазнай и Неуч просто залюбовались её работой.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О том, каких шариков не хватало Зазнаю, Лени и Неучу

Но не одни Зазнай и Неуч наблюдали за Ленью. Как только во дворе появились три крадущихся фигуры, Павлик приказал Зоре и Тимке быть начеку.

— Если придётся вести переговоры,— сказал он,— посылайте ко мне, сами в разговор не вступайте. Понятно?

— Понятно! — тихо ответили Зоря и Тимка.

Шары перестали вертеться и замерли. Вскоре они услышали, как Лень доложила своей компании:

— Полный порядок. Спят мёртвым сном, стреляй из пушек — не проснутся.

— Молодец! — похвалил Зазнай и скомандовал: — А теперь вперёд! К волшебным шарам!..

Павлик, заметив их приближение, стал медленно вращать свой шар и тихонько напевать:

Стало легче на душе,
Тихо ходит ночь кругом —
Скоро стану я уже
Главным подпорочником!

Все трое поэтому направились прямо к его шару. Павлик выглянул в окошко и весело сказал:

— А, старые знакомые, привет!.. Только, пожалуйста, не задерживайтесь здесь и не отвлекайте нас. Сейчас как раз происходят самые главные волшебные превращения.

— Волшебные?! — вместе переспросили Зазнай, Лень и Неуч.

— Да-да, пожалуйста, тише!

Зазнай подошёл на цыпочках поближе и вкрадчивым голосом спросил:

— А нельзя ли хоть одним глазком взглянуть на чудо через ваше уважаемое окошечко?.. Разрешите, пож-жалуйста!

— Да что вы?! Это же тайна! Разве не слышали, что сказал Великий Порок!

— Ну тогда хоть расскажите, что там происходит?.. До смерти хочется знать!

— Хо-хочется, хочется! — захрюкали Лень и Неуч.

— Ну, что с вами сделаете?! Жалко ведь вас.

— Жалко, жалко,— заныли все трое.

— Эх, так и быть!.. Только вы потом нас не выдайте.

— Нет, нет, честное серосвинское!

— Ладно! Слушайте, времени мало... Значит, так: недавно закончилось весёлое кино. Нам его тут показывали. Потом кормили очень вкусными пирожными и давали пить сладчайший волшебный напиток. Вот бутылка осталась,— он просунул в окошко бутылку и тут же убрал её, добавив: — Если б знал, что придёте, оставил бы по-

пробовать. Райское питьё! После него сразу начинаешь себя чувствовать важной особой...

Тут Павлик сел на своего конька. Ведь он был фантазёром.

— Сейчас нам дадут волшебные таблетки, с помощью которых мы постепенно начнём превращаться в первых подпорочников. Для этого нам сообщат очень важные заклинания. Тому, кто их знает, будут подчиняться все свинусы на этой и на других планетах...

— Ох ты! — всплеснул руками Зазнай. — Хоть минутку побыть бы в этом шарике!

— К сожалению, не могу вам помочь, — посочувствовал Павлик.

— А вы нас впустите на полминуточки.

— Ну, разве что на полминутки, — раздумывал Павлик. — Впрочем, нет, нельзя. Ведь это будет предательство.

— Не будет, не будет!.. Всего полминутки!

— Ну смотрите, не больше!..

Весь этот разговор внимательно, не пропустив ни звука, слушали Зоря и Тимка. Слушали и ждали распоряжений.

Наступил решающий момент. Павлик повернул свою тюрьму окошком к товарищам и негромко, но отчётливо сказал:

— Эй, будущие первые подпорочники и заместители Великого Порока, вы слышите меня?

— Слышим! — дружно отозвались «будущие заместители».

— Исполняйте мой приказ. Сейчас уважаемые Зазнай, Лень и Неуч откроют шары и выпустят нас. Не сопротивляйтесь и освободите шары!

— Ой, но сейчас ведь начнётся самое главное! Самое интересное! — жалобно воскликнула Зоря.

— Ничего, они только на полминутки.

Дальше всё произошло очень быстро. Звякнули три крючка, дружно выскочили из шаров Павлик, Тимка и Зоря. А в шары влезли Лень, Зазнай и Неуч. На этот раз дверцы за ними закрылись прочно и надолго, потому что, несмотря на крики и стуки, ни один из охранников даже ухом не повёл. Лень сделала своё дело превосходно, на пять с плюсом.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой дядюшка Робот пополняет команду

Друзья бежали без остановок. Тимка, несмотря на длинный халат, подарок Великого Порока, мчался, как никогда, резво.

— Что это нынче с тобой? — едва поспевая за ним, спросила Зоря.

— Сам удивляюсь! — пожал плечами на ходу Тимка.

— Чего удивляться? От таких дружков, как Зазнай, Лень и Неуч, избавился, — объяснил Павлик.

Вдали показалась покрытая лужами улица Бездельников.

— По ней меня вели во дворец, — сказал Тимка. — Значит, к ракете надо идти сюда. — И он показал в сторону пустыря.

— Ты нас и поведёшь, потому что один дорогу знаешь!..

В предрассветной темени ребята ещё издали заметили свою ракету и скоро были возле неё.

— Вот она, на месте! — едва переводя дыхание, сказал Тимка.

— Милая наша! Спасительница! — словно подружку, обняла ракету Зоря.

Тимка удивился, что никто из жителей планеты не позарился на это чудо, на такую ракету!

— Выходит, верно: все они замухрышки и свинусы! — сказал он.

— А ты сомневался! — усмехнулся Павлик.

Тимка бросился к багажнику, забрался в него, но сразу же вылез оттуда грустный.

— Украли! — сказал он. — И штаны и рубашку украли! Как я теперь в этом балахоне ходить буду?

— Не беда! — махнул рукой Павлик. — Было бы хуже, если бы воры оставили нам только твою рубашку и штаны. Интересно, как бы мы на них улетели?!

Это показалось Тимке убедительным, и он смирился.

— Экипаж, слушай мою команду! — приказал Павлик. — Занимай места!

Но Зоря вдруг закричала:

— Отставить!..[†] мы могли, как мы могли?! Ведь мы забыли взять Робота! Доброго, честного дядюшку Робота!

Павлик смутился.

— Это я, бессовестный, забыл!.. Он, наверное, ждёт. Ведь мы дали слово...

— Его приковали, — напомнил Тимка.

— Что же нам делать, ведь уже светает? — беспокоилась Зоря.

— Вы останетесь здесь, будете охранять ракету! — приказал Павлик и через минуту скрылся в густом предрассветном тумане.

Пока он добежал до городской площади, наступило утро. Павлику пришлось спрятаться, потому что возле дворца толпился народ. Подпорочники и видные жители Ненуженска бегали, суетились, видимо, ожидая чего-то очень важного. Скоро ко дворцу начали сходитьсь замухрышки, пещерные

неучи и надутые, как индюки, обитатели Самоуважаемой улицы.

«Всё пропало! — с тревогой подумал Павлик. — Наш побег раскрыт, и в городе тревога...»

Он быстро залез в старую постовую будку, лежавшую на боку, и стал думать, что делать дальше. Однако, чем больше он вглядывался в лица суесящихся свинусов, тем меньше понимал, что происходит. Лица выражали не тревогу, а радостное возбуждение.

Когда же дворцовая площадь была набита городскими жителями до отказа, стало ясно, что собрались они сюда по поводу какого-то торжественного события.

Скоро появился и сам Великий Порок Разгильдяй Третий со своей свитой. Вспыхнули продолжительные аплодисменты в честь властителя планеты. А когда они смолкли, Великий Порок сказал:

— Сегодня стар и мал, жители Ненуженска и всей планеты, станут свидетелями чудесного превращения. Наша планета обогатится ещё тремя образцовыми свинусами! Прошу желающих следовать за мной, к месту свершения чуда.

Великий Порок сел в карету и поехал. Следом двинулись кареты жителей Самоуважаемой улицы, а уж за ними пешая толпа. Город словно вымер.

Павлик выглянул из укрытия. Дворец остался без единого охранника и без единой живой души внутри.

Первым делом Павлик запустил камнем в герб, на котором красовался сам безобразный Свинус. Затем он бросился к дверям. Но не тут-то было. Оказывается, двери были заперты. Павлик дёргал, тянул, колотил ногами, но всё безрезультатно. Он посмотрел на окна, но все они были зарешечены.

Вдруг Павлика осенило: он вспомнил, что в подсобном помещении, где жил и работал дядюшка Робот, окно незарешечено и открыто настежь. Он обошёл дворец и, конечно, легко его обнаружил. Это был не полный второй этаж, и добраться до него такому спортсмену, как Павлик, не составляло особого труда.

Не прошло и минуты, как Павлик уже находился в жилище Робота. Но перед ним была печальная картина. Несчастный дядюшка Робот сидел неподвижно в углу. От стены к его правой ноге тянулась толстая цепь.

Павлик бросился к Роботу.

— Дядюшка Робот, что с вами сделали?

Внутри огромного туловища что-то щёлкнуло и смолкло.

— Не бойтесь, это я — Павлик... Ваш друг!

Единственный глаз Робота медленно разгорелся. С трудом покачав головой, Робот жалобно произнёс:

— Чик-чирик, чик...

Павлик снова повторил вопрос:

— Что они с вами сделали?

И словно откуда-то издалека послышался глухой голос:

— Разве не видишь — прик-ковали.

— Вы же такой сильный!

Павлик взял в руки цепь, но тут же выронил её: она была очень тяжела. Робот вздохнул и сказал:

— Этот Порок не так глуп, как тебе кажется... чик... Когда дело касается зла и какой-нибудь пакости, умишко его работает. Чтобы я не сорвал эту цепь, он приказал выключить мои руки и ноги, чирик... Я не могу даже пошевелить ими... Ох!.. Если ты хочешь помочь мне...

— Конечно, дядюшка Робот! Я сделаю всё, что вы скажете! — с готовностью заявил Павлик.

— Открой на моей груди дверцы и включи два крайних рубильничка.

Павлик немедленно выполнил просьбу. Дядюшка Робот содрогнулся всем своим массивным корпусом и с резвостью мальчишки вскочил на ноги. Затем он расправил могучие рычаги рук и ухватился за цепь. Стена задрожала, но кольцо сидело прочно. Робот с новой силой дёрнул цепь, но и на этот раз безрезультатно. Тогда Павлик схватил топор-колун и начал долбить стену вокруг кольца. Раз! Раз! Раз!.. Полетела штукатурка, куски кирпича, а Робот всё сильнее дёргал цепь...

Но вот стена вздрогнула, прогнулась и рухнула, открыв широкий проход на улицу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

*«Серый Свинус,
будь ты неладен и прощай!»*

— Ура! — крикнул Павлик. — Мы свободны! Вперёд!

Он бросился к провалу в стене, но Робот схватил его за плечо и твёрдо сказал:

— Ногу сломишь, чик-чирик... Я первый.

И Павлик услышал, как тяжело внизу звякнула цепь. Тотчас же показались ручки Робота и бережно обхватили его, а затем, точно дорогую хрустальную вазу, опустили на землю.

— Ну вот, а теперь, чик-чирик, вперёд! Где находится ваша ракета?

Улицы были пусты. Прямо удивительно, до чего единодушно все пошли смотреть на обещанное чудо. Даже свиньи оставили свои превосходные лужи и поплелись за хозяевами.

Дядюшка Робот секунду подумал и, бережно

взяв железными ручищами своего спасителя, посадил на плечо.

— Даю чик... четвёртую скорость! — пробасил он и свободной рукой включил на груди самый большой рубильник.

Робот что-то ещё говорил, но Павлик ничего не слышал. Железное гроыхание, звон цепи и свист ветра заглушали голос дядюшки Робота.

А тем временем в тюремный двор прибыли гонцы Великого Порока. Каково же было их удивление, когда они застали дубоголовых охранников спящими в самых нелепых позах. Гонцам понадобилось немало усилий, чтобы привести их в чувство.

Когда охранники уже стояли, пошатываясь и протирая глаза, в широкий тюремный двор начали вкатываться кареты. За ними валом валила толпа. Наконец появился сам Великий Порок. Он кланялся на все стороны, расточая свои чёрнозубые улыбки и с гордостью принимая поздравления.

Толпа расступилась. К властителю подошёл начальник охраны. Откозыряв, он широко раскрыл рот, но, всем на удивление, ничего не сказал, а только зевнул. Затем долго тёр лоб, припоминая события ночи, и наконец изрёк:

— Имею честь доложить, что никаких происшествий не было.— Затем покосился на шары и добавил: — Шары стоят на месте, и арестованные тоже на месте.

— Выпустить арестованных! — приказал Великий Порок.

Толпа замерла. Дубоголовые бросились к шарам, повернули их дверцами к публике и сняли крючки. Однако никто не подумал оттуда выйти. Шары начало мелко трясти, словно их лихорадило. Тогда Великий Порок взмахнул рукой, и дубоголовые, распахнув дверцы, силой выволокли из

шаров скрюченных в три погибели Зазная, Лень и Неуча. Арестанты стали махать руками и топтать ногами, чтобы размяться. Они походили на безобразных птиц, только что вылупившихся из огромных цветных яиц. В следующую минуту все трое молча рухнули на колени. На лицах зрителей появилось недоумение. Но сам правитель вдруг просиял. Показав рукой на дрожащих от страха Зазная, Лень и Неуча, он громогласно объявил:

— Чудесное превращение свершилось! Мои шары-одиночки превзошли все ожидания: они сразу изготавливают зазнаев, ленивцев и неучей!..

Но его перебил Зазнай. Не разобрав от волнения, что сказал Великий Порок, он взмолился:

— Пощади, о Великий Порок! Нас обманули! Они...

— Как?! — заревел Великий Порок. — Разве вы — не они?

Зазнай, Лень и Неуч в один голос признались:

— Нет, это мы...

— А где же они?

Но тут земля содрогнулась от могучего грохота, и над головами жителей Серого Свинуса, сверкая огненным хвостом, понеслась ввысь прекрасная ракета.

Когда шум утих, Зазнай показал рукой на небо и сказал:

— Вон они...

Великий Порок вцепился было в остатки волос на своей голове, но вдруг успокоился, и на его лице появилась коварная улыбка.

— Ну, что ж, — сказал он. — Им удалось улететь, но они не скоро забудут меня и нашу планету!

Толпа расходилась, а в небе таяло облако, оставленное улетевшей ракетой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НА КРЫЛАТОЙ ЗВЕЗДЕ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

*О космограмме Мечты.
Во дворце учёных пионеров
неожиданное беспокойство*

Ещё в самом начале истории, когда ракета оторвалась от горы Иглы, на Крылатой звезде была получена космограмма:

НА ВАШУ ПЛАНЕТУ ОТБЫЛИ ТРИ ПИОНЕРА ТЧК ПРО-
ШУ ОКАЗАТЬ ТЁПЛЫЙ ПРИЁМ ТЧК МЕЧТА

И вот, поскольку делегация состояла из школьников, наблюдение за ракетой и встречу гостей поручили центральному дворцу учёных пионеров. Учреждение это было красой и гордостью планеты, замечательной лабораторией юных талантов.

Украшением дворца являлся его главный зал, на стенах которого красочно изображались трудовые и научные подвиги жителей Крылатой звезды. На верхнем карнизе шли полёты их первых космонавтов и звёздные открытия, научные же подвиги хозяев дворца красовались внизу, на уровне пионерского роста. Правда, если внимательно приглядеться, то здесь можно было обнаружить и пририсованных от руки чёртиков, и простейшие арифметические действия, вроде «Вова + Мила...». Но ведь это могли сделать и думающие машины — киберы. Большие и малые, с рычагами, напоминавшими руки и ноги, они стояли вдоль стен, быстро вслух что-то подсчитывая и перемигиваясь разноцветными лампочками.

В потолке зала был широкий раструб, так называемая ракетная шахта. Через неё прямо в зал

могли опускаться небольшие космические корабли. Ведь дворец пионеров имел свою эскадру научно-испытательных и спортивных ракет.

В главном зале ребята вели тщательные наблюдения за движением ракеты. Здесь было шумно и празднично. У главного пульта дежурная бригада пыталась вычислить точное время прибытия гостей.

Юные учёные и весь пионерский актив надевали белые нарядные костюмы и шапочки, а ответственная за санитарное состояние дворца, Жанна Птицына, гладила ребятам галстуки. Делала она это не утюгом, как у нас, а специальным галстучным прессом. Это было очень полезное изобретение. Скажем, ты вытащил галстук из кармана. Его, конечно, в таком виде повязывать нельзя — он напоминает прошлогоднюю розу. Тогда берёшь, кладёшь его на маленький треугольный столик, расправляешь, нажимаешь кнопку — жжжж! И галстук как новенький... Правда, эта прекрасная машина скоро будет не нужна. Уже появилось в газетах сообщение, что на Крылатой звезде в ближайшие дни начинают выпускать немнущиеся пионерские галстуки. Материя, из которой они сделаны, будет чернилоотталкивающей, и, стало быть, чернильных пятен на них тоже никогда не будет. Но пока что Жанна трудилась у пресси.

В главный зал был приглашён самодеятельный пионерский оркестр электронных инструментов. Сейчас он репетировал встречный марш и монтаж из лучших земных пионерских песен, начиная от «Здравствуй, милая картошка!»

Не удивительно, что ответственному за встречу — Мише Кометову — приходилось буквально разрываться, чтобы сохранить порядок в своём коллективе.

— Прекратите игры! — то и дело требовал

он.— Кончайте беготню и галдёж!.. Сколько я должен просить: выключите малые экраны и перестаньте смотреть мультипликаты! Неужели для этого нет другого времени?..

Да, учёные пионеры были очень возбуждены.

Вдруг над главным наблюдательным пунктом зажглась красная лампочка и по залу пронёсся тревожный сигнал. Это означало «ЧП», то есть чрезвычайное происшествие. Ребята моментально умолкли.

— В чём дело? — спросил Миша, подбегая к дежурным.

Бригадир наблюдателей растерянно сообщил:

— Всё было очень хорошо, ракета шла точно по курсу и сделала остановку на контрольно-пропускной межпланетной станции. Но как только стартовала оттуда, пропала из поля зрения... У нас работают все приборы, все межпланетные локаторы, но на трассах к Крылатой звезде нигде ракеты нет!.. Я даже не знаю, что теперь делать! — виновато сказал бригадир.

Но Миша не растерялся. Он включил видеофон, и на экране показалась приёмная президента Академии наук. Секретарь вежливо спросила:

— Что вам нужно, ребята?

— Простите, пожалуйста, за беспокойство, — вежливо сказал Миша. — У нас к президенту очень важное дело! Всего на одну минуту.

— Хорошо, я сейчас передам ему.

Секретарь вошла в кабинет, и скоро на экране появился сам президент.

— Привет юным учёным! — весело сказал он, внимательно, по-хозяйски оглядывая зал и ребят.

Здесь следует сказать, что президент всепланетной академии одновременно был и главным министром по детской работе. И это не случайно. Василий Иванович очень любил ребят, был в своё

время пионервожатым и по сей день помнил торжественное обещание и все пионерские песни. Как положено академику, он имел высокий чистый лоб, а как лицо, ответственное за детскую работу,— весёлые глаза и задорную улыбку.

— Василий Иванович,— сказал Миша,— помогите, пожалуйста.

— Что случилось?

— Наш наблюдательный пункт потерял ракету.

— Ай-ай-ай! — покачал головой президент.— Что ж это вы, друзья, с такой пустяковой задачей не могли справиться?! — Но тут же успокоил ребят.— Ничего, бывает. Сейчас мы вам поможем... Да, кстати,— президент на миг призадумался и обратился к Мише.— Как ведут себя ваши машины?

Миша оглядел неожиданно притихший строй дворцовых киберов и, пожав плечами, ответил:

— Вроде нормально.

— Добро,— сказал президент,— а то эти думающие машинки слишком много о себе стали думать. Вчера в одном научном учреждении какой-то кибер новейшей марки заявил, что они теперь главней людей. Безобразие! — возмутился Василий Иванович, но тут же махнул рукой и закончил так: — Ну, да ладно, сейчас займёмся вашей ракетой. На поиски потребуется минут пять. Ожидайте.

И экран погас.

Оркестр перестал репетировать, ребята притихли. Время тянулось как никогда долго.

Наконец экран снова зажёгся и на нём появилось лицо президента.

— Друзья мои,— грустно сказал он.— Дела плохи! Наши космические посты тоже не могут обнаружить ракеты.— Он тяжело вздохнул и

предложил.— Ну, раз такое дело, давайте искать вместе.

Всё это происходило именно тогда, когда ракета с украденным Тимкой, оторвавшись от межпланетной станции, взяла курс на Серый Свинус — в далёкую, заброшенную галактику. Но сейчас она уже благополучно неслась к весёлому сиянию Крылатой звезды.

Первые минуты её полёта прошли в молчании. Тимка на этот раз первым уселся в кресло и прочно пристегнулся ремнями. А дядюшка Робот устроился прямо на полу, так как свободных кресел не было. Он сидел призадумавшись, вспоминая день своего появления на свет. Тогда он был немножечко бракованным, но всё же пружины могли подбрасывать его до самого потолка. Эти мысли пришли ему в голову потому, что наступила невесомость и он не заметил, как поднялся вверх и ударился головой о потолок.

— Эй, братцы, бросьте... чик-чирик, дурить! — недовольно проворчал он.

— Мы ничего не делаем,— сказал Павлик, глядя на висящего Робота.— Это вы от невесомости очутились под потолком.

Но Робот почему-то ничего не ответил. Он переводил удивлённый взгляд то с Павлика на Зорю, то с Зори на Тимку и при этом тщательно противрал свой единственный глаз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О том, к чему привела «дедуляция» и «бабуляция». Встреча на орбите

Ещё минуту растерянно смотрел дядюшка Робот на ребят и наконец промолвил:

— Что с вами, чик-чирик, случилось? Или, может быть, чирик-чик, это не вы?

Путешественники переглянулись и сами застыли от удивления и испуга. Все трое: Павлик, Тимка и Зоря — буквально на глазах превращались в стариков. У Павлика и Тимки росли седые бороды и усы, у Зори появились на лице сотни морщинок, а волосы поседели. Тимка в своём халате и колпаке выглядел дедушкой-гномом, а Павлик и Зоря — старик и старушка — были в пионерских галстуках.

— Ой, что с вами?! — воскликнула Зоря. У неё не было ни усов, ни бороды, и она ещё не почувствовала в себе перемены.

— А... а что с тобой? — в свою очередь спросил у неё Павлик.

— Со мной? — неуверенно пожала плечами Зоря. — У меня же нет бороды...

Она провела рукой по лицу и заохала, закричала, как все старушки.

Дядюшка Робот оттолкнулся от потолка, плавно опустился вниз и, дёрнув легонько Тимку за бороду, спросил:

— А у меня, братцы, того, чик-чирик, ещё нет этой самой, чик-чирик, — бороды? — И он взволнованно посмотрел своим единственным глазом в глаза друзей.

— Конечно, нет, — сказал Павлик и невольно улыбнулся, потому что представил себе на минутку Робота с бородой. — Откуда она у вас может быть, ведь вы не сидели в этих чёртовых шарах-одиночках...

— Эге, — покачал головой Робот. — Выходит, эти свинусы действительно приобрели какое-то чудо! Иначе откуда сразу взялась эта дедуляция и бабуляция?

— Стой! — дёрнул себя за бороду Павлик. — Как вы сказали?

— Я сказал «дедуляция и бабуляция».

— Всё ясно. Мы же пили там какой-то «дедулин».

— Ну да... кахи-кахи,— закашлялся по-стариковски Тимка.— У меня и сейчас от этого «дедулина» горько во рту.

— Только не «дедулин» он назывался,— шамкала Зоря,— а «бабулин».

— Ага,— печально закачал головой Павлик,— скажи спасибо, что тебе достался «бабулин», а не «дедулин», не то б и ты сейчас ходила с бородой...

Только теперь они поняли, почему все жители Серого Свинуса — и замухрышки, и пещерные жители, и самоуважайцы, бородатые и безбородые — кряхтели, охали, шамкали беззубыми ртами и ничего не помнили. Все они были просто старичками, а вернее, преждевременно постаревшими детьми. Ведь каждый час, проведённый в лени, невежестве и зазнайстве, отбирает годы...

— Ох, глядите, глядите! — захохла вдруг Зоря и протянула руку к иллюминатору.— Какая красивая!..

И все увидали яркую планету, окружённую радужным сиянием.

— Это она! — воскликнул Павлик.— Разве ты не узнала Крылатой звезды?

Теперь уже отчётливо стали видны крылья планеты и даже крохотные ракеты и спутники, которые несли службу на её космических орбитах.

Именно в этот миг во дворце учёных пионеров на экранах наблюдательных пунктов снова появилась ракета. Зазвонили радиотелефоны, быстрее защёлкали киберы, ярче замигали лампы приборов.

На экране видеофона снова появилось лицо президента, и голос его спокойно произнёс:

— Это, конечно, она! Вы наблюдаете?

Сам президент внимательно следил за приближением необычной ракеты.

— Прекрасный аппарат! Несколько старомодный, но прекрасный! — затем перевёл взгляд на ребят и спросил: — Как вы, друзья, собираетесь поступить?

— Встречать на орбите, — ответил Миша. — Вышлем десять ракет для встречи и эскортирования¹.

— Молодцы, правильно! — одобрительно кивнул президент. — Только я прошу держать меня в курсе дел.

— Хорошо, Василий Иванович, обязательно!..

Миша тут же повернулся к ребятам и скомандовал:

— Становись!

На этот раз призывать к порядку не пришлось. Ребята быстро и чётко разобрались по звеньям и построились.

— Для встречи выделяется первое звено! Ракеты — спортивные, праздничные! — распорядился Миша.

Десять пионеров — пять мальчиков и пять девочек — построились и быстрым шагом удалились из зала-лаборатории. Не прошло и минуты, как слышались мягкие приглушённые взрывы и десять стремительных полос перечеркнули наблюдательные экраны.

— Оркестру приготовиться! — скомандовал Миша.

* * *

Прильнув к иллюминатору, Павлик воскликнул.

— Смотрите! Смотрите! К нам приближаются какие-то ракеты!

---

¹ Э с к о р т и р о в а н и е — сопровождение.

Зоря забыла, что она теперь бабушка, а не девочка, и запрыгала в кресле, захлопала в ладоши:

— Ой! Ох! Какие красивые ракетки! Всех цветов! Красные, синие, жёлтые. Раз, два... четыре... семь... Их ровно десять!

— Вот мы и прилетели,— грустно сказал Павлик.— Что нам теперь, бородатым, здесь делать?

— Чик-чирик! — сказал Робот и развёл руками.

— Вот именно, чик-чирик...

Десять разноцветных лёгких ракет вышли на орбиту. Они приблизились, и в кабине зазвучал динамик. Отчётливый голос произнёс:

— Мы эскорт! Мы будем сопровождать вас до планеты. Добро пожаловать на Крылатую звезду! Начинайте спуск!

Павлик посмотрел на друзей, как бы спрашивая их согласия, и дрожащей рукой нажал кнопку «ВНИЗ». И сразу же из динамика полилась торжественная музыка. Это был встречный марш, который исполнял оркестр дворца.

Скоро кольцо эскортирующих ракет сузилось и направило машину гостей прямо ко дворцу учёных пионеров. Тормозные устройства сработали, и вся эскадра очутилась над большой крышей, которая напоминала одновременно спортивный стадион и аэродром. Цветные ракеты мягко опустились на металлический круг — приёмную площадку, а мощный направляющий поток воздуха втянул ракету гостей в раструб шахты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

О бородатых пионерах и чучелах из музея древностей

Дружина дворца, в белых праздничных костюмах и галстуках стояла в ровнейшем строю. Щёки и уши учёных пионеров горели от возбуждения.

«Здравствуй, милая картошка!..» — грянул оркестр. В тот же миг распахнулись дверцы ракеты, и по лесенке один за другим начали спускаться гости.

«Пионеров идеал...» — чуть тише сыграл оркестр, и лица хозяев вытянулись от удивления. Перед строем юных жителей Крылатой звезды стояли старичок и старушка в пионерских галстуках, бородатый гном в длиннополом халате и старомодный одноглазый робот.

Неловкое молчание нарушил Миша. Он приветливо улыбнулся и лихо выкрикнул:

— Пионеры, к борьбе за дружбу и науку будьте готовы!

— Всегда готовы! — грянуло в ответ, и руки взметнулись в едином салюте. Павлик и Зоря невольно тоже ответили салютом и скромно, постарчески прокряхтели:

— Всегда готовы!

— Чик-чирик! — за компанию сказал дядюшка Робот.

В строю раздались смешки.

— В чём дело? Прекратить! — прошипел Миша и побежал вдоль строя.

Как ни тяжело было на душе у путешественников, они не смогли скрыть своего удивления. Все встретившие их мальчишки и девчонки были точно как земные: и курносые, и вихрастые, и раскосые, и ушастые, и рыжие, и чёрные...

Павлика огорчило только то, что на добром

десятке носов он увидел обычные веснушки. Ведь он искренне полагал, что в будущем их уже не будет. А тут у самого Миши Кометова из-за веснушек носа не разглядеть...

Наконец Миша успокоил дружину и снова обратился к гостям:

— Дорогие гости! Мы рады принимать в своём дворце представителей далёкого прошлого и видеть их в полном здравии и благополучии!..

— Кахи!.. Кахи!..— дружным кашлем отозвались юные старички.

Миша Кометов продолжал:

— Мы видим, дорогие гости, что вы с гордостью сохранили своё пионерское звание до глубокой старости.

Тут Павлик не выдержал и поднял руку. Миша Кометов прервал свою речь и вежливо спросил:

— Что хочет сказать наш почтенный гость?

— Я совсем не почтенный,— ответил Павлик.— То есть мы все трое — это совсем не мы... То есть вообще это мы, но мы совсем не такие, мы тоже юные... кахи-кахи. Понимаете, юные пионеры.

— Не понимаем! — сказал Миша и посмотрел на свою дружину. Дружина вся как один пожала плечами.

Тогда выступила вперёд бабушка Зоря и не спеша, как всякая бабушка, обстоятельно повела рассказ. Когда же дело дошло до Тимки и его знакомства с тремя безобразными чудовищами — Зазнаем, Ленью и Неучем,— юные учёные от любопытства раскрыли рты.

— У нас есть вопрос! — немного смущаясь, сказал Миша Кометов.— Мы хотим знать, действительно ли вы видели Зазная, Леня и Неуча собственными глазами?

— В полный рост, во всём безобразии, кахи-кахи! — закивал головой Павлик и в свою очередь спросил: — А разве никто из вас не встречался с ними?

— Как сказать... Но, видите ли... — Миша Кометов стал подыскивать слова. — В таком виде, то есть живыми — не встречали. Мы их видели только в историческом музее... уже в виде чучел.

Вдруг один из юных учёных сказал:

— Они у нас во дворце тоже есть, в уголке древних пережитков. Сейчас их доставят сюда. — И он побежал к ближнему пульту.

Не успел он вернуться на место, как в стене откатилась дверка и в зал на тележке въехали Лень, Зазнай и Неуч.

— Ай! — закричал Тимка и бросился бежать, но запутался в полах своего халата и растянулся на полу.

Ребята бережно подняли его и усадили на стул. Только теперь Тимка разглядел, что это были всего лишь чучела. Откровенно говоря, дрожь малость пробрала и Павлика, и Зорю, и даже дядюшку Робота, настолько эти чучела напоминали настоящих Зазная, Лень и Неуча.

Когда все успокоились, Павлик прокашлялся и спросил:

— Значит, они у вас живыми не водятся?

— Нет, — сказал Миша. — У нас им уцепиться не за кого: ребята, в основном, стойкие. Ну, а на тот случай, если из кого-нибудь захочет вылезти нарушение, у нас всюду поставлены специальные предохранители.

— Да-а, — печально затряс бородой Павлик. — С этими нарушениями беда: не успеешь подумать, а оно из тебя прыг — и ты виноват... А что это за предохранители? — поинтересовался он.

— Ну, это вроде электрических пробок, —

объяснил Миша.— Скажем, только ты думаешь совершить какой-нибудь проступок, они моментально срабатывают: раздаётся звонок или загорается цветная лампочка. Это значит: «Стой! Подумай! Прекрати!..» — Миша немного смутился и добавил: — Конечно, это только для тех, кто не достиг совершеннолетнего возраста. Взрослым они не нужны... Да, интересно знать, где сейчас обитают такие огромные Зазнаи, Лени и Неучи?

Он махнул на чучела рукой, на пульте нажали кнопку, и тележка с музейными экспонатами укатила из зала.

Тут уж Павлик продолжил рассказ. Весьма красочно он описал планету Серый Свинус, её обитателей и правителя — Великого Порока Разгильдяя Третьего. Закончил он словами:

— Вот оттуда мы сейчас и летели к вам с дядюшкой Роботом.

— Ах, так вот оно что! — воскликнул Миша.— Теперь ясно, почему вы исчезли с поля зрения. Эта дрянная планета и вся галактика, где она находится, давно сняты с наблюдения, как ненужные, ушедшие в прошлое. Наша аппаратура их просто не регистрирует.

Юные учёные зашумели, заспорили. Миша Кометов в азарте взмахнул руками, музыканты решили, что это команда «играй!», и дружно грянули космическую полечку под названием «Три звезды».

В этой весёлой кутерьме гости выглядели очень печально. Они сняли пионерские галстуки и, сгорбленные, седые, стали думать о своей горькой судьбе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,

*в которой на помощь спешит медицина.
Дядюшка Робот попадает в надёжные руки*

Миша немедленно прекратил музыку. Юные жители планеты, хозяева чудесного дворца учёных пионеров, серьёзно задумались. Ещё бы, ведь их новых друзей постигла беда. Да и разве можно было не огорчиться, глядя, как мучаются пионерские души в бородатых старческих оболочках?

Актив дворца немедленно бросил клич: «Люди в беде!». Срочно собрался учёный совет. Но, как ни бились юные учёные, ничего придумать не могли. Они никогда не слыхали о «дедулине» и «бабулине».

Тогда Павлик попытался им помочь. Он попросил слова и сказал:

— А если позвать врача. У нас, может быть, какая-то болезнь?

— Болезнь? — очень удивились юные учёные.

— Ну да. А что тут странного? Разве у вас не болят?

— Конечно, нет,— сказал Миша Кометов.— У нас никто не болеет, и врачей у нас уже нет...

Миша был не на шутку расстроен. Но тут один из ребят хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Есть! Вспомнил! Конечно, есть! Прекрасные, последние старые профессора! Они охраняют свои докторские архивы и пишут воспоминания об исчезнувших болезнях.

Актив оживился. Стали усиленно припоминать фамилии бывших знаменитых профессоров медицины. Были названы профессора: Микробомбоев,

Аппендикс-Удалилов, Корень-Пломбицкий, Нервик и Мокроносов.

Миша тотчас же распорядился пригласить их всех во дворец, напомнив, чтобы сделали это очень вежливо.

Тем временем дядюшка Робот стал гулко переминаться с ноги на ногу. Когда на него обратили внимание, он робко сказал:

— Я тоже, чик-чирик... не против подлечиться. У меня, ребята, все шестерёнки чик-чик... чирик-чик... чикирик, чикрик, чик-чик-чик...

И он, вытянув шею, залился металлическими трелями, как певчая птица. Бедняга Робот расставил руки и даже завертелся на месте. Павлик и Зоря очень испугались. Они бросились к своему железному другу, но, к счастью, чириканье его отпустило.

— Пожалуйста,— попросила бабушка Зоря.— Исправьте его! Посмотрите, как он, бедный, мучается. Его годами не смазывали и не чинили...

Хозяева обрадованно зашумели и тотчас же объявили, что это дело пустяковое, что во дворце работает малышейвый технический кружок и что лучших «врачей» для этого самодельного Робота не найти.

Немедленно были вызваны умельцы из технического кружка. Не прошло и минуты, как в зал въехала белая тележка на крохотном атомном моторчике. На ней стояли трое ребятешек в синих комбинезончиках и держали обычные носилки. Ребятишки были, очевидно, первоклашки, лет по семи-восьми. Павлик и Зоря переглянулись. «Неужели дядюшку Робота доверят этим стригункам? — подумали они.— Наши в этом возрасте умеют только разбирать да терять части...»

Миша Кометов коротко и чётко объяснил маленьким мастерам задание. Те, радостно сияя глазами, заявили, что сегодня же разберут Робота

на самые мелкие части и вернут его как новенького. Они приказали дядюшке Роботу:

— Укладывайтесь!..

Тимка, как только услышал о врачах и профессорах, совсем потерял присутствие духа. Поэтому провожать дядюшку Робота пошли только Павлик и Зоря.

— Не волнуйтесь, будьте мужчиной! — сказал дядюшке Роботу взволнованный Павлик.

Ему самому так говаривал отец, когда надо было проглотить горькую пилюлю или поставить пломбу в зуб. Зоря ж незаметно смахнула слезу и тоже сказала:

— Мы навестим вас... Обязательно навестим!..

Она хотела ещё сказать много хороших слов, но побоялась, что разревётся. А седой старушке перед пионерами плакать не к лицу.

Но дядюшка Робот держался молодцом. Он как можно веселее подмигнул своим электроглазом и сказал:

— Обо мне, чик-чирик, не беспокойтесь. Если я на Сером Свинусе не погиб, то здесь и подавно не пропаду. Последний раз говорю «чик-чирик»! Больше, как соловей, петь не буду... и даже курить брошу.

Эти слова он говорил, когда тележка уже отъехала.

Вдруг во всех динамиках слышались звуки сирены, очень похожие на сигналы скорой помощи, и по экранам помчались белые и красные полосы. Миша Кометов многозначительно посмотрел на гостей и сказал:

— Едет профессура!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,
в которой профессор Нервик
берётся спасти Тимку

В зал вошли человек восемь профессоров и четыре санитаров с чемоданчиками. Всё это шествие заключала перевозная рентгеновская камера для просвечивания больных. Гордо поднятые головы, глаза и улыбки профессоров красноречиво говорили: «Ага, вот мы и пригодились! Мы ещё нужны человечеству!»

Конечно, на Крылатой звезде они выглядели очень старомодно, потому что носили пенсне и бородки клинышком.

— Ну, здравствуйте, молодые люди! — от имени всей лечебной бригады сказал профессор Микробомбоев. — Что тут произошло?

Он пристально посмотрел на бородатых больных, очень удивился и заявил:

— Это, любезные, какая-то ошибка: мы врачи, а не парикмахеры!..

Хозяева наперебой стали рассказывать озадаченным профессорам, откуда взялись эти бороды и седые косы.

— Ах, вот оно что!.. Тэк-с, тэк-с, тэк-с... — профессора ухватились за свои собственные бородки и стали загадочно переглядываться.

— Это, почтенные, редчайший случай в нашей практике! — заявил профессор Микробомбоев. — Что вы скажете, коллеги?

Вперёд выступил профессор Корень-Пломбицкий.

— Я удалил тысячи порченных молочных зубов, — сказал он. — Но ни у одного ребёнка не видел бороды!

Профессор Аппендикс-Удалилов заявил следующее:

— Я, правда, в лица редко смотрел, всё больше в живот заглядывал, но, признаться, тоже удивлён.

— С ума сойти! — воскликнул профессор Нервик.— Дайте мне порошок от головной боли!.. Нервы не выдерживают! Подумать только — борода! У меня она появилась только тогда, когда я стал профессором...

Профессор Мокроносов, специалист по насморкам и гриппам, тоже выразил своё удивление.

Наконец профессура приступила к обследованию больных. На столах аккуратно были разложены необходимые медицинские инструменты, рентгеновская камера открыта и включена в электросеть.

— Итак, приступим! — протирая спиртом руки, сказал профессор Микробомбоев.— Прошу больных раздеться до пояса!

Хозяева сразу отвернулись. Павлик и Зоря без церемоний исполнили приказание, а беднягу Тимку раздевали санитары: он был в полубморочном состоянии.

Больных выстукивали, прощупывали, смотрели им языки, измеряли температуру, просвечивали в рентгеновской камере, брали на анализ волосы из бороды.

— Тэк-с, тэк-с, чудесно! — приговаривали профессора.— Всё ясенько! — Потом собрались в тесный кружок, пошушукались и в результате заявили, что лично они и медицина ничем не могут помочь. Явление это неизвестное и неизученное. И развели руками.

Учёные пионеры печально опустили головы и притихли. Но взволнованный Миша Кометов не мог успокоиться. Он посмотрел на скрючившегося от страха Тимку и сказал врачам:

— Один из наших гостей всё время нервни-

чает и плохо себя чувствует. Может быть, хоть ему поможете?

— Позвольте, коллеги! — выступил вперёд профессор Нервик. — Это касается меня. Нервы — по моей части.

Он нащупал на Тимкиной руке пульс, внимательно посчитал его и сказал:

— Всё ясно, друзья! Дело поправимое. У этого молодого, то есть пожилого пионера небольшое потрясение. Это случается, когда человек попадает в новую обстановку. Нервная система слабая, фантазия отсутствует, вот и результат. Его срочно нужно отправить в обычную для него среду, к людям, которых он легко понимал бы, чтобы вокруг не было сложных машин, а только понятные для него вещи. Короче, его следует немедленно отправить в показательный детский сад № 7.

Профессор что-то шепнул санитарам, и Тимка мгновенно очутился на носилках. Павлик и Зоря бросились вдогонку за санитарями.

— Прошу не волноваться! — остановил их профессор. — Ваш друг не пропадёт, скоро вы увидите его вполне здоровым! Прощайте!

Профессура раскланялась и удалилась. Вслед за ней унесли медицинскую аппаратуру.

Павлик и Зоря тревожно переглянулись и подумали:

«Пропадёт наш Тимка, не сладят с ним санитары! Если они хоть на миг зазеваются, он сбежит. А потом потеряется в огромном неизвестном городе». Но говорить об этом было уже поздно. И ещё они подумали о том, что лично им помощи ожидать неоткуда.

Да, попасть на такую удивительную планету и одновременно так пострадать — было очень обидно... И вот именно тогда, когда Павлик и Зоря сказали себе: «Ну, что ж, ничего не попишешь!» — появилась надежда.

Об единственном средстве от старости

— Кха, кха,— вдруг сказал динамик, и все повернулись к большому экрану видеофона. Оттуда на ребят задумчиво смотрел президент. Он медленно качал головой, и стёкла его очков поблёскивали.

— Зря вы, братцы, медицину беспокоили,— сказал он.— В этих случаях она всегда была бессильна. Ведь наши гости побывали на Сером Свиносе — этом отвратном болоте застоя и невежества. А, как известно, всякая серость и свинство очень старят людей, даже школьного возраста.

Взволнованный Миша не сдержался:

— Но мы обязаны им помочь! Ведь они находятся на Крылатой звезде!

— Вот именно! — очень серьёзно сказал президент.— На Крылатой звезде! В этом их единственное спасение! Только наша планета может вернуть им молодость. Пусть они поближе познакомятся с нею, пусть посетят наши чудесные страны: Пурпурную, Зелёную, Голубую! Лучших курортов для этой болезни они не найдут. Ну, а если при этом они совершат у нас по одному доброду, седины и морщины как ветром сдует!

Президент весело рассмеялся и спросил у гостей:

— Ну как, вы готовы к путешествию?

Хозяева дворца радостно зашумели, а из всех динамиков, какие только были во дворце, слышались взволнованные голоса:

— Пусть поскорей приезжают к нам!

— Ожидаем дорогих гостей!

— Мы поможем пострадавшим на Сером Свиносе!

Оказывается, за этими событиями по радио и телевидению следила вся планета. Когда же президент подсказал способ лечения, жители Крылатой звезды стали радушно и настойчиво приглашать пострадавших к себе. Они не могли жить спокойно, если на планете терпел бедствие хоть один человек.

Растроганные Павлик и Зоря стали благодарить за заботу.

Тогда президент сказал:

— Счастливого пути! Скоро вы снова наденете красные галстуки! — и вдруг он добавил: — Жаль, если б не эти киберы, я поехал бы с вами...

Экран видеοфона погас.

Не прошло и минуты, как Миша Кометов торжественно сообщил:

— Всё в порядке! Сейчас отправимся в лечебный путь. Это будет чудесное путешествие, и полетим мы на очень интересном аппарате, прапраправнуке ковра-самолёта. Только наш дворец пионеров имеет такую сказочную машину... Айда за мной! — И он направился к двери с надписью «СТАРТОВАЯ».

В комнате, куда всех привёл Миша, Павлик и Зоря поначалу ничего удивительного не заметили, разве только, что пол здесь действительно был устлан ковром. Двенадцать удобных кресел окружали небольшой столик с такими приятными вещами, как пирожные, фрукты и бутылки с лимонадом.

Чтобы гостям в дороге не было одиноко, Миша прихватил десяток своих ребят — весёлую компанию. Справа от Зори сел очень вежливый и услужливый паренёк с белокурыми волосами, а слева — непоседа, с глазами колючими, как ёжики.

— Внимание! — сказал Миша Кометов. — Сейчас отправляемся. — Затем он обратился к

Павлику и Зоре: — Дорогие гости, ваше дело смотреть и ни о чём не беспокоиться. Можете не держаться за ручки кресел: их механизм не даст вам упасть. Я не спрашиваю, боитесь ли вы. Всем ясно, что вы ребята смелые... Итак, внимание!

Он нажал кнопку на ручке кресла. Послышалось лёгкое гудение, которое сразу перешло в тихую мелодию. Оказывается, здесь уже давно шумы моторов перерабатывали в музыку. Это было намного приятней какого-нибудь шипения или рёва.

Павлик и Зоря были готовы к любым открытиям, но то, что последовало за музыкой, замечавшей рокот, превзошло все ожидания. Передняя стена комнаты опустилась, две боковых — раскрылись, как обложки большой книги, и пол, устланный ковром, мягко покачиваясь, выплыл на широкий воздушный простор.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Об ужасном происшествии в классе

Когда Павлик и Зоря летели сюда на своей ракете, им некогда было смотреть по сторонам. А сейчас они удивлялись неимоверному множеству летающих машин, предметов и даже зданий. Небо над городом напоминало слоёный пирог, потому что летающие аппараты располагались в воздухе ярусами. Над самой землёй носились машины на воздушных подушках, а винтовые и реактивные — поднимались выше.

Кроме везделётов, вертолётов и пассажирских ракет, в небе носились всевозможные киоски: газетные, продуктовые, с прохладительными напитками, с кондитерскими изделиями, мороже-

ным, фруктами. Летали специальные магазины по доставке продуктов на дом и на другие планеты.

Выше всех в небе плавали огромные стеклянные шары, несколько приплюснутые с полюсов. Внутри каждого из них можно было разглядеть лёгкое светлое здание. Сейчас эти шары выстроились в очередь и стали быстро приближаться к «ковру-самолёту».

— Что это такое? — спросил Павлик, с интересом разглядывая их.

— Это?! — удивился Миша Кометов. — Это школы.

— Школы?! — вместе переспросили Павлик и Зоря. — Но почему же они так высоко? И вообще, почему они в воздухе?

— Странно, я думал, вы знаете, — ещё больше удивился Миша и стал объяснять. — Такие школы очень удобны для занятий. Понимаете, там, на высоте, ничто не отвлекает от учёбы. Светло, абсолютная тишина, свежий воздух; кинотеатры, стадионы и мороженое далеко. А когда школа стоит просто на земле, то на перемене можно выбежать на улицу, повернуть за угол, заблудиться и не вернуться на уроки. Здесь этого не случается...

Пока он рассказывал, вокруг «ковра-самолёта» образовалась воздушная сутолока. Тысячи любопытных и сочувствующих старались хоть одним глазком посмотреть на гостей из прошлого. Летающие светофоры тревожно мигали разноцветными глазами и человеческими голосами требовали:

— Граждане, не нарушайте правил воздушного движения! Помните: небо — не улица!.. Не задерживайтесь!

Порядок в небе скоро был восстановлен, и только школы-шары медленным хороводом кру-

жились вокруг «ковра-самолёта». Об их стеклянные стены были расплющены сотни, а может и тысячи ученических носов, сотни, а может и тысячи любопытных глаз смотрели на необычных гостей. Там же, за спинами школьников, стояли учителя и, как видно, что-то им объясняли.

Павлик и Зоря сидели смущённые, и, хотя любопытство раздирало их на части, они боялись взглянуть на своих инопланетных ровесников.

— Как неловко! — шепнула Зоря.

— Ну да, наверное, думают, что мы какие-нибудь серые свинусы, а не настоящие ученики... Проклятая борода! — бурчал Павлик, теребя свою бороду.

Но слова Миши Кометова успокоили их.

— В честь вашего прибытия, — сказал он, — в школах прервали учёбу, и сейчас идут беседы о вашем подвиге!

— Подвиге? — удивилась Зоря. — Какой же мы совершили подвиг?

— Как это, какой?! Вы первые из ребят планеты прорвались в будущее! — сказал Миша и с уважением посмотрел на Павлика и Зорю. — Лучшая из школ просит, чтобы вы посетили её... Вот эта! — он указал на шар, вплотную подлетевший к их «ковру-самолёту».

— Мы, конечно, с радостью пойдём, — согласилась Зоря. — Но попросите, пожалуйста, чтоб мальчишки там не дразнились.

Вся компания смутилась:

— Что вы?! Как вы могли такое подумать?! — послышалось со всех сторон.

Наконец один из ребят сказал:

— В этой школе вот уже два года, как нет ни одного нарушения!..

Павлик очень удивился и спросил:

— А как это у них получается? Может, они не живые?

Но ответить Павлику не успели. Школа распахнула стеклянные двери и подала им лёгкий трап с поручнями.

Гостей встретили торжественно. Им долго аплодировали и кричали «Ура!». Когда же гости очутились в огромном светлом вестибюле с фонтаном, староста одного из классов пригласил их к себе на урок.

Тут как раз раздался звонок. Ученики зашумели и побежали по коридорам, как во всякой обычной школе. Однако и мальчишки и девчонки при этом не падали, не сшибались лбами, не теряли пуговиц от курточек и не смахивали с подоконников вазоны с цветами.

— Да! — с завистью вздохнул Павлик. — Хорошо, когда не получают нарушения!..

Наконец школа заняла в небе своё место — поднялась на высоту 184 метра. В классе, куда были приглашены Павлик и Зоря, начался урок космографии. Учитель, который вёл этот предмет, был невысоким симпатичным дяденькой. Он повесил на стену большую карту, усеянную звёздами, и спросил:

— Что я принёс?

Класс хором ответил:

— Карту Отечественной галактики!

— Совершенно верно, совершенно верно!..

Если помните, друзья, на прошлом уроке я вам рассказывал, что в нашей галактике образовалось новое содружество планет. Эти небесные тела были отсталыми, потому что дети там росли бездельниками, пропускали уроки и в результате вырастали плохими учёными, инженерами и плохими родителями. Они плохо воспитывали своих детей, и всё начиналось сначала. Теперь эти планеты взяли на себя обязательства побороть свою отсталость и догнать передовые. А передовые — взялись им в этом помочь. Такое со-

дружество называется НОС, то есть Новое Особое Содружество. Я полагаю, что вы урок выучили и сможете ответить на вопросы.— Он внимательно осмотрел весь класс и спросил: — Кто из вас скажет, сколько планет входит в НОС и какая из них назначена главной в содружестве.

Многие ученики подняли руки и, что удивительно, то же самое сделал Павлик. В голове его вдруг отчётливо прозвучал ответ на заданный вопрос.

Зоря испуганно заморгала глазами и зашептала:

— Ты что, с ума спятил?!. Опустим руку!

Но учитель уже направлялся к Павлику. Он улыбался и говорил:

— Я с радостью предоставляю слово нашему дорогому гостю... Простите, ваше имя, отчество?

Павлик покраснел, прикрыл рукой бороду и сказал:

— Меня зовут Павликом.

— Ах да, простите! — извинился учитель и виновато посмотрел на бородатого школьника.— Прошу к доске.

Павлик подошёл к доске, и в голове его снова, точно лампочка, вспыхнул ответ. Он бодро и чётко выпалил:

— В НОС входят 349 планет. Главной в содружестве назначена планета Школьника, добившаяся больших успехов в учёбе.

— Отличный ответ! — обрадовался учитель.— Может, вы нам покажете эту планету на карте?

— С удовольствием! — бодро согласился Павлик и снова отчётливо представил себе ответ.

Указав на небольшую жёлтую звёздочку, окружённую кудрявым сиянием, он сказал:

— Школьника — центр НОСа!

— Я очень рад и удивляюсь вашим познаниям! — развёл руками учитель.

«Ещё бы! — подумала Зоря.— Павлик, поди, сам ещё больше удивляется».

Учитель минутку подумал и снова обратился к Павлику:

— Если вы не возражаете, я задам вам ещё один совсем не сложный вопрос.

— Пожалуйста! — легкомысленно ответил седобородый ученик.

— Покажите на карте нашу Крылатую звезду, планету, на которой все мы сейчас находимся.

— Пожа...— начал было Павлик, но ответ в его голове вдруг погас, а в конце класса, на «камчатке», что-то тяжёлое упало на пол. Затем оттуда донеслось шушуканье. Учитель напомнил:

— Я слушаю вас!

Павлик с удивлением стал рассматривать непонятную карту и бормотать:

— Странная карта... Нигде нет надписей... Где здесь горы, где моря?..

Тогда учитель печально покачал головой и, посмотрев на «камчатку», строго приказал:

— Мыслишкин, сейчас же дай мне аппарат!

Все взоры устремились на худощавого веснушчатого паренька, который шёл с «камчатки» к столу, неся в руках маленькую белую коробочку.

— Простите меня, пожалуйста! — тихо сказал он, вручая коробочку учителю.

Но тот был не меньше смущён.

— Какая неприятность! — сказал он, не глядя на ученика.— В нашей школе — подсказки! Это неслыханно!.. Два года у нас не было нарушений дисциплины! — и, обращаясь к нарушителю, приказал: — Ученик Мыслишкин, оставьте класс и без родителей не являйтесь!.

Класс загудел, точно улей. Удручённый Мыслишкин, уронив голову на грудь, вышел.

Когда все успокоились, Павлик спросил:

— А почему я стою здесь, у карты?

— Вы отвечали урок.

— Я? — удивился Павлик.

— Ну да, вы разве не помните?

— Ведь я ничего не знаю! — сознался Павлик.

— Это обычный результат подсказки, — объяснил учитель. — Она держится в голове ровно одну секунду, а потом улетучивается, и голова, как была, так и остаётся пустой... Ах, Мыслишкин, Мыслишкин, эта неразумная доброта погубит его. Вот посмотрите, — учитель протянул Павлику белую коробочку с цветными кнопками. — С помощью этого аппарата можно принимать и передавать мысли на расстояние. Называется он — «Ухорот». Это очень примитивный самодельный прибор... Но у нас полагается думать головой и притом собственной! — Он сокрушённо вздохнул и добавил: — Мыслишкин им воспользовался, чтобы подсказать вам ответы...

У Павлика, который внимательно рассматривал волшебную коробочку, невольно вырвалось:

— А у нас в школах подсказывают просто так, шёпотом...

— О, это первобытный, варварский метод! — заулыбался учитель. — Я о нём читал. С последней парты подсказывают что-нибудь, вроде «Китайцы изобрели порох!», а отвечающий говорит: «Зайцы едят горох»... Испорченный телефон — и только!.. Мне очень неприятно, что вы попали в такую историю, и главное, где — в нашей школе!

Зоря поспешила успокоить учителя.

— Не волнуйтесь, пожалуйста! Мы это забудем так же, как Павлик забыл подсказки. А ваш

урок и всю школу мы будем вспоминать с удовольствием!

Тут как раз прозвенел звонок и за гостями явился Миша Кокетов. Павлик и Зоря распрощались с гостеприимной школой и перешли на «ковёр-самолёт», где их терпеливо ожидала вся компания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

О самых полезных в мире лучах и лучших в мире игрушках

— Железные ребята! — с восхищением сказал Павлик и даже прищёлкнул языком.

— Ты о ком это? — спросила Зоря.

— Об учениках этой школы.

— Что в них особенного? Ребята как ребята.

— Значит, ты ничего не поняла, — махнул рукой Павлик. — Подумай только, иметь для подсказывания такие чудесные аппаратики и за два года только один раз ими воспользоваться! И то, чтобы доставить удовольствие гостю... Мне этого Мыслишкина от души жалко, ведь он из-за меня пострадал... Да, железные ребята!

— Ничего в них железного нет, просто они очень сознательные. Ты, наверное, забыл, где мы находимся! — напомнила ему Зоря.

— Ах да! — сказал Павлик и пощупал свою бородку. — Что-то я не вижу результатов путешествия: борода моя на месте, а ты тоже не помолодела... Куда мы теперь летим?

Миша лукаво подмигнул:

— Известно куда, на главный курорт, в Пурпурную страну!

— Пурпурную? — переспросила Зоря. — А почему она так называется?

— Сами увидите,— улыбнулся Миша.

«Ковёр-самолёт» набрал скорость, и через минуту путешественники попали в розовый туман. Потом стремительно пробили толщу розовых облаков, и лишь тогда стало ясно, отчего здесь небо окрашено в необычный цвет. Под ними на земле как будто лежало пурпурное солнце. Оно бурлило, кипело, и тёплый воздух согревал путешественников.

— Жарко! — сказал Павлик.— Но дышится очень легко.

— Там, где плавят металл,— всегда жарко! — заметил Миша и лукаво посмотрел на гостей.— А трудовой воздух всем полезен, особенно розовые лучи.

— Значит, от них молодеют? — поспешно спросила Зоря.

— Безусловно.

И Зоря быстро-быстро стала дышать полезным трудовым воздухом. Потом она тихо спросила у Павлика:

— Посмотри, я уже помолодела?

Но вместо Павлика ответил Миша.

— Нет, это не так скоро делается. Вы ещё мало здесь побыли.

«Ковёр-самолёт» спускался ниже. Вот уже до них стал долетать мощный рокот и гул, и видно было, как внизу размашисто ходили могучие стрелы кранов. Из цехов, куда вливался расплавленный металл, бесконечным потоком выкатывались какие-то машины.

— Двести штук в минуту! — прокричал Миша.

— Ого! А где же рабочие?

Но вместо ответа Миша показал на прозрачную кабину, висевшую на стреле крана. Таких кабин было не больше десяти. Они носились над громадами цехов, появляясь то там, то

здесь. В них нетрудно было разглядеть человечков.

— Это все рабочие? — напрягая голос, спросил Павлик.

— Это — диспетчеры.

В эту минуту стрела крана поднесла к ним одну из кабин. Дверь её распахнулась, и симпатичный усатый дяденька в рабочем комбинезоне пригласил ребят войти.

Павлик с Зорей перекочевали в домик диспетчера. Как только дверь за ними захлопнулась, наступила полная тишина. Сквозь прозрачные стены ни шум, ни жара не проникали.

Дяденька диспетчер нажал кнопку, и они сразу очутились над огромным цехом.

— Пурпурная страна,— с гордостью сказал он,— делает для планеты всё, начиная от заводов и фабрик, кончая детскими игрушками! Хорошо, что вы к нам заглянули, здесь вы отлично подлечитесь.

— А что это у вас за рычаги? — забыв обо всём на свете, спросил Павлик.— Что вы с ними делаете?

— Выпускаю готовую продукцию. Сейчас увидите.— Диспетчер посмотрел на часы и сказал: — Подождём ещё полминутки. Смотрите вниз... Готово! — Он нажал на один, затем на другой рычаги, и тотчас же из ворот огромного цеха стали выкатываться новенькие машины. Ровно двести штук.

— Вот это здорово! — восхитился Павлик.

— Очень здорово, особенно для организма! — согласился диспетчер.— Когда поработаешь — чувствуешь себя легко и бодро. У нас теперь многие на этот курорт стремятся... Советую вам заглянуть в цех,— добродушно добавил он.— Вам, как гостям и пострадавшим, там даже поработать дадут.

Кабина диспетчера сразу очутилась возле эскалатора, ступеньки которого убегали вниз, в стеклянный цех. Дверь открылась.

— Ну, шагайте! Желаю вам скорейшего выздоровления! — сказал на прощанье дяденька диспетчер.

Оказывается, в цехе их уже ожидали.

— А-а, дорогие гости! — приветствовал ребят главный конструктор. — Закатывайте рукава да подходите поближе к горячему делу, пусть на вас побольше падает розовых лучей!

Несмотря на старческую ломоту в костях, Павлик и Зоря с азартом взялись за работу. Цех выпускал какую-то удивительную новую машину. Быстро освоившись, ребята нажимали нужные рычаги, включали рубильники, управляли ультразвуковым молотом.

Рядом с их цехом был единственный на планете цех ручного труда. Там работали молотками, напильниками, ножовками, клещами, но попасть туда было невозможно: в этот цех допускались только крайне нуждающиеся в труде.

— Ну вот, — сказал через час главный конструктор. — Теперь у вас и глаза блестят, и щёки порозовели, да и морщин вроде поубавилось.

— А моя борода? — тревожно спросил Павлик.

— К сожалению, ещё есть. Но ведь это не конец вашего путешествия.

И тут дедушка Павлик вдруг спросил:

— А где же игрушки? Нам сказали, что здесь их тоже мастерят.

— Совершенно верно. Становитесь ~~вон~~ на тот эскалатор и поезжайте в цех индивидуальных машин, там всё и увидите.

Павлик и Зоря сразу же побежали к эскалатору. Быстрая дорожка повезла их прямо в новый

цах, где на табличке значилось: «Цех индивидуальных машин и миниатюр».

— Может, мы не туда едем? — спросила Зоря.

Но Павлик не успел ответить. Дорожка стремительно несла их через большие светлые сборочные залы. За пультами сидели инженеры в белых халатах, а на конвейерной ленте двигались всевозможные ракеты: двухместные, одноместные, красные, синие, зелёные. И чем дальше ехали они по цеху, тем миниатюрней становились эти машины. Скоро они очутились в зале, куда собственным ходом вкатывались и влетали сотни действующих игрушек — точных копий больших машин. Павлик внимательно присмотрелся и понял, что это самые настоящие поезда, автомобили, ракеты, вертолёты, корабли, только очень маленькие. Оказывается, специально игрушек здесь не делали, просто делали маленькие копии настоящих действующих машин. Самыми интересными были карманные машинки. Они двигались, как жучки, и еле слышно гудели или постукивали. Павлик не заметил, как его правая рука сама потянулась к гоночным машинкам. Но как только пальцы касались игрушки, борода начинала неимоверно чесаться. Её буквально разрывало на части, и Павлик должен был чесать бороду. После трёх попыток он догадался, в чём дело, и сказал сам себе:

— Ну и штучка же я! Хотел без разрешения взять на память пару игрушек. Хорошо, борода выручила.

Тут в динамике послышался голос Миши Кометова:

— Друзья, пора в дорогу! На выход!..

Павлик схватил Зорю за руку и потащил к эскалатору.

Когда они выкатили из цеха, «ковёр-само-

лёт» лежал на земле, точно он был самым простым домашним ковром, а компания вовсю гоняла в горелки. Юные учёные нашли, что розовые лучи сделали своё дело и следы Серого Свинуса заметно поубавились.

— Кахи, кахи, спасибо, друзья! — сказал растроганный Павлик.

— Ох, спасибо,— вздохнула помолодевшая Зоря...

«Ковёр-самолёт» стремительно и плавно набрал высоту.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

О бабушках, нянях и карапузах

Павлик и Зоря совершали чудесную прогулку на новейшем «ковре-самолёте», а Тимку санитары несли по городу. Да, да, именно несли, несмотря на то, что для передвижения в городе имелись тысячи видов всевозможных машин. Дело в том, что старый профессор Нервик был противником новых методов лечения. Поэтому он приказал: «Несите больного на носилках не спеша. Пусть дышит целебным воздухом планеты и привлекает к окружающей обстановке!»

И санитары поволокли Тимку через весь город. Скоро они выбились из сил и решили отдохнуть в первом попавшемся парке. Они свернули в тенистую аллею и уселись на скамейке против большого фонтана.

— Мы посидим малость, а вы,— обратились они к Тимке,— погуляйте.

Тимка почувствовал, что у него вдруг появился интерес ко всему окружающему. Он, кряхтя, поднялся с носилок и поплёлся вокруг фонтана.

В этом парке, как обычно, гуляло много нянечек и бабушек с детьми. Тимка сразу заметил, что заниматься с малышами здесь очень трудно. Во-первых, дети были не по летам развиты и задавали очень много сложных вопросов. Ну, а старые бабушки и нянечки давно это всё позабыли, поэтому носили с собой толстые книги-справочники по всем детским вопросам. Во-вторых, за ребятами здесь нужен был глаз да глаз: ведь они тут не ходили и не бегали, а разъезжали на всевозможных реактивных тележках, которые называются «тяни-толкаями», а то и просто летали по воздуху, как большие жуки. Да что говорить, если даже у сосунков были коляски-самоходы. Да, бабушкам и нянечкам здесь приходилось туго.

Увидев маленького старичка с бородой, ребята все как один — летающие и разъезжающие — с любопытством увязались за ним. Мальчишки и девчонки — кто сверху, кто снизу — вертелись вокруг Тимки, а потом стали дёргать за халат, за бороду и даже хватать прямо за нос. В общем, Тимке пришлось то и дело отмахиваться от назойливой детворы.

Бабушки и нянечки, видя, что с этой забавой их детишки далеко не разлетятся и не разъедутся, уселись на скамейки и занялись старушечьими делами. При этом они включили свои малюсенькие транзисторные радиоприёмники и стали ловить известную станцию «Баба говоруха — подставляйте ухо!»

А ребята начали придумывать на Тимку разные дразнилки. Одни кричали:

Тиля-миля, кислый квас,
С бородою ходит в класс!

Другие пели:

Винегрет и салат,
Где ты взял такой халат?
Возьмём тебя за бороду,
Пойдём гулять по городу!

Тимке эта история, наконец, надоела, и он пустился бежать. В ногах появилась необычная лёгкость, а вокруг было столько интересного, что он не заметил, как выбежал из парка на широкую красивую улицу. Тимка даже не подумал о том, что находится в неизвестном ему городе, и пошёл куда глаза глядят.

Опасения Зори и Павлика подтвердились. Однако Тимка нисколько не беспокоился. Вокруг были красивые дома с огромными магазинами, театры, кинотеатры. Но больше всего понравились Тимке тротуары-самоходы. Люди на них не ходили, а ездили. Они были устроены как эскалаторы в метро, только двигались не вверх и вниз, а горизонтально, по земле. Но и это ещё не всё. Ленты тротуаров состояли из прямоугольников и напоминали шахматную доску с длинными клетками. Эти прямоугольники двигались в разные стороны, и, переступая с одного на другой, можно было ехать в любом направлении.

Ну как было не покататься на таком тротуаре? Тимка сперва проехался на прямой ленте, а потом, как старый конь, стал скакать с клетки на клетку и ездить куда глаза глядят.

Пешеходам, или, точнее, пешеездам, недосуг было разглядывать бородатого гнома, скачущего по тротуару — каждый куда-то торопился. Но как только Тимка подходил к бровке и хотел спрыгнуть на мостовую, где мчались сотни машин, сразу начинала гудеть сирена. Тимка замирал с поднятой ногой и, конечно, возвращался на тротуар. Чуткие сирены повсюду охраняли зевак и рассеянных. Это были те самые предохра-

тели, о которых во дворце пионеров рассказывал Миша Кокетов. В учреждениях, в магазинах, в домах и школах они спасали людей от неверных шагов и ошибок.

Катаясь по улицам, Тимка заметил красивые киоски-грибки с круглыми лотками. Он подкатил вплотную к такому грибку и в одну секунду понял, что это лучшее изобретение в мире. Киоски-грибки были бесплатными кормящими автоматами. Круглый лоток киоска вращался, предлагая прохожим вкусные блюда. Он был подобен рогу изобилия, столько всяких вкусностей лежало в его отделениях.

К одному такому киоску подошёл парнишка. Он стал на специальную площадочку против круглого окошечка, похожего на глазок фотоаппарата, и съел три бутерброда и яблоко. Паренёк, видимо, был скромный и больше ничего не стал брать.

Тимка почувствовал, что зверски голоден, и решил, что съест всё в этом щедром автомате. Он подождал, когда уйдёт паренёк, и тоже стал на площадочку. Лоток вертелся, а Тимка нетерпеливо потирал руки и глотал слюнки. Вдруг раздался щелчок, лоток остановился, и против Тимки оказался только один-единственный свежий огурчик. Все остальные отделения опустели, словно в них ничего и не было.

Тимка для начала вежливо постучал пальцем по киоску, но безрезультатно. Вдруг сбоку раздался смешок. Тимка посмотрел в сторону и увидел девчонку, самую обычную, курносую и с косичками.

— Почему он от меня всё спрятал? — спросил Тимка.

— Почему же всё? — ехидно ответила девчонка. — Огурчик-то есть.

— Подумаешь, огурчик! Я могу съесть всё...

— Мало ли что,— сказала девчонка.— Вы, наверное, сегодня ничего полезного не сделали и даже не умывались... Этот автомат всё знает!

Девчонка хихикнула и укатила.

«Что верно, то верно,— подумал Тимка.— От пороков-то я избавился, но ещё ничего полезного не сделал». Однако в чудесное свойство киоска он не поверил.

— Тю, болтуха! — проворчал он вслед девчонке.— Просто этот автомат испорчен.

И он стал колотить по автомату кулаками. Тогда огурчик исчез, завывла сирена, и начали мигать красные лампочки. Тимка так испугался, что сказал киоску: «Извините!» Однако в следующую секунду он быстро стал удаляться от киоска. Бегущие прямоугольники бросались ему под ноги и, ловко лавируя между пешеходами, всё быстрее и быстрее везли его неизвестно куда. Теперь люди все как один возмущённо смотрели на Тимку.

Тротуар-самоход знал, что делает. Но Тимку он сильно подвёл, вернее — подвёз. На углу показался небольшой, стеклянный домик с обычной надписью «МИЛИЦИЯ». Тротуар доставил нарушителя прямо к дверям и ловко втолкнул в них.

В небольшой чистой комнатке с множеством всяких аппаратов и сигнальных лампочек сидели два милиционера. Когда в дверях появился Тимка, они встали и вежливо сказали:

— Здравствуйте!

— Я не знал... я не хотел...— начал было оправдываться Тимка.

Но милиционеры не стали его слушать и, как всякие милиционеры, спросили:

— Ваши документы!

— У меня нет документов, я ученик...

Милиционеры удивлённо переглянулись. В это время Тимка вспомнил, что у него за пазухой

лежит аттестат, который ему выдали на Сером Свинусе. Он сказал:

— У меня есть только вот это.

И протянул им свёрнутый в трубку измятый аттестат.

Дежурные очень внимательно осмотрели документ. Особенно долго они изучали прекрасные пятёрки. Наконец один из них спросил:

— Вы хорошо учились или плохо?

Тимка сделал над собой усилие и сказал правду. При этом он назвал все отметки, кроме «плохо». Получилось примерно так:

— Я занимаюсь очень не отлично, вернее, не очень удовлетворительно, а точнее — очень нехорошо.

Дежурные немного подумали и всё-таки пришли к выводу, что учился он плохо.

Наконец один из милиционеров спросил:

— Почему вы среди бела дня болтаетесь на улице?

И Тимка честно признался, что по указанию профессора Нервика его несли на излечение в детский сад № 7, но он от санитаров сбежал и заблудился.

Дежурные немедленно вызвали реактивную скорую помощь и в мгновение ока доставили больного в образцовый детсад № 7.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О Зелёной стране

«Ковёр-самолёт» быстро и плавно парил над землёй. Пассажирам его отлично были видны сияющие чистотой большие и малые города.

Чем дальше они летели, тем больше Зоря привкала к своим спутникам — соседям по «ковру-

самолёту». Они весело болтали и, прыгая на своих креслах, раскачивали «ковёр-самолёт». Иные даже перегибались через его края. Хорошо, что безопасность пассажиров была здесь абсолютно обеспечена. Магнитные кресла далеко не отпускали своих седоков.

Но вот скоро вдали показался материк, густо покрытый зеленью. Солнце щедро проливало свет и тепло на его цветущие просторы. Это была знаменитая Зелёная страна. Жители Крылатой звезды любовно называли её «скатертью-самобранкой». Ведь в этой стране круглый год собирали невиданные урожаи.

Словно тяжёлые волны, переливались под ними колосья золотой пшеницы; сады были пригнуты к земле тяжёлыми плодами, а на огородах пестрели огромные яркие овощи. Между полями и плантациями стояли длинные светлые здания. Из их труб в небо поднимались всевозможные ароматы.

— Ах, как чудесно пахнет! — сказала Зоря.

И тут, наконец, заговорил её белокурый сосед справа.

— Здесь пахнет трудом! — вежливо объяснил он. — Поэтому воздух этот не менее полезный, чем лучи Пурпурной страны!

— Но позвольте, — возразила Зоря. — Помому, пахнет сдобными булочками, пирожными, фруктами...

— Ха! — не дал ей закончить белокурый сосед. — А кто, по-вашему, пашет, сеет, варит, жарит, печёт, солит, сахарит?! Если б люди здесь не трудились — не было б этих запахов. Вот у нас и говорят: «Это пахнет труд!»

— А я думала, — сказала Зоря, — что у вас только машины работают на полях.

— Ха! — снова подскочил удивлённый сосед. — Конечно, можно было бы справиться

совсем без людей. Науке ничего не стоит создать машину, в которую с одной стороны будут высыпать всякие порошки и пилюли, а с другой стороны будут выходить жареные индюшата, поросята, начинённые кашей, или пончики с повидлом. Это даже просто. Но неужели вам не известно, что плоды, которые вырастают без помощи человеческих рук, не имеют никакого вкуса, а главное — не приносят пользы. В них совершенно нет витамина «трудина»!

— Да, да, конечно,— закивала головой Зоря.— Теперь мне всё понятно, спасибо!

Но словоохотливый сосед и не думал кончать разговор. В нём вдруг произошла какая-то перемена. Глядя вдаль, на цветущие просторы, он взволнованно сказал, будто пропел:

Люблю я деревьев таинственный шум
И скоро об этом стихи напишу!..

Зоря с уважением посмотрела на него и спросила:

— Вы, должно быть, юный поэт?

Белокурый сосед скромно потупил глаза, и чуб его опустился на лоб.

— Это очень хорошо! — сказала Зоря.— Я стихи люблю и учу их наизусть... А скажите, у вас много хороших поэтов... таких, как вы? — вежливо спросила она.

И юный поэт с гордостью сказал:

— Все, кто пишет о будущем! Все, кто...

Но тут его перебил беспокойный сосед с глазами-ёжиками. Он тоже искал случая вступить в беседу.

— Есть и другие поэты,— заявил он, ёрзая на стуле.— Вон под деревом на лугу сидит человек, видите?

Действительно, под деревом сидел человек и

что-то записывал в тетрадку, а невдалеке на лугу паслось стадо, вокруг которого беспрестанно бегали какие-то голенастые машины. Если от стада отбивалась корова, машина моментально возвращала её на место. Эти механические помощники пастухов были настроены на запах парного молока и действовали безотказно.

Человек под деревом время от времени поглядывал на стадо, нажимал на небольшом щитке кнопки и спокойно продолжал писать.

— Так это же пастух! — вмешался в разговор Павлик.

— Не только! — заявил непоседа. — Он ещё и поэт, я его знаю! Он пишет в новом стиле!

— Вот если бы послушать его стихи! — сказала Зоря. — Только вряд ли он захочет нам читать.

— Поэты никогда не отказываются читать, — возразил непоседа. — Наоборот, их потом не так просто остановить.

— Так давайте попросим, — предложил Павлик.

«Ковёр-самолёт», приглушив моторы, повис над самой верхушкой дерева. Павлик перегнулся через край «ковра» и громко попросил:

— Уважаемый поэт, не смогли бы вы...

Поэт, как ужаленный, вскочил на ноги и радостно закричал:

— Пожалуйста! С удовольствием! Я как раз написал стихи в новейшем стиле! — И он быстро начал листать тетрадку.

— Ну вот, — сказал непоседа. — Я же говорил, что его долго просить не придётся.

Поэт стал в позу и начал читать:

Знайте, взрослые,
Знайте, дети,—
Корова главнее всех

На планете!
Сила и слава её не в рогах,
Корова — это
Гастроном на ногах!
Внутри у неё,
Как в огромной корзине,
Имеется всё, что у нас в магазине;
Сардельки,
Кефиры,
Сливки,
Паштеты,
Которые очень любят поэты!..

Павлик на миг зажмурил глаза и представил себе корову в виде гастронома с вывеской на рогах. Получилась очень хорошая, вкусная корова. Но тут Миша Кометов, который всё это время разглядывал маршрутную карту путешествия, сердито оглянулся.

— Я думаю, хватит! Наслушались!

И, не дождавшись согласия путешественников, направил «ковёр-самолёт» дальше.

— Эй-эй! — закричал поэт. — Это ещё не всё! — и прочитал им вдогонку окончание стихов:

Если купит папа
Корову —
В стойло мама
Найдёт дорогу!..

На этом выступление поэта оборвалось, потому что луг со стадом и пастухом-поэтом исчезли.

— Какой стыд! — сказал белокурый Зорин сосед. — Рифмовать «папу с мамой» и «корову с дорогой»?!

Зоря, по-видимому, была с ним согласна, а Павлик, который не очень-то разбирался в поэзии, возразил:

— А по-моему, ничего, всё в рифму, гладко. Спор разрешил Миша Кокетов. Он твёрдо заявил:

— Этот поэт не зря пасёт коров, у него это получается лучше, чем стихи.

Белокурый Зорин сосед решительно отбросил со лба чуб, достал из кармана блокнот, самописку и весь остаток пути что-то упорно писал, борюча себе под нос.

Над просторами Зелёной страны Павлик и Зоря совсем перестали охать и кряхтеть. Дела явно шли на поправку.

Так они долетели до новой, совсем необычной страны, которая именовалась Голубой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

О замечательной Голубой стране

Теперь под «ковром-самолётом» расстилалось бескрайнее водное зеркало с разбросанными по нём плавучими островами. Это и была Голубая страна — удивительная, скрытая от глаз, но, как оказалось, светлая и просторная.

Однако, чтобы попасть в неё, путешественникам пришлось сделать пересадку на одном из плавающих островов. Радужные хозяева страны сказали:

— Чтобы понять нашу страну и испытать на себе её целебные свойства, нужно глубоко проникнуть в её суть!

И предложили всей компании перебираться в подводную лодку, сделанную из абсолютно прозрачного пластика. Лодка тотчас же нырнула в глубину, и путешественников со всех сторон окружила вода. Им даже показалось, будто между ними и зелёной толщей нет никаких стен и сами они находятся в воде. Конечно, Павлику и Зоре труд-

но было сразу привыкнуть к этому, и только чудеса, которые появились на морском дне, отвлекли их и помогли избавиться от странного ощущения. А удивляться здесь было чему.

Они находились в кладовой несметных сокровищ. Рядом с ними паслись огромные косяки «домашней» рыбы, подводные машины выращивали на донном грунте урожай чудесных питательных растений и цветов, а в глубинах подводного грунта добывали редкие руды и минералы. Лодка проплывала по широким освещённым проспектам подводных городов, мимо колоссальных строителей. Повсюду сновали подводные автомобили и поезда. По улицам проплывали «пешеходы» в лёгких скафандрах с непромокаемыми портфелями под мышками. Можно было встретить и ребят, играющих в подводные ловитки и специальный подводный мяч.

На одном из строителей они увидели осьминогов. Эти чудовища очень ловко и прилежно занимались электросварочными работами, причём каждый из них действовал одновременно не меньше чем двумя сварочными аппаратами. Оказывается, их здесь называли не осьминогами, а — осьмируками. Ведь передвигались они благодаря особому реактивному устройству — выбрасывая из своего нутра мощные струи воды, а щупальцы служили им, как руки.

Но больше всего заинтересовали Павлика и Зорю дельфины цирки и школы. Если фокусы, которые проделывали дельфины в своём цирке, можно было принять за обычную дрессировку, то в подводных школах юные дельфинчики легко доказывали, что они весьма разумные и даже образованные существа. По просьбе гостей несколько дельфинов-учеников продемонстрировали отличные знания арифметики и грамматики. Специальным подводным мелом на специальных

досках они слагали и вычитали даже трёхзначные цифры. Только во всех задачах цифры обозначали количество рыб. Скажем, $148 + 200$ килек давали в сумме обед из 348 рыбок.

Мел дельфинчики держали в пасти, что не мешало им иметь красивый и разборчивый почерк. Павлик на миг представил себе, как бы он писал на доске, если бы мел держал в зубах. Безусловно, учитель за эти опыты выгнал бы его из класса.

Между тем дельфины безошибочно склоняли имена существительные, причём ни разу не перепутали именительный и винительный падежи. В коротком диктанте на безударные гласные, который с помощью микрофона провела сама Зоря, бойкий дельфинчик, обладавший крупным круглым почерком, не сделал ни единой ошибки. Когда же Зоря одобрительно отозвалась о его способностях, он подплыл вплотную к прозрачному борту лодки, расплющил об него свой нос и скорчил такую гримасу, что все покатались со смеху. В эту минуту озорной дельфинчик был как две капли воды похож на Тимку. Конечно, только рожицей, а не способностями. Глядя на него, Зоря вдруг нахмурилась и заявила:

— Мы поступает нечестно: путешествуем, развлекаемся и не думаем о Тимке и дядюшке Роботе. Где там они, бедные, сейчас? Что с ними?

Вдруг рядом с их лодкой появился президент академии Василий Иванович. Он опустился с небесных высот прямо в глубины моря в небольшом стеклянном шаре, внутри которого стояло одно только кресло.

Президент внимательно посмотрел на лица гостей и одобрительно кивнул головой.

— Ну что ж, друзья, всё идёт отлично! Остались борода и седины, так ведь за вами, если помните, ещё по одному доброму делу. Кстати, могу сообщить, что ваш друг Тима уже находится в

образцовом детском саду № 7 и чувствует себя превосходно. Как видите, доктор был прав. Теперь я за вас спокоен. Нужно только, чтобы бюллетень состояния вашего здоровья немедленно сообщили всей планете.

Затем президент попросил у гостей прощения и обратился к Мише Кометову:

— Вот что, Миша,— сказал он.— Время возвращаться домой.— Он многозначительно посмотрел на своего юного помощника и тихо добавил: — В городе неспокойно! Понимаешь, киберы...

— Да, Василий Иванович, конечно.

— Ну, а у меня тут кое-какие подводные дела. Решу их и скоро вернусь в академию.

И президент попрощался.

Скоро подводная «сигара» пришвартовалась к плавучему острову. Путешественники пересели на свой «ковёр-самолёт» и легли на обратный курс. Вот тут-то и выяснилось, что белокурый Зорин сосед всё это время писал стихи.

— Дорогие Зоря и Павлик! — торжественно сказал он, отбросив со лба поэтический чуб.— Я посвятил вам и вашим друзьям стихи. Прошу их принять на память.

И он вручил Зоре бумажку. А Зоря прочла вслух:

Стихи — это тоже крылья,
Чтоб к дальним лететь планетам,
Мечтами, как маяками,
Пути освещают поэты.
Ребята, вы сильные люди,
Вы много дорог одолели,
И, значит, с победой скоро
Придёте к заветной цели.
А за пастуха-поэта
Простите нашу планету.

Зоря и Павлик поблагодарили за стихи и сказали, что обязательно прочитают их в своём классе, но только без последних двух строчек. Для Крылатой звезды такой случай — чрезвычайная редкость, и вспоминать о нём нечего.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

*в которой дядюшка Робот проходит ремонт
и получает новые права*

Когда путешественники вернулись во дворец учёных пионеров, Миша Кометов немедленно посмотрел всю аппаратуру и нашёл, что киберы действительно слишком оживлённо перемигиваются. Дежурный по дворцу доложил, что недавно поступали какие-то непонятные сигналы и расшифровать их пока не удалось. Миша покачал головой, попросил дежурных быть начеку, а сам вернулся к гостям.

Юные учёные, окружив Зорю и Павлика, твердили, что путешествие пошло на пользу, и — сбрей сейчас Павлик бороду — никто не усомнится, что он юный пионер. А Жанна Птицына, та самая, что гладила мальчикам галстуки, успела наговорить Зоре тысячу комплиментов.

— Ой, Зоренька, — шептала она ей в самое ухо. — Ты никого, кроме меня, не слушай. Побегать немножко с седыми волосами — это даже модно...

Зоря удивлённо посмотрела на Жанну, но не успела ей возразить. Между ними стал Миша Кометов и решительно заявил:

— Я думаю, что гостям следует отдохнуть. Но Зоря запротестовала.

— Нет-нет, — волновалась она. — Пока я не узнаю, как обстоят дела с Тимкой и дядюшкой

Роботом, ни о каком отдыхе не может быть и речи.

— Насчёт Тимы — сейчас выясним, — пообещал Миша, — а вашего Робота, думаю, можно уже повидать, тут, наверное, всё уже на мази.

Действительно, в малышовой мастерской ремонт дядюшки Робота подходил к концу. Его части уже смазывали лучшим машинным маслом.

— Ах, что это?! — испуганно вскрикнула Зоря, увидев их друга, разобранный на десятки частей. На одном столе лежали руки, на другом ноги, весь внутренний механизм — на третьем столе, голова — на четвёртом. А вокруг столов копошились малыши с отвёртками, маслёнками и наждачной бумагой.

Зоря хотела уже зарыдать, но вдруг голова дядюшки Робота весело улыбнулась и подмигнула ей двумя чудесными голубыми лампочками.

Главный мастер малышовой мастерской подбежал к гостям и сказал:

— У нас осталось работы минут на десять — пятнадцать. Можете посидеть подождать.

Но дядюшка Робот стыдливо опустил глаза. Он стеснялся собираться при посторонних.

Тогда Зоря заявила:

— Спасибо, мы обождём в большом зале.

Когда же их снова пригласили в мастерскую, дядюшка Робот блестел, как новенький. Правда, об этом можно было судить только по его лицу, потому что все остальные части скрывал отличный мужской костюм. На шее у него красовался галстук-бабочка, на голове модная фетровая шляпа. Дядюшка Робот был, как говорится, одет с иголочки.

Когда в мастерской появились люди, он сидел в окружении своих мастеров и рассказывал им о горе-чудесах на планете Серый Свинус. Речь как

раз шла о знаменитых подхалимах Великого Порока — подпорочниках. Дядюшка Робот был мастером рассказывать весёлые истории, и его слушатели то и дело хватались за животы.

Закончив рассказ, дядюшка Робот поблагодарил мастеров и обратился к Зоре и Павлику:

— А теперь, дорогие, я к вашим услугам! Чик-чирик!

Но те с тревогой переглянулись.

— Может быть, ещё не всё в порядке? — осторожно спросил Павлик.

— Это почему же? — улыбнулся дядюшка Робот. — Я даже получил новые права для самостоятельного хождения по улицам.

— Но вы же всё ещё говорите «чик-чирик».

Дядюшка Робот рассмеялся и похлопал Павлика по плечу:

— По привычке, милый, по привычке! Столько лет прочирикал, что сразу не отвыкнешь. Теперь я здоров, как доменная печь.

И дядюшка Робот на радостях запел песню, а потом пустился и в пляс.

На свете много лет я жил,
Скрипел я и чирикал,
Но как-то чудом угодил
Я к мастерам великим.
Попал без мук и лишних слов
Я в золотые руки,
И снова действовать готов
По правилам науки!
Чирик-бом-бом,
Чирик-бом-бом,
Пусть мне подтянут все кругом!
Чирик-бом-бом,
Чирик-бом-бом,
Пусть мне подтянут все кругом!

Люби науку с юных лет,
Работу дай ручонкам!
Такой всегда даю совет
Мальчишкам и девчонкам!
Готов я всех друзей обнять
От радости великой,
Ну, как тут, братцы, не сплясать
И как не зачирикать?
Чирик-бом-бом,
Чирик-бом-бом,
Пусть мне подтянут все кругом!

И все подтянули припев. Дядюшка Робот, не смотря на свой вес, пустился впрысядку, прыгал на одной ноге и один раз даже сделал сальто-мор-тале.

Все смеялись и аплодировали, и только Жанна Птицына, которая всё время жалась к Зоре, покрутив носом, сказала:

— Подумаешь, я бы лучше смогла!

Зоря удивлённо посмотрела на Жанну, а та затараторила:

— У нас всему привыкли удивляться, всему! Они ещё не знают, на что я способна... Ой, Зоренька! — как старую подружку, обняла её Жанна. — Мне так хочется с тобой поговорить с глазу на глаз, без мальчишек... Понимаешь, про наши дела...

— С удовольствием, — сказала Зоря. — Но не знаю, удобно ли это.

— Ой, что ты?! Пусть мальчишки занимаются своими машинами, а мы с тобой выйдем в садик...

Жанна обняла Зорю за плечи и, болтая на ходу о всяких пустяках, потащила к двери.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ —

*короткая,
но весьма полезная для девочек*

Садик, куда Жанна Птицына привела Зорю, оказался большим фруктовым садом. Рядом с яблонями и грушами росли цитрусовые — апельсины, лимоны. Росли тут и бананы, и кокосовые пальмы. Урожай был обильным, и тяжёлые плоды угрожающе висели над головой.

— Давай сядем здесь! — таинственно прошептала Жанна и почти силой усадила Зорю на скамейку. — В этом саду очень хорошо, а главное, никто и ничто нам не мешает поговорить откровенно.

Зоря хотела спросить, почему им должны мешать и что за секреты собирается она ей рассказывать, но не успела. Жанна нагнулась и стала пищать ей в самое ухо:

— Ой, Зоренька, если бы ты знала, какие у нас противные девчонки!

— Ты мне о них будешь рассказывать?

— И про мальчишек тоже! Тебя ведь интересуют новости?

— Да, конечно! — согласилась Зоря.

— Скажи спасибо! Тебе очень повезло! — затараторила Жанна. — Лучше меня никто не знает последних новостей! Я ведь и в ансамбле, и в санкомиссии... Ой, что я тебе только скажу! — теребила она Зорин рукав и закатывала глаза. — Этот Мишка Кометов слишком много о себе думает! Подумаешь, профессор! Юное дарование! Я, может быть, тоже могла бы изобретать, да мне некогда, у меня тысяча нагрузок. Я на межпланетной олимпиаде премию получила, за санкомиссию тоже в газету попала... Я... я... А Таня из 6-А — сладкоежка! А Маня из 6-Б —

тонконожка! А Женя из 6-В — зубрила! А Феня из 6-Г — дразнила!..

Тут совсем рядом с ними упало большое яблоко, затем — груша.

— О, неужели?! — воскликнула Жанна и перетасила Зорю на другую скамейку. Наболтав десяток коробов на своих приятелей, она добралась до думающих машин и, словно косточки, стала перебирать им полупроводники и винтики. Она разоткровенничалась до того, что заявила:

— ...Все они хороши, эти киберы! Распустились похуже мальчишек. Когда в лабораториях и мастерских никого нет, они рассказывают друг другу неприличные истории. Вот!

Зоря так растерялась, что даже рта не могла открыть. Она ведь не знала, что Жанна на Крылатой звезде была редким экземпляром. В ней накопился целый мешок сплетен, мучил её, душил, а высказать их здесь было некому. Вот она и решила выложить всё Зоре.

Но Зоря решительно поднялась.

— Хватит! — сказала она. — Сейчас же прекрати...

Жанна схватила её за рукав и взмолилась:

— Ещё немножко... самое важное! Зина Лампочкина из моей шко...

И вдруг в саду поднялся сильный ветер. Деревья замахали ветками и стали бросать в девочек огромными плодами. Два красных граната угодили в Жанну, несколько слив — в Зорю.

— А Зойка!.. А Фенька! — упрямо продолжала Жанна.

Бах, бах, бах!

— А наша учительница, Тамара Ильи...

Бах, бах, бах!

Град плодов обрушился на головы Жанны и Зори. Вслед за яблоками и грушами посыпались

апельсины, лимоны, бананы и, о ужас, кокосовые орехи!

«Так мне и надо! — убегая и прикрывая голову руками, думала Зоря.— Нечего было её слушать...»

Ясно было, что на этой чудесной планете даже природа не терпит сплетников и болтунов. Как только они выбежали за пределы сада, Зоря остановила Жанну и сказала:

— Погоди, теперь послушай меня...

И тут заговорила Зорина критическая жилка. Она так пропесочила сплетницу, что та забыла про набитые на голове шишки и стояла перед ней то жёлтая, то зелёная, то красная, как светофор на самом шумном перекрёстке.

Когда из дворца выбежали девочки и поинтересовались, что произошло, Зоря сказала:

— Ничего особенного.

Но полезное дело сказалось сразу: девочки заметили, что Зорины седины превратились в чудесные локоны каштанового цвета.

— Весь «бабулин» из тебя испарился! — радостно закричали они и в обнимку побежали во дворец.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ,

*в которой дядюшка Робот показывает,
как следует разговаривать с киберами*

Павлик не заметил, куда исчезла Зоря, и забеспокоился. Он поспешно вышел из дворца и, перейдя дорогу, очутился на большом спортивном стадионе. Здесь было много кортов, площадок, красивое футбольное поле и очень много зелени на аллеях. Павлик как-то сразу позабыл о Зоре.

Вдруг справа от него послышался свист. Павлик оглянулся и увидел, что на садовой скамейке стоит какой-то ящик с четырьмя длинными рычагами и всю сияет красными лампочками. Павлик сразу догадался, что это кибер. А кибер снова свистнул и рычагом поманил Павлика к себе.

Это было странно. Павлик, конечно, подошёл и вежливо поздоровался.

В ответ кибер быстро и чётко сказал:

— Здравствуйте, Павел Афанасьевич!

— О, а как вы узнали моё отчество? — удивился Павлик.

— Вычислил! — так же быстро и чётко ответил кибер. — Вы напрасно думаете, что мы, киберы, только машины.

— А я ещё ничего о вас не думал, — возразил Павлик.

— Это очень хорошо! — обрадовался кибер, и внутри у него что-то защёлкало. Затем он поудобней развалился на скамейке и заявил:

— Мы, киберы, вполне самостоятельные машины и не нуждаемся в руководстве!

— Но ведь вас выдумали люди...

— А теперь мы выдумываем сами и при том не делаем ошибок, не подсказываем на уроках космографии, не пишем плохие стихи и не сплетничаем!.. Мы не ссоримся и не портимся! Вот так, — сказал он вместо «вот как» и завизжал, запыщал, заскулил.

Павлик догадался, что внутри у него перемаывается магнитофонная лента, и засмеялся.

Кибер икнул и сказал:

— Извините, поправка, перемотка, смазка, продолжаю.

— Пожалуйста, — сказал Павлик.

Вдруг кибер тихо, как заговорщик, сказал:

— Мы многого не просим... Немного развлечения и свободное хождение по стране... Мы уже

решили — будем бастовать! Сегодня же, сейчас же!

Кибер выглядел большой детской игрушкой, и слова его рассмешили Павлика. Он махнул рукой и сказал:

— Э-э, детский лепет.

На что кибер серьёзно ответил:

— С кем поведёшься — от того и наберёшься!

И скрестив рычаги на своём ящике, он гаркнул на полную мощность:

— Настало время признать, что мы, киберы, главней людей!

Вот эту последнюю фразу и услышал дядюшка Робот. Вырядившись в костюм, он шёл в детсад № 7 за Тимкой и наткнулся на беседующих.

— У-у-у! — возмущённо загудел он и затопал ногами.

— Дядюшка Робот! — обрадовался Павлик.

Но тот не обратил на него внимания. Он сверкнул своими новыми лампами и рявкнул на кибера:

— Ты почему, ящик, сидя с человеком разговариваешь, чик-чирик?

Кибер заслонился своими рычагами и, запинаясь, пробормотал:

— Ну... ну, ты, деревенщина, ты не очень того...

— Встать! — как генерал, скомандовал дядюшка Робот и тише добавил: — Не то как дам, так все транзисторы из тебя посыплются!

Кибер подскочил на всех своих пружинах и мгновенно скрылся за деревьями.

Дядюшка Робот подмигнул одной лампой и поучительно сказал:

— Вот так надо с нами, машинами!

Затем повернулся и потопал дальше.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

*в которой Павлик делает доброе дело и
спасает положение на планете*

Не успел Павлик проводить дядюшку Робота взглядом, как на стадион запыхавшись прибежал Миша Кометов:

— Павлик, ты не видел здесь нашего кибера? Пропал! Исчез! Остальные тоже рвутся к дверям.. Что делать?

И тут послышался многоголосый металлический говор, топот и лязг. Миша схватился за голову:

— Они бросили работу и идут митинговать!

Через минуту Миша и Павлик стояли у ворот стадиона. По широкому проспекту, звеня, гремя и сверкая, двигался металлический поток. Одни — на рычагах-ногах, другие — на колёсиках, а тех, что не имели ни рычагов, ни колёс, ходячие друзья несли за ушки. Во всю мощь динамиков киберы пели:

Мы машины, мы машины!
Кибер-вибер, чёт и счёт,—
Мы решаем, и считаем,
И всему ведём учёт.
Не тупицы, не калеки,
И должны уже давно
Мы иметь, как люди,
Игры, песни и кино!..

Вдруг колонна демонстрантов повернула прямо на стадион. Миша и Павлик поневоле отступили и спрятались в домике со спортивным инвентарём. Отсюда всё отлично было видно. Киберы, новейшие роботы, думающие машины всех форм и видов заполнили трибуны стадиона. А в прави-

тельствственной ложе появилось несколько больших электронных машин. Раздались три громких сигнала «внимание!» Но как только робот, стоящий в центре правительственной ложи, поднял руку, Павлика вдруг осенило:

— Я, кажется, знаю, что делать,— крикнул он Мише.— Они хотят развлечений — они их сейчас получают!

С этими словами он схватил новенький футбольный мяч и выбежал из домика. Ступив на игровое поле, он поднял мяч высоко над головой и бросил его в центр.

Речь оратора оборвалась на полуслове. На трибунах зашумели, задвигались, а на поле появились две металлические команды. Это были самые голенастые и подвижные машины. Какой-то рычаг протянул Павлику судейский свисток и толкнул вперёд. Павлик выбежал на центр поля. К нему тотчас же подошли две дюжих голенастых машины с разными знаками на груди. Видимо, их выдвинули в капитаны.

— Разыгрываем ворота! — сказал Павлик и зажал в кулаке травинку...

Это был необыкновенный и никем еще не виданный футбольный матч. Ещё бы! Ведь у игроков были электронные мозги, с помощью которых они молниеносно решали сверхсложные комбинации. Кроме всего прочего, их рычаги-ноги были неутомимы. Павлик не в состоянии был гоняться за ними и продолжал судить с места.

Машины-болельщики ни в чём не уступали настоящим болельщикам. Во всяком случае, они вели себя точно так же, как люди, и даже шли на пари, какая из команд выиграет.

На стадион начали сходить люди. Они пробирались на трибуны и болели буквально в обнимку с машинами. В одном из проходов Павлик заметил ребят из дворца учёных пионеров и

среди них Зорю, только уже не Зорю-бабушку, а Зорю-пионерку, с галстуком на груди.

Когда счёт стал 3:0, кто-то дружески хлопнул Павлика по спине. Он обернулся. Это был Миша Кометов. Лицо его сияло.

— Идём,— сказал Миша.— Тебя зовёт президент, Василий Иванович!

Павлик передал судейский свисток первому подвернувшемуся киберу и побежал за Мишей.

Машина президента остановилась в центральном проходе. Василий Иванович встретил ребят широкой улыбкой.

— Ну, братец, ты сделал доброе дело! — похвалил он Павлика.— Пожалуй, футбол мы им действительно позволим. Пусть тратят на него лишнюю энергию. Может, ещё позволим и в кукольный театр ходить, но не больше, это — крайнее. Пусть не забывают, что они машины!..

Высокая похвала смутила Павлика.

— Ничего я особенного не сделал,— сказал он.— Футбол не новинка, у него история с бородой.

Миша засмеялся:

— А вот у тебя уже бороды нет!

Павлик осторожно поднёс руку к подбородку. Там, где ещё недавно торчали противные, как мочало, волосы, он обнаружил свой собственный, гладкий пионерский подбородок.

— Урра! — закричал он и тут же одел свой галстук.

— Ну что ж,— сказал президент.— Будем смотреть вторую половину игры.

И они стали досматривать кибернетический футбол.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

в которой Тимка оказывает детсаду № 7 неоценимую услугу

Старый профессор Нервик был прав: в детском саду пятиклассник Тимка сразу почувствовал себя как дома. На Крылатой звезде все карапузы были не по летам развиты. Это были такие дети, о которых старшие говорят: «Они намного умнее, чем были мы в своё время!» И только одни учителя не хотят этого признавать.

Тимка с первой минуты нашёл общий язык с детсадовцами, правда, не на все вопросы ему удавалось ответить. Когда же он сел играть с карапузами в шахматы, то ещё больше оскандалился — получил подряд три «киндермата» (так на языке шахматистов называется самый простой детский мат).

«Эх, зря я хлопал ушами в школе!» — впервые пожалел Тимка, чувствуя необычную жажду деятельности и знаний.

А работы в детском саду было предостаточно. Педагоги ушли на совещание по вопросам воспитания детей, а думающие машины и кибернетические няньки неожиданно сбежали. Под Тимкиной опекой оказалось около сотни карапузов. Чтобы объяснить им, с кем они имеют дело, Тимка заявил, что он клоун и работает в цирке. Поэтому у него и борода, и колпак.

Тогда детишки потребовали, чтобы он немедленно перед ними выступил.

— А я без напарника выступать не могу! — заявил Тимка. — Клоуны всегда выступают вдвоём.

Этим он так огорчил малышей, что они наотрез отказались от манной каши.

Тут как раз и притопал за Тимкой дядюшка

Робот. Карапузы, увидев его, заорали во все глотки:

— Клоун-напарник пришёл! Ура! Сейчас будет выступление!

Тимке некуда было деваться. Он тихонько сообщил дядюшке Роботу, в чём тут дело, и сказал, что, кроме песенки «Жили были дед и баба», ничего не знает, потому что никогда не участвовал в художественной самодеятельности.

— Чик-чирик! — улыбнулся дядюшка Робот.— «Жили были дед и баба»? Этого вполне достаточно!

Он поднялся на невысокий помост и объявил ликующим малышам:

— Сейчас перед вами выступят знаменитые клоуны Тим и Роб!

Детишки завизжали от восторга.

Дядюшка Робот начал:

— Здравствуй, Тим!

— Здравствуй, Роб! — ответил Тимка и напрямик спросил: — А что мы сейчас будем делать?

— Я слышал, что ты знаешь хорошую песенку про кашу. Не споешь ли её нам?

— Спую,— пообещал Тимка и шепнул дядюшке Роботу на ухо: — Там же последняя строчка очень неприличная, про пузо! Помните: «Трах по пузу кулаком!»?

— Ты пой три строчки, а последнюю я спою сам! — предложил дядюшка робот.

И Тимка запел:

Жили-были дед да баба,
Ели кашу с молоком!
Рассердился дед на бабу...

Тут дядюшка Робот как грянул:

Трах по каше пирогом!

Ребятишки покатались со смеху, а потом все как один потребовали манной каши с добавкой.

— Видишь,— сказал дядюшка Робот,— какое полезное дело ты сделал! Скормить малышам по полной тарелке манной каши — всегда считалось подвигом.

— Вы так думаете? — спросил Тимка.

— Конечно, ты даже помолодел!

Тимка взялся рукой за подбородок и от радости подпрыгнул. Бороды как не бывало. Только халат и колпак всё ещё напоминали о его знакомстве с Великим Пороком Разгильдьяем Третьим.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ,

в которой путешествие заканчивается самым неожиданным образом и фантастическая история снова превращается в обычную

Когда вечернее небо над Крылатой звездой пробуравили тысячи далёких звёзд, гости и хозяйка снова встретились в чудесном дворце учёных пионеров. Волнующие события этого дня пришли к благополучному концу. Всё стало на свои места, в том числе и машины, с которыми люди благодаря футболу нашли общий язык.

Возбуждённые и утомлённые Павлик, Зоря и Тимка вышли в дворцовый сад и уселись прямо на траву.

— Здорово получилось! — воскликнул Павлик.— Хоть и помучились мы на чёртовом Сером Свинусе, а всё-таки попали на Крылатую звезду!

Зоря посмотрела на Тимку и сказала:

— Конечно, если бы не твои дружки Зазнай, Лень и Неуч, всё было бы по-другому.

— Нет у меня их больше,— негромко, но решительно заявил Тимка.— Я хочу скорей домой!

— Ой, мальчики,— всплеснула руками Зоря.— Верно, а как мы попадём домой?

Теперь заволновались все трое.

— Да,— повторил Павлик,— пора домой!

И тотчас же за их спинами послышался знакомый голос:

— А вот и я!

Друзья обернулись. Перед ними, поблёскивая скафандром, стояла их старая знакомая — Мечта.

— Я знаю,— сказала она.— У вас в пути были неприятности. Что ж поделаешь, ведь я предупреждала.

— Ой, что вы, что вы, большое спасибо! — заговорила Зоря.— Мы сами во всём виноваты...

Мечта закивала головой и, слегка прищурив глаза, сказала:

— Зато вы теперь хорошо знаете, что мешает нам двигаться вперёд, в будущее.

И хотя Мечта обращалась ко всем троем, ответил один Тимка.

— Я теперь всё знаю! Но скажите, как я в этом халате и колпаке вернусь домой?

— Ах, да! — спохватилась Мечта.— Как же это я забыла?!

Она коснулась Тимки крылом — и на нём немедленно оказался его собственный костюм.

— Спасибо,— пробормотал он смущённо.

А Мечта, словно невзначай, бросила:

— Халат и колпак могут вернуться, но...

— Нет, нет! — Тимка вскочил на ноги и спрятался за Павлика.

— Но я тебе верю,— продолжала Мечта.— Это я на всякий случай. Сейчас-то у вас всё в порядке.

— Значит, мы можем идти к ракете? — спросил Павлик.

— Зачем же к ней идти, когда она здесь.

Мечта взмахнула крылом — и в саду появилась ракета. Сверкающая, она стояла перед путешественниками, как говорится, на парах.

— Ой, а как же дядюшка Робот? Мы забыли дядюшку Робота! — заволновалась Зоря.

— Не беспокойтесь,— сказала Мечта,— ваш друг Робот уже приземлился в школе № 147, где когда-то появился на свет. Ну, а теперь гора Игла готова исполнить ваше желание. Счастливого пути!

— Спасибо! Спасибо! — сказали все трое и забрались в ракету.

Мечта исчезла, словно растворилась в воздухе, а ракета взмыла ввысь. Она неслась всё стремительней и стремительней, а Крылатая звезда — сказочная планета — улетала вдаль, как огненный мячик. Скоро промелькнула межпланетная станция, на которой они побывали, и вслед за ней в небе появились знакомые с детства созвездия. Ещё миг, и путешественники очутились на вершине горы Иглы.

Как только Павлик, Зоря и Тимка ступили на землю, ракета снова стала каменным отрогом. Рядом, как и прежде, стояла их палатка и потухал костёр.

— Вот и всё,— сказал Павлик, и вокруг наступила тишина. И на этом закончилось их путешествие, полное чудес, приключений и подвигов, совершённое с помощью Мечты и волшебной горы.

МЫШОНОК МЫЦИК

Сказка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЫШОНОК МЫЦИК

*Весёлые и грустные приключения
серого мышонка,
рассказанные им самим*

ЭТО Я! ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Здравствуйте, это я... Нет, нет, вы не туда смотрите: я здесь, внизу, в уголке. Видите?.. Очень приятно. Меня зовут Мычик, мышонок Мычик. Хорошо, что мы с вами встретились, у меня сегодня большая радость, такая большая, что обязательно надо с кем-нибудь поделиться. Моя соседка, тётушка Марина, собирается подарить мне во-о-от такого кота... Она уже даже пошла за ним, а я сижу и думаю: за что мне, такому маленькому, такой большой подарок? Я же никаких подвигов не совершал, просто делал всё, что мне положено. Честное слово! Не верите — могу рассказать. Только надо поскорее, а то сейчас придёт тётушка Марина с подарком, тогда не до вас будет.

— Ну, так вот, сперва —

ПРО НОВОСЕЛЬЕ

Когда-то у меня была отдельная норка на окраине города. Однажды пришли каменщики и плотники и пристроили к ней подвал, разные по-

мещения, коридоры, лестницы. Получился большой дом с одной норкой, тремя комнатами и кухней.

Мастера так торопились на новое строительство, что забыли проделать ход из моей норки в столовую. Но я не хотел их беспокоить и сделал всё сам: прогрыз чудесную дверцу-щёлочку за буфетом.

Когда всё было готово, я решил, что пора познакомиться с соседями и поздравить их с новосельем. Я причесал усы, пригладил, как полагается, шёрстку и выглянул из норки. На меня сразу пахнуло варёной курицей. «Очень хорошо,— подумал я,— попал прямо на торжество: хозяева обедают!»

Так оно и было. За столом, друг против друга, сидели толстая тётенька в очках и худой мальчик, её сын. Это и были мои соседи: тётушка Марина и Петя. Мне они сразу понравились. Люблю людей, которые обедают.

Я на цыпочках забежал в комнату, тихонечко пожелал им приятного аппетита и уселся под Петиним стулом. Здесь было очень весело: Петя болтал ногами и рассыпал во все стороны крошки.

Когда все вкусные кусочки были съедены, я постучал по Петинему ботинку и попросил добавки. Петя увидел меня и обрадовался.

Он сразу залез под стул и угостил меня чудесным кусочком курицы.

Тётушке Марине тоже стало интересно, и она спросила:

— Что ты там делаешь?

— Гостя угощаю,— ответил Петя.

— Сейчас же вернись на место! — приказала тётушка Марина.— Когда обедают, все должны сидеть за столом!

Я сразу догадался, что меня тоже приглашают. Но было как-то неудобно: только позна-

комились — и уже за стол. И я остался на прежнем месте. Петя меня понял и бросил под стул целую куриную ножку.

Тут уж тётушка Марина не выдержала — нагнулась и посмотрела на меня сквозь свои толстые очки.

— Ах! Ах! Боже мой, что ж это такое?! — закричала она. — Лови его! Лови!..

И они вдвоём стали за мной гоняться, чтобы усадить за стол.

Потом тётушка Марина вскочила с ногами на диван и начала оттуда командовать:

— Петенька, он под стулом! Петенька, он под столом! Скорей, скорей!

Сперва мы с Петей просто бегали, а потом стали играть в горелки. Он гонялся за мной, а я за ним. Мы так веселились, что дрожали все окна и мебель. А когда Петя наткнулся на стол — тарелки, все как одна, прыгнули на пол.

Бах-дзинь! Дзинь-бах! — началась настоящая музыка.

Тётушка Марина тоже оживилась. Она начала бегать по дивану и бросать в меня разные вещи. Было очень весело.

Я был рад, что сумел расшевелить своих новых соседей. Петя тоже остался доволен. А вот с тётушкой Мариной вдруг сделалось плохо. Она легла на диван и, глядя на тарелочные осколки, жалобным голосом заговорила:

— Жизни нет от этого ребёнка!..

Но Петя сразу её успокоил. Он объяснил ей, что посуду бьют на счастье.

Тогда тётушка Марина ещё горестней запричитала:

— А ботинки каждую неделю тоже бьют на счастье? А кляксы и двойки тоже на счастье? А мне одной по хозяйству вертеться — тоже большое счастье?

Тут я понял, что веселью конец, что пора закатывать рукава и браться за дело. Если в доме трудности — сосед не должен стоять в стороне.

Вот только мне почему-то кажется, что тётушка Марина меня боится. Если б это было не так, она бы тоже играла с нами в горелки и не лезла бы с ногами на диван. Я совсем не хочу, чтобы меня боялись, я хочу, чтобы меня все любили. Поэтому прежде всего надо выяснить —

ПОЧЕМУ ТЁТУШКА МАРИНА МЕНЯ БОИТСЯ

Оказывается, у тётушки Марины в очках увеличительные стёкла. Когда я смотрю ей в глаза, то вижу целые чайные блюда. Значит, я ей тоже кажусь гораздо больше, чем есть на самом деле. Вполне возможно, что она принимает меня за слона. Ведь слоны тоже серого цвета. И у них тоже большие красивые уши. Только хвост у слонов спереди, а не сзади, как у мышей. Но ведь тётушка Марина может этого не знать и поэтому боится.

Я рад, что я не слон. Если бы я был большим, как слон, то как бы я мог бегать под буфетом и пролезать в свою норку?

А может быть, тётушка Марина на меня обиделась? Сейчас все строят отдельные квартиры, а у неё оказалась с соседом. Так ведь не я к ней, а она ко мне присоседилась. Но я и не думаю обижаться, напротив — я рад.

Тётушке Марине придётся с этим примириться, потому что без меня теперь в доме не обойтись. Ну, кто, например, как не я, должен заниматься Петиним воспитанием?

Поэтому я вам сейчас расскажу,

КАК Я ПОМОГАЮ ПЕТЕ ДЕЛАТЬ УРОКИ

Петя мне понравился сразу. Особенно, когда я увидел его карандаши и ручки. Все они обгрызенные. У него эта работа очень хорошо получается. К тому же, все его книжки, игрушки и модели свалены в одну превосходную кучу. Там есть и шуршащая папиросная бумажка, и вкусный мучной клей, и старые каштаны, и даже сладкие обёртки от конфет. Мы с ним любим рыться в этой куче, а я часто отдыхаю в ней после обеда: зароюсь и сплю. Раньше тётушка Марина эту кучу убирала, а теперь почему-то не прикасается к ней.

Куча выросла, и в ней теперь, пожалуй, спрячется настоящий слон.

Мы с Петей живём дружно и, прежде всего, готовим вместе уроки.

Делается это так.

Петя раскладывает на столе учебники и тетради, ставит чернильницу, берёт в руки ручку и... начинает её грызть: делает вид, будто думает. А когда тётушка Марина уходит в кухню варить нам обед, он сразу кладёт возле буфета кусочек колбасы.

Колбаса — это наш условный сигнал. Он так вкусно пахнет, что я моментально выбегаю из норки и съедаю весь условный сигнал. Потом забираюсь к Пете на стол, и мы начинаем готовить уроки.

Петина школьная форма тоже серого цвета, точно как у меня, и мы с ним выглядим, как два прилежных ученика. Петя пишет, а я смотрю — красиво или нет. Больше всего мы любим писать буквы «Ш» или «Т» прописные. Потому что в этих буквах по три палочки. Но Пете всегда кажется что три палочки — это мало, и он пишет

их шесть или семь — ему не жалко. Получается очень красивая буква, похожая на забор. Вот такая:

и и и и

Ну, а если в тетрадке уже есть забор, то хочется за ним нарисовать дерево или цветной сад. Вот такой:

А если уже есть деревья, то на них должны расти фрукты.

Фрукты делать тоже не трудно. Надо лучше макнуть перо в чернильницу и встряхнуть над тетрадкой. На деревьях сразу вырастают синие яблоки, груши и даже синие дыни. Надо только не жалеть чернил. Вот, скажем, если Петя пишет слово «каша», то выглядит оно так:

КАК МЫ С ПЕТЕЙ ГОТОВИЛИСЬ К МАСКАРАДУ

Мы с Петей ещё с утра приготовили краски, кисточки, картон и бумагу, а после обеда приступили к работе.

Решено было сделать маску льва. Грозную, страшную, чтобы все боялись. Комиссия, которая будет раздавать призы, увидит, испугается и сразу отдаст Пете первый приз. А может быть, даже все сразу.

Сперва мы вырезали из картона голову льва. Потом проделали дырки для глаз и пасти. Осталось только раскрасить.

Вот тут-то и вышла заковыка: старая история с кисточками. Стоит ими только начать красить, как они моментально лысеют.

Прошло ровно две минуты, и у Пети в руках остались одни палочки. А все щетинки очутились на маске. Получился какой-то небритый лев.

Работа остановилась.

Не долго думая, Петя побежал в магазин за новыми кисточками. Тут за дело взялся я. У меня же кисточка не магазинная, собственная — мой хвост. Он-то уж так скоро не облысеет.

Я стал макать хвост в самые красивые краски и водить по морде льва. Через минуту всё было готово. Лев получился ещё страшнее, чем мы хотели, — синий, чёрный, зелёный.

«Ох, и обрадуется Петя!» — подумал я.

Но всё опять получилось не так. Петя почему-то рассердился и изорвал маску на мелкие кусочки. А на другую маску картона уже не было. Пришлось придумывать новый костюм. Думали, думали, наконец, придумали. Петя начал прыгать по комнате и радостно кричать:

— Я знаю, знаю, что делать! Я приду на

маскарад татуированным индейцем! Не нужен мне никакой картон, я сам себя разукрашу!..

Петя тут же разделся до пояса, поставил перед собой зеркало и взялся за краски. Сперва он красными и жёлтыми полосами раскрасил себе лицо. Потом нарисовал на груди орла и мишень, а на руках кольца всех цветов. Даже на спине он умудрился навести разные линии. Получился чудесный индеец. Когда же он воткнул в волосы куриные перья, то стало ясно, что такого костюма ни у кого на маскараде не будет.

Я так позавидовал Пете, что решил тоже перекраситься — сделаться индейским мышонком. В блюде оставалась густо разведённая зелёная краска. Я забрался в него, повалялся немного и вылез. Лапы и нос я засунул в остатки красной краски — и дело готово. Костюм у меня получился не хуже, чем у Пети. Потом мы с ним начали бегать по комнате и пищать как индейцы. А я ещё вдобавок поползал на животе и покатался на спине. Поэтому пол в столовой тоже получился индейским.

— Ну, пора на маскарад! — сказал Петя.

А я подумал, что хорошо бы взять с собой на маскарад пол, потому что он тоже получился очень красивый и его никто не узнает.

Так оно и вышло.

Как раз в эту минуту в комнату вошла тётушка Марина.

Она сперва зашаталась, потом всплеснула руками, потом воскликнула:

— Что же это творится?! Квартиры нельзя узнать!..

— Правильно, — сказал Петя, — потому что мы индейцы! Мы идём на маскарад!

— Сейчас тебе будет маскарад! Сейчас ты у меня получишь головной убор! — закричала тё-

тушка Марина и потащила индейца в ванную комнату.

Ну, я без Пети в школу на маскарад, конечно, не пошёл, потому что это было бы не честно, не по-товарищески. Поэтому я тоже побежал в ванную.

Тётушка Марина устроила Пете не только головомойку, но и спиномойку, и рукомойку, и всякую другую мойку. А я сидел под ванной и ожидал своей очереди. Когда Петя снова стал Петей, а не индейцем, я подполз к тётушке Марине и попросил её сделать мне тоже головомойку, брюшкомойку, лапомойку и хвостомойку.

Но тут произошёл несчастный случай. Тётушка Марина посмотрела на меня, взмахнула руками и закричала:

— Ах, ах, он уже зелёный!

Конечно, я был зелёный. Какой же ещё?.. Но тётушка Марина, видно, решила, что у меня какая-то зелёная болезнь, и так разволновалась, что упала в обморок. Я стал пищать: «На помощь! На помощь! Скорей на помощь тётушке Марине!..» И пищал до тех пор, пока не пришёл доктор с большим шприцом и не сделал тётушке Марине укол. А мы с Петей сразу спрятались за шкаф, чтобы нам по ошибке тоже не сделали укола.

Потом тётушка Марина жаловалась доктору на свою тяжёлую жизнь. Она говорила, что всё ей теперь кажется зелёным и что всё она путает да путает. Утром ей надо было починить туфли и поджарить картошку, а она починила картошку и поджарила туфли... Завтра она ожидает гостей, а в доме творится безобразие.

В этот вечер мы все втроем мыли в доме индейские полы. А тётушка Марина ещё успела замесить тесто для пирожков.

Тут я и подумал, что из-за Пети совсем не уделяю внимания тётушке Марине, и она, конечно, на меня обижается.

Пете я уже много помогал.

Теперь буду помогать тётушке Марине.

КАК Я ПОМОГАЛ ТЁТУШКЕ МАРИНЕ ДЕЛАТЬ ПИРОЖКИ С МАКОМ

За то время, что ко мне подселились соседи, я проделал в доме большую работу: во всех шкафах и буфетах прогрыз небольшие дырочки. Это для того, чтобы тётушка Марина знала, где у неё лежат продукты.

Дырочки в доме — это как дырочки в швейцарском сыре: чем их больше, тем лучше. Пусть тётушка Марина видит, что я не даром ем хлеб, муку, сало, масло, смалец, сметану, колбасу, сосиски, сардельки, сыр, сахар, манку, гречку, овсянку, рис, макароны, свечи и вообще всё, что она для меня приносит.

Кроме дырочек, я ещё помогаю тётушке Марине готовить разные блюда.

Но пирожки с маком мы с ней делали впервые.

С утра тётушка Марина раскатала тесто, нарезала его кружочками, натолкла мак.

Я знал, что ей понадобится моя помощь, ведь она плохо видит. А тут ещё очки свои куда-то задевала. Это стало заметно сразу, как только она начала мак на тестовые блинчики накладывать: на один мало положит, на другой много. Вот я и стал отъедать лишний мак, чтобы пирожки одинаковые получались.

Ел, ел, пока спать не захотел. От мака всех ко сну клонит, это давно известно.

Смотрел я на блинчики, зевал и думал: «Из

теста может хорошая постелька получиться — мякенькая, вкусная. Надо будет у тётушки Марины кусочек одолжить. Захотел — поспал, захотел — поел... Вот возьму сейчас и прилягу на свободный блинчик...»

Только пока я зевал — прозевал последний блинчик: тётушка Марина на него уже мак положила. Пришлось идти на своё место.

Но до норки я не дошёл — сон свалил меня на дороге, прямо под диваном.

Проснулся я от Петиных криков.

«Ура! — кричал он. — Пирожки готовы! Посмотрите, какие у нас пирожки!»

И действительно, пирожки получились пышные, румяные. Смотрел я на них и думал: «Молодец всё-таки тётушка Марина, сама без меня дело закончила».

Петя и мне дал пирожка попробовать. Но я больше мака не ел, решил — на сегодня хватит. А то ещё при гостях зевать начну, неудобно будет.

Когда вечером пришли гости, тётушка Марина налила всем чай и поставила на стол блюдо с нашими пирожками. Я за всем этим делом наблюдал из-под дивана.

Гости ели пирожки и очень хвалили.

— Прелесть! — причмокивали они языками. — Сто штук съешь и ещё захочешь!

А одна гостья особенно хвалила. Она разглядывала пирожки и говорила хозяйке:

— Они ещё у вас с узором! Изумительный рисунок, какая-то птичья лапка...

Тётушка Марина тоже посмотрела на пирожки и ахнула:

— Какая птичья! Да это же, это же...

И сразу стала меня искать.

Тут все гости вскочили с мест, закричали и начали за мной гоняться, чтобы узнать рецепт, как готовить пирожки с узором.

Но вы мою скромность знаете. Я от своей работы не отказываюсь — все её видели, а слава мне не нужна. Пусть она достанется одной тётушке Марине.

И я спрятался за буфет.

Не успели гости разойтись, как произошло ещё одно радостное событие: к нам приехал долгожданный гость, родной брат тётушки Марины, знаменитый музыкант. Все бросились его обнимать и целовать. Но я не стал лезть гостю на глаза, решил — познакомлюсь после, когда представится более удобный случай. И случай этот представился. Поэтому в следующей истории вы узнаете,

КАК Я ВЫСТУПАЛ В ТЕАТРЕ

Оказывается, брат тётушки Марины играет на флейте. Это чудесный инструмент. Ни один другой не может так тоненько пищать, как флейта. И выглядит она очень красиво: с одной стороны щёлочка-пищалочка, с другой — норка, а посередине — блестящие кнопочки. Ко всему этому она ещё «пикколо» называется.

Дядюшка-артист нам в первый же вечер сыграл на ней и объявил, что завтра у него в театре концерт. Он один будет стоять на сцене и играть соло. Я сразу догадался, что он имеет в виду сало, и вся эта история мне ещё больше понравилась.

На концерт решили пойти все вместе, поэтому легли спать с хорошим настроением. Но утром дядюшка-музыкант вдруг заявил, что плохо себя чувствует и боится, что не сможет хорошо играть, «чего доброго, провалит весь концерт». Тётушка Марина стала охать, заламывать руки и переживать.

— Боже мой! — причитала она. — Я бы всё

отдала, чтобы концерт прошёл хорошо! Я бы расцеловала того, кто выручит моего братца!

Услыхав последние слова, я немедленно решил помочь бедному музыканту и заодно ещё раз доказать тётушке Марине свою дружбу. Сделать мне это не трудно: флейту я всегда смогу заменить, особенно если она «пикколо». Там, где артист тоненькой ноты взять не сможет, я за него попишу. Одного я не знал: как попаду в театр?

Но всё решилось очень просто — помог счастливый случай. Помню, мне захотелось ещё разок посмотреть на этот чудесный музыкальный инструмент. Я залез на диван и увидел, что футляр открыт и в нём лежит-красуется эта самая «пикколо». Я немедленно забрался в футляр и, к своему удовольствию, кроме флейты, обнаружил на мягкой бархатной подстилочке прошлогодние крошки от сладкого печенья.

Потом по многим жирным, солёным и сладким пятнышкам я выяснил, что здесь побывали разные бутерброды, паштеты, селёdochка, огурчики, пирожные и конфеты. Короче, дядюшка-музыкант носил в этом футляре не только флейту, но и завтраки.

И вот, как только я залез в флейтину норку, чтобы познакомиться с ней поближе, крышка футляра захлопнулась, и стало темно, как в банке с чёрной ваксой. Потом меня вместе с флейтой куда-то понесли. Оказывается, прямо в театр. Таким образом, я попал именно туда, куда надо было. Не помню, что было дальше, но когда прозвонил звонок, дядюшка вынул из футляра флейту, и мы с ним вышли на сцену. Все места в зале были заняты. Петя и тётушка Марина сидели в первом ряду и смотрели прямо на нас. Я очень волновался, потому что выступал первый раз в жизни.

К счастью, всё оказалось не так сложно. Когда я высунулся из флейтиной норки, то сразу увидал перед собой ноты. А они все похожи на мышек, на белых и чёрных, с хвостиками. И я сразу понял, что там написано. Поэтому, когда дядюшка трижды топнул ногой, мы вместе с флейтой запикали.

Успех был огромный. Зал шумел от восторга. А Петя даже запрыгал, когда узнал меня.

Но самое главное было не это, самое главное было в конце. Дело в том, что мне приходилось крепко держаться за края флейты, потому что, когда дядюшка-музыкант играл, мне в спину всё время дуло. И вот, когда нам нужно было взять самую высокую ноту, дядюшка набрал в лёгкие побольше воздуха, да как дунет — я не удержался и, словно пуля, вылетел из флейты. Перенёсся через весь зал и шлёпнулся прямо у выхода. Публика от восхищения вскочила с кресел.

Такого музыкального трюка в этом городе ещё ни один артист не делал.

В общем, получилось всё здорово. Наше выступление закончилось даже раньше, чем надо. Я побежал в раздевалку, нашёл Петино пальто. Сделать это было нетрудно, потому что это пальто самое красивое: на нём спереди и сзади разные пятна.

Как только я залез в карман, публика прибежала в раздевалку...

Обратно мы ехали в такси и долго не могли отделаться от пережитых впечатлений. Дома тётушка Марина прикладывала к сердцу холодные компрессы и охала. А дядюшка-музыкант ходил по комнате и не переставал удивляться. «Не понимаю,— говорил он.— Откуда в новом доме мыши?! Это же редкость! Ты мало им уделяешь внимания!»

Я хотел сказать, что зря он обо мне так беспокоится.

Но разве тётушка Марина даст слово сказать! Она закричала, что какая-то её чаша давно переполнена, что терпение у неё лопнуло и что завтра же она уделит мне столько внимания, сколько я заслужил,— преподнесёт мне чудесный подарок. И если после того концерта дядюшку когда-нибудь пригласят в наш город, то всё уже будет по-другому...

Было очень неудобно, что взрослые уделяют мне столько внимания. Но я с нетерпением стал ожидать завтрашнего дня, то есть сегодняшнего, потому что тётушка Марина как раз сейчас пошла за подарком.

Теперь уже ждать недолго.

ТЁТУШКА МАРИНА ПРИНОСИТ ПОДАРОК

Вчера тётушка Марина обещала расцеловать того, кто выручит её брата. Я не люблю нежностей, но ради дружбы и покоя я бы ей это позволил.

Однако тётушка Марина утром даже не посмотрела в мою сторону. Она схватила большую сумку и куда-то отправилась. А Петя не удержался и всё мне разболтал. Он бегал по комнате и радостно кричал:

— Ура! Ура! У нас будет сибирский кот! Мама сейчас принесёт чудесного кота!..

Я сразу догадался, что это и есть мой подарок. Тётушка Марина слово своё сдержала...

Ой, кажется, звонят. Кто-то пришёл... Ну да, это она, тётушка Марина с подарком!.. Что же я стою? Надо ведь что-то делать!.. Я знаю что: я возьму и спрячусь в свою норку. Когда

приносят подарки, все бегут навстречу, а меня не будет. Петя и тётушка Марина начнут удивляться, искать и спрашивать: «Где он? Где он?» А я высунусь из норки и скажу: «Здрасте, я здесь! Я пошутил!»

И всем станет очень весело. Ну, а там видно будет — сидеть ещё в норке или выходить... Извините — бегу! И, пожалуйста, не обижайтесь на меня. Живы будем — увидимся! Не знаю только где... А пока — всего хорошего! До скорой встречи!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЫЦИК И КЫЦИК

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Ещё раз здравствуйте! Какая приятная встреча! А я уже думал — больше не увидимся... Что же вы опять не туда смотрите? Это же слон. А я — здесь, внизу, возле мартышкиной клетки. Помните, мы с вами знакомились у тётушки Марины? Давно это было, много крупы с тех пор просыпалось. Вот уж действительно не знаешь, где встретишь старых друзей. Правду говорят, что все дороги ведут в цирк... А как вы узнали, что я теперь выступаю в цирке? Ах, вы просто пришли на экскурсию. Это правильно. К нам в цирковые конюшни каждый день приходят взрослые и дети. Звери любят смотреть на разные экскурсии. Это место по старинке называется «конюшнями», а живут здесь разные звери, все, которые выступают в цирке.

Вот это, например, учёный гусь. А это — медведь Косолапый. А это наш директор Кузьма Иванович. А это — дрессированный козёл Бодай;

а это укротительница львов и тигров тётушка Кнутикова... Мы уже с ней один раз выступали. А это её львы...

Вам очень повезло, что мы снова встретились. Теперь по знакомству вы получите в цирке самые лучшие места — под стульями первого ряда...

Вы спрашиваете, как я сюда попал? О, это целая история и притом не простая. Я теперь уже не тот Мыщик, что прежде,— другой. С тех пор разное случалось. Как говорится, не всё коту масленица, не всё мышке пышки...

Да, на мне теперь большие заботы. Я ведь здесь не один, со мной кое-кто ещё...

Хотите знать, как это случилось? Пожалуйста. До начала представления времени ещё много, успею вам рассказать. И прежде всего о том,

КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ПОДАРКОМ ТЁТУШКИ МАРИНЫ

Вы, конечно, помните, чем кончилась прошлая история. Так вот, когда тётушка Марина принесла мне в подарок сибирского кота, я остался в своей норке: не хотел, чтобы меня считали жадным. Но тётушка Марина и Петя обо мне вдруг забыли.

Они стали носиться с этим подарком по комнате и говорить о нём разные приятные вещи.

— Ах, какие у нас бархатные ушки! — мурлыкала тётушка Марина.

А Петя добавлял:

— И усы.

— Ах, какие у нас беленькие зубки!

А Петя добавлял:

— И хвост!

— Ах, какие у нас чудесные коготочки!

А Петя добавлял:

— И глазища!

Из этих разговоров я понял, что мне достался очень хороший экземпляр, с «зубками», «коготками», «глазищами», и я должен сам поскорее на него посмотреть.

Когда тётушка Марина и Петя ушли, я тихонечко высунулся из норки и сразу всё увидел. Мой миленький, хорошенький подарочек сидел под обеденным столом и светил своими зелёными глазищами. Он был очень сибирский, очень важный, и на шее у него висел шёлковый бант.

«Как же я в своём сером виде появлюсь перед таким франтом?» — подумал я и сразу вспомнил про тётушку Марину. Она всегда к приходу гостей делалась красивой: рисовала себе розовые щёки, белый нос и чёрные брови. Я решил тоже стать красивым и быстро забрался на туалетный столик тётушки Марины.

Оказывается, она и здесь обо мне позаботилась: выставила разные духи, помады, тушь, а пудреница даже была открыта, и в неё положена мягкая пуховочка. Но больше всего меня обрадовал мой собственный живой портрет. Он стоял прямо передо мной и делал то же, что и я: махал хвостом, умывался, обнюхивал всё вокруг. Я сперва подумал, что это другой мышонок, но когда потрогал лапой, понял, что это стекло. Тут я ещё раз убедился, что тётушка Марина меня очень любит, потому что иначе она не стала бы выставлять мой портрет на самом видном месте.

Я минутку полюбовался собой и приступил к делу. Прежде всего я чёрной тушью покрасил усы, и они сразу заторчали как полагается. Потом я стал душиться духами под названием «Пиковая дама». Но случилась неприятность: вся «Пиковая дама» вылилась на меня, и я чуть не задохнулся в её аромате. Тогда я поскорее стал

пудриться. Сунул два раза нос в коробочку и посмотрел на свой живой портрет,— никакого впечатления, пудры даже не видно. «Эх, было бы красиво, если бы нос у меня был большим, как у тётушки Марины!» — помечтал я. Но вы же знаете, какой он у меня — меньше спичечной головки. Пришлось пудриться целиком. Я залез в пудреницу и выкупался. Получилось великолепно. Я даже тогда подумал: «Если бы коробочка от пудры была величиной с ванну, тётушка Марина тоже пудрилась бы целиком».

Теперь я был очень похож на не очень белого медведя. Я даже тихонько порывал для важности и пошёл знакомиться. По дороге я так размечтался о своей красоте, что не заметил, как подкатился под самый нос дорогого подарочка.

И тут стряслась беда.

Глаза у кота стали как две столовые ложки, он весь задрожал, зажал лапами нос и зашипел: «Ф-ф-ф, какой дух!» Потом стал на задние лапы, охнул и рухнул на спину. Упал — не дышит.

Я к нему:

— Ну, миленький! Ну, маленький! Ну, котик мой, не бойся, я тебя не съем! Я за тебя заступаться буду...

Поздно: усы уже не шевелились. Погиб! От страха погиб. «Эх, глупая моя голова! Глупый хвост! — стал проклинать я себя.— Как же я сразу не подумал, что такое может случиться?! Уж на что тётушка Марина большая, и то, видя меня, всегда в обморок падает... О, горе, горе! Убийца я! Жестокий убийца!.. Что теперь скажет тётушка Марина?! Она никогда мне этого не простит...»

Но только я произнёс имя тётушки Марины, как тут же воспрянул духом. Я вспомнил, что у неё есть волшебное средство на все случаи смерти, и решил немедленно этим воспользоваться.

Не успели ещё просохнуть слёзы на моих усах, как я уже сидел в домашней аптечке. Перебирая таблетки и пузырьки, я припомнил, что, когда тётушка Марина кричит «умираю!», она пьёт валерьянку.

Понадобилась одна минута, чтобы чудесная бутылочка очутилась перед погибшим котом. Я мигом выкусил пробку и капнул волшебным напитком на холодный сибирский нос.

Чудо произошло. Мой подарок широко раскрыл глаза и удивлённо посмотрел по сторонам. А через секунду он стал в сто раз живее, чем до своей смерти. Хвост и лапы его задрожали, глаза завертелись, нос стал шнырять из стороны в сторону. Наконец, он догадался, откуда исходит волшебный запах. Он схватил дрожащими лапами бутылочку и давай лакать, примурлыкивать: «Мяу-мурляу! Лакау-мурляу!..» — и всю одним духом вымурлыкал.

Комната сразу пропахла валерьянкой. А кот стал на задние лапы, стукнул себя кулаком в пушистую грудь и заговорил так, будто у него в животе застрелял игрушечный пистолет: «Ик... Ик... Ик...»

— Ты знаешь, ик-то я такой? — спросил он меня.

— Не знаю,— притворился я.

— И я ик-не знаю,— сказал он. Потом пока-
тал по полу пустой пузырёк и сказал:

— А это ик-что такое?

— Валерьянка,— говорю.

— Эх, весёлая валянка! — сказал он, пока-
тился колесом по полу и начал делать стойки на
голове. А потом скосил глаза так, что один ока-
зался между ушами, и спрашивает:

— Ты мне ик-друг?

— Друг,— говорю.

— А ты меня ик-уважаешь?

— Ик,— говорю,— очень. И если тебе нравится валерьянка, достану тебе ещё десять таких бутылочек.

Как бросится он ко мне — чуть не задушил от радости. А потом стал облизывать от хвоста до ушей. Тут я его спросил:

— А как тебя зовут?

— Кыц-ик,— говорит.

— А меня Мыц-ик,— отвечаю.

— Очень ик-приятно,— сказал он и протянул мне кончик своего хвоста.

Я с удовольствием пожал его и спросил:

— Ты меня больше не боишься?

— Ик... не знаю,— сказал он, да как рывкнет.— Я теперь ик-никого не боюсь! — И пошёл на задних лапах по комнате.

«Удивительная вещь валерьянка! — подумал я.— Мёртвого оживила и на задние ноги подняла! Теперь я понимаю, почему тётушка Марина так свободно на задних ногах ходит...»

А котик мой разошёлся вовсю: завертел хвостом, как пропеллером, и хотел залететь на люстру. Потом стащил со стола скатерть, завернулся в неё, как в плащ, и запел какую-то кошачью арию.

Мне тоже захотелось иметь такой плащ, и я стал тащить скатерть с туалетного столика. Верный друг Кычик тут же стал помогать мне, и на нас посыпались коробочки, помады, разные бутылочки, флаконы. Наша дружба сразу запахла всеми духами. Потом нас накрыла скатерть, и стало темно, как в моей норке.

В это чудное мгновение в комнату вошли тётушка Марина и Петя.

— Ага, попались! — радостно закричал Петя и бросился в нашу компанию. Тётушка Марина,

конечно, тоже. И тут наша игра расстроилась, потому что в «кошки-мышки» лишние игроки не нужны. Кроме того, засиживаться в гостях, даже у соседей, не очень прилично, и я решил поспешить домой. Я заметил под скатертью щёлочку, крикнул Кыцику: «До завтра!» — и выскочил вон.

Уже из своей норки я услышал, как тётушка Марина стала чем-то угощать Кычика и приговаривать: «Вот тебе! На тебе! Вот тебе! На!»

И он сразу запел другую песню.

Больше я ничего не слышал. Я так нанюхался валерьянки, что стал засыпать, и в голову ползли разные весёлые сны. Например, в одном из них я чуть не съел своего Кычика. Но наутро началась новая, не очень радостная история.

КЫЦИК НАЧИНАЕТ ОХОТУ НА МЫШЕЙ

На рассвете я застал Кычика в слезах.

— В чём дело? — спрашиваю. — Кто тебя обидел?

И Кычик, жалобно всхлипывая, сказал:

— Тётушка Марина тычет меня носом во все углы и требует, чтобы я ловил каких-то мышей. А как я могу ловить каких-то мышей, если я их в жизни не видел?.. Дорогой Мычик, ты же очень умный, ты же всё знаешь — расскажи хотя бы, какие они с виду. Я тебе этого вовек не забуду!

— Конечно, с охотой! — отозвался я. — Тебе просто повезло, что перед тобой стою именно я, а не кто-нибудь другой. Лучше меня никто не расскажет, какие бывают мыши...

Я уж хотел вытянуться перед ним во весь рост и сказать: «Смотри, это и есть тот, кого ты ищешь!» — но вдруг подумал: «А если он примет

мои слова за шутку и не поверит? Слишком уж всё просто получится: только пожелал и — пожалуйста».

И я тут же нашёл самый чудесный и весёлый способ, как познакомить его с мышонком. Я вспомнил про свой живой портрет.

— Не ленись,— сказал я Кыцику,— залезь на туалетный столик тётушки Марины, там ты сразу увидишь мышонка и узнаешь, какими они бывают.

Кычик не дослушал меня и бросился к туалетному столику. Он вскочил на него, и тут произошло самое неожиданное.

Я смотрел с пола на эту картину и удивлялся.

Сперва у Кычика было такое выражение, словно он увидел там самого себя. А через мгновение шерсть на нём вздыбилась, хвост поднялся трубой, и он как зашипит: «Так вот какие мыши! Ну, берегись!»

И бросился вперёд.

Я от страха зажмурил глаза и открыл их только тогда, когда услышал сильный удар, а затем звон разбитого стекла. Весь пол был усеян блестящими осколочками. Бедный Кычик сидел на полу и жалобно пищал. На его лбу, точно третье ухо, торчала огромная шишка.

Мне стало очень жаль своего портрета, но ещё больше я переживал за беднягу Кычика. И только я собрался его утешить, как в комнату влетел Петя. Он посмотрел на пол и затанцевал от восторга.

— Ура! — закричал он.— Теперь я богаче всех мальчишек! У меня сто зеркальных осколочков. Я каждый день буду пускать солнечных зайчиков.

Тётушка Марина тоже вбежала в комнату и набросилась на Петю. Она решила, что оско-

лочки — это его работа. Но шишка на лбу Кыцка открыла ей, кто настоящий виновник.

Пете было приказано провести с Кыциком воспитательную работу и раз навсегда объяснить, чем он должен заниматься в доме.

Петя немедленно принялся за порученное дело.

КАК КЫЦИК ПОЙМАЛ ТЁТУШКЕ МАРИНЕ МЫШКУ

Не успел я утром вытянуть хвост из своей норки, как услышал дрожащий голос Кыцка:

— Не подходи! Не подходи ко мне близко! Я уже всё знаю!

— Что знаешь? — спросил я.

— Я уже знаю, какие бывают мыши.

— Что же тут удивительного, — заметил я. — Мы с тобой знакомы не первый день, и потом ты видал мой портрет.

Но Кыцик при упоминании о портрете только простонал и отвернулся.

— Как же ты всё-таки узнал об этом? — спросил я. — Объясни толком.

И Кыцик пропищал:

— Меня научил Петя. Он поймал меня, усадил за свой учебник и начал приговаривать: «Учись! Учись! Учись!..»

— Ну, и что из этого?

— А то, что в учебнике был нарисован ты, а Петя без конца повторял: «Это мышь! Это мышь! Лови мышей!..» Теперь я знаю, кого мне надо ловить.

— Да, — согласился я, — если дело дошло до учебника, тогда всё понятно. Учебник — великая сила! Это я на себе проверил. Однажды тётушка Марина меня им по голове стукнула, так до сих пор помню этот урок.

Тут Кычик начал рыдать и, глотая слёзы, сказал:

— Теперь, если я тебя не поймаю и не уничтожу, мне в доме жизни не будет, меня выгонят на улицу. Что я, несчастный, там буду делать?

Бедный Кычик рыдал, а я переживал и думал, как его выручить. Ведь, кроме меня, в этом деле никто ему не мог помочь.

«Ну, что ж,— сказал я себе.— Раз ты друг, то раздумывать нечего — выручай!» Мне, конечно, стало себя немножечко жаль, потому что я всё-таки тоже живое существо. Но я набрался духу и сказал ему:

— Вот что, Кычик, не плачь, я тебе помогу!

— Как? — простонал он.

— Очень просто. Ты должен меня поймать и немножечко уничтожить.

Кычик весь задрожал, выпучил глаза и заикаясь спросил:

— Ты... ты так думаешь?

— Конечно, другого выхода у нас нет. Так что давай прощаться.— И я протянул ему обе лапы.

Кычик нежно обнял меня, и мы зарыдали вместе. Потом он спросил:

— Ну, а что я теперь должен делать?

— Известно что, должен меня съесть.

— Как, всего?! — ещё больше ужаснулся Кычик.

— Да, всего.

— И твои ушки?

— И мои ушки.

— И твой носик?

— И мой носик.

— И твой хвостик?

— И мой хвостик...

— Ой, что же я, несчастный, буду делать?! — рыдал Кычик и ещё крепче прижимал меня к своему сердцу.

— Ну, ладно,— сказал я, утирая слёзы.— Нечего тянуть, для меня это не очень большое удовольствие. Начинай!

— Не-е могу! — простонал Кычик.— Помоги мне!

Легко сказать «помоги!». А как? Не стану ж я сам себя есть...

Тут я вспомнил, как тётушка Марина угощает Петю конфетами и скомандовал:

— Открой рот и закрой глаза! И не открывай, пока я не сосчитаю до трёх.

Кычик послушно исполнил приказание.

— Раз! — сказал я.— Два! Два с половиной...

— Стой, стой! — закричал вдруг Кычик.— Подожди!...

— Чего ещё ждать?

— Послушай,— дрожащим голосом сказал он.— Может быть, у тебя есть другой мышонок. Такой же, как ты, только совсем другой...

— А что, я тебе не нравлюсь? — хотел было обидеться я, но тут же всё понял и побежал к свалке Петиных игрушек.

Кычик бросился следом за мной. На ходу я ему сказал:

— Сейчас ты поймаешь тётушке Марине мышку, и тебе не надо будет страдать. Вперёд! Вперёд!

Мы разбросали все Петины игрушки по комнате и отыскиали мышку, чудесную замшевую мышку с резиновым моторчиком, ну почти совсем-совсем как настоящую. Хвостик у неё был ручкой, с помощью которой заводился моторчик.

— Вот, получай! — сказал я Кычику.— Думаю, тётушку Марину она вполне устроит. Уж на что Петя капризный ребёнок, и то очень лю-

бил с ней играть... Неси её тётушке Марине и миритесь...

А вечером произошло вот что. Кычик хотел сделать как получше, приятно удивить тётушку Марину. Он накрутил мышке хвостик и положил её на постель, на белую подушку.

В этот день у тётушки Марины было много утомительных хлопот, и она решила пораньше уснуть. Но как только она легла на постель, слышалось жужжание мышиноного моторчика, и тётушка Марина начала высоко подпрыгивать, как будто все пружины матраца сговорились и взялись дружно подбрасывать её к потолку. Когда же тётушка Марина стала двумя ногами на землю, то смогла произнести только пять слов: «Петя, ремень и Кычика сюда!..»

Полночи я утешал своего дорогого друга, уверял, что всё к лучшему, что теперь тётушка Марина больше не будет требовать от него мышей, потому что не любит спать с ними в одной постели. Так оно и вышло.

НОВАЯ ЗАБОТА ТЁТУШКИ МАРИНЫ

Утром у входа в свою норку я обнаружил одну странную вещь: подносик с разными проволочками и пружинками. Если бы на нём не было свежего ломтика колбасы, я принял бы его за Петину игрушку. Но скоро я понял, что это, должно быть, модная посуда. Тётушка Марина часто покупала новую посуду, потому что и она, и Петя любили делать из тарелок разные осколки. Но посуда, которая стояла передо мной, была другого сорта: её нельзя разбить, она была из дерева.

«С чего бы это тётушка Марина стала проявлять обо мне такую заботу? — подумал я.—

Слава богу, я ни в чём не нуждаюсь, и незачем мне устраивать завтраки с доставкой на дом... Да, видно, доброта тётушки Марины не имеет границ».

Тут я разглядел на подносике буквы. Наши занятия с Петей не прошли даром. Не знаю, как он, а я научился немножечко читать по складам. С той стороны, где я стоял, на подносике было написано: «Л, О=ЛО; В, К, А=ВКА». Вместе получается «ЛОВКА»... «Ну и тётушка Марина,— ещё раз удивился я.— Всегда что-нибудь ловкое придумает! Надо ещё с другой стороны прочитать». И я прочитал:

«М, Ы=МЫ; Ш, Е=ШЕ...» Получается «МЫШЕ», то есть мне. Очень правильно, ведь это мне и поставлено. Ну а вместе, с двух сторон, получается — «МЫШЕЛО...» Что?! Мышеловка?! Ай! Что же это значит?! Кого-то хотят словить?! Нет, тётушка Марина здесь ни при чём. Тётушка Марина, наверное, об этом даже не знает и, не дай бог, сама может словиться... И Кычик не знает. А ведь он очень жадный, увидит колбаску, схватит и попадётся!.. Надо немедленно их предупредить!

И я стал звать: «Кычик! Кычик!..» Но он как сквозь землю провалился.

И тётушки Марины не видно.

Обегал я всю квартиру — никого не нашёл. А когда вернулся в кухню, беда уже произошла. Кычик сидел перед «ловкой», дул на свою распухшую лапу и орал:

— Мяу-у! Мяу-у! Ой, мяу!..

— Ах, беда моя! — всплеснул я лапами.— Да как же это с тобой произошло?!

— Не-е зна-аю,— сквозь слёзы простонал он.— Это меня колбаска ударила, ой, ой, ой...

— Колбаска?! — удивился я.— Да что она — взбесилась, что ли? Нет, Кычик, это всё твоя жад-

ность, это потому, что ты не прочитал, что написано на подносике. Вот прочитай, ведь это же «Ловка». Она всех ловит. Поэтому ты и пострадал... Ну что мне с тобой, непутёвым, делать?!

— Ой, моя лапочка! Ой, я несчастный! — орал Кычик. — Ой, что же я теперь буду делать!..

Мне стало жаль своего Кычика, я даже заплакал.

— Ты из-за меня плачешь? — спросил Кычик.

— Да, — ответил я, утирая слёзы. — Из-за тебя и ещё из-за тётушки Марины тоже. Она не переносит чужих страданий. Увидит твою распухшую лапу и ещё умрёт от горя. У нас однажды уже так было, когда Петя прищемил дверью пальцы. Пришлось тётушке Марине вызывать «скорую помощь».

Но Кычик не успокаивался.

— Я знаю, — орал он. — Я хорошо знаю, что тётушка Марина для меня поставила эту кошкотовку... И ремень она тоже специально для меня держит... Я думал, что он нужен для Петиних штанов, чтобы они не спадали, а тётушка Марина меня уже три раза этим ремнём стегала, ой, ой, ой!..

— Ну и что же? — сказал я. — Она и Петю им иногда стегает. Нет, Кычик, ты всё-таки неправильно понимаешь. Я прежде тоже ошибался и принимал разные полезные поучения за обиды. Тётушка Марина добрая и обо всём заботится. А что касается ремня, так это она делала для опрятности: она тебя не стегала, а пыль выбивала. Посмотри, какой ты мохнатый!.. Она каждое воскресенье все шерстяные вещи выколачивает. Так что ты не обижайся на тётушку Марину.

Тут Кычика вдруг словно взорвало. Вся сибирская шерсть стала на нём дыбом, спина выгнулась, и он заорал:

— Не хочу я слушать про твою тётушку Марину! Не хочу я видеть твою тётушку Марину! Не верю я больше ни одному её слову! Обещала сливками кормить, рыбкой, печёночкой, тушёночкой... Ой, ой, ой! Хватит с меня! Не нужны мне больше ремни и кошколовки! Не хочу здесь быть, ухажу-у-у!

— Куда же ты пойдёшь один?! — испугался я.

— На улицу! На улицу пойду! Пусть меня загрызут собаки! Пусть меня раздавит автобус! Тётушка Марина будет знать, как обращаться с сибирскими кошечками... Собирайся, Мычик! Скорей, потому что я один боюсь идти на улицу!..

— А как же тётушка Марина? Она не переживёт этого!

— И я не переживу. Я боюсь один ходить по улицам. Неужели же ты меня бросишь одного, когда у меня так болит лапка?! Ой, моя лапочка!..

— Конечно, не брошу! — поспешил я утешить своего Кычика и стал думать, как быть. Но тут я заметил, что вход в мою норку аккуратно забит круглой дощечкой. Это Петя закрыл мою норку на капитальный ремонт. И я сказал Кыцику:

— Ладно, идём. С сегодняшнего дня у меня небольшой отпуск, и я могу распоряжаться собой как хочу.

И мы, не простившись, ушли из дому. Сперва через кладовку опустились в подвал, нашли там большую щель и выползли на улицу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МЫЩИК, КЫЦИК И ЦИРК

КУДА ВСЕМ НУЖНО ИДТИ

По улицам ходят очень много ног, и для мышонка даже самый маленький ботиночек вполне подходит, чтобы накрыть его с головой и с хвостом. А кошкам кажется, что каждый третий пешеход ходит по улице с собакой. А может, оно так и есть. В общем, ходи да поглядывай: верти головой вверх, вправо и влево. Хорошо, если ты сам и заботишься о себе одном. А если на твоих руках беспомощный и трусливый инвалид, тогда хуже...

Теперь у бедняги Кычика никого, кроме меня, не осталось: круглый сирота. И, кроме того, он заявил, что жить на свете не сможет, если рядом не будет меня, мышонка. Кто-кто, а я его хорошо понимаю.

Вот так мы и шли по улицам, шли медленно, потому что Кычику было больно ступать на распухшую лапу. Я его очень жалел и всё время думал, чем бедняге помочь. Наконец, придумал.

Я сказал ему:

— Обопрись больной лапой о мою спину, и тебе легче будет ходить.

— С удовольствием! — воскликнул Кычик и положил на меня тяжёлую лапу.

— Ну, как? — спросил я. — Легче?

— Намного. А главное, очень приятно.

— Что приятно? — удивился я.

— Когда кошачья лапа лежит на мышьиной спине. Очень приятно. Я даже чувствую, как она выздоравливает.

Я тоже почувствовал, что какие-то острые

крючочки стали царапать мне спину, и сказал Кыцику:

— Ты на меня не обижайся, но я должен заметить, что на мышинной спине значительно приятнее чувствовать больную, а не здоровую лапу.

— Это у меня коготки из подушечек вылезают,— объяснил Кыцик.

Но тут разговор пришлось прекратить. Мы заметили, что все прохожие смотрят на нас и с уважением уступают дорогу.

— Вот так чудеса! — говорили они.— Кошка с мышкой ходят в обнимку!

— Это хороший признак! — говорили другие.— Очень хороший!..

А мы с Кыциком удивлялись, почему они удивляются. Что странного в том, что мышка дружит с кошкой? Когда в доме на всех хватает еды — никто никого не ест. Возьмём, к примеру, наш дом: сколько мы в нём живём, а до сих пор Петя не съел тётушку Марину, а я — Кыцика. Непонятно другое: куда спешат все эти люди? Если бы мы это знали, мы бы тоже туда направились.

Но город тем и отличается от леса, что в нём всё известно. На всех перекрёстках написано «Переход!», всюду нарисованы стрелки. Если целы ноги — ходи куда хочешь. Кроме того, полно всяких плакатов и вывесок. Мне, например, приятно было прочесть плакат с надписью: «БОРИТЕСЬ С МЫШАМИ!» Я до сих пор и не знал, что мышей считают такими сильными и приглашают с ними бороться. А в витрине магазина, где продавались разные машины, висела табличка «МЫШИННОЕ МАСЛО»... Очень нас уважают!

Короче говоря, мне пришлось взяться за дело и выяснить, куда идут все люди. И я это выяснил.

На стенах домов висели цветные афиши, на которых яркими буквами было написано:

В С Е В Ц И Р К !

А снизу большая стрелка указывала, куда надо идти.

Тут у меня сразу повеселело на душе, словно я увидал целый килограмм сала. Дело в том, что цирк для меня был не новинкой: я с ним давно познакомился по Петиним книжкам. Когда я обгрызал с корешков лишний клей, то прочитывал их от корки до корки и рассматривал все картинки. Так что цирк я изучил, как свой собственный хвост. Поэтому, хорошо все обдумав, я решительно заявил Кыцику:

— Мы идём в цирк! Нам непременно нужно там быть. И вообще, Кычик, я думаю, цирк — самое хорошее и весёлое место на свете. Тебе это скажет даже маленький ребёнок. По моему мышиному разумению, весь мир должен быть устроен, как один большой цирк, потому что в цирке все выступают и никто никого не ест!..

И мы поспешили туда, куда указывала стрелка.

МЫ С КЫЦИКОМ ПОПАДАЕМ В ЦИРК

В цирк шли все. Маленькие дети вели туда своих бабушек и дедушек, а взрослые — домашних животных, чтобы они тоже научились делать разные весёлые штучки. Кыцику так захотелось поскорее попасть в цирк, что он забыл про больную лапу, мурлыкал от нетерпения и без конца задавал глупые вопросы.

Возле цирка он спросил:

— А как мы пройдем, если у нас нет билетов?

— И не нужно,— ответил я.— Мы пройдем там, где проходят все дрессированные звери и артисты.

— А если меня не пустят?

— Скажешь, что ты со мной. Главное, молчи про больную лапу, потому что цирковых артистов с больными лапами не бывает... Ну как, болит ещё твоя лапа?

— Нет, нет, уже давно не болит! — заверил меня Кычик.

— Тогда, пожалуйста, сними её с моей спины.

— У-у, противная,— заворчал Кычик.— Это она сама всё время тебе на спину лезет...

Тут мы как раз подошли к служебному ходу. Дверь широко распахнулась, и какая-то тётя вымела на улицу мусор.

— Вот видишь,— сказал я Кычику.— Нас уже встречают: дверь открыли и дорожки подмели!

И сразу из цирка послышался звонок. Мы прошмыгнули в середину и попали в большое помещение. Народу было полным-полно.

— Ни одного свободного места,— печально вздохнул Кычик.

— А вон видишь балкончик с бархатными перильцами? — сказал я.— Он пустой, значит, для нас и приготовлен.

Мы быстро вскарабкались на балкончик и уселись на мягкие бархатные перильца. Все сразу стали смотреть в нашу сторону.

Тогда я понял, в чём дело.

Это была директорская ложа, и зрители, наверное, приняли меня за директора.

«Ну и пусть,— подумал я,— так хоть не выгонят».

Видно, нас ожидали, ибо, как только мы уселись, грянула музыка, и на арену вышли артисты.

Первое отделение программы нам с Кычиком не очень понравилось. Клоуны без конца колоутили друг друга бамбуковыми палками и орали на весь цирк. Кычик то и дело жмурил глаза и дрожал.

— Что с тобой? — спросил я его.

— Смотри, Мычик, — заикаясь сказал он. — Эти клоуны уже начали выбивать друг из друга пыль, скоро и до нас доберутся.

Я его успокоил и объяснил, что это они выбивают не пыль, а смех из зрителя.

И действительно, чем сильнее клоуны тузили друг дружку палками, тем громче смеялись зрители.

Самое интересное было во втором отделении. Но об этом особый разговор.

САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ

Во втором отделении выступала укротительница львов и тигров тётушка Кнутикова. Сперва на арене построили большую клетку. За ней, с двух сторон, поставили дядюшек с золотыми чайниками на головах и толстыми резиновыми шлангами в руках.

Когда всё было готово, в клетку вбежали шесть львов и четыре тигра. А потом к ним выпустили укротительницу. Она сразу стала щёлкать кнутами и кланяться, а львы и тигры рычали от удовольствия.

— Знаешь, — сказал я Кычику, — эти большие кошки очень похожи на тебя. Они случайно не твои родственники?

— Мои! — с гордостью сказал Кычик. — даже понимаю, о чём они рычат.

— Да,— сказал я,— хорошо бы, если б среди них оказался твой родной дяденька или хотя бы тётя, тогда бы нам легче было устроиться здесь на работу.

Но Кычик не успел ответить, потому что началось укрощение. Это было очень интересно. От всего, что происходило в клетке, дух захватывало. Кычик не спускал глаз со своих родственников и без конца твердил:

— Смотри, смотри, какие они сильные, эти львы и тигры!

А я ему сказал:

— Зато тётушка Кнутикова очень умная: она делает всё, что пожелают эти львы и тигры.

— А что они пожирают? — жадно облизнувшись, спросил Кычик.

— Не «пожирают», а «пожелают»! — растолковал я ему.— Тебе всё еда мерещится. Запомни, здесь не кухня и не буфет, а — цирк!.. Так вот, тётушка Кнутикова потому умная, что исполняет всё, чего от неё требуют львы и тигры. Захотят сесть на тумбочки — она им тумбочки подставляет, захотят по доске пройтись — она им доску кладёт, захотят прыгать через кольцо — она кольцо держит. Я так думаю, что она сама тоже и по доске ходить умеет, и через кольцо прыгать, но сегодня просто этого нам не показывают.

— Ты прав,— согласился Кычик.— Она делает всё, что им нравится: и кусочки мяса даёт, и даже за ухом чешет. Это очень приятно. Я тоже люблю, когда меня тихонько за ухом чешут...

Потом он сказал:

— Очень жаль, что у них только одна умная укротительница. Если бы на каждого сильного зверя было по одному умному укротителю, тогда бы и мясо чаще доставалось, и за ушами чаще чесали. И почему это так мало укротителей?

Я подумал и сказал ему:

— Наверное, потому, что сильных много, а умных мало.

Вдруг Кычик задрожал и запищал от восторга:

— Ой, смотри! Смотри, что они делают!

В цирке стало очень тихо, и все зрители вытянули шеи, чтобы лучше видеть, что происходит на арене.

А происходило вот что. Тётушка Кнутикова подошла к самому большому тигру, пощупала полосатую шерсть, потом открыла его пасть и стала засовывать в неё свою голову.

— Как ты думаешь,— прошептал Кычик,— для чего она это делает?

— Ясно для чего,— ответил я, удивляясь не образованности Кычика.— Она примеряет на себя этого тигра. Женщины любят всё примерять, особенно если эта штука с мехом. Только я на месте тигра не стал бы брать в пасть её голову, а потребовал бы головку голландского сыра. Я уверен, что пара головок сыра в цирковом буфете непременно найдётся.

Тут я почувствовал, будто меня за уши тянут на эту арену, и сказал Кычику:

— А тебе не хотелось бы немножко укротиться?

— Хотелось бы,— пробурчал Кычик и стал что-то бормотать по поводу сильных родственников, которым не понравится, если он без спросу полезет в их клетку.

— Ну, ладно,— сказал я,— раз ты боишься, то сегодня только смотри, а в следующий раз пойдёшь тоже.

И побежал на арену.

КАК Я ВЫСТУПАЛ С УКРОТИТЕЛЬНИЦЕЙ ТЁТУШКОЙ КНУТИКОВОЙ

Когда я пробегал между рядами, публика приветствовала меня стоя, некоторые даже на стулья прыгали. Когда же я вошёл в клетку, львы и тигры зарычали так, что тётушка Кнутикова не услышала, как я с ней поздоровался. Тогда я подошёл ближе и сказал ей, что хорошо бы сотворить что-нибудь этакое весёленькое, с танцами и музыкой.

Но и теперь она меня не услышала.

Тогда я стал карабкаться по её кожаному костюму наверх, чтобы сказать ей всё это на ухо. Лезть было очень скользко, но я всё-таки до уха добрался и сел на самый воротничок куртки. И тут произошла неожиданность: тётушка Кнутикова нагнулась, я не удержался и провалился ей за ворот. Однако умная тётушка Кнутикова сразу догадалась, чего я от неё хочу, и начала весело прыгать и танцевать. Я, конечно, с ней за компанию тоже попрыгал. Вот тут-то и пошло настоящее веселье. Мне за кожаной курткой хорошо было слышно, как хохотали зрители.

Наш номер мог продолжаться долго, если бы тётушка Кнутикова не перестаралась. Она выделяла такие коленца, так тряслась, что я не удержался и вывалился на землю прямо к её ногам. Львы и тигры сразу убежали с арены, а укротительница Кнутикова закричала: «Воды!» — и упала на опилки. Дяденьки с золотыми чайниками на голове мигом исполнили приказание и из толстых шлангов стали поливать её водой. А я отбежал в сторонку и стал кланяться.

На арену выбежал сам директор цирка и приказал:

— Убрать!

И тётушку Кнутикову мигом унесли за кулисы.

Так закончилось моё первое выступление. Теперь мы будем выступать с Кычиком вместе, только ещё не знаем, что будем делать. Скорей всего станем клоунами и будем бамбуковыми палками выбивать из публики смех. Это очень весело, и костюмы у клоунов очень красивые.

Я уже давно догадываюсь, что вам не терпится узнать, как обстоит дело с тётушкой Мариной и Петей. Потому что мы оставили их одних и ушли, даже не попрощавшись. Конечно, я обязан вам рассказать о них и сейчас же это сделаю.

КАКИЕ ПЕРЕМЕНЫ ПРОИЗОШЛИ В ЖИЗНИ ТЁТУШКИ МАРИНЫ

Нам с Кычиком было очень неловко, что мы так неожиданно покинули дом доброй тётушки Марины, оставили её одну, без помощников. Но что поделаешь, если в цирке мы оказались в тысячу раз нужней. Долго мы думали, чем бы её отблагодарить, и счастливый случай помог нам.

Как-то, прогуливаясь по цирковому подвалу, мы обнаружили, что, кроме нас, здесь полно мышей и кошек. Кошки здесь тоже не могут дня прожить без мышей и то и дело бегают за ними.

А выступать на арене они не умеют, поэтому прозябают и еле сводят концы с концами.

Мы спросили, почему они не переселяются в другое место. Мыши и кошки объяснили, что нынче с жильём стало туго, что деревянных домов в городе почти не осталось.

Тут мы немедленно сообщили им про нашу тётушку Марину, про её чудесный деревянный дом и заверили, что она всегда будет рада иметь у себя таких приятных соседей.

Мыши и кошки очень расчувствовались. Они заявили, что давно мечтали о такой тётеньке, и если мы им покажем к ней дорогу, то будут век нам благодарны.

Для меня с Кычиком это был чудесный выход. Вместо нас двоих, тётушка Марина получала целую дивизию мышей и, в придачу к ней, роту кошек. Теперь она, конечно, забудет про обиду да ещё будет нам благодарна за услугу. Я тут же проводил их к самому дому тётушки Марины, но заходить не стал, чтобы не расстраивать её, и вернулся назад.

Обо всём остальном я знаю только по слухам. А рассказывают вот что.

Тётушка Марина очень радушно приняла всех новых жильцов и от счастья не знала прямо, куда их посадить. В доме стало так тесно, что он буквально стал трещать по швам. Хозяйке было очень неудобно перед новыми соседями, и она всё время чувствовала себя там лишней.

Тогда, подумав, тётушка Марина совершила самый благородный поступок в своей жизни: оставила деревянный дом мышам и кошкам, а сама переселилась в каменный, на девятый этаж. Вселилась и сказала: «Ну, теперь всем будет хорошо!»

И была права: мыши за ней не пошли — каменный дом им не по зубам.

Вот и вся история. Теперь меня и Кычика в одной компании можете встретить только в цирке. Приходите на наши представления.

Если в кассе не будет билетов, скажите, что вы ко мне, и вас пустят так.

А вот и третий звонок.

Нам пора расставаться.

Всего хорошего!

САМОЛЁТНЫЙ ВОРОБЕЙ

Однажды в летний солнечный день на большом столичном аэродроме пёс по имени Бобик увидел Воробья. Тот прыгал между самолётами и распоряжался:

— Эй, Ту, чего хвост распустил, живей подруливай к вокзалу!.. Убрать вертолёт! Безобразие, освободите небо!.. Кукурузник, заходи на посадку!.. Граждане пассажиры, не толпитесь, без вас не отправим... Живей, живей!..

Вдруг Воробей заметил Бобика и сердито закричал на него:

— Куда лезешь, не видишь — здесь самолёты!

— Ну и что,— сказал Бобик.— Я тоже сейчас полечу.

— Что?! — удивился Воробей и так захохотал, что запрыгал, как мячик.— Ой, ха-ха! Ой, не могу! Ой, держите!.. Да как же ты полетишь, если у тебя даже крыльев нет?!

— Крыльев нет,— смутился Бобик, но тут же добавил: — А вот билет есть!

— А-а! — сказал Воробей.— Билет — дело другое, с билетом проходи... А ты куда летишь?

Тут Бобик принял важный вид и ответил:

— Мы с дядей Федей Валерика к бабушке везём, в Одессу.

— В Одессу? — обрадовался Воробей. — В Одессу ещё не скоро, ещё посадки не объявляли.— И весело запрыгал вокруг Бобика.

Бобику тоже стало весело, и он спросил у Воробья:

— А ты кто тут будешь?

— Я?.. Я — самолётный Воробей!.. Вон, видишь? — Он показал крылышком на самолёты.— Служу тут.

— Служишь? — просиял Бобик. — Я тоже служить умею. Смотри!

И он сел на задние лапы, сложил на груди передние и дважды твякнул от удовольствия.

— А ещё и так могу! — сказал Воробей и сделал в воздухе круг, да ещё перевернулся при этом. — Мёртвая петля! — объявил он. — Высший пилотаж!

— И я тоже так умею, — воскликнул Бобик и сделал заднее сальто: подпрыгнул и перевернулся через голову.

— Ух ты, молодец! — удивился Воробей и весело зачирикал. А потом спросил у Бобика:

— Тебя как зовут?

— Меня — Бобик. А тебя?

— Меня? — задумался Воробей, а потом сказал: — Да зови просто Товарищ Начальник... Я тебе всё покажу, всё объясню. Вон, видишь — Ту-134? Он совсем новенький, недавно летать научился. Отличная птичка!.. А это иностранный лайнер, туристов привёз. Тоже важные птицы...

Тут прямо под клюв Товарища Начальника упал кусочек пирожка, корочка.

Буквально с неба упала.

— О, гляди! — не успел удивиться Воробей, как их обоих накрыла большая тень. Это шёл к своему самолёту лётчик. Воробей зачирикал, всполошился и закричал:

— Дядя Миша! Дядя Миша!

Лётчик остановился, обернулся и задумчиво посмотрел куда-то вдаль.

— Это командир корабля! — важно сообщил Воробей и закричал дяде Мише: — Идите к нам, пирожок поклюём!

Но дядя Миша улыбнулся непонятно кому и пошёл дальше.

— Наверное, уже пообедал, — сказал Воробей. — Мировой дяденька!

И тут, непонятно почему, обоим стало очень весело, и они захохотали, и запрыгали, и стали ловить друг друга и бегать. И не заметили, как подкатились под реактивный самолёт. А тот как раз моторы включил. Как загудят они, как заревут — и настоящий ураган по полю пустили. Всё вокруг пришло в движение, а наших друзей прямо кубарем покатило, да так, что их и видно не стало.

Первым остановился Бобик, на лапы стал. Смотрит — нет Товарища Начальника. Нигде нет. Одна пилотская форменная фуражка рядом лежит, тоже ураганом унесённая. Посмотрел на неё Бобик, — а под ней что-то прыгает, колпак приподымает. Удивился он очень и лапой козырёк приподнял. А из-под фуражки Товарищ Начальник выпрыгнул и стал отдуваться.

— Ты?! — удивился Бобик.

— Конечно, я. А кто же? Просто ты меня ещё ни разу в форме не видел...

И снова им стало весело, и снова они запрыгали, как мячики. Вдруг Воробей спохватился и замер, стал прислушиваться.

— Тихе! Слушай! — крикнул он.

И они услышали голос диктора-диспетчера из динамиков: «...Повторяю: заканчивается посадка на рейс 31746 по маршруту Киев—Одесса!.. Повторяю...»

— Мой! — заволновался Бобик.

— Твой! — грустно сказал Товарищ Начальник.

А в самолёт уже садились последние пассажиры: дядя Федя и Валерик. Садились и оглядывались, Бобика высматривали.

— Бегу! — крикнул Бобик. — Прощай!

Но вдруг остановился и сказал:

— Слушай, айда с нами... к бабушке... а?

Но Товарищ Начальник только голову опус-

тил. Однако тут же подпрыгнул и закричал вдогонку Бобику:

— Эй, эй, подожди!.. И я с вами...

И пустился вперёд. И бежит, и летит, и прыгает...

Зашли в салон дядя Федя с Валериком, а Бобик уже буквально в щёлку пролез. А когда дверь совсем захлопнулась, Товарищ Начальник прямо об неё и плюхнулся.

— Эй, пустите, свои! — кричит.

Но самолёт тронулся, покатил. Воробей к одному иллюминатору, к другому — Бобика ищет. А самолёт уже стал высоту набирать. Тут-то и появилась в одном окошке собачья голова. Глаза бегают, нос об стекло расплюсчен. Подлетел к этому окошку Воробей, трепыхается, кричит:

— Подождите, не так быстро... я тоже... то...

Но самолёт загудел и ушёл в облако. Отстал Воробей, устал — ещё крылышками ворочает, глаза закрывает, вот-вот упадёт. И опустился на землю. Отдышался малость и загрустил. Но тут рядом взревел большой самолёт. Встрепенулся Товарищ Начальник и снова закомандовал:

— Эй, Ту, чего хвост распустил, живей подруливай к вокзалу!.. Кукурузник, заходи на посадку!.. Граждане пассажиры, не толпитесь, всех заберём... Двигайтесь, двигайтесь!..

Принял Воробей прежний начальственный вид и сказал сам себе: «Хорошо, что не улетел, как раз много работы подвалило!.. Безобразие, ни на минуту отлучиться нельзя...» И снова закричал:

— Освободить посадочную площадку!.. Живей, живей!

ТАКОЙ МАЛЬЧИК

В одном городе жил мальчик. Он был большим фантазёром. Таким большим фантазёром, что, когда ходил по улицам, забывал, на каком он свете. А когда человек забывает, на каком он свете, он обязательно попадёт на незнакомую улицу или в чужой район. Поэтому мама боялась выпускать его одного из дому. И если уходила на полчасика в магазин или куда-нибудь, запирала сына на ключ.

Тогда мальчик садился у окна и смотрел на свою улицу. Но здесь ему был знаком каждый камешек, каждая труба на крыше, и ничего нового он не мог о них нафантазировать.

И вот однажды, когда мальчик остался дома один, он посмотрел на синее, как море, небо и увидел небольшую тучку. Она была белая, кудрявая, а посередине немножко серая. Как только он на неё посмотрел, тучка потянулась к нему, подплыла поближе. И — вот чудеса! — прямо на глазах превратилась в клоуна. Клоун был весь белый, курточка на нём была серая, а на голове у него торчал высокий колпак. Он забавно шевелил руками и ногами, как будто плавал. Мальчику стало весело, и он улыбнулся. Тогда клоун начал показывать фокусы. Он снял с себя колпак вместе с головой и подбросил вверх. А потом поймал их и прилепил на прежнее место. Клоун то вытягивался, то становился коротышкой, то разрывался пополам и снова срастался...

— Иди скорей ко мне! — закричал мальчик. — Не бойся, у меня дома никого нет, и я тоже умею показывать фокусы. Иди же!

Но клоун только покачал головой и стал махать мальчика к себе.

— Я не могу, меня мама заперла, — печально сказал мальчик.

И тогда произошло чудо: клоун превратился в парусную лодочку и подплыл прямо к окну, возле которого сидел мальчик.

Лодочка покачивалась, будто у причала, а парус весело лопотал: «Садись, скорее садись! Мы с тобой поплывём далеко, в неведомые страны!»

И мальчик, не задумываясь, сел в лодку и поплыл в синий небесный океан.

— Ну как, хорошо тебе? — слышался тот же приятный голос.

— Очень, — сказал мальчик, — только жаль, что нас обгоняют другие тучки. Я люблю быструю езду.

— А-а, понимаю тебя, — пролопотал парус, — ты хочешь покататься на самолёте.

И миг под тучкой что-то зарокотало. Парус превратился в два крыла, ветер ударил мальчику в лицо, и тучки, которые тоже плыли в небе, быстро полетели назад и уже не могли его догнать.

Теперь мальчик летел на большом белом реактивном самолёте, и ему ничуть не было страшно. Только с каждой минутой становилось всё холоднее и холоднее.

— Ну как, нравится тебе? — пророкотала туча-самолёт.

— Д-да, — стуча зубами, ответил мальчик. — Хо-хо-рошо...

— А может, ты замёрз? Или мне это только кажется? Впрочем, зачем я спрашиваю: на такой высоте и при такой скорости даже белый медведь закован...

И туча-самолёт стала тормозить и расплываться во все стороны. Вскоре она превратилась в широкую белую поляну, по которой было легко и мягко ходить.

— Теперь погрейся на солнышке, — сказал

приятный голос,— а если тебе скучно, поиграй в мяч.

И сразу же рядом с мальчиком запрыгали белые и серые мячи. Солнышко стояло над головой. Мальчик с удовольствием стал бросать и футболить послушные мячи. При первом его желании они сами прыгали к нему в руки и летели туда, куда он хотел.

Мальчику здесь было очень хорошо, но солнце с каждой минутой припекало сильнее и сильнее. Пот стал лить с него ручьями, а в горле пересохло от жажды. Но едва он подумал о том, что неплохо бы глотнуть сейчас прохладной воды, как туча прошипела:

— Открой рот и подними голову вверх.

Мальчик всё это выполнил, и на лицо ему брызнули прохладные дождевые капельки, а в рот потекла шипучая струйка воды с мандариновым сиропом.

— Вот спасибо! — сказал он, напившись вдоволь.

— Пожалуйста, пожалуйста,— ответила добрая туча.— Мне ведь это не трудно, у меня воды много. Если тебе ещё чего-нибудь захочется, не стесняйся, говори. Мы же теперь с тобой старые знакомые.

И мальчик сказал:

— Я бы с удовольствием сейчас искупался, поплавал да понырял.

— Ты прав,— сказала туча.— Как это я сама сразу не догадалась?! Извини, пожалуйста...

И моментально рядом ласково захлупала вода, и прямо у ног мальчика оказался бассейн с прозрачной тёплой водой. А вдобавок сверху, как из душа, брызнули сверкающие весёлые струйки. Мальчик тут же разделся, положил свою одежду на сухой краешек тучи и начал купаться.

Не успел он насладиться купанием, как вдруг

где-то совсем рядом, на лестнице, слышались мамины шаги и зазвенели ключи. Мальчик хотел было сказать, что ему пора возвращаться домой, но не успел,— туча опередила его.

— Да, да, я всё понимаю. Не беспокойся, ты будешь дома раньше мамы.

И в один миг туча превратилась в реактивный самолёт и помчалась вниз. Потом самолёт обернулся парусной лодкой, и лодка спокойно причалила к стене дома.

Когда мама вошла в комнату, мальчик уже сидел у окна и смотрел на уходящую тучку.

Мама спросила:

— Ты без меня не скучал?

— Нет,— ответил мальчик.— Я путешествовал. Вон на той тучке. Видишь, она машет мне рукой.

Мама подошла к окну, посмотрела на небо, и ей тоже показалось, что тучка машет рукой.

— О, я хорошо знаю эти тучкины штучки,— сказала она.— Ну, хватит фантазировать, посмотри, какую я принесла тебе клубнику!

Ягоды были великолепные. Крупные, пахнущие прохладным солнцем. Мальчику случилось представлять себе, будто он ест разные необыкновенные лакомства, но таких вкусных ягод он даже представить себе не мог.

— Вот это да! — сказал он, откусывая у клубнички бочок.

И, конечно, сразу забыл о тучке и о своих приключениях.

Но я уверен, что как только он съест последнюю клубничку, то снова примется фантазировать и, возможно, снова отправится путешествовать на знакомой тучке далеко-далеко, в неизведанные страны. Такой уж он, этот мальчик.

— Дин-дон! — говорил Радидон, выглядывая из репродуктора. — Начинаем радиопередачу для детей!

И сразу раздавалась весёлая музыка или начиналась какая-нибудь необыкновенная история.

Радидон жил в каждом радиоприёмнике и в каждой радиоточке. Это был добрый и весёлый волшебник. По утрам он делал с детьми зарядку, пел весёлые песенки, подражал певчим птицам, мяукал, лаял и даже умел визжать, как поросёнок.

В квартире, где жил первоклассник Харитоша, тоже было радио. Однажды в полдень Радидон выглянул из него и сказал:

— Внимание, внимание, передаём последние новости!..

Но самые последние новости как раз были здесь, в квартире, где жил Харитоша. На столе стояли цветы и огромный торт. На торте кремом было написано «ХАРИТОШЕ» и большая цифра «8». Волшебник сразу догадался, что сегодня Харитошин день рождения и что имениннику исполнилось ровно восемь лет. Это был очень опытный волшебник!

Харитошина бабушка закончила уборку, полюбовалась своей работой и ушла по своим делам. Как только она скрылась за дверью, Радидон ещё больше высунулся из радиоприёмника и сказал:

— Хорошо, что я вовремя сюда заглянул, видно, это очень хороший именинник. Надо будет послать ему поздравительную радиограмму и приготовить праздничный концерт. Я очень люблю именины...

Вдруг дверь с треском распахнулась и под стол полетел ранец с книжками.

Потом в комнате появился какой-то взъерошенный мальчик.

— Как весело...— сказал Радидон и на всякий случай поглубже залез в репродуктор.

Это как раз и явился домой сам Харитоша. Ботинки его были облеплены грязью и оставляли всюду следы. На чистой дорожке отпечаталось столько Харитошиных ног, что казалось, она сама сейчас убежит из дому.

«Наверное, это так надо,— подумал Радидон.— Ведь я давно не был на детских именинах».

А Харитоша уже мчался к чудесному торту. Он подбежал и ухватился за него сразу двумя руками.

«Конечно, ведь это его торт,— рассудил Радидон.— Только перед обедом можно испортить себе аппетит. Надо ему поскорее напомнить об этом!» И Радидон срочно сказал по радио:

— Кушайте полезную овсяную кашу «Геркулес»!

— Нет, нет! — замотал головой Харитоша.— Самая полезная каша — это торт!.. Вот сейчас возьму и съем его!

Он тут же взобрался на стол и начал языком слизывать кремовые буквы.

«Ага,— догадался Радидон.— Это он, наверное, делает домашнее задание».

Но когда Харитоша начал жадно кусать от целого торта, волшебник перепугался и закричал на полную громкость:

— От всяких перееданий болит живот!

Тогда Харитоша тоже закричал:

— Ты чего ко мне привязался?! Не желаю слушать твоих советов!

Потом грязными руками отломил кусок торта и запустил его в радиоприёмник.

Радидон успел спрятаться, но так перепугался, что стал заикаться и вместо «радиослушатели» говорить «радиоушатели».

Вдруг Харитоша соскочил со стола и начал шарить по комнате.

Он заглядывал во все углы, вытаскивал из шкафа ящики, передвигал диван, переворачивал стулья, а потом как закричит:

— Где же мои подарки? Почему нет подарков? Не нужны мне такие именины!..

— Бедняга! — прошептал Радидон. — Он так устал, даже вспотел, и весь перепачкался!.. Я непременно должен превратить его в чистого, вежливого ребёнка, чтобы каждый сразу понял: это — именинник! Ведь я же добрый волшебник.

И он стал быстро читать по радио волшебную считалку:

Чиви-риви-ре,
Дождик на дворе,
Сыплются из тучки
Весёленькие штучки:

Вместо носа — пяточок,
Вместо хлястика — крючок,
Розовые ушки —
Весёлые игрушки!

И сразу произошло чудо. Но только совсем не то, которого хотел Радидон. Вместо костюма на Харитоше появилась колючая щетинка, на руках и ногах — копытца, а сзади — стыдно сказать — появился маленький хвостик крючком...

— Ой, что это со мной вдруг? — спросил Харитоша и начал потихоньку тереться боком о шкаф.

Трётся и приговаривает:

— Приятно, приятно...

Потом у него начал толстеть и вытягиваться нос. Харитоша пощупал его и сказал:

— Ну и что ж такого, это даже красиво!.. Ведь я всё равно Хрюхаврон... То есть Харитон... Нет, Хрюхаврон... Ой, у меня все слова почему-то стали перехрючиваться...

Увидел Радидон, во что превратился Харитоша, и чуть не выпал из репродуктора.

— Что я натворил?! — прошептал он. — Я же совсем не хотел превращать именинника в поросёнка... Неужели я перепутал считалки? Ну конечно!.. Ах, моя старая голова, вечно в ней получают перепутаницы!.. Надо немедленно расколдовать Харитошу. Сейчас прочитаю считалку-расколдовку и...

Но Радидон ничего не прочитал. Оказывается, он забыл считалку-расколдовку. Ведь он учил её очень давно, ещё когда сам ходил в детский сад. Он объявил по радио перерыв и побежал по проводам в библиотеку искать считалку-расколдовку.

А Харитоша стоял посреди квартиры и думал: «Со мной, кажется, что-то произошло, а что — не пойму... Вот сейчас подойду к зеркалу и посмотрю на себя».

Харитоша подошёл к зеркалу и осторожно заглянул в него.

— Ой, кто это там? — завизжал он. — Это же совсем не я, а какой-то похросёнок!.. Хи-хи, хорошенький, только немножечко грязный.

И он стал звать бабушку:

— Бахрюшка, бахрюшка, у нас похросёнок!

Бабушка как раз в это время возвращалась домой. Она побежала на крик и увидела в комнате поросёнка. Поросёнок визжал и тыкал копытцем в зеркало.

— Ах ты, беда моя! — сказала бабушка и всплеснула руками. — Целый день убирала, тру-

дилась, а тут какой-то свинёнок забрался прямо в дом и в день Харитошиных именин всё перевернул, всё перепачкал!

— Правильно, правильно, правильно! — обрадовался Харитоша. — Хрю-хрю его отсюда! Хрю-хрю!..

Но бабушка почему-то стала выгонять его самого, а не того поросёнка, который сидел в зеркале.

— Ачу, ачу! — размахивала она веником перед его пяточком. — Вон из дома! Вон!

Харитоша забился в угол и стал бабушке объяснять:

— Яхрю, бахрю, Хрюхавроха!

— Ишь, какой разговорчивый! Слыхала я «яхрю-бахрю»! Марш, марш из дома!

И выгнала Харитошу во двор.

В это время из библиотеки возвращался грустный Радидон. Он перерыл там все книги и не нашёл нужной считалки. Когда он увидел во дворе Харитошу-поросёнка, то с горя чуть не сорвался с провода.

А Харитоша стоял у крыльца, обиженно хрюкал и думал: «Не хочет меня бабушка узнавать, ну и не надо. Я сейчас побегу в школу, там ребята и учителя меня сразу узнают».

И он побежал в школу. Радидон, конечно, тоже помчался туда, ведь его провода тянутся по всему городу, а над школьной спортплощадкой висел большой репродуктор. Радидон удобно устроился в нём и стал ожидать.

Харитоша подбежал к школе как раз тогда, когда начались соревнования по волейболу. У бедняги даже копытца зачесались, так захотелось поиграть в мяч. И он сразу помчался к спортсменам.

«Это очень хорошо! — обрадовался Радидон. — Спорт — полезное занятие, может, он ему поможет...»

Харитоша подбежал к своему закадычному другу Мишке и, ткнув его пяточком в колено, весело сказал:

— Физкульт-привет Михаилу Мухину!

Но все услышали какое-то «фик-мик, прих-мих-мух!»

Харитоша сразу бросился за мячом. Бегаёт по площадке, визжит, под ноги игрокам подкачивается. Первым из-за Харитоши упал Мишка Мухин, на него другой игрок, на другого третий, — и получилась куча мала. Судья свистит, а команда противника знает голы забивает.

Стали игроки гнать Харитошу с поля, а он давай прятаться за Мишку Мухина.

— Мишка, убери своего свинёнка! — кричат ребята.

А Мишка отвечает:

— Это не мой свинёнок, я его совсем не знаю!

Ребята рассердились и говорят:

— Если ты своего друга прогнать не можешь, то убирайся вместе с ним!

Разозлился Мишка, схватил городошную палку и погнался за поросёнком. А поросёнок, к общему удивлению, побежал прямо в школу. Мишка махнул рукой и вернулся на площадку.

Радидон в школу не побежал, потому что в классах нет репродукторов, — там сами учителя говорят всё, что надо. Зато он очень обрадовался:

«Для поросёнка учеба — преполезное дело! В школе он сразу перевоспитается в мальчишку!»

И Радидон весело запел:

«Жили у бабуси два весёлых гуся!..»

В школе давно окончились занятия, все разошлись по домам, и некому было удивляться, что по коридорам бегают поросёнок. Харитоша сразу отыскал первый класс, открыл рыльцем дверь и

побежал прямо к своей парте. Сел на неё и думает: «Буду здесь до тех пор, пока не придут ребята или учительница. Они увидят меня на своём месте и сразу узнают, что я Харитоша».

Но вместо ребят и учительницы в класс пришла уборщица тётя Маруся.

— Ты гляди! — развела она руками. — На Харитошином месте поросёнок сидит! Вот так чудеса! Поросёнок — и вдруг за партой?! А ведь он и вправду на Харитошу похож: у него нос картошечкой, а у этого — пятачком...

Харитоша очень обрадовался. «Ну вот, — решил он, — тётя Маруся меня уже почти узнала!» И поднял одно копытце вверх.

— Ох, ох, не могу! — расхохоталась тётя Маруся. — Поросёнок к доске просится!

Харитоша действительно выбрался из-за парты и побежал к доске. По дороге он тихонечко похрюкивал: «Вот напишу сейчас мелом своё имя — и тётя Маруся совсем поймёт, что я настоящий Харитоша».

Возле доски он стал на задние копытца и начал рыльцем искать мел. Нащупал кусок, взял в зубы и... вместо того чтобы писать — съел его. И другой кусок съел, и третий...

— Ах ты глупый поросёнок! — рассердилась тётя Маруся. — У нас для науки мелу не хватает, а ты его есть вздумал! Безобразие! Вон из школы! Вон!..

И выгнала его. Харитоша удирал и думал: «Со мной какая-то новая беда приключилась: что ни увижу — всё съедаю. Хорошо, что я ранец с тетрадками с собой не взял, а то бы и их, наверное, слопал...»

Когда же добрый волшебник Радидон увидел, что из школы снова выбежал поросёнок, он зарыдал на полную громкость и решил: «Сейчас же пойду к главному радионачальнику и скажу,

пусть прогонит меня с работы. Какой же я волшебник, если не могу сделать пустяка, превратить поросёнка в ребёнка?! Пойду — и точка... Вот только посмотрю, что теперь будет делать Харитоша».

А Харитоша, печальный, побрёл к своему дому. По дороге он заглянул в витрину магазина и увидел своё отражение. На Харитошу смотрел поросёнок, очень похожий на мальчика.

— Хрю-хрю,— всхлипнул Харитоша.— Значит, это правда: я больше не Харитон, а Хрю... Хрюхаврон... Был ребёнком, а стал поросёнком. И правильно! Так мне и надо! Всю комнату перепачкал, подарков требовал: хотел съесть весь торт и гостям не оставить...

Вдруг во всех репродукторах раздался страшный треск, словно выстрелили из пушки. Это Радидон хлопнул себя от радости по лбу.

— Вспомнил! Вспомнил считалку-расколдовку! — закричал он и немедленно прочитал её по радио:

Чиви-риви, тёплый луч,
Выходи-ка из-за туч!
Пусть из каждой почки
Выстрельнут листочки.
Зайцу смелым не бывать,
Волку сена не жевать,
Носу не быть пяточком,
Башмаку — копытом,
Всё, что было, не забыто,
Крепко гвоздиком прибито!

И Харитоша сразу очутился возле своего дома, в своём костюме, с настоящим носом вместо пяточка. Бабушка снова убрала комнату и уже принимала гостей — товарищей именинника.

Харитоша бросился домой.

— Бабушка! Ребята! — радостно закричал он.— Это я, ваш Харитоша!

— Где ты был так долго? — спросила бабушка.— Что с тобой случилось?

И Харитоша сказал:

— Пусть гости сядут за стол и угощаются, а я им всё расскажу.

Именины прошли очень весело. Когда Харитоша рассказывал свою историю, гости очень смеялись, но не поверили ему. Это мог бы подтвердить только добрый волшебник Радидон, но как раз в это время он в честь Харитошиных именин сам лично дирижировал детским хором, который пел самые весёлые песенки.

ОТЧЕГО БАШМАКИ ПОПРОСИЛИ КАШИ

Жили-были два башмака. Одного звали Тип, другого Топ. И хотя все говорили, что два сапога — пара, всё же они были разные: один — правый, другой — левый. Да и в ногу ходить не умели. Тип шагнёт — Топ сзади остаётся, Топ шагнёт — Тип остаётся. «Тип-Топ, Тип-Топ!» — получалось. Какая же это пара?

Топ, левый башмак, был спокойный, а Тип, правый,— очень непоседливый. Вечно он ковырял носом землю; с тётушкой Дверью встретится — пнёт её; родную сестру Калошу увидит — зафутболит...

Однажды утром, когда Тип и Топ ещё сладко спали под своей кроватью, в комнату влетел Мяч, прямо через окно. Докатился до них и давай лбом бодать-тормозить:

— Эй, сони, вставайте! Забыли, что сегодня футбол?! Во дворе уже полно ваших! И Кеды пришли, и Сапоги притопали, и Сандалии при-

шаркали, даже пара Бутсов явилась — все собрались! Эх, и будут сейчас по мне лупить! — радостно закричал Мяч и выпрыгнул в окно.

Тип и Топ заторопились: их ваксой не корми — дай пофутболить. Топ спокойно подождал, пока его зашнуровали, а Тип до того нервничал и спешил, что раньше чулка вскочил на босу ногу и побежал вперёд. Топ за ним. А во дворе только их и ожидали.

Началась игра. «Бум! Бах! Бух! Трах!..» Шум, крик, пыль столбом. Тип больше всех лупил по мячу, да так сильно, что скоро его нос превратился в лепёшку.

— Не лупи так, не горячись! — говорил ему Топ, которому чудом удавалось догонять брата. Но Тип, знай своё, лупит да лупит. Скоро и гвозди вылезли, и подошва отвалилась. Раскрыл он свою зубастую пасть и... «попросил каши».

— Ага, говорил я тебе: не горячись, знай меру! — сказал Топ.

А рванный Тип ему ответил:

— погоди, не радуйся, ты ещё не знаешь, что дальше будет, игра в самом разгаре.

И он был прав. Произошло самое неожиданное. Топ, который всю жизнь от рождения был левым башмаком, расшнуровали, поменяли местами с Типом и велели лупить по мячу.

Как Топ ни вертелся, как ни давил на правую ногу, но ничего не помогло — пришлось бить. Через полчаса и у него расплющился нос. А ещё через десять минут бедняга Топ тоже попросил каши.

И пришлось им оставить игру, уйти с поля.

— Это ты во всём виноват! — сказал Топ правому братцу Типу.

— Нет, не я, — печально ответил тот. — Честное слово, не я...

И попали братья к сапожнику. А тот стал их молотком лупить и приговаривать:

— Вот вам! Вот вам! Не просите каши!..

Ох, и досталось же беднякам!

А разве они виноваты?

МАКСИК И БУБЛИК

Максик и Бублик живут рядом, соседи. С балконов переговариваться можно. Утром Максик и Бублик на свежем воздухе на балконах зарядку делают — потягиваются, повизгивают, чихают, а потом разговоры ведут.

— Гав-гав! — говорит Максик.

— Гав-гав! — отвечает Бублик.

— Выходи скорей на улицу, бегать будем! — приглашает Максик.

— Чуть попозже, — отвечает Бублик. — Мой Вова ещё не позавтракал.

— А ты без Вовы выходи. Зачем он тебе?

— Без Вовы не могу, мы с ним очень привязаны друг к другу, у нас один поводок на двоих.

— А ты ему поводок оставь, а сам — вниз, на улицу.

— Нельзя, говорю. Ты моего Вову не знаешь. Его с поводка только отпусти — он сразу на мостовую сбежит, удерёт. Потом ищи его весь день.

— Не нравится мне такая жизнь, — ворчит Максик. — И долго ты его на поводке водить будешь?

— Уже недолго, — отвечает Бублик. — На будущий год Вова в школу пойдёт, тогда его бабушка водить будет, я ей поводок отдам.

— Вот это правильно! — обрадовался Максик.— Тогда мы с тобой куда захотим бегать будем!

— Да уж тогда побегаем... вдвоём. А пока Вову ждать надо. Вон уже он позавтракал, зовёт. Ну, иду привязываться. Выходи!

— Гав-гав! — говорит Максик.

— Гав-гав! — говорит Бублик. И оба убегают с балконов.

Калейдоскоп

Стихи

Начало

КАЛЕЙДОСКОП

Мальчонка есть один у нас,
Живёт на нашей улице.
Он сядет в тень на целый час
И, как на солнце, щурится.
То левый глаз, то правый глаз
Прикроет он ладошкой,
То захохочет звонко раз,
То морщит лоб гармошкой...

— Что ты, братец, морщишь лоб?
Что тебе мерещится?

— Я смотрю в калейдоскоп,
Вижу: море плещется.

— Это ты хитришь от скуки,
У тебя пустые руки.

— Нет, нисколько не хитрю,—
Даже мультики смотрю.
Калейдоскоп особый,
Купить его не пробуй.
Вот, вижу, мчится конница,
Вот кот за мышкой гонится,
Вот слон,
Вот клоун рыжий,—
Что хочу, то вижу.
И ты поменьше говори,
Зажмурь глаза и сам смотри.

ЧТО ТАКОЕ ДЕТСКИЙ САД

Детский сад — это сад,
Сто деревьев там стоят,
И на каждой ветке
Вырастают детки:
Не яблоки, не груши,
А Тани и Павлуши.

СТРАННЫЙ ДОЖДЬ

Известно, что дождь —
Это просто вода,
Но странно ведёт
Он себя иногда:
Нерях пороят
Искупал он до пят,
А чистых ребят
Превратил в пороят.

НАЧАЛО

Без зерна не вырастает колос,
Без певца не льётся сладкий голос,
Гром — из тучи,
Из реки — вода,
Без воды зимой не будет льда;
Теплоход отходит от причала,
У конца в конце всегда начало,
Муравьи роятся в мураве,
Звёзды — в небе,
Мысли — в голове;
На носу рождаются веснушки,
Вырастают ушки на макушке,
Буквой начинается букварь,
Месяцы слагают календарь,
И большими вырастают дети —
Есть начало у всего на свете.

ПЛАСТИЛИН

Разноцветный пластилин
Над собой не властелин:
Он и пластилинится,
Он и пластиленится,
Сядет — не подвинется,
Ляжет — не отклеится.

ОДНАЖДЫ

Однажды я видел корову.
Она над лугом летела...
Не знаю, где она крылья
Себе раздобыть сумела?!
Я крикнул корове сурово:
— Зачем тебе крылья, корова?
Зачем ты летаешь, корова?
Ты, может быть, нездорова?

И мне отмычала корова:
— В своём я уме, здорова,
Но я дала себе слово
Летать до тех пор, пока
В столовых, буфетах, на рынках
Не будет в бутылках и крынках
Самого-самого сладкого
Птичьего молока.

ДРУЖНАЯ СЕМЕЙКА

Дружно тянут по аллее
Цирковой фургончик
Папа Пони,
Мама Пони
И сыночек Пончик.

МЕТРО

Кроты устроены очень хитро:
Ночью и днём они строят «метро»,
Входы и выходы с разных сторон,
Сам себе Крот пассажир и вагон.

ВОТ ПОЧЕМУ

В старину когда-то Пёс
На базар копейку нёс,
По дорогам он петлял
И копейку потерял.
С той поры собачий род
Сна-покоя не найдёт,
Рыщут, бегают по свету,
Ищут все копейку эту.
Посмотрите: что ни Пёс,—
Неприменно в землю нос.

Декорации на сцене —
Начинаем представление!
В нашей сказке образцовой
Перед вами зал дворцовый
И король на троне
В золотой короне.
Он ужасно грозный,
Толстый и серьёзный.

— Эй, король! Эй, король!
Веселить ребят изволь!

Отвечает важно:
— Я не шут бумажный,
Не умею веселить,
Я умею королить!
Я вам не игрушка...

— Ну, тогда
Не беда,
Раз ты не игрушка.
Веселить — не королить,
Выходи, Петрушка!
Выходи, плясун и шут!
И Петрушка тут как тут,
Прямо как из пушки,
Колпак на макушке,
Нос как морковка,
Прыгает ловко.
Закричал он: — Кики-рики!
Убирайся, плут великий,
Отыграл свою ты роль —
Здесь на сцене я король! —
И Петрушка — ну, артист! —
Он и весел, и речист,
Шутит, пляшет и поёт —
Веселит честной народ.

Около Чукоккалы

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Видна на карте Азия,
И Африка видна,
А где страна Фантазия,
Далёкая страна?
Она мне видится во сне,
Совсем как наяву.
Она давно знакома мне,
И сам я в ней живу.
Плыву по рекам и морям
На яхтах и плотах,
Несусь, как ветер по степям,
Брожу в её лесах.
Меня качает грозный вал
У дальних пристаней,

И всюду, где б я ни бывал,
Не счесть моих друзей.
За мною ходит по пятам
Толстяк гиппопотам,
И хищник лев,
Смирная гнев,
С оленем в дружбе там.
Там круглый год цветут цветы,
Ракеты мчат к Луне,
И сто волшебников седых
Покорно служат мне.
В саду ли, дома, в классе я,
Всегда со мной она —
Страна моя, Фантазия,
Весёлая страна!

ПЕСЕНКА ПРО КРАСКИ

В избушке из картона волшебники живут,
Им дома не сидится, им люб весёлый труд:
Лишь выйдут непоседы на белые поля —
И сразу оживают и небо, и земля.

Я нарисую солнце,
Я нарисую звёзды,
Я нарисую шар земной
И всех друзей со мной!

Стрелую в синем небе сверкает самолёт,
Я нарисую песню — и песня запоёт,
Я нарисую в реках такую синеву,
Что сами в эти реки все рыбы заплывут.

Я нарисую солнце,
Я нарисую звёзды,
Я нарисую шар земной
И всех друзей со мной!

Волшебники цветные нам радости несут,
Их знают всюду в мире, их красками зовут.
Без них померкнет сразу цветущая весна —
Без красок нету сказки и песенка скучна.

Я нарисую солнце,
Я нарисую звезды,
Я нарисую шар земной
И всех друзей со мной!

ОКОЛО ЧУКОККАЛЫ

К. Чуковскому

Лежит страна Чукоккала
На острове Корнея,
И нет страны чукоккальной,
И нет земли корнее.
В ней всё вокруг да около —
Леса, моря и горы,—
Везде одна Чукоккала,
Чудесные просторы!
Там в небе дуги-радуги,
Как сто весёлых вёсен;
Там в пляс пуститься рады мы,
Там нету скучных песен,
Нет фруктов удивительней,
Невиданных и странных:
Изюма изюмительней,
Бананнее бананов;
Воды нет мойдодырнее
И мыла нет мылее;
Там бродят звери мирные
В обнимку по аллеям;
Трамваев нет трамвайнее,
Болтливей попугаев,
И нет тянитолкайнее

Нигде тянитолкаёв;
И нет детей почтительней,
Хранящих там порядок,
И нету книг прочтительней,
Писательней тетрадок.

Там всюду мир
И всюду пир,
Ну, прямо сказка, братцы!
А почему?
А потому,
Что Бармалею самому
Пришлось героям сдаться.
И знаменитый крокодил
Его обратно отглотил.
Разбойник бывший, Бармалей,
Живёт у Айболита
И для детей
И для зверей
Его душа открыта.
Он песни добрые поёт
И делает игрушки,
И всем бесплатно раздаёт
Конфеты и ватрушки.

Я РАД СООБЩИТЬ

Умелые руки
Нарезали ловко
Капусту, картошку,
Редиску, морковку,
Большой огурец,
Помидор и бурак,
Похожий на крепкий
Боксёрский кулак;
Туда ж, для компании,
Лук и чеснок,
Фасоли стручок

И гороха стручок,
Петрушки поверх
Натрусили
Немножко,
Добавили соли
На кончике ложки,
Особую всыпали
С перцем приправу
И, в общем,
Компания
Вышла на славу.
В кастрюле большой
Размешали их дважды,
И кто теперь кто —
Разберётся не каждый.
Морковка с редиской
Сложились в
                                  МОРКИСКУ,
Бурак и картошка
Сложились в
                                  БУРТОШКУ,

С горохом фасоль
Превратились в
                                  ГОРОЛЬ.
А где с помидором
Лежал огурец,
Там вышел прекрасный
На вкус
                                  ПОМУРЕЦ...

И пусть не зовут
Это блюдо букетом,
Но дело, поверьте,
Здесь вовсе не в этом,

А в том,
Что все овощи эти
Сумели
В соку и в расцвете
Достичь своей цели:
Попали в чудесный,
В полезный салат,—
О чем сообщить вам
Я искренне рад.

НЕ ЯБЛОНЯ, НЕ СЛИВА

В саду чудес давным-давно
Стояло дерево одно:
Не яблоня, не слива —
Не дерево, а диво!
И всем на удивление
На ветках многолистных
Росли там сочинения
На листиках на чистых;
Старание, Терпение
Висели, как ватрушки,
И даже Поведение
Качалось на верхушке.
Ах, это чудо-дерево
Мне, кажется, знакомо,
Я вижу это дерево,
Не выходя из дома.
Оно при внуках водится,
О маленьких печётся —
Где бабушкой приходится,
Где дедушкой зовётся;
Где папочкой, где мамочкой,
А где сестрицей Аллочкой.
Не важно, кем приходится,
А важно, как заботится.
За школьников за маленьких

Оно зубрит уроки,
А Машеньки и Алики
Болтают, как сороки.
Те Машеньки и Алики
Спокойно ходят в классы,
Но вырастут из маленьких
Большие...

недоучки!

Вот какое диво —
Не яблоня, не слива.

ТЕЛЕ-ЛИЗА

Как только утром бабушка
Скомандует: — Подъём! —
Лиза с телевизором
Включаются вдвоём.
И тотчас летят с экрана
Сразу сто событий в дом —
Трубы, краны, барабаны
Поднимают шум и гром.
Мама стонет, ходит с грелкой.
«Пощади нас!» — говорит.
А у них игра в гляделки —
Кто кого переглядит.
Утром, вечером и днём
Неразлучные, вдвоём.
Сядут рядом, сядут близко,
Смотрят — не расстанутся,
А передачи, как сосиски,
Друг за дружкой тянутся...
На простор зовёт природа,
Солнце улыбается,
Детвора с утра в походах,
В озере купается;
В синем небе птичье пенье,
Звон кузнечика в траве,

А у Лизы от смотренья
Телекаша в голове:
То судачит о футболе,
То бубнит, что лес горит,
И учительнице в школе
«Тётя диктор» говорит.
И сидит упрямо Лиза,
На экран в упор глядит,—
Скоро Лизин телевизор,
Словно чайник, закипит:
Задымится,
щёлкнет,
хлопнет,
Взвоят с горя и тоски,
Трахнет,
бахнет,
ахнет,
лопнет —

Разлетится на куски!
Срочно выключите Лизу,
Пожалейте телевизор,—
Он же честный аппарат,
Он ни в чём не виноват.
У него для всех программы:
Есть для папы,
Есть для мамы,
Для студентов,
Для гостей
И отдельно для детей.

КЛЕЙ

Захромал мой табурет,
Не стоит — качается,
На паркете с ним балет
Прямо получается.
Дело сложное, но, к счастью,

В доме я известный мастер.
Я налил в кастрюлю клей
Щедро, не жалея,
Всыпал дюжину гвоздей,
Чтобы стал прочнее...
Клей сначала просто капал,
А потом пролился на пол,
Вырываться стал из рук,
Перемазал всё вокруг,
Переклеил всё подряд —
Напроказничал — и рад.
Шкаф приклеился к буфету,
Мамин фартук — к табурету,
Кресло папино — к стене,
Дверь приклеилась ко мне;
Блюдце — к чашке,
Вилка — к ложке,
Кот хвостом прилип к дорожке...
Клей на стол, на стул пролился.
Вдруг приятель мой явился,
На дела мои взглянул
И сказал, присев на стул:
— У тебя, умелец, что-то
Здесь не клеится работа.
— Как не клеится?! Ещё бы! —
Я сказал ему в ответ,—
Ты со стула встать попробуй,
Скажешь, клеится иль нет.

ДЯДЯ ФЕДЯ...

Дядя Федя
Съел медведя,
Взял быка он за рога,
А комар подкрался сзади,
Пожужжал над ухом дяди
И кольнул его слегка.

Дядя Федя две недели
Недвижим лежит в постели.
Он и стонет,
Он и бредит
И одно твердит с утра:
«Бойся, Федя, не медведя,—
Бойся, Федя, комара!»

НОВЫЙ ДОМ

Вот строительство идёт,
Муравей кирпич кладёт.
— Что ты строишь, Муравей?
— Дом я строю для друзей.
Дом высотный,
Дом добротный,
Много окон и дверей.

Это первый наш этаж,
Здесь построил я гараж.

Выше — будут Кузнецы,
Прыгуны и удалцы.
Целый день они куют,
А в квартирках им — уют.
«Кель-тель! Кель-тель!» —
Отковали — и в постель.

Здесь поселится Сверчок,
Весельчак и чудачок.
Он, Сверчок, у нас поэт,
Для него и кабинет.
«Чир-чир-чир!» — зимой и летом
Будет он строчить куплеты
И писать, что не забыл,
Как за печкою он жил...

— Ну, а это чья светлица?
Как тут ей не подивиться:
Всё в ней сделано любя —
Уж, конечно, для себя.

Муравей кирпич кладёт,
Муравей ответ даёт:
— В этой праздничной светлице
Будет жить одна девица —
Балерина-Стрекоза,
Лучезарные глаза.
Стрекоза не строит зданий,
У неё своё задание:

Как пойдёт артистка в пляс —
Дело спорится у нас.

СЕЛА МУХА...

(Шутка)

«Села муха на варенье —
Вот и всё стихотворенье».
Это всё стихотворенье,
Но не всё ещё варенье.
Был воскресный день погожий,
За варенье сел Серёжа.
За варенье сел Серёжа —
Носом ел и ухом тоже.
И тотчас на это ухо
Приземлилась эта муха.
То есть муха приушилась —
Села на ухо Серёже,
Приушиться приушилась,
А отушиться не может.

Оба тянут вверх и вниз,
И никак не разойтись:
Муха не отушится,
Серёжа не отмушится.
И жужжат они вдвоём
Под высоким потолком.
Заходили толки, слухи —
На кого теперь пенять —
То ль на ухо,
То ль на муху —
Как-то сразу не понять.
Как же сразу не понять —
Ясно всё, как пятью пять:
Виновато здесь варенье!
Тут уж всё стихотворенье.

Сказки

ШАХ И АХМЕД

Однажды старый грозный шах
Вошёл в дворцовый зал
И, грусти не тая в глазах,
Придворным так сказал:
— Мы, мудрый шах Махмуд-палван,
О том скорбим душой,
Что пухнет наша голова
От мудрости большой.

Кто нынче шуткой облегчит
Страдание мудреца,
Тому дадим в награду чин
Придворного глупца.

— О шах, я пред тобой пигмей,—
Сказал слуга Ахмед.—
Сравниться с мудростью твоей
Не может белый свет,
И всё ж прогнать осмелюсь я
Твою печаль долой,
Лишь отгадай: что у меня
В кармане под полою?
И если сможешь отгадать,
Что груши там лежат,
То половину их отдать
Тебе я буду рад.
На рынке не найти таких,
Прекрасен плод любой,

А отгадаешь, сколько их,
То весь десяток твой...—
И мудрый шах склонил чело,
И долго ждал народ,
Пока сказал он: — Их число
Мой казначей сочтет.
Но ты скажи мне сам, Ахмед,
Слуга покорный мой,
Что за таинственный предмет
Ты прячешь под полою?

ЧАШКИНЫ ИМЕНИНЫ

«Дзинь-дон!
Дзинь-дон!» —
Шум в серванте, перезвон...

Сказало всем Варенье:
— У Чашки день рожденья!

Сразу весело тут стало,
Звонко чокнулись бокалы,
Пожелал Стакан-сосед:
— Не разбейтесь до ста лет!

Тут уж Ложки-музыканты,
Знаменитые таланты,
Заиграли так и сяк
И гопад и краковяк.
В пляс пустилась вся посуда:
Чашки,

Ложки,

Вилки,

Блюда.

Нож с Тарелкой танцевал,
С тонкой Рюмочкой — Бокал,
А стаканы с Чайником,
Со своим начальником.
Бьют чечётку два Ореха,
Всё вокруг дрожит от смеха,
Танцы, шум, веселье — вдруг
Раздаётся чей-то стук.
Торт воскликнул:

— Очень кстати,

Тут меня с добавкой хватит!
— Я готов! — забулькал Чай.—
Именинница, встречай!

— Я бегу! — сказала Чашка.
Щёлк! — и двери нараспашку...

Но позвольте, что за лица?!
Что ещё за остряки?..

Соль, и Перец, и Горчица —
Неразлучные дружки —
На пороге стали в ряд.
— Поздравляем! — говорят.—

Что она уже стара
И что бал кончать пора...

В доме сразу мрачно стало,
Торжества как не бывало.
Зачерствело вдруг Печенье,
Торт прокис от огорченья;
Кто-то молвил невзначай:
— До чего холодный Чай!
Почему Наполеон
Весь горчицей начинён?!

Где ж тут петь да веселиться?
Стали гости расходиться.
И сказал Графин тогда:
— Вместо праздника — беда!
Ни за что нас огорчили,
Насолили, наперчили,
Стали сплетничать про всех,—
Эх, соседи! Смех и грех!..

Больше всех страдала Чашка —
Ей, бедняжке, очень тяжело:
Потускнела, не блестит,
До сих пор она грустит.

РАЗГОВОР СО ЛЬВОМ

Ко мне однажды Лев пришёл,
Старый мой знакомый.

Он сказал:
— Хорошо,
Что застал вас дома.

У меня, сосед, беда,
Прямо деться некуда.
Сын мой очень
Изменился,
Он совсем от лап
Отбился:
Нагрубил вчера Слону,
С корнем выдернул сосну,
Зафутболил школьный глобус,
На ходу вскочил в автобус,
Хвост Павлину оторвал,
Танцы в парке разогнал!..
Сын рычит, кусается,
На всех подряд бросается.
Прямо зверь, а не ребёнок,
Откровенно вам скажу.
И в кого пошёл мой Львёнок,
Я ума не приложу?!

Вам известно, я и Львица —
Уважаемые лица,
И к тому ж я царь зверей!..

Помогите, умоляю!
Помогите поскорей!

И заплакал царь зверей,
Зарыдал он у дверей.

Я воды ему принёс,
Дал платок ему для слёз.
И сказал:

— Ребёнок редкий,
Шаловливый ваш сынок.
Привозите Львёнка

в клетке,
И чтоб дверцу — на замок.

Тут, хотите не хотите,
Львёнку нужен укротитель —
Человек внушительный,
Смелый и решительный.

Он погладит для порядка
Против шерсти раз, другой —
И звериные повадки
Снимет сразу как рукой...

— Против шерсти?!
Нет! Не дам! —
Зарычал родитель.—
Пусть себя погладит сам
Этот укротитель!

Мой зверёнок слабенький,
Любит пряник сладенький;
Дам я денег на буфет —
Пусть покушает конфет,
Съест ещё наполеон
За своё здоровье он —
Сладким напится
И перевоспитается.

Нам не нужен укротитель,
И не нужен ваш совет!..

— Не хотите, как хотите,—
Я сказал ему в ответ.—
Вы попляшете не раз
С вашей милой деточкой,
И однажды в тихий час
Съест и маму он,
И вас
И закусит дедушкой.

**ПРО ПЕТЮ-ДЕДА,
МОЕГО СОСЕДА**

Раз,
Два,
Три,
Четыре —
Чудеса бывают в мире.
Вот в трамвае, например,
Ехал Петя-пионер.
Занял место, не дремал,
Отдыхал и рассуждал:
«Старикам у нас в трамвае
Не житьё, а красота:
Им с почтеньем уступают
Все сидячие места!
Ни работать,
Ни учиться —
Беззаботные, как птицы...»

Рядом, ростом невелик,
Ехал старенький старик.
Ехал стоя и дремал,
И, вздыхая, рассуждал:
«Эх, неплохо б эдак взять
Да мальчишкой снова стать!
Поработать,
Поучиться,
Хоть недельку не лечиться.
Я бы сам дрова колол,
В выходной играл в футбол...»

Тут в трамвай вошёл волшебник.
Он в руках держал учебник.
Он учебник полистал,
Не спеша поколдовал:
«Энэ-бэнэ-борода,
Ты — сюда,
А ты — туда!

Стань-ка, старый, пионером,
Пионер — пенсионером!»

И свершилось чудо вмиг,
Редкое на свете:
Безбородым стал старик,
Бородатым — Петя.
И уже, больной и старый,
Он стоит на тротуаре,
Зреньем слаб,
Ногами плох,
То и дело «Ох!» да «Ох!»

Но сейчас же, как известно,
Окружил его народ,
Все справляются любезно:
«Вам назад или вперед?..»
Медсестра несёт носилки,
Старшина даёт совет,
И на мягкие подстилки
Был уложен Петя-дед.
Понесли его в больницу,
Не спеша, чтоб не качать,

Ну, а Петя стал сердиться,
Охать, ахать и кричать:

— Мне в четыре на футбол!
У меня билетик!

— Вам в четыре на укол! —
Отвечают Пете.

— Мне ещё играть в горелки,
Бегать на ходулях!

— Вам потом поставят грелки
И дадут пилюли.

— Я же в школу опоздаю,
День учёбы пропадёт!..

Люди Петю утешают:
— Это, дедушка, бывает,
Это, миленький, пройдёт...

Соскочил с носилок Петя,
Закричал: — Хочу назад!
На уроки,
                                в школу,
  к детям,
Я согласен в детский сад!

Побежал он прямо к школе
Через парк и стадион,
Вдруг на поле, на футболе
Старика увидел он —
Бывшего пенсионера,
Нынешнего пионера.

Эх, видали б вы, что было!
Петя счастлив был до слёз,
Закричал он что есть силы:
— Я вам бороду принёс!

Но бессовестный старик
Показал ему язык,
Показал ему язык
И отрезал напрямик:
— Мена, мена навсегда,
Не нужна мне борода!..—
И сбежал,
Умчал, как ветер,
Даже прыгал на ходу...

Тут решил столетний Петя:
«Не хочу так жить на свете,
Я к волшебнику пойду!»

И опять свершилось чудо:
В тот же миг из ниоткуда,
Как из воздуха, возник
Перед ним другой старик.
И, конечно, бедный Петя
В нём волшебника узнал...

Есть конец всему на свете,
Стало быть, и здесь финал.

И сказал ему волшебник:
— Плачу сам вторую ночь:
Потерял я свой учебник
И не в силах вам помочь...

Вот и всё,
И ходит Петя,
По ночам не может спать —
Он волшебнику учебник
Должен срочно отыскать,
Должен срочно отыскать,
Пионером
снова стать.

Чтоб учиться
И в трамвае
Место старшим уступать.

АРТИСТ

1

Ушёл из цирка как-то слон,
Учёный слон, послушный,
Ни слова не промолвил он
Соседям по конюшне.
Талант артиста был не мал,
Не знал он в деле скуки,
И на арене вытворял
Немыслимые трюки:
По кругу, с пятки на носок,
Набросив пелерину,
Он польку-скачку «Мотылёк»
Плясал, как балерина;
Фанерной бритвой
Ловко брил
Он клоуна Алёшку,
И в барабан огромный бил,
И даже пел немножко.
Потом показывал сюрприз —
Ложился спать на койку
И в заключение на бис
На бочке делал стойку...

Артиста славили не раз
Вечерние газеты
И выставлялись напоказ
Везде его портреты.
Ему завидовал осёл
И попугай зелёный...
Так почему же вдруг ушёл
Из цирка слон учёный?
Чем недоволен был артист?
Чего неоставало?
Загон ли в цирке был нечист,
Морковки ль было мало?..

Нет, вдоволь он имел всего,
Всё получал по чину,
И для побега у него
Иной была причина:
Устал играть на сцене слон,
Хотя был сказочно силён.
Поклоны бей, полы мети,
Рассчитывай движенья...
А вы попробуйте войти
В слоновье положение!
Легко ли бабочкой порхать
В пятипудовой шкуре,
И рыжих брить,
И стойки жать
При такой фигуре!
Ему б нести тяжёлый дуб
Или пяток чугунных труб.
Он мог полтонны нацепить
На хобот свой огромный,
Он мог свободно заменить
На стройке кран подъёмный...
Так рассудил учёный слон
И, выждав час потише,
Оставил тесный свой загон
И прямо в город вышел.

2

По мостовой,
По мостовой,
Где тысячи машин,
Идёт, качая головой,
Слонище-исполин.
Здесь нелегко ему ходить —
Шагай да не зевай:
Автобус можно раздавить,
Столкнуть с пути трамвай...
Но слон идёт,

Идёт вперёд,
А улица гудит, поёт:
Моторы,
Говор,
Шум колёс —
Она забот полна.
И даже Моська, старый пёс,
Не лает на слона.

«Кому услуги предложить?
К чему бы хобот приложить?..»

Над мостовой,
Над мостовой
Несётся звон и гром,
По мостовой,
По мостовой
Везут металлолом.
Гремит стальное колесо
Пудов, поди, на пять,
Катить такое колесо —
Не эскимо лизать.
Кряхтит, пыхтит над ним звено
(Сюда бы три, а не одно):
— Давай, братва!
— Толкай!
— Кати! —
Кричат со всех сторон.
И вдруг беда —
На полпути
Проход им заслонён.
Два уха,
Хобот, как труба,
Повисли над звеном,
Свернулась дудочкой губа
И ходит ходуном...

И чуда нет,
И сон не сон —
На мостовой индийский слон!
Стоит и улыбается,
Живой, как полагается.

Он хобот кренделем свернул,
Он правым глазом подмигнул,
Отвесил вежливый поклон
И за работу взялся он.
Не торопясь,
По мостовой,
Не тратя лишних сил,
Он колесо перед собой,
Как обруч, покатил.

Картина — прямо как в кино:
Металл гудит «бом-бом»,
А следом топает звено,
В затылок, за хвостом.
На перекрёстках им дают
Везде зелёный свет,
А с тротуаров им орут
Мальчишек толпы вслед:
— Тут дело ясное вполне:
Кати хоть сотню тонн,
Когда имеется в звене
Такой громадный слон!..

Кварталы шли за домом дом,
Гремело без конца,
Но вот и школа за углом,
И, охнув, лег металлолом
У самого крыльца.
Герою сразу
Пир горой
Устроило звено,
Будь то не слон, а зверь иной —

Он лопнул бы давно.
Он съел конфету,
Огурец,
Медовое печенье,
Потом сырок,
И леденец,
И булочку с вареньем;
И два букета свежих роз
С охапкой сочной травки
Он тоже мигом в пасть отнёс
И попросил добавки...

3

А в цирке убирал загон
Савельич — старый дед.
Подмёл, помыл

и видит он —

Слона-то вроде нет?!
Лежит свинья,
Стоит козёл
По прозвищу Букет,
И кошки есть,
И мыши здесь,
А вот слона-то нет!..

Старик с двенадцати до двух
Так рассуждал об этом вслух:
— Ну что ж, такое может быть.
А может быть, не может быть?
А раз оно не может быть —
Начальству надо доложить!..

Директор белым стал как мел
И закричал:

— Да как он смел?!

Ужасная пропажа!
А может быть, и кража?!

Ай-ай, беда!
Наш слон пропал!
Индийский,
Благородный!..
Какой неслыханный скандал,
Скандал международный!..

И вмиг была снаряжена
Бригада розыска слона:
Жонглёр,
Два укротителя,
Четыре осветителя,
Гипнотизёр Лукум-Рахат,
Наездники-джигиты,
Жан-Жак — известный акробат
И обезьяна Чита;
Тяжеловес Попов, потом
Из клоунады Бим и Бом,
Ищейки Принц и Гамма,—
Ну, словом, вся программа.
Бригада собрана в поход,
Директор ей наказ даёт:
«Вернуть без промедленья
К началу представленья!»

4

Часы упрямо мчат вперёд,
Как будто в скачке кони,
А за слоном давно идёт
По городу погоня.
Земли не чуя под собой,
Бегут по улице гурьбой:
Жонглёр,
Два укротителя,
Четыре осветителя,
Гипнотизёр Лукум-Рахат,
Наездники-джигиты,

Жан-Жак — известный акробат
И обезьяна Чита;
Бежали следом Бом и Бим,
А по пути пристали к ним
Весёлых трое октябрят:
Тимур,
Павлушка,
Оська
И бабка лет под шестьдесят
С больным котом в авоське.

Сперва примчались на вокзал —
«Быть может, в Индию сбежал?»
Но в кассе отвечали:
— Слона мы не встречали.
Не мог он брать у нас билет —
Слоновых мест в вагонах нет!..

И дух переведя чуть-чуть
В тени густой аллеи,
Гонцы пустились дальше в путь,
Подмётки не жалея.
Тащили их ищейки
Во всякие лазейки,
Жонглёр и укротители
На всех углах кричали:
— Ребята и родители,
Слона вы не встречали?..

Они обшарили кусты,
Взбирались на ограды,
Ходили в детские сады,
Заглядывали в склады;
Смотрели в кроличий загон,
В посудной были лавке...
Им говорили все:

— Ваш слон
Не чайник, не булавка!

Удачи здесь не будет вам,
Ходили б лучше по дворам...

Гонцы стучались в каждый дом,
Остались без обеда,
А слон, не ведая о том,
Ходил за ними следом.

Жонглёр сказал:
— Надежды нет,
Довольно, братцы, крышка!
Слонище взрослый — сотня лет,
А хуже, чем мальчишка.
Проделке будет он не рад,
Не избежит скандала...

И повернули все назад,
Чтоб в цирк успеть к началу.

5

А наш артист одно лишь знал:
Быть праздным не годится!
И он по городу шагал
И продолжал трудиться:
Катал по парку сорванцов —
Серёжек,
Петек,
Ванек,
Качал в коляске близнецов,
Чтоб не будили няnek.
На стройке дома великан
Трудился, как подъёмный кран.
Он за неполных полчаса
Всем показал здесь чудеса:
Поднял наверх без лишних слов
Он кирпичей трёхтонку,
Туда же подал двух котов,

Прораба и девчонку.
Не пощадил слонище сил
На улице Петровке —
Трамвай, что с рельсов соскочил,
На путь поставил ловко...

Не перечислишь тут всего,—
Он мог трудиться много;
Но в душу честную его
Закралась вдруг тревога.
Оркестры грянули в садах,
Легли на землю тени,
И фонари на площадях
Зажглись, как на арене;
А рядом,
Чуть в сторонке,
Звонок раздался звонкий,
И радио сказало:
«Включаем зал, начало!»
И сердце застучало:
«Начало!
Начало!..»
В ушах артиста шум и звон.
И стал с тревогой думать он:
«Уже закрыли главный вход,
И снизу до галёрки
Шумит, волнуется народ —
Валерки и Егорки.
Ребята спросят:
«Где же слон?!
С обиды вдруг заплачут...
Нет, нет, не может видеть он
Тоски в глазах ребячьих.
У них от слёз
Краснеет нос,
Как помидор на грядке;
И укротителю разнос
Дадут за беспорядки;

Директор скажет — у него
Печальный нынче случай,
И от министра самого
Взыскание получит!..

Мелькают улицы, сады,
Большая площадь позади,
На жёлтый свет,
На красный свет —
Минуты лишней даже нет!..

Дойти б до цирка как-нибудь,
Не страшно, что устал он...
Скорей!

Скорей!

Ещё чуть-чуть,
Всего лишь полквартиры...

Да, к счастью, точно он попал
К началу представления
И в этот вечер выступал
С особым вдохновеньем.
По кругу
С пятки на носок,
Набросив пелерину,
Он польку-скачку «Мотылёк»
Плясал, как балерина.
Фанерной бритвой снова брил
Он клоуна Алёшку
И в барабан огромный бил,
Пел соло под гармошку,
Потом показывал сюрприз —
Ложился спать на койку
И в заключение

на бис

На бочке делал стойку.
Партер гремел, как ураган,
Галёрка бушевала...

Стоял смущённый великан
И кланялся устало.
Ему бросала детвора
Букеты и конфеты,
И даже грянуло «Ура!»
Под самой крышей где-то.

Три раза туш ему играл
Весёлый музыкант,
Директор цирка вышел в зал
И хобот сам ему пожал
За честность
И талант.

ПРО СЛАВНУЮ КОРОВУШКУ НАСТУРЦИЮ ПЕТРОВНУ

Скажу вам по секрету,
Что утром, сев за стол,
Смешную сказку эту
Я в молоке нашёл.
Вы можете смеяться
И смейтесь в добрый час,
Но сказке raccontаться
Пришла пора как раз.
На всех в ней хватит ласки,
Всяк будет ею сыт —
Ведь молоко и сказка
Все возрасты роднит.

Она уже стучится,
Переверни страницу.

Рано утром в двери стук:
Тук, тук!
Тук, тук!
— Живёт здесь мальчик Вова?
— Живёт,— сказали.— Да.
— К нему пришла Корова,
Спешила я сюда.
Узнала я у докторов,
Что мальчик Вова нездоров,
И принесла больному
Парное молоко,
Я прямо к вам из дому —
Живу недалеко.
Два литра здесь, му-му!
И всё это ему.
Прошу без возражения...

Тут мама ахать стала:
— Такое одолжение,
Такое уважение,
Какого не бывало!
Вы чудо, безусловно,—
Кто думал о таком?!
Милейшая Коровушка
Настурция Петровна,
Мудрейшая головушка
Настурция Петровна,
Прошу, входите в дом!
— Войду, спасибо, здрасьте!
Зовите просто — Настя.
Меня в телячьем возрасте
Настурцией прозвали,
Хотя ни разу в Турции
Мы с мамой не бывали,
Ни рядышком, ни близко,
Даже как туристки...

Хозяйка двери настезь:
— Мы очень рады, Настя,
Вы, дорогая гостья,
Смущенье ваше бросьте,
Садитесь, не стесняйтесь,
Сладким угощайтесь.
Вот это — торт,
А сверху — крем...

—Му-му! Мучного я не ем!
Спасибо, мне от теста
Не хватит в доме места;
Да и спешу я в детский сад,
Там будет чудный маскарад.
Хочу я к ним явиться
Волшебной чудо-птицей.
Как будто я из сказки —
В маскарадной маске,
Сапожки на ногах,
Два банта на рогах —
Влечу и замычу:
«Танцевать хочу!»

— Завидую вам, Настя,—
Сказала мама ей.—
Какое это счастье
Плясать среди детей!

Петровна ей в ответ:
— Сомнений в этом нет.
К тому ж, несу детишкам
Парное молоко,
А без него малышам
Расти не так легко.
Мои всегда с пелёнок

Парное чмок да чмок,
И каждый мой телёнок
Здоровый, как бычок.
Не оторвать от крошек глаз...
Скажите мне, который час?
Я с вами заболталась,
А уйма дел осталась.
День без работы — день пустой,
Но я даю вам слово —
Зайду через денёк-другой,
Проведаю больного.
Привет ему,
Поклон ему
И до свидания! Му-му!

* * *

Настурция Петровна
По улице идёт,
Настурцию Петровну
Приветствует народ.
У всех сияют лица,
Спешат ей поклониться
И тот, кто очень занят,
И тот, кто очень строг.
Все дедушки и папы
Снимают чинно шляпы,
И даже постовые
Берут под козырёк.
И все её по отчеству
Приветствуют и чтут,—
Ведь даже сливки общества
Без сливок не живут.
С ней всюду рады видеться,
Ей слава и почёт —
Любимица,
кормилица,
красавица идёт!

Идёт, плывёт Настурция,
Кивает головой,
Для всех её продукция —
Подарок дорогой:
Кефирная,
И сырная,
И постная,
И жирная,
И то, что в полдень жаркий
Любой украсит пир —
Приятное, прохладное,
Снаружи шоколадное
С названием «пломбир»...
И вдруг оно случается,
Событие одно
(Пусть дети не пугаются —
Без «вдруг» не получаются
Ни сказки, ни кино).
По улице цистерна
Несётся напрямиком,
И льётся из цистерны
На землю молоко.
Гремит цистерна, точно
На танцах барабан,
И не закручен прочно
У той цистерны кран!..

Такое не случается
Само и просто так,
А часто совершается
При помощи зевак.
И вот уже по улице
Течёт...— ну просто жуть! —
Не ручеёк, не лужица,
А целый млечный путь!
Каким же гневным словом
Такое зло назвать?!
И честная Корова,

И добрая Корова
От ужаса такого
Не может не страдать...
Но катится цистерна,
Весь груз пролить грозя,
А нервы — не консервы,
Купить нигде нельзя.
И бедная Петровна,
Воскликнув горько: «Ой!»,
Упала наземь, словно
Подкошена косой.
И в обмороке тяжком
Она лежит, бедняжка,
И шепчет: «Детский... сад...
Там праздник... у ребят...»

Вокруг всё население
Охвачено волнением,
И люди все подряд
На помощь к ней спешат.
И мчится неотложка,
И доктор тут как тут,
И валерьянки ложку
Настурции дают.
Дают ей фрукты, овощи,
Салат и сельдерей,
Но помощь «скорой помощи»
Не помогает ей.
Везут её в больницу,
Советуют лечиться,
Лечиться — не лениться
И выйти поскорей.

* * *

И вот пока Петровну
Спасают доктора,
Нам к Вове, безусловно,

Пойти домой пора.
А нынче утром Вова
Взглянул на облака,
На облака, которые
Белее молока,
И соскочил он на пол,
Плясать и петь готов,
И крикнул: — Мама! Папа!
Ваш сын уже здоров!
Я целых две недели
Лежал больной в постели,
Глотал пилюли горькие,
Ни сядь, ни встань — хоть плачь!
Я целых две недели
Не мог поднять гантели,
А тут единым духом
Надул футбольный мяч!
Где щёки были синими,
Теперь две апельсинины,
И мускулы, как дыни,—
Тверда моя рука.
Я весь навитаминенный,
Я весь, как напружиненный,
Скачу, скачу до самого
До по-

тол-

ка!

Не чудо ли всё это?!
Всему скажите свету:
Лекарства лучше нету,
Чем чашка молока!
Налейте мне,
Налейте мне,
Налейте молока!..

Встревоженная мама
Сказала сыну прямо:
— Ах, плохо наше дело —

Петровна заболела,
Болезнь её тяжка:
Не сердце и не почки,
А всё на нервной почве,
И нету нынче в доме
Ни капли молока.
Грустит соседний детский сад —
Там отменили маскарад,
Нигде мороженого нет,
Пропал мороженого след
(Его нигде без молока
Ещё не делают пока)...

Конечно же, встревожатся
Любой отец и мать:
Детишки не напоены,
Все повара расстроены,
А дедушкам и бабушкам
Кефира не достать...
Ах, так мне жаль Коровушку,
Что не хватает слов,
Но слава богу, Вовочка,
Что ты уже здоров!

— Не богу слава, мамочка,—
Ей Вова говорит.—
Петровне слава, мамочка,—
Твой сын здоров и сыт!
И потому сегодня же,
И потому немедленно
Твой Вовочка с подарками
Больную навестит...

— Мой сын, конечно, умница! —
Сказала мама вслух.
А сын уже по улице
Во весь несётся дух.
На поле сбегал быстро он

И, радостный, принёс
Мешок сенца душистого
И два букета роз.
И сыну мать напутствие
Премудрое дает:
— Спроси про самочувствие,
Что ест она, что пьёт?
Сейчас ей не до шуток,
Не будь рассеян ты —
Смотри, не перепутай,
Где сено, где цветы!
И вежлив будь при этом,
И много не болтай,
И от меня привет ей
Горячий передай;
И не сори в больнице,
И не топчи ковров...

А сын, как говорится,
Давно уж был таков.
Он был уже в палате,
Как водится, в халате,
Стоял себе тишком
С букетом и мешком.

А бедная Петровна,
Не зная, что сказать,
От счастья, безусловно,
Вскочила на кровать.
Конечно же, с копытами,
Конечно же, с помытыми,
С помытыми копытами
Вскочила на кровать.
От радости сначала
Она едва мычала,
О чём-то бормотала —
Ни слова не понять.
И, наконец, сказала:

— Мне сразу легче стало!
Мне сразу легче стало
И прыгать, и дышать.
Уж если Вова наш здоров —
И мне не надо докторов.
Не надо ни сиделок,
Ни капель и ни грелок...
И тут же заявление
Вручила главврачу:

Я БЫТЬ НА ИЗЛЕЧЕНИИ
ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ.
МНЕ НИ К ЧЕМУ, КОРОВЕ,
ПЕРЕЛИВАНЬЕ КРОВИ.
ПОЗВОЛЬТЕ ИЗ БОЛЬНИЦЫ
МНЕ СРОЧНО УДАЛИТЬСЯ.
Я ВСЯ УЖЕ ЗДОРОВА.

НАСТУРЦИЯ (КОРОВА).

— Согласен! — ей сказал главврач.—
Я вижу, вы здоровы...

И понеслись оттуда вскачь
Настурция и Вова.
Забыто горе,
Нет обид,
Петровна Вове говорит:
— Предупрежу заранее:
Спешу я в детский сад,
Составь, дружок, компанию —
Пойдём на маскарад.
Детишки ждут уже два дня,
Они в обиде на меня,
А для Коровы дети
Дороже всех на свете!
Моим подаркам каждый рад,
Как празднику и сказке:

Без угощенья маскарад —
Как без оркестра пляски...

* * *

Все радостные вести
Как молнии летят,
В секунду метров двести
Иль двести пятьдесят.
И в детский сад, как пуля,
Влетает чудо-весть,
И детский сад, как улей,
Гудит и пляшет весь.
— Идёт!
— Идёт Петровна!
— Желанный гость! Ура! —
Теперь-то, безусловно,
Начнётся маскарад!..
Смех, суета,
Волнение —
Идёт приготовление:
Мелькают кисти, краски,
Разобраны все маски.
Ну только что ребята
Мелькали там и тут,—
И вот уже зайчата,
Котята и мышата,
Тигрята, медвежата
Рычат, пищат, ревут.
И повар тётя Глаша,
Наш чемпион по кашам,
Тем кашам, о которых
Весь город говорит,
Родная тётя Глаша
Платочком лихо машет,
Навстречу госте нашей
В объятия летит.

Хозяева и гости —
Народу полный дом!
А что уж было после —
Не описать пером.
Но прежде
Баснословный,
Исполненный с душой,
Для дорогой коровушки
Настурции Петровны
Был дан концерт большой.
Из младшей группы Лёвушка
Спел посреди ковра:
«Полным-полна Коровушка,
Полным-полна добра!..»
А после Саша, девочка,
Исполнила припевочки
О том, что в их саду растут
Не яблоки, не груши,
А Танечки и Ванечки,
Катюши и Павлуши...

Но вот желанный миг настал,
И замер в ожиданье зал,
На цыпочках, неслышно,
Петровна к детям вышла,
И под аплодисменты
И громкое «ура»
Явились ассистенты —
Умельцы-повара.
И стал обычный детский сад
Дворцом чудес искусным,
И получился маскарад
Смешной и очень вкусный.
В просторном шумном зале
Под люстрами летали
И пышки со сметаной,
И сырники румяные,
И в чашечках кефир,

На палочках «пломбир»,
И пирожки-молочники,
С румяной коркой сочники,
И кремы в изобилии,
Каких ещё не ели,
И целая флотилия
Молочной карамели.
И над притихшим залом
Без крылышек, легко
Под потолком порхало
«Птичье молоко»...

А Вова наш, по чести,
Сидел на видном месте,
И все, кто в зале были,
О Вове шепотком
Друг дружке говорили:
— Он лично с ней знаком!
Он и в учёбе первый,
Не хилый и не нервный,
Румянцем пышат щёки,
Пружиниста рука,
Он в море не утонет,
Всех ростом перегонит —
И всё от молока,
И всё от молока!..

И стар и мал в том зале
Смеялись, ликовали,
Кричала детвора:
— Настурции ура-а-а! —
И стали в круг пошире,
В ладоши били в лад,
И песней завершили
Чудесный маскарад.

Сказали все водители:
— Мы будем впредь внимательны,

Мы молоковозители —
Не молокозеватели.
И пусть в цистернах будет
Хоть целая река,
Мы будем неустанно
Закручивать все краны
И ни прольём ни ложки,
Ни капли молока!..

* * *

Опять взялась Настурция
За свой волшебный труд,
И вновь её продукция
Видна и там и тут.
Клади и лей в посуду,
Ешь в парке, за столом,
Подряд любое блюдо,
Но только с молоком!

И все, конечно, ели,
И пили все и пели,
И щёки розовели,
Как мячики, полны,
А девочки и мальчики
Облизывали пальчики,
Хотя, сказать по совести,
Так делать не должны.

* * *

Теперь уж, безусловно,
Пора сказать о том,
Что с чудною коровушкой
Настурцией Петровной
Я лично был знаком.
Ей благодарный вечно,
Ты мне, дружок, поверь,

Не стал бы я, конечно,
Тем, кем я есть теперь.
Я прыгаю от молока
На метр выше потолка,
От сливок и от сыра
Стал чемпионом мира...

С Петровной мы дружили
И неразлучны были.
Всё удавалось ей легко,
Но говорила: «МУ-У-УЛОКО!»

Друзья, простим ей это,—
Она ведь так добра;
И тут к её портрету
Слов нужных больше нету —
Прощаться нам пора.

До новых встреч, друзья, пока,
Меня ждёт чашка молока,
А в ней тепло и ласка
И будущая сказка.

Пьесы

МИШКИНЫ ШИШКИ

Пьеса-игра
для театра кукол
в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МИШКА. ЁЖ. БЕЛОЧКА.
ЗАЯЦ ГОГА. ЗАЯЦ МОГА. МЕДВЕДЬ-ПАПА.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Опушка леса. На видном месте холмик, притрушенный листьями. Под ним устроился отдыхать *Мишка*. Холмик заметно шевелится, «устраивается поудобнее». Появляется *Ёж*. Он ищет грибы и поёт.

Ёж.

Если бы да кабы
Сами лезли в рот грибы,
Я бы все иголки
Положил на полки;
Гладким стал бы мой бочок,
Был бы виден пятачок,
Я б захрюкал тонко,
Вроде поросёнка:

Фрю-фрю, фрю-фрю-фрю,
Расступись, листочки,
Фрю-фрю, фрю-фрю-фрю —
Я ищу грибочки!..

(Ходит, ищет.) Вот грибок! Первый на почин... *(Делает кульбит, и на спине появляется яркий грибок.)* Это — сыроежка. А вот

подберёзовик! (Снова кульбит, и на спине другой грибок. Замечает зрителей, разглядывает.) Здравствуйте! Здравствуйте!.. Вы кто — дети? Я так и думал... Ой-ой-ой, как вас много! Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь,надцать, яцать, юцать, муцать, буцать, бум, бам, трам, тум, лум и ещё хрум... Что это вы смеётесь? Это я по-ежиному считаю... Хорошо, что вы пришли к нам в лес — мне веселей будет. Я очень люблю маленьких мальчиков и девочек. А знаете, кто я такой? Правильно, Ёжик. И зовут меня Пуфик. Да, Пуфик. Не тот пуфик, на котором сидят, а тот, который делает «пуф-пуф-пуф!», как будто стреляет из маленькой пушки. (Поёт.)

Пуф-пуф-пуф-пуф!
Нет, я не стреляю.
Пуф-пуф! Пуф-пуф!
Нет, я не стреляю.
Пуф-пуф! Пуф-пуф!
Это я вздыхаю... Ох!

Смешно, правда? И ещё я люблю загадки. А вы загадки любите?.. Очень хорошо. Вот я сейчас буду их загадывать, а вы дружно разгадывайте.

Ходит по лесу зверушка,
Вся в иголках — не игрушка,
Не обнимешь, не возьмёшь,
И зовут зверушку...

Ёж!

Правильно, это я! Только не дружно вы отгадываете.

Повторяют.

А теперь другая загадка.
Зимой и летом —
Круглый год
Она на ёлочке растёт —
С орешками кубышка,
А звать кубышку...

Шишка!

Правильно! Молодцы! Я знал, что вы мастера отгадывать загадки, с вами весело. Вот собираю грибов, сварю вкусный суп и всех-всех угощу. Я люблю угощать. А вы?.. Очень хорошо!.. Смотрите же, никуда не уходите, я сейчас. (*Ищет грибы и напевает.*)

Если бы да кабы
Сами лезли в рот грибы...

Послышался громкий храп.

(*Шарахнулся, оглянулся, но никого не увидев, продолжает искать грибы.*)

Гладким стал бы мой бочок,
Был бы виден пятачок.

Я б захрю... захрю...

(*Не дождался, потому что холмик зашевелился, оттолкнул его разок, другой.*) ...Эй, ой! Что это? Какой странный гриб! Толкается...

В следующее мгновение из-под холмика вылезает заспанный, сердитый медвежонок (**М и ш к а**).

М и ш к а (*передразнивая*). «Захрю, захрю!» Ты кто такой?

Ё ж. Пуф-пуф-пуф-пуф!

М и ш к а. А-а, ты — **Ё ж.** Ты зачем мои грибы нарвал?

Ё ж. А разве они твои?

М и ш к а. Мои! Всё моё, и грибы мои!

Ё ж. Я не знал... Ну, раз твои — бери.

М и ш к а. И возьму.

Ё ж. Возьми.

Мишка сбрасывает с Ежа все грибы.

Только иголки не трогай. Иголки мои.

М и ш к а. Нет, мои! Иголки тоже мои!

Ё ж (*в сторону*). Какой жадный! (*Мишке.*) Бери.

Мишка бьёт лапами по иголкам и начинает с криком метаться, пока не убегает, исчезает. Его вопли всё время доносятся до нас, пока он снова не появляется с другой стороны. Его передние лапы перевязаны белым бинтом, словно на них надели боксёрские перчатки.

М и ш к а. Ой-ой-ой, где этот противный, колючий Ёж? Где мои грибы? Я всё расскажу папе... Ой, мои лапы! Ой... (*Зевает и, хныча, снова скрывается под холмиком.*)

Появляется **Б е л о ч к а**. Она устанавливает на ветке над холмиком большие счёты, на которых вместо костяшек — грибы, орехи, конфеты, шишки. Белочка устанавливает и поёт.

Б е л о ч к а. Внимание, внимание, лесное население,

Смотрите на прекрасное мое изобретение!

Не машина — просто клад:

Здесь и счёты, здесь и склад.

Что ни полка-палочка,

То моя считалочка.

(*Передвигает грибочки и орехи.*)

Раз, два, три, четыре, пять.

Пообедал — и опять:

Раз, два, три, четыре —

Лучше счётов нету в мире!..

Ну, хватит веселиться, надо сосчитать, сколько чего я на зиму заготовила. (*Считает.*) Один орешек да один — будет девять. (*Спрашивает у детей.*) Правильно я сосчитала?.. Неправильно?.. А сколько же будет один плюс один? (*Ответ.*) Два! Кто сказал два?.. Молодцы, умеете считать. (*Трогает орешки на счётах и поёт.*)

Ай да счёт-пересчёт.
Разве не потеха:
Один орех плюс орех —
Будет два ореха!

Теперь добавлю ещё орешек. (*Добавляет.*) И получится, получится — десять!.. Разве нет? (*Ответ.*) Неправильно? А кто знает, сколько два плюс один? (*Ответ.*) Три? Молодцы! (*Поёт.*)

Ай да счёт-пересчёт.
Разве не потеха:
Два ореха плюс орех —
Будет три ореха!

Помогите и дальше считать! (*Добавляет по одному орешку и считает вместе с детьми.*) Ну!.. Четыре... Пять... Шесть... Семь... Орешков-то у меня много, а шишки — ни одной. В шишке орешки вкусные!.. А вот она и шишечка моя! (*Срывает висющую рядом шишку и приговаривает.*)

Растёт на ёлке шишка —
С орешками кубышка!

До чего свежая, вкусная! Сейчас полущу и съем пару орешков. (*Лушит шишку.*)

Вниз на холмик падают кусочки. Из-под холмика
вылезает Мишка с перевязанными лапами.

Мишка. Эй, кто там бросается, не даёт спать?

Белочка. Ой!

Мишка. Это ты тут бросаешься?

Белочка. Я не бросаюсь, я шишку грызу.

Хочешь попробовать?

Мишка. Не хочу пробовать. Я всю шишку
хочу!

Белочка. А как же я?

Мишка. Это моя шишка и моё дерево!

Белочка. Я не знала...

Мишка. Отдавай мою шишку!

Белочка. Пожалуйста, бери. *(Бросает шишку.)*

Шишка падает Мишке на нос. Слышен удар «бум».
Нос на наших глазах смешно раздувается.

Мишка. Ой, ай! Бой нос, боя шишка...
Ой-ой-ой!

Белочка. Я не хотела тебя обидеть...

Мишка *(убегая)*. Ай-ай, боя шишка!.. Ой-ой,
бой нос!

Оба исчезают. Мы слышим Мишкин вопль, пока он
сам не появляется с другой стороны уже с пере-
вязанным носом.

Бой нос! Ай-ой-ой, бои лапы... Это бой лес.
Бои шишки! Ай-ой... *(Зевает, хнычет и лезет
опять под холмик, исчезает под ним.)*

За ширмой возня и голоса: «Давай, давай! Ещё раз!
Ещё... Так, так...» Появляется заяц Гога. Он держит
конец доски.

М о г а. А меня — Мога!.. Вы пришли к нам на лужайку? Да?

Г о г а. Это самая хорошая лужайка, сюда все приходят: и белочки, и ёж, и зайцы!

М о г а. Это зайкина лужайка, здесь всегда весело. *(Поёт.)* «Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!»

Г о г а. Ты чего сам поёшь? Это нечестно. Я тоже хочу.

М о г а. Пой.

Г о г а. А что они *(показывая в зал)* будут делать?

М о г а. Тоже будут петь вместе с нами. Будете петь?.. Мы с Гогой будем запевать, а вы подхватывайте припев: «Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!» Когда я махну лапкой — пойте. Сперва отрепетируем. Смотрите на мою лапку. Раз, два, три! *(Вместе с залом.)*

Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!

Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!

Молодцы!.. Значит, мы с Гогой запеваем, а вы подпевайте.

Когда все поют припев, холмик, под которым спит Мишка, тоже приплясывает.

М о г а. *(Поёт.)*

Комар пустился с мухой в пляс,
Запела балалайка.

Г о г а.

Сегодня весело у нас —
Тут зайкина лужайка.

В с е.

Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!

Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!

М о г а.

Лягушка скачет, ква-ква-ква!
За нею поспевай-ка.

Г о г а.

А старый жук ползёт едва —
Тут зайкина лужайка!

В с е.

Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!
Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!

М о г а.

Здесь хватит солнышка на всех,
Ты, музыка, играй-ка!

Г о г а.

Звенит, звенит весёлый смех,
Где зайкина лужайка.

М о г а. Все! (*Дирижирует.*)

Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!
Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!
А теперь давай кататься на качелях!

Г о г а. Давай... А на что мы положим нашу доску? Нужен камень! Бери доску!

Вдвоём укладывают доску на камень-холмик, чтобы та качалась.

Порядок, садись, Мога!

Садятся по краям доски и начинают кататься, приговаривая:

«Опля, опля, опля!»

Держись, Мога! И-и, эх!

Сильно опускает свой край, и Мога, подлетая в воздухе, делает кульбит.

М о г а (*в воздухе*). Ой-ой-ой!..

Г о г а. А теперь меня подбрось.

М о г а. Сейчас!

Меняются местами, и сальто-мортале в воздухе делает Гога. Неожиданно холмик сбрасывает доску. Оба зайца падают. Появляется перевязанный бинтами М и ш к а.

М и ш к а (*передразнивая*). Опля, опляля! Чего вы тут разоряетесь?

Г о г а. А ты кто такой?

М и ш к а. Что, уже не узнал? Я — Мишка.

М о г а. А почему у тебя белые перчатки?

Г о г а (*показывает на перевязанный нос*). И белая шапочка?

М и ш к а (*кричит*). Это не шапочка! Это не перчатки!

М о г а. Не кричи, мы тебя не трогаем. Ищи, Гога, новый камень, будем кататься.

М и ш к а (*хватая доску*). Это мои качели!

Г о г а. Нет, наши! Это мы с Могой сделали.

Спроси у всех. Правда, дети? (*Ответ из зала.*)

М и ш к а. А... а это — мой лес!

Г о г а. Ой, ой, ой! Весь?!

М о г а. И эта лужайка?

М и ш к а. И эта. Всё, всё, всё моё! Мой папа медведь. Он как заревёт. (*Пищит.*) И-и-и-и!

М о г а. Гога, а наш папа тоже медведь?

Г о г а. Нет, наш папа зайчик.

М и ш к а. Уходите с моей лужайки!

М о г а (*плачет*). Это... это ж... зайкина лужайка.

М и ш к а. И качели мои. (*Толкает зайчат.*) Уходите! Уходите!

З а й ц ы уходят.

Сам буду кататься, никому не дам. (*Садится на один край и, приговаривая «опля!», хочет раскачать доску.*)

Противные качели, не качаются. Сейчас я им как дам!.. (*С разгону садится на край доски.*)

Доска переворачивается и другим концом ударяет Мишку по голове. На голове вырастает новая шишка.

А-а-а, моя голова, а-а-а, мои лапы. Мой нос! Папа! Сейчас скажу папе медведю — он всех прогонит, всех! Па-па! Папа!!! (*Мишка с рёвом убегает.*)

Через короткий промежуток времени появляются Гога и Мога.

Мога. Ох, что будет! Что будет!
Гога. Медведь большой и сильный.
Мога. И тоже очень жадный.

Появляется Белочка.

Белочка. Что с вами случилось?
Мога. Нас Мишка хочет прогнать с этой лужайки.
Белочка. Он меня тоже прогнал.
Ёж (*появляясь*). И у меня он грибы забрал, а самого прогнал.
Гога. А теперь пошёл за папой, чтобы совсем нас из лесу выгнать.
Белочка. Как страшно!

Послышался рёв большого медведя.

Мога. Ой, идёт!
Ёж. Это он!
Белочка. Как страшно рычит! Я боюсь!.. Что делать?! Что делать?!
Мога. Прячьтесь! Все прячьтесь!
Гога. Скорей.

Все прячутся. Ёж устраивается на видном месте под охапкой листьев. Рёв раздаётся совсем близко.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Перед нами снова та же опушка леса. Звучит мелодия песни Медведя. Появляется сам большой симпатичный Медведь. В лапах он держит банку.

М е д в е д ь (*поёт*).

Надо детям слушать папу,
Он примеры подаёт,—
Не сосите, дети, лапу,
Лучше ешьте сладкий мёд!

Тырым-бырым-растыбырым,
Тырым-бырым-растабам!

Я не слушал в детстве папы —
И теперь я инвалид:
У меня от грязной лапы
В животе аппендицит.

Тырым-бырым-растыбырым,
Тырым-бырым-растабам!

Сладкий мёд — лекарство наше,
Чтоб не хныкать, не болеть...
Кто полюбит мёд и кашу,
Станет сильным, как медведь!

Тырым-бырым-растыбырым,
Тырым-бырым-растабам!

Вот он, мой мёд! Сладкий, хороший! Я его в лесу нашёл, целую банку! Это мне, наверное, кто-то подарил. (*Замечает детей.*) Ого, сколько здесь медвежат!.. Как, разве вы не медвежата? А-а, вы — Мишки!.. Ну да, я говорю: Мишки, Гришки, Маришки, Илюшки и с повидлом плюшки... А вы грязные лапы в рот берёте? Нет? Это очень хорошо! А мой Мишка-сынишка так и тянет их в рот. Вот так... Ах, как вкусно. (*Спохватывается.*) Ой, мой живот! Ой, больше не буду! Ох, я забыл. Я же совсем-совсем взрослый Мед-

ведь. А мой Мишка-сынишка — маленький. Вот как вы. Я его очень люблю и, если его кто-нибудь обидит, я тому о-го-го что сделаю! Я очень сильный и ещё страшный, вот! Я даже раньше солдатом был. *(Ставит банку с мёдом на землю и начинает маршировать. Как только он делает первые шаги, банка, подражая ему, идёт следом.)* Раз, два! Раз, два! Задней, передней. Раз, два! Раз... *(Замечает шагающую банку.)* Э... это что такое?! Раз, два... Никогда не видел шагающих банок! *(Стоя на месте, продолжает командовать, а банка исполняет команды.)* Направо! Ать, два! Вперёд, шагом марш! Раз, два! Раз, два! Кругом, ать, два!.. Вот так банка! Ничего подобного не видел!

Слышится жужжание. Пошатавшись на месте, банка стала подниматься вверх — лететь.

Эй, эй!.. Эй-эй-эй, лети назад!.. Это... это моё лекарство! *(Ловит банку, прижимает к груди и прислушивается.)* Жужжит! Наверное, в середине моторчик!.. Сейчас посмотрим. *(Снимает крышку — вылетает пчела, жужжит.)* А-а, вот он, моторчик! Знаю, какой это моторчик, с иголочкой на хвосте. *(Следит за пчелой.)* Хо... хорошо, что я ни... никого не боюсь.

Пчёлка садится Медведю на нос.

Ой, ой! Что теперь будет?! Не шумите, пожалуйста, а то она испугается и... и умрёт. Ой, что тогда будет?! Ой, пропал мой нос!..

Пчёлка слетает с носа и, покружив, исчезает.

Улетела. Уф! А ведь могла меня испугаться и умереть... А банка не улетела. Это хорошо.

(Детям.) Дети, вы не знаете, где мой Мишка-сынишка? (Зовёт, глядя в зал.) Ми-ша!.. Мальчик Миша здесь есть? (Ответ.) Нет, мой не такой, мой косолапый. Давайте все вместе его позовём. Только тихо, а то он вдруг ещё спит и испугается. Ну, давайте! (Дирижирует.) Ми-ша!.. Ещё тише, шёпотом: Ми-ша!.. Что вы говорите, не слышу!.. А-а! Ну, тогда давайте звать его громко. (Дирижирует.) Ми-ша!.. Не слышит. Вот хитренький! Наверное, он где-то здесь спрятался и молчит. Сейчас его поищу. (Ходит, заглядывает на деревья.) Нигде не видно... Уф! Устал. А Мишки нигде нет. Подожду его здесь, присяду. (Хочет присесть на Ежа, но тот предупредительно отодвигается. Медведь — за ним, садится, но тут же с криком вскакивает и начинает дрожать.) Ай-ай! Ой-ой-ой! Я се... я сел на... на...

Ё ж. Спасите!

М е д в е д ь. А-а, это ты!.. Это... Извини, пожалуйста, я больше не буду!

Ё ж. Спасите! Спасите!

М е д в е д ь. Я... я тебя не раздавил?

Ё ж. Спасите!

М е д в е д ь. Если тебе больно, съешь мёду — пройдёт. Пожалуйста, съешь мёду... Хоть капельку. Вот! (Открывает банку, достает лапой мёд и угощает Ежа.)

Ё ж е с т.

Ну, как?

Ё ж. Вкусно, вкусно...

М е д в е д ь. Извини меня, пожалуйста.

Ё ж. Пожалуйста. (Продолжает лизать лапу Медведя.)

Вбегае т Б е л о ч к а.

Белочка. Где?! Что?! Кто кричал «спасите»?!
(Замечает Медведя.) Ах! Дядя Медведь, не бейте Ежа, не надо, он хороший.

Медведь. Я больше не буду.

Ёж. Он меня угощает мёдом.

Белочка. Мёдом?.. (Грустно.) У меня больше нет вкусной шишки с орешками. (Плачет.)

Медведь. Белочка, ты тоже поешь — всё пройдет.

Белочка. Ой, спасибо! (Лижет медвежью лапу.) Какая вкусная лапа!

Ёж. Вкусный Медведь!

Вдвоём лижут лапу. Вбегают Гога и Мога.

Мога. А мы? А нам?!

Гога (натываясь на Медведя). Ай, Медведь!

Мога. Ах!

Оба падают в обморок.

Медведь. Бедняжки! (Переворачивает банку с мёдом на зайцев, те приходят в себя.)

Гога. Мога, я ещё живой? Потрогай.

Мога (трогая брата). Живой.

Гога. А медведь живой?

Мога. Живой.

Гога. Ох! (Снова падает в обморок.)

Ёж и Белочка. Он добрый! Он хороший!
Он сладкий!

С жужжанием прилетает пчела. Она влетает в банку, и та начинает ползти в сторону.

Мога. Эй, банка, банка...

Медведь. Я забыл вам сказать, что она с моторчиком.

Гога (поднимаясь). Там ещё остался мёд!

Ё ж. Догоняй её!

Банка улетает за кулисы. **М о г а** убегает за ней и сразу возвращается.

М о г а. Улетела.

М е д в е д ь. Не горюйте, я вам лучше что-нибудь другое, весёленькое придумаю.

Г о г а. Покачай нас на качелях. На этих. (*Показывает на качалку.*) Вот доска, а вот камень.

М е д в е д ь. Ага, покачаю. (*Сооружает качели.*) Садитесь все туда.

Все садятся на край доски.

(*Берётся за другой, качает и напевает, словно баюкает.*) А-а-а, баю-бай...

М о г а захрапел и свалился.

Г о г а. Мы не хотим спать!

М е д в е д ь. Ах, да, виноват. (*Энергичней.*) Опля, опля, опля!.. Уф, упарился!

М о г а. Ещё, ещё, качай!

Б е л о ч к а. Ещё, пожалуйста!

М е д в е д ь. Э-э, да ведь это нечестно: теперь вы меня покачайте. Я это дело тоже люблю.

Ё ж. Правильно. Садитесь, дяденька Медведь, теперь мы вас покачаем.

Зверушки соскакивают на землю. На опустившийся край доски садится Медведь.

М е д в е д ь. Эх, прокачусь!

Зверушки забираются на свой край.

М о г а (*подсаживая Ежа*). Так, давай туда!
(*Белочке.*) А ты сюда...
М е д в е д ь. Ну, что, уже качаете?
М о г а. Нет ещё. Сейчас сяду!

Но в это время раздаётся крик Мишки: «Папа! Па-а-а!» И появляется он сам, ревуший, перевязанный бинтами. Е ж а, Б е л о ч к у и З а й ц е в словно ветром сдуло — все исчезли.

М е д в е д ь. Эй, эй, эй, куда же вы?! Куда?..
(*Замечает Мишку.*) А ты кто такой?

М и ш к а. Я — твой Мишка.

М е д в е д ь (*разглядывая бинты на Мишке*).
А это что?

М и ш к а. Шишки... мои шишки. (*Плачет.*)

М е д в е д ь. Разве шишки такие? Вон шишки, на ёлках. Это не шишки.

М и ш к а. Нет, шишки!

М е д в е д ь (*снимает повязку с Мишкиной головы*). Ого какая! Кто это тебе подарил?

М и ш к а. «Кто, кто?..» Ёж, Белка и Зайцы...
Я их прогнал потому, что это мой лес.

М е д в е д ь. Твой? Весь?!

М и ш к а. Да, мой!

М е д в е д ь (*догадавшись обо всем*). А-а-а, понимаю... Очень хорошо, молодец, нечего сказать... Ну, тогда я пошёл.

М и ш к а. Куда пошёл?

М е д в е д ь. Искать другой лес. Это же — твой, меня ты тоже прогонишь.

М и ш к а. Нет, нет, тебя я не прогоню.

М е д в е д ь. Ну, спасибо. А почему же меня не прогоняешь?

М и ш к а. Потому что ты будешь качать меня на этих качелях.

М е д в е д ь. Ах, вот оно что! Понятно, понятно. Сейчас покачаю, только сперва я кое с кем

посоветуюсь. (*Подходит к рампе и обращается к зрителям.*) Что, ребята, качать этого жадину или нет? (*Ответ из зала.*) Правильно, не надо его качать, надо его проучить. Сейчас мы это сделаем... (*Мишке.*) Ну, садись, покачаемся. (*Садится первым.*)

Мишка заползает на поднятый край.

Мишка. Ну, качай же.

Медведь. Я качаю. Теперь ты меня поднимай.

Мишка (*покряхтев*). Я не могу — ты толстый.

Медведь. А ты позови друзей.

Мишка. Нет у меня друзей, нет! (*Плачет.*)

Я хочу качаться! Качаться!..

Медведь. А ты попроси Ежа, Белочку и Зайцев. Пусть помогут.

Мишка. Они не придут, не придут.

Медведь. А ты попробуй позови.

Мишка. Так я же их прогнал.

Медведь. А теперь позови. Крикни: «Друзья, ко мне!» А вы, ребята, крикните вместе с нами. Ну!

Зовут все вместе.

Все. Друзья, ко мне!

Появляются Ёж, Белочка и Зайцы.

Ёж. Кто тут нас звал?

Медведь. Это он вас звал.

Гога. Ты звал?

Мишка. Да, я.

Могга. А лес всё ещё твой?

Белочка. И все шишки твои?

М е д в е д ь (*указывая на бинты*). С него этих хватит. Он пригласил вас покачаться на качелях.
М о г а (*Мишке*). Ты больше нас не прогонишь?
М и ш к а. Нет, я хочу дружить и... и не хочу шишек.

М е д в е д ь. Правильно, лес этот общий.
Ё ж, Б е л о ч к а и З а й ц ы. Ура-а-а-а!

Все забираются на край качели. Медведь на свой поднятый край. Но качели не действуют, теперь компания друзей тяжелей большого Медведя. Медведь кряхтит.

М и ш к а. Почему же ты теперь нас не качаешь?
М е д в е д ь. Да потому, что вас много, а я один.

Слышится жужжание, и появляется пчела. Она зависает над головой Медведя. Все замолкают.

О, Моторчик уже прилетел. Сейчас, кажется, будем качаться.

Пчела зажужжала сильнее и стала медленно приближаться к голове Медведя. Качели качнулись, пошли вниз. Пчела поднимается — Медведь поднимается. И так далее.

М и ш к а. Ура, мы качаемся!
В с е. Ура! Ух-а! Ух-а!..
Г о г а (*запел*).

Комар пустился с мухой в пляс,
Запела балалайка.

Г о г а и М о г а.

Сегодня весело у нас —
Тут зайкина лужайка!

М и ш к а (*дирижирует всем*).

Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!
Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!
Б е л о ч к а.

Лягушка скачет, ква-ква-ква!
За нею поспевай-ка.
М е д в е д ь (*изображая*).
А старый жук ползёт едва —
Тут зайкина лужайка!

М и ш к а (*дирижирует*).

Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!
Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!
Здесь хватит солнышка на всех,
Ты, музыка, играй-ка!

В с е.

Звенит, звенит весёлый смех,
Где зайкина лужайка.
Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!
Зайкина, зайкина, зайкина лужайка!!!

КОНЕЦ

ДОБРЫЙ ХОРТОН

По мотивам сказки доктора Сьюза

Пьеса для театра кукол
в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МИСТЕР ХОРТОН — очень порядочный слон.

МИССИС МЕЙЗИ — очень красивая птица,
но очень плохая мама.

МИСТЕР ЛЕМУР — ленивец, сосед миссис Мейзи.

ПЕПИТА — обезьяна, которая даже полчасика
не может посидеть на одном месте.

МИССИС БЕГИ — бегемотиха, образцовая родительница.

МОТИКИ — бегемотики, её образцовые дети.

МИСТЕР МАЙКЛ — сперва знаменитые охотники,

МИСТЕР САЙКЛ — потом знаменитые клоуны.

В ЭПИЗОДАХ

ОДНА ИЛИ ДВЕ ТАНЦУЮЩИЕ ЛОШАДКИ-ПОНИ.

СЛОНОПТИЧКА — слонёнок с крылышками.

ПТИЦЫ.

ДЕЛЬФИНЫ.

ПЕСНЯ-ПРОЛОГ

Как радужный сон, начинается сказка,

И детству, как прежде, верна,

Волшебные краски и щедрую ласку

Вокруг разливает она.

И всех нас гурьбою она за собою

В далёкие страны ведёт,

Где чудо жар-птицы рождается весною

И сказочный бродит народ.

Ступают по травам когтистые лапы —

Их в чащах зелёных не счесть;
Там птицы и звери, но мамы и папы
У них обязательно есть.
А джунгли скрывают свирепые тайны,
Там битвы и ночью и днём,
И, может быть, где-то на тропке случайно
Мы зверя иль птицу спасём...
Смелей же, дружок, помаши над собою
Фантазии ярким крылом,—
Кто сказочной нашей прошёлся тропой,
Счастливым вернулся в свой дом...
Как радужный сон, начинается сказка,
И детству, как прежде, верна,
Волшебные краски и щедрую ласку
Вокруг разливает она.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Перед нами ветвистое дерево. На большой ветке гнездо, в котором сидит миссис Мейзи. Между двумя соседними ветвями, уцепившись передними и задними лапами, висит и спит мистер Лемур, трёхпалый ленивец. Мейзи очень взволнована, ей не сидится в гнезде.

Звонят птичьи хоры, слышна далёкая музыка — торжествует тропическое лето. Когда музыка и щебет утихают, раздаётся раскатистый храп мистера Лемура.

Мейзи (*подлетает к Лемуру*). Мистер Лемур, мистер Лемур, проснитесь! Проснитесь!

Лемур (*зевая*). А-а-а-а...

Мейзи. Посмотрите, что творится вокруг,— начался великий праздник лета! Разве сейчас можно спать?

Лемур. Я же не сплю.

Мейзи. С вами пропадёшь от скуки. Все птицы уже летят на Пальмовый пляж, а я должна

сидеть здесь, и всё из-за одного яичка, из-за своего будущего птенчика. *(Выходит из гнезда, и мы видим в нём яйцо, большое, сказочно красивое.)* У меня в этом году особенно удачный наряд *(распускает перья)*, не правда ли, мистер Лемур?

Л е м у р. А? Что?.. О, да — он прекрасен... *(захрапел.)*

М е й з и. Как жаль, что меня никто не видит.

Л е м у р. А разве я — никто, а? Хр-р-р...

М е й з и. О мистер Лемур, какой вы джентльмен — вы только храпите. А если бы я полетела на Пальмовый пляж, я бы там всех покорила! *(Расправляет крылья и кружится, напевая. Одно яркое перо падает вниз.)* Ах, моё прекрасное перо!.. Впрочем, бог с ним, у меня столько ярких, красивых перьев!

Вступает музыка.

(Поёт и танцует, сперва плавно, затем переходит на буйный канкан.)

Я, Мейзи,— весёлая птица,
Наряд мой пестрее огня,
Люблю я порхать и кружиться,
Плясать, щебетать, веселиться,—
Смотрите же все на меня!
Смотрите же все на меня!

Чив-чив, тра-ля-ля!

Чив-чив, тра-ля-ля!

Пусть звенят небеса,
Пусть кружится земля!

Чив-чив, тра-ля-ля!

Чив-чив, тра-ля-ля...

Мейзи расходилась так, что яйцо едва не выскакивает из гнезда; трясётся и мистер Лемур.

Л е м у р. Ой-ой-ой, миссис Мейзи, не трясите дерево! Не трясите, вы прогоните весь мой сон!

М е й з и. Да-да, простите! (*Возвращается в гнездо.*) Ах, как мне не везёт! Как не везёт!

Появляется обезьяна **П е п и т а** со связкой масок-бабочек.

П е п и т а.

Вот кому маски, лучшие маски!

Каждая маска — новая краска!

Каждая маска — новая сказка!

Торопитесь на праздник! Летите на праздник!.. Эй, Мейзи, почему ты ещё здесь? Ты опаздываешь! Купи маску и лети на Пальмовый пляж! Все уже там. У тебя такой шикарный наряд, а ты сидишь здесь с этим спящим бревном, Лемуром. На тебя это не похоже...

М е й з и. Ах, дорогая Пепита, тырываешь моё сердце на части...

П е п и т а. Я? Разрываю?..

М е й з и. Да. Ведь я не могу оставить своего будущего птенчика... Если бы я могла что-нибудь придумать, я бы давно уже была там, на Пальмовом пляже... Ох-хо-хо!

П е п и т а. Ничего проще быть не может. Попроси кого-нибудь посидеть в твоём гнезде, а сама слетай на праздник.

М е й з и. Попросить? Кого-нибудь?

П е п и т а. Ну да.

М е й з и. А кого?

П е п и т а. Кого хочешь, это твоё дело...

М е й з и. Тогда, пожалуйста, Пепита, посиди полчаса в моём гнезде.

П е п и т а. А? Что ты сказала?

Мейзи. Я куплю у тебя все маски... Всего полчаса!

Пепита. Посидеть?! Полчасика?! Ой, ха-ха-ха-ха! Ой, не могу: посидеть полчаса! Ой, насмешила!.. Глупая Мейзи — где же ты видела, чтобы обезьяна сидела целых полчаса на одном месте?! Ой, не могу! Ой, ха-ха-ха! Нет, это невозможно! Полчасика, ха-ха-ха-ха! Проси кого-нибудь другого!.. Вот кому маски! Лучшие маски! *(Исчезает.)*

Мистер Лемур захрапел и заворочался.

Мейзи. Мистер Лемур! Дорогой мистер Лемур! *(Трясёт дерево.)* Вы слышите меня?

Лемур. А? Что?

Мейзи. Мистер Лемур, не могли бы вы побыть полчаса с моим будущим птенчиком?

Лемур *(зевая)*. Х-хоть полгода, мне всё равно.

Мейзи. О, как вы добры! Я знала, что вы пойдёте мне навстречу.

Лемур. Куда?

Мейзи. Навстречу. Сюда, на мою ветку, чтобы посидеть в гнезде.

Лемур. Хорошо, я к вечеру буду там.

Мейзи. О, дорогой мистер Лемур, это будет очень поздно.

Лемур. Но раньше я не смогу, я же не паровоз. До вашего гнезда очень далеко-о... хр-р-р... *(Заснул.)*

Мейзи. Мистер Лемур! Мистер Лемур!.. Да проснитесь же! Проснитесь!.. Это ужасно!.. И он не хочет...

(Опускает голову и замолкает.)

Издали доносится трубный звук и топот. Появляется слон мистер Хортон. Остановившись под деревом, он поёт.

Хортон.

Тумба-тумба-тумба-тум,
Не люблю я праздный шум!
Я бежал что было духу,
Наступил в пути на муху,
И случилась тут беда —
Нет ни мухи, ни следа... Ох!
Очень грустно мне и тяжело,
Оттого что жаль бедняжку,—
Тумба-тумба-тумба-тум,
Виноват весь этот шум!..

Не пойму, что творится! Давно такого не было: крики, песни, танцы. Все куда-то летят... Но здесь я, кажется, отдохну. Здесь (*прислушивается*) тихо и никто меня не будет беспокоить. А уж я-то и подавно никого не трону. Разве я хотел обидеть муху? Ох, ох... Вот я сейчас прислонюсь к этому дереву и немножко вздремну. (*Устраивается и замолкает.*)

Мейзи. Чив-чив!

Хортон. А? Что?

Мейзи (*изриво*). Чив-чив, мистер Хортон!.. Мистер Хортон!

Хортон. Кажется, кто-то меня позвал?

Мейзи. Это я, чив-чив!

Хортон. Ах, это вы, миссис Мейзи? (*Оживляясь, радостно, галантно.*) Здравствуйте, здравствуйте! А я-то думал — здесь никого нет.

Мейзи. Ах, мистер Хортон, я не по своей воле здесь осталась. Но если вы окажете мне небольшую услугу, то сможете насладиться полным одиночеством.

Хортон. О, я был бы счастлив помочь вам, но, право, не знаю, что нужно делать.

Мейзи. Всего полчасика посидеть в моём гнезде... Погреть моего будущего птенчика.

Хортон. Конечно, конечно... Простите, я, кажется, ослышался: вы сказали «посидеть в гнезде»?

Мейзи. Да, в моём гнезде. Понимаете?

Хортон. Ха-ха, как вы мило шутите!

Мейзи. Я не шучу. Вам надо только влезть на дерево.

Хортон. Что? Влезть? Ха-ха, ой, не могу! Ха-ха-ха!

Мейзи. Ну да, вот на эту ветку.

Хортон. Ну конечно, ха-ха-ха!

Мейзи. Вот сюда, понимаете?

Хортон. Нет, не понимаю.

Мейзи. Ах, что же тут непонятного? Вы просто недобрый, вы злой!

Хортон. Как?! Что?! Я?! О, только не это! Конечно, полчаса — это не долго... Я буду рад вас выручить, но... право, не знаю, как мне попасть в ваше гнездо?

Мейзи. Это же очень просто, надо взять и взлететь.

Хортон. Что?!

Мейзи (*машет крыльями*). Вот так. Понимаете?

Хортон. Не очень.

Мейзи (*обиженно*). Вы просто не хотите меня понять.

Хортон. Нет, я просто боюсь, что у меня с первого раза может не получиться.

Мейзи. О, как я несчастна!

Хортон (*взволнованно*). Ах, миссис Мейзи, миссис Мейзи, не надо волноваться, я... я сейчас попробую. (*Машет ушами, хихикает и сопит. Он даже чуточку поднимается в воздух.*) Ах, эх!.. Эх.. Уф!.. Нет, если бы мои уши были чуть пошире, тогда — может быть... А так... (*Снова делает попытку взлететь.*)

Мейзи пытается ему помочь

Нет, нет, не могу!

Мейзи. Вы... вы просто злой! Вот что!

Хортон. Я?! Я злой?! Вы ошибаетесь, миссис Мейзи, слоны добрые. И я вам сейчас это докажу... докажу! Я влезу на ваше дерево!

Мейзи. Вот тогда я поверю.

Хортон лезет на дерево, сопит, охает. Слышен треск.

Вот здесь моё гнездо. А это мой будущий птенчик. *(Показывает на яйцо.)* Его нельзя оставлять одного!

Хортон *(разглядывает и трогает хоботом яйцо)*. Подумайте, какая прелесть! И что я должен с ним делать?

Мейзи. Ничего, только сесть. Сесть и только.

Хортон. Вы сказали: «Сесть?! Сесть и только?!»

Мейзи. Уверяю вас, это очень просто. Вот так. Попробуйте. *(Грациозно садится.)*

Хортон садится на краешек гнезда. Яйцо закачалось и отодвинулось. Хортон садится в гнездо. Яйцо передвинулось и «село» на кромку гнезда.

Хортон *(удивлён)*. Подумать только!

Мейзи. О, мой будущий птенчик — умница!

Вы только не забудьте, что его надо греть!

Хортон. Да, да, конечно. *(Подышал на яйцо.)*

Мейзи. А я скоро вернусь. Прощайте! *(Поёт.)*

Я, Мейзи, — весёлая птица,

Наряд мой пестрее огня,

Люблю я порхать и кружиться...

Появляются птицы и животные.

Птицы. Скорее, Мейзи! Скорее! Праздник лета уже начался!

Мейзи и птицы улетают.

Хортон (любясь яйцом). Красивое яичко!
Очень!..

А внутри маленький птенчик. Хи-хи...

Яйцо зашевелилось и «запрыгнуло» на кончик хобота. Ого!.. Какое смелое!.. Ой!

Яйцо по хоботу покатилося вверх и уселось Хортону на макушку. Затем скатилось оттуда, как по горке. И опять наверх. И опять вниз.

Ой, ой! Что он делает?! Какой озорник!.. Хе-хе. (*Успокаивая себя.*) Мама говорила, что я в детстве тоже был таким озорником...

Яйцо «скатилось» на грудь и замерло.

(*Нежно прижал его к груди.*) Устал, маленький, уснул. Хи-хи... Спи, мой птенчик, не бойся, я тебя не брошу. Мама надолго не уходит от своих деток. Спи, а я тебе спою колыбельную песенку, такую, как пела моя мама... А-а, а-а... Сейчас припомню... А-а, а-а... Ага, вспомнил! (*Раскачиваясь, поёт.*)

Спи, мой птенчик, баю-баю,
Сладкий будет сон,—
Подрастёшь и будешь весить
Целых десять тонн!
А-а, а-а, тумба-тумба,
Целых десять тонн.

Щебетать ты будешь звонко,
В небесах летать,
Будешь хоботом бананы
С дерева срывать.

(Покачиваясь в такт песне, засыпает.)

И тогда возникает радужный сказочный сон, полный тепла, нежности и доброты. Однако сквозь этот сон прослушивается дружный храп Хортон и Лемура. Сверху далеко в небе появился воздушный шар с корзиной. Покачиваясь, он медленно опускается, пока не скрывается за деревьями. И сразу в джунглях возникает шум, волнение.

(Просыпаясь.) Я слышу какой-то шум. Наверное, уже возвращаются с праздника. Значит, и миссис Мейзи сейчас будет здесь. А главное, что я сдержал своё слово, не подвёл. Но ты, птенчик, спи, тебя это не касается. *(Поёт.)*

Щебетать ты будешь звонко,
В небесах летать,
Будешь хоботом бананы
С дерева срывать...

Из джунглей послышалась стрельба, дикие крики, топот.

Хе, какое-то странное веселье...

Появилась с криком обезьяна П е п и т а.

П е п и т а. Беда, мистер Хортон, беда! Скорее бегите! Сюда идут знаменитые охотники! Они стреляют во все стороны и ещё могут в кого-нибудь попасть! Пах, пах, пах!.. Бегите.

Х о р т о н. Но я же не могу оставить гнезда — миссис Мейзи будет недовольна.

П е п и т а. Скорей бегите! Скорей! *(Исчезает.)*

Х о р т о н. Нет, нет, я не могу...

Через некоторое время появляются охотники мистер М а й к л и мистер С а й к л. Майкл высокий, тощий; Сайкл толстый, низенький. Охотники входят, прижавшись друг к другу спинами и стреляя из ружей во все стороны. Но вот они прекратили стрельбу и, не опуская ружей, прислушиваются. Захрипел Лемур. Охотники снова закружились и стали стрелять, лишь потом разошлись в стороны. С момента их появления Хортон дрожит и трясёт дерево.

М а й к л. Мистер Сайкл, а мистер Сайкл!

С а й к л. Слушаю вас, мистер Майкл!

М а й к л. А здорово я их напугал, правда? Все разбежались.

С а й к л. Что правда, то правда, мистер Майкл, звери разбежались. А в кого же мы теперь будем стрелять? Мы ведь знаменитые охотники.

М а й к л. Ничего, вернутся. От меня никто не уйдет! Вы мне верите, мистер Сайкл?

С а й к л. Как не верить, когда вы так ловко рассказываете про свои охотничьи удачи. Особенно как вы безоружный положили дикого кабана на обе лопатки.

М а й к л. Да, да... А однажды в джунглях я встретился со слоном и не дрогнул.

С а й к л. Ай-ай-ай! Ну, а слон?

М а й к л. Какой?

С а й к л. Тот самый...

М а й к л. А, этот... Испугался. Так испугался, что залез на дерево.

С а й к л. Хи-хи!..

М а й к л. Вы мне не верите?

С а й к л. Что вы, что вы, я вам всегда верю, вы же бесстрашный охотник.

Дерево с Хортоном затряслось ещё сильнее. Сайкл поднял голову, увидел на дереве слона и, ахнув, упал.

М а й к л. Что с вами, мистер Сайкл?

С а й к л. Там... там... на дереве...

М а й к л. Что на дереве?

С а й к л. Там... там слон!

М а й к л. Не говорите чепухи, такого не бывает.

С а й к л. Слон... слон... слон...

М а й к л. Ерунда. (*Поднимает голову и тоже падает.*)

Х о р т о н (*дрожа*). Какое несчастье, они, кажется, погибли... Уважаемые джентльмены! Уважаемые...

М а й к л (*спохватываясь*). Сайкл, вы что-то сказали?

С а й к л. Нет, ничего.

Х о р т о н. Уважаемые джентльмены!

С а й к л. Мистер Майкл, вы что-то сказали?

М а й к л. Ни слова.

Х о р т о н. Это я, джентльмены, я вас побеспокоил.

С а й к л (*глядя на слона*). Мистер Майкл, это случайно не тот ли слон, который от вас убежал?

М а й к л. Не знаю... Кажется.

Х о р т о н (*дрожа*). Пожалуйста, не бойтесь меня, я вам ничего не сделаю. Я бы тоже убежал, но не могу, понимаете?

С а й к л (*приподнимаясь*). Не понимаю.

М а й к л. А я, кажется, понимаю. (*Хортону*). Вы только что сказали, что не можете сойти с дерева?

Х о р т о н. Не могу, джентльмены.

М а й к л. И погнаться за нами тоже не можете?

Х о р т о н. Нет, джентльмены, слово чести — не могу.

М а й к л (*поднимая ружьё*). Тогда руки вверх!

Х о р т о н. Но... но у меня, к сожалению, нет рук, у меня только ноги.

М а й к л. Тогда ноги вверх!

Хортон. Простите, а что вы хотите со мной сделать?

Майкл. Мы сейчас всадим в вас пули и уедем с богатыми трофеями.

Сайкл. Да, да, увезём с собой мех и бивни.

Майкл. Внимание! Раз... два...

Хортон. Эй, эй, подождите! Я совсем забыл!

Майкл. Что вы забыли?

Хортон. В меня сейчас нельзя стрелять.

Майкл (*опуская ружьё*). Это почему же?

Хортон. Вы можете промахнуться и попасть в будущего маленького птенчика.

Майкл. Что?!

Сайкл. Кто-то из нас сошёл с ума: или я, или этот слон.

Майкл. Какого ещё птенчика?

Хортон. Маленького. Ребёночка миссис Мейзи. Разве вы не видите, что я сижу в гнезде и держу будущего птенчика?

Майкл. Может быть, вы, как птица, высиживаете птенцов?

Хортон. Вот именно, я сейчас как раз этим и занимаюсь.

Сайкл. Мистер Майкл, может быть, мы сошли с ума?

Майкл. Со знаменитыми охотниками всё может случиться. Но если мы с вами при своём уме, то видим настоящее чудо.

Сайкл. Вот именно, мистер Майкл, это — чудо!

Майкл. Послушайте, слон, а вы нас не обманываете?

Хортон. Можете убедиться сами. Хортон ещё никогда никого не обманывал.

Сайкл. Мистер Майкл, я сразу заметил, что это очень порядочный слон, и нам незачем проверять. Залезть на дерево не так просто.

Хортон. Очень тяжело, джентльмены, очень...

Майкл. Мистер Сайкл! Мистер Сайкл, у меня

родилась великолепная идея! Чудесная идея!
В мою голову ещё никогда не приходили
такие великие идеи!

С а й к л. Какие именно?

М а й к л. Мы не будем убивать этого слона.

Х о р т о н. Вот это очень правильно.

М а й к л. Мы с вами больше не знаменитые
охотники.

С а й к л. А кто же мы такие?

М а й к л. Мы с вами уже знаменитые клоуны!
Вот кто!

Х о р т о н. Хм, странно.

С а й к л. То есть как? Не понимаю.

М а й к л. Очень просто. Скажите, мистер Сайкл,
вы когда-нибудь видели слона, который си-
дел бы на дереве и высиживал птенцов?

С а й к л. Никогда.

Х о р т о н. Признаться, я тоже не видел.

М а й к л. И никто не видел. Поэтому, если мы
с вами сделаем цирк и будем в нём пока-
зывать такое чудо, знаменитей нас никого
в мире не будет.

С а й к л. Да, да, конечно.

М а й к л. Мы будем ездить по всем странам и
показывать это чудо людям и зверям.

С а й к л. И назовём наш цирк «Симпомпони».
В честь моей бабушки, миссис Симпомпони.

М а й к л. Согласен.

Х о р т о н. Что-то мне не нравится это «Сим-
помпони».

М а й к л. Уважаемый слон...

Х о р т о н. Меня зовут мистер Хортон, джентль-
мены.

М а й к л. Очень приятно. Скажите, мистер Хор-
тон, а как вам нравится эта идея?

Х о р т о н. Не знаю, джентльмены, но, откро-
венно говоря, я бы сам пошёл поглядеть на
такого слона.

М а й к л. Ха-ха-ха, так вы же как раз и будете этим знаменитым артистом.

Х о р т о н. Ошибаетесь, джентльмены, я не могу оставить это гнездо, пока не явится миссис Мейзи.

М а й к л. Чепуха! Мы не знаем никакой миссис Мейзи.

С а й к л. Не знаем... Но скажите, мистер Майкл, а как мы отправим это дерево в цирк?

М а й к л. Очень просто, так же, как сами туда попадём: сперва по воздуху, а потом по морю.

С а й к л. Вы думаете, если этот слон высиживает птенцов, так он и летать сможет?

М а й к л. Да, при помощи нашего воздушного шара.

С а й к л. Блестящая мысль! Я совсем о нём забыл.

М а й к л. Мистер Сайкл, отправляйтесь сейчас же к нашему воздушному шару и летите с ним сюда.

С а й к л. Сию минуту, мистер Майкл. (*Исчезает.*)

Мистер Майкл похаживает под деревом и что-то напевает.

Х о р т о н. Мистер Майкл, а мистер Майкл, я почему-то очень волнуюсь.

М а й к л. А вы не волнуйтесь. Слово джентльмена — ваша жизнь вне опасности, и вас ожидает слава!

Сверху опускается верёвка и показывается дно корзины. Откуда-то сверху доносится голос Сайкла.

С а й к л. Ловите конец, мистер Майкл!

М а й к л. А-а, вот и верёвка! (*Хватает конец.*)
Сейчас привяжем дерево! (*Ходит с верёвкой вокруг дерева, обматывает его.*)

Х о р т о н. А что вы дальше думаете делать?

М а й к л. Сейчас увидите. (*Достает пилу и начинает пилить дерево.*)

Х о р т о н. Эй, эй, это нечестно! Пожалуйста, не делайте этого! (*Трясёт хоботом Лемура.*)
Мистер Лемур, мистер Лемур, посмотрите, что с нами делают!

В ответ раздаётся храп Лемура.

На помощь! На помощь!.. Миссис Мейзи, сюда! Сюда! На помощь! Это нечестно! Джентльмены, вы не имеете права разлучать мать и ребёнка!

М а й к л. Вира! Вира! Вперёд!

Дерево затрещало, покачнулось и поехало вверх.
А внизу появились мистер **М а й к л** и мистер **С а й к л** и радостно запели.

М а й к л и С а й к л

Смейтесь, солнце и луна,
Ха-ха-ха!

Мы везём с собой слона,
Ха-ха-ха!

Мы везём с собой слона,
Ха-ха-ха!

Дрессированных у нас
Видели китов,

Но на дереве слона
Не видал никто!

Ох, отваги мы полны,
Ха-ха-ха!

Мы умнее, чем слоны,
Ха-ха-ха!

Нам арена уж видна
В цирке шапито...

Ах, на дереве слона
Не видал никто!..

Глубина ширмы становится небом, по которому плывут облака. Теперь в небе в уменьшённом виде появляется дерево с Хортоном. Оно качается, словно маятник. Появляется стайка птиц. Они смеются над Хортоном.

Птицы. Смотрите, смотрите, слон на дереве! Слон! Ха-ха-ха, слон на дереве!..

Ветер крепчает, воеет и всё сильнее раскачивает дерево. Смеясь, птицы отстают и исчезают, словно их сдувает этим ветром. Новый порыв урагана переворачивает дерево, и Хортон повисает вниз головой, однако от дерева и гнезда не отрывается. Верёвкой сверху дерево возвращают в прежнее положение. Внизу показалась синяя полоска моря и одинокий парус. Тучки замедлили бег, море стало «подниматься», и снизу появился пароход с большой трубой. Дерево с Хортоном опустилось и вошло стволом прямо в трубу. Пароход загудел, пустил свистящий пар и отчалил. Сразу же началась сильная качка, заходили, запенились волны. Из волн стали выпрыгивать дельфины и смеяться над Хортоном.

Дельфины. Ха-ха-ха! Слон на дереве! Ха-ха-ха!

Стало темнеть. В окнах парохода зажглись огоньки. Фонарь с палубы осветил Хортона. Начался шторм. Седогривые волны поднимаются всё выше и выше, брызги летят прямо в зал. Пароход уходит дальше и дальше. Рокот шторма усиливает радио, сквозь шум волн до нас доносится усиленный дрожащий голос Хортона.

Хортон. О-о-ох! У-у-ух!.. Не бойся, мой птеник, я здесь, с тобой! Я не дам тебе замёрз-

нуть... О-о-ох! У-у-ух! Спи, мой маленький,
спи! (*Дрожащим голосом поёт.*)

Спи, мой птенчик, баю-баю,
Сладкий будет сон,—
Подрастёшь и будешь весить
Целых десять тонн...
Бедная Мейзи! Где она теперь будет нас
искать? Бедняжка! О-о-о-ох! У-у-ух!

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Звучит весёлая карнавальная музыка. Перед нами
Пальмовый пляж. Над пальмами надпись: «Паль-
мовый пляж». За прозрачным задником видны силу-
эты движущегося под музыку хоровода животных,
слышны весёлые голоса, команда.

Г о л о с. Кружимся вправо!.. Влево!.. Ещё раз!..

Наконец хоровод исчезает. Раздаётся голос, пода-
вавший команду.

Г о л о с. Попросим Мейзи! Пусть станцует
Мейзи!

Г о л о с а. Браво!
— Просим!
— Просим!

Появляется раскланивающийся силуэт Мей-
зи. Аплодисменты усиливаются.

Г о л о с. Маэстро, песенку для нашей Мейзи!

Вступает музыка. Мейзи выбегает на передний
план, поёт и танцует.

Мейзи.

Я, Мейзи,— весёлая птица,
Наряд мой пестрее огня,
Люблю я порхать и кружиться,
Плясать, щебетать, веселиться,—
Смотрите же все на меня!
Смотрите же все на меня!
Чив-чив, тра-ля-ля!
Чив-чив, тра-ля-ля!
Пусть звенят небеса,
Пусть кружится земля!
Чив-чив, тра-ля-ля!
Чив-чив, тра-ля-ля!

Аплодисменты, Мейзи кланяется.

Ох, кружится голова! Ах, как я устала!
Но я могу ещё танцевать! Ничего прекрас-
нее танцев нет на свете! А мой наряд?!
Я всех покорила на Пальмовом пляже! Все
только обо мне и говорят... Ля-ля, ля-ля...
(*Напевает, кружится.*)

Появляется миссис Беги с бегемотиками.
Их трое — толстых, розовых. Один бегемотик всё
время квакает по-лягушачьи и при этом подпры-
гивает.

Ах, кого я вижу! Миссис Беги со своими
Мотиками! Здравствуйте, миссис Беги, ка-
кая приятная встреча!

Беги. Здравствуйте, прекрасная Мейзи. Вы се-
годня очаровательны! (*Бегемотикам.*) Дети,
что нужно сказать тёте?

Мотики (*хором*). Хрю-хрю-хрю. (*Третий, под-
прыгивая.*) Ква-ква!

Мейзи. Ах, какие нежные, прекрасные ма-

лютки! (*Подходит к квакающему.*) А что с этим ребёнком?

Бегги. Ах, миссис Мейзи, он проглотил сегодня утром лягушку!

Мотик (*подпрыгивая*). Ква, ква!

Мейзи. Целую лягушку?!

Бегги. Да, целую.

Мейзи. Бедняжка, мне его так жалко! Но это пройдёт, уверяю вас, я ведь тоже мать, я знаю.

Бегги. Спасибо, миссис Мейзи, спасибо.

Мейзи. Ах, я не могу ими налюбоваться, они такие воспитанные. (*Бегемотикам.*) Детки, а что вы умеете делать?

Мотики (*хором*). Хрю-хрю-хрю... Ква-ква...

Бегги. Я не могу на них жаловаться, они у меня очень прилежные. (*Обращается к одному.*) Моти, прочитай нам стишок, который мы вчера выучили.

Бегемотик поднимается на пенёк.

Только не спеши, говори громко, с выражением и смотри на мамочку.

Мотик.

Я малютка-бегемотик,
Я люблю болото,
Когда вырасту большой,
Стану бегемотом!

Мейзи. Bravo! Bravo! Чудесно. Ах, какой он прекрасный! На него нельзя смотреть без умиления... Дай, маленький, я тебя поцелую... (*Целует Мотика.*) Миссис Бегги, они, должно быть, у вас и музыкой занимаются?

Бегги. Конечно. Если вы не возражаете, мы вам исполним нашу новую песенку.

Мейзи. Ах, пожалуйста, пожалуйста!

Бегги. Детки, приготовились. Три, четыре!

Мотики (*поют*).

Ходит мама вместе с нами,
И звенит наш громкий смех.
Есть у всех малюток мамы,—
Наша мама лучше всех!
Мы беге-беге-мотики-пузанчики,
И ротики у нас, как чемоданчики,
Животики у нас, как барабанчики,—
Таковыми, таковыми,
Таковыми мы у мамы родились!

Бегги.

Ах, мои родные дети,
Пусть звенит ваш громкий смех,
Много малышей на свете,
Но мои милее всех!

Мотики.

Мы беге-беге-мотики-пузанчики,
И ротики у нас, как чемоданчики,
Животики у нас, как барабанчики,—
Таковыми, таковыми,
Таковыми мы у мамы родились!

Мейзи (*растроганно*). Ах, я не могу! Это прелестно! У меня нет слов. Я должна их всех расцеловать.

Бегги. Миссис Мейзи, вы, должно быть, чудесная мама. Скажите, как поживают ваши бегемотики?

Мейзи. Ах, что вы, мой бегемотик называется птенчик... мой будущий птенчик. Одно яичко, такое чудесное!

Бегги. А где оно?

Мейзи. Оно?.. Ах, я совсем забыла! Который теперь час?

Бегги. Скоро вечер.

Мейзи. Я его оставила всего на полчаса.

Бегги. На произвол судьбы?

Мейзи. Нет, на мистера Хортона.

Бегги. Мистера Хортона? А оно выдержит?

Мейзи. О, что вы! Он такой осторожный, такой добрый!

Бегги. Я имею в виду дерево.

Мейзи. Ах, конечно, я должна немедленно лететь домой, к своему будущему птенчику... Немедленно!

Бегги. Конечно, конечно, дорогая Мейзи. Берите своего птенчика и поскорее возвращайтесь — сейчас здесь начнётся выступление знаменитого цирка «Симпомпони», специальная программа для детей. Мы уже купили билеты.

Мейзи (*призадумываясь*). Ах, цирк — это прекрасно! Я так люблю цирк!.. Я постараюсь, но сейчас я должна лететь, я так задержалась. Ах, прощайте, миссис Бегги!

Бегги. Детки, что нужно сказать тёте?

Мотики (*вдогонку Мейзи*). Хрю-хрю-хрю... Ква-ква!

Мейзи летит. Картина меняется. Перед нами снова лес. Музыка становится тревожной.

Мейзи прилетела на то место, где стояло прежде дерево с её гнездом. Мейзи вертит головой, ищет его.

Мейзи. Неужели я заблудилась? Нет ни моего гнезда, ни мистера Хортона... Но этого не может быть, я узнаю все деревья... Ах, что я вижу! Вместо моего дерева — пень!.. Ах! Спасите! Помогите! На помощь!.. Ах, мой птенчик!.. Мой!..

Появляется обезьяна **Пепита** с оставшимися масками.

Пепита. Что? Что случилось? Пожар?! Ах, Мейзи, это ты!

Мейзи. Да, это я, Пепита, я.

Пепита. Поздно, поздно, опоздала!

Мейзи. Но где моё гнездо? Где мистер Хортон? Ведь он обещал...

Пепита. Обещал, обещал... Мистер Хортон с твоим гнездом уже давно выступает в каком-то знаменитом цирке! Все только об этом и говорят. В цирке, в цирке!

Мейзи (*спохватилась*). Ах, в цирке?

Пепита. Да: Они сейчас выступают на Пальмовом пляже. Разве ты не оттуда? Я продам последние маски и тоже побегу туда, в цирк! (*Убегает.*) Вот кому маски! Яркие маски! Последние маски!..

Мейзи. Ах, мой маленький птенчик!.. Ах! Цирк!.. Я лечу к тебе! Я лечу... Сейчас, сейчас!.. (*Улетает.*)

Сразу же опускается занавес с красочной надписью: «ЦИРК СИМПОМПОНИ». Слышны аплодисменты. Перед занавесом появляются два клоуна, в которых мы сразу узнаём мистера **Майкла** и мистера **Сайкла**.

Сайкл. Здравствуйте, дорогие зрители — Дети и родители!

Майкл. Цирк «СИМПОМПОНИ»
Побывал в Японии,
В Париже, в Италии
И так далее, и так далее!

Сайкл. Наше представление —
Редкое явление.

Майкл. Такого во сне не увидите даже!
Впервые на Пальмовом пляже!

Сайкл. Звери и птицы,
Заходите веселиться!

Майкл. Никому отказа нет.

С а й к л. Целый день открыт буфет!
М а й к л. Продаются в нём ириски и батончики.
С а й к л. И поджаренные с маком
с и м п о м п о н ч и к и! Ха-ха-ха!

М а й к л и С а й к л уходят. За занавесом аплодисменты и сразу музыкальный галоп. Занавес поднимается, и вокруг арены, среди нарисованной публики, мы видим миссис Беги с бегемотиками. По манежу под музыку скачут две лошадки-пони. Побегав, они поднимаются на задние ноги и танцуют чечётку. Затем кланяются и убегают.

З р и т е л и (*аплодируют*). Браво! Бис! Браво!..

Лошадки снова выбегают на поклон и убегают. Количество цирковых номеров желательно увеличить. На манеж выходят клоуны **М а й к л и С а й к л**.

М а й к л. Здравствуйте, мистер Сайкл!
С а й к л. Здравствуйте, мистер Майкл!
М а й к л. Говорят, сегодня у нас в цирке прекрасная публика, и среди всех самая образцовая мама, прекрасная миссис Беги с детками. Поприветствуем их!

Аплодисменты. Туш.

Б е г и (*смущённо*). Ах, что вы, что вы!.. Детки, поклонитесь и поблагодарите.
М о т и к и. Хрю-хрю-хрю... Ква-ква.
С а й к л. Итак, дорогие дети и мамы, следующий номер нашей программы...
М а й к л. Невиданное в мире чудо! Только у нас! Только в цирке «Симпомпони»!
С а й к л. Слабонервные лица, просим всех удалиться! Родители, во избежание опасных явлений просим взять детей на колени!

М а й к л. Выступает не зверь, не птица.

С а й к л. Чудовище-небылица.

Оркестр играет короткий туш. Майкл и Сайкл расходятся в разные стороны. Звучит мелодия колыбельной песни. На манеж выезжает дерево с Х о р - т о н о м, на голове которого клоунский колпак. К груди он прижимает яйцо. Бурные аплодисменты. Клоуны раскланиваются.

Б е г и. Ах, это мистер Хортон! Это гнездо миссис Мейзи!

М а й к л. Такого чуда не видел свет! Знаменитей артиста не было и нет!

Влетает М е й з и.

М е й з и. Я здесь! Я уже здесь... Это я знаменитая артистка! Это моё гнездо!

Х о р т о н. О, миссис Мейзи?!

М а й к л. В чём дело? Почему на арене посторонние?

М е й з и. Я... Я не посторонняя... Я артистка!

С а й к л. Вы срываете программу!

М е й з и. Но это моё гнездо, джентльмены! Спросите у самого мистера Хортона. Скажите же им, мистер Хортон!

Х о р т о н. О миссис Мейзи, я вас уже не ожидал...

М а й к л (*Мейзи*). Сейчас же освободите арену, не то мы вызовем сюда полицию!

Сайкл свистит, публика свистит и кричит.

П у б л и к а. Давайте номер!

— Продолжайте программу!

— Долой её отсюда!

М а й к л. Уважаемая публика, тише! Тише! Сейчас мы во всём разберёмся. (*Мейзи.*)

Объясните, в чём дело, только без истерики, спокойно.

Мейзи. Хорошо, я успокоюсь... Если вы хотите — успокоюсь, хорошо... Значит, так, я попросила мистера Хортон сидеть полчасика в моём гнезде...

Снова свист и крики: «Долой её! Давайте номер!»

Майкл. Тише!

Пепита. Она и меня просила сидеть, ха-ха-ха.

Хортон. Это верно, мистер Майкл, я же вам говорил.

Мейзи. Мистер Хортон, уступите скорее моё место. Это моё гнездо.

Хортон. Но вы... Но я... я не могу, там птенчик... Я уже слышал, как он стучит клювиком.

Мейзи. Птенчик! Мой птенчик!

Хортон. Да, да, мой птенчик!

Мейзи. Ах, что он говорит?

Майкл (*Мейзи*). Успокойтесь, успокойтесь!

Мейзи. Но у слонов не бывает птенчиков. (*Дергает Лемура.*) Мистер Лемур, мистер Лемур, подтвердите!.. Проснитесь же! Вы слышите?!

Беги. Какой кошмар! Мои крошки, Мотики, скорее ко мне, ко мне!

Лемур (*просыпаясь*). А? Что? Где я?

Мейзи. Скажите всем, что это моё гнездо.

Лемур (*зевая*). Мда, моё... хр-р-р! (*Снова засыпает.*)

Мейзи (*продолжая тормошить*). Посмотрите же хорошенько, кто в нём сидит!

Лемур (*не спеша разглядывает*). Ну, слон... мистер Хортон. А что?

Хортон. Тише!.. Тише! Пожалуйста, тише!

(Прислушивается.)

Слышен стук.

Вы слышите? Слышите?

Мейзи. Стучится! Стучится!.. Ах, сейчас он появится на свет и все его увидят, маленького птенчика... Сейчас...

Раздаётся треск, и яйцо наполовину раскрывается.

Хортон. Выходи, мой маленький, не бойся!

Доносится тоненький звук.

Мейзи. Скорее же, скорее!

Майкл *(шёпотом)*. Господа, тише, тише!

Вслед за радостной музыкой, короткой музыкальной фразой, из яйца выпархивает маленький розовый слонёнок с крылышками и тоненько трубит.

Мейзи *(отпрянув)*. Ах!

Зрители. Ах!

Слонёнок *(отчётливо трубит)*. Па-па!

Хортон *(принимая слонёнка в объятия)*. Мой!..

Мой маленький, моя слоноптичка!

Пепита. Ай да Хортон! Слава доброму Хортону!.. А тебе, Мейзи, так и надо!

Беги *(Мейзи)*. Успокойтесь, успокойтесь, пожалуйста... не надо...

Мейзи. Ах, я сама, сама виновата! Я даже взлететь не в силах...

В это время слоноптичка стала летать над ареной, а за ней, трубя, полетел и счастливый Хортон, повторяя.

Х о р т о н. Мой, мой, моя слоноптичка!
Звучит песня-финал.

**Как сон быстrokрылый, кончается сказка,
И детству, как прежде, верна,
Волшебные краски и щедрую ласку
Нам всем оставляет она.
И песни свои в новый путь собирая,
К другим она мчится скорей,
Чтоб дети повсюду, смеясь и играя,
Росли и сильнее, и добрей.
Смелей же, дружок, помаши над собою
Фантазии ярким крылом,—
Кто сказочной нашей прошёлся тропюю,
Счастливым вернулся в свой дом...
Как сон быстrokрылый, кончается сказка,
И детству, как прежде, верна,
Волшебные краски и щедрую ласку
Нам всем оставляет она...**

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕВИН В. А. Я ЗАВИДУЮ ТЕБЕ, УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ...	5
---	---

НЕПОСЕДЫ

Непоседа, Мякиш и Нетак	10
Приключения шахматного солдата Пешкина	117
Крылатая Звезда	212
Мышонок Мыцук	362
Самолётный воробей	403
Такой мальчик	407
Радидон и Харитон	411
Отчего башмаки попросили каши	419
Максик и Бублик	421

КАЛЕЙДОСКОП

Калейдоскоп	424
Что такое детский сад	424
Странный дождь	425
Начало	425
Пластелин	426
Однажды	426
Дружная семейка	427
Метро	427
Вот почему	427
Театр кукол	428

ОКОЛО ЧУКОККАЛЫ

Страна фантазия	429
Песенка про краски	430

Около Чукоккалы	431
Я рад сообщить	432
Не яблоня, не слива	434
Теле-Лиза	435
Клей	436
Дядя Федя...	437
Новый дом	438
Села муха...	439

СКАЗКИ

Шах и Ахмед	441
Чашкины именины	442
Разговор со львом	445
Про Петю-деда...	448
Артист	452
Про славную Коровушку Настурцию Петровну	462

ПЬЕСЫ

Мишкины шишки	478
Добрый Хортон	497

Литературно-художественное издание

Чеповецкий Ефим Петрович
НЕПОСЕДЫ

Избранные произведения

Стихи, сказки, пьесы

Для младшего
школьного возраста

Предисловие
Левина Вадима Александровича

Художник
Рубина Ольга Николаевна

Редактор В. И. Кличак. Художественный редактор Д. П. Присяжнюк.
Технический редактор Т. В. Осталецкая. Корректоры А. В. Василюк,
В. Д. Бондарь.

ИБ № 5030

Сдано в набор 14.03.88. Подписано к печати 30.10.88. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура Бодони. Печать
высокая. Усл. печ. л. 27,72+вкл. (0,84)=28,56. Усл. кр.-отт. 31,08.
Уч.-изд. л. 20,23+вкл. 1,0=21,23. Тираж 100 000 экз. Заказ 8—1384.
Цена 1 р. 30 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Васалка»,
252655, Киев, ГСП, Мельникова, 63.

Главное предприятие РПО «Полиграфкинг»,
Киев-57, Довженко, 3.

Чеповецкий Е. П.

- Ч 44   Непоседы: Избранные произведения:**
Стихи, сказки, пьесы: Для мл. шк. воз-
раста / Предисл. В. А. Левина; Худож.
О. Н. Рубина.— К. : Вэсэлка, 1989.— 526 с.:
ил.— ISBN 5-301-00433-6.

В книгу известного советского писателя вошли избранные
стихотворения, полюбившиеся юному читателю сказки, а также
пьесы, адресованные театрам для детей.

Ч 4803010205—043
M206(04)—89 64.89

ББК 84Р7

---

1. р. 30 к

